

МЭНЛИ ХОЛЛ

АДЕПТЫ
ВОСТОКА

Annotation

Загадочное Братство Адептов, хранящих могущественное Знание об основах мироздания, оказывающих неизменно благотворное влияние на судьбы отдельных людей и целых народов всегда влекло к себе и служило примером для подражания всем стремящимся к продвижению на духовном Пути.

В книге выдающегося американского исследователя, Мэнли П. Холла собраны исторические данные и легенды народов мира, свидетельствующие о существовании и непосредственном участии в делах человечества великого Братства Учителей.

В настоящее издание вошли первые четыре части монографии, выпущенные автором отдельными книгами на протяжении 1953–1975 гг. Пятая, заключительная часть — «Почитаемые наставники джайнов, сикхов и парсов» — увидела свет в 1985 г. и ждёт своего перевода на русский язык.

- [Мэнли П. Холл](#)
 - [От редакции](#)
 - [Книга первая: СВЕТ ВЕД](#)
 - [Введение](#)
 - [Происхождение брахманизма](#)
 - [Иерархия Адептов](#)
 - [Веды](#)
 - [Вайвасвата Ману](#)
 - [Риши](#)
 - [Гора Меру](#)
 - [Парашара](#)
 - [Шесть систем](#)
 - [«Бхагавадгита»](#)
 - [Брахманические мистерии](#)
 - [Шанкарачарья](#)
 - [Гуру](#)
 - [Книга вторая: АРХАТЫ БУДДИЗМА](#)
 - [Введение](#)
 - [Жизнь Будды](#)
 - [Северная и южная школы](#)
 - [Ашока и «золотой век» буддизма](#)

- [Хуань Цзян, историк раннего буддизма](#)
- [Наланда, азиатский Оксфорд](#)
- [Лоханы и святые буддизма](#)
- [Миграции буддизма](#)
- [Буддизм в Японии](#)
- [Бодхидхарма, патриарх секты дзэн](#)
- [Кобо Дайси, основатель секты сингон](#)
- [Секта нитирэн](#)
- [Истоки тибетского буддизма](#)
- [Великий гуру Падмасамбхава](#)
- [Цонкапа, Лютер Тибета](#)
- [Жэцун Миларепа, великий тибетский мистик](#)
- [Эпическая поэма о Гэсэр-хане](#)
- [Чанг Шамбала, Священный Город](#)
- [Книга третья: МУДРЕЦЫ КИТАЯ](#)
 - [Введение](#)
 - [Мудрецы Китая](#)
 - [Древние Мастера](#)
 - [Лао-цзы](#)
 - [Конфуций](#)
 - [Мэн-цзы](#)
 - [Буддизм в Китае](#)
 - [Адепты даосизма](#)
 - [Ли Тайэ-куай](#)
 - [Чжун-ли Чжуань](#)
 - [Люй Дунбинь](#)
 - [Лань Цзай-хо](#)
 - [Чан-куо](#)
 - [Хань Сян-цзы](#)
 - [Цао Куо-цзю](#)
 - [Хо Сянь-ку](#)
 - [Влияние раннего христианства в Китае](#)
 - [Тайные общества Китая](#)
 - [Восточная алхимия](#)
- [Книга четвёртая: МИСТИКИ ИСЛАМА](#)
 - [Введение](#)
 - [«Во имя Господа, Сострадательного и Милосердного»\[128\]](#)
 - [Мухаммед, пророк ислама](#)
 - [Достославный Коран](#)

- [Хиджра](#)
- [Ночное путешествие](#)
- [Возникновение ислама](#)
- [Религиозная философия в исламе](#)
- [Тимур-шах](#)
- [Акбар Великий](#)
- [Основы исламского мистицизма](#)
- [Обитель Мудрости](#)
- [Увеселения арабских ночей](#)
- [Правоверные братья](#)
- [Культ Ангела-Павлина](#)
- [Друзы Ливана](#)
- [Братство дервишей](#)
- [Джалал ад-дин Руми, великий дервиш-адепт](#)
- [Суфии, мистики Персии](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)

- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)

- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)

- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)

- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)

- [258](#)
 - [259](#)
 - [260](#)
 - [261](#)
 - [262](#)
 - [263](#)
 - [264](#)
 - [265](#)
 - [266](#)
 - [267](#)
 - [268](#)
-

Мэнли П. Холл
АДЕПТЫ. ЭЗОТЕРИЧЕСКАЯ
ТРАДИЦИЯ ВОСТОКА

От редакции

Пожалуй во все времена существования человечества, в его среде в той или иной форме существовало и некое Великое Знание, содержащее сокровенные тайны мироздания и человеческой души, таинство единения земного и небесного. И всегда, в любом уголке планеты были люди стремившиеся к этому знанию, собиравшие и хранившие его. Однако смысл их жизни заключался не только в овладении существующим уровнем оккультной науки, но и в её развитии, с тем, чтобы передать вновь познанное следующим искателям, которые приложат свой труд и внесут свой вклад, продолжив тем самым неуклонное продвижение от известного в Великое Неведомое.

Но не только люди совершенствовали это Знание. Само оно — по мере того как человек впитывает его — коренным образом преобразует, совершенствует овладевающего им, и тот, поднимаясь по крутым ступеням духовного познания, сам становится источником священного знания для обычных людей. Многие из таких сверхлюдей (именуемых разными традициями Бодхисаттвами, Махатмами, Адептами...) оставляли свой яркий след в духовной культуре народов, и мы можем видеть это в любую эпоху на любом континенте. Они порождали и обновляли религии, философские школы, оккультно-мистические учения. Сами их жизни стали путевыми вехами и примером для подражания десятков поколений. Многие, объединяясь, создавали эзотерические посвятительные центры, которые с одной стороны хранили тайное знание о Вселенной и системы психо-духовной практики, а с другой — повседневным трудом стремились способствовать развитию духовного сознания простых людей. В целом же, согласно самым разным религиозным традициям и прозрениям мистиков, Адепты составляют единое Великое Братство, которое во все времена направляло духовное развитие человечества, последовательно внедряя в сознание народов всё новые знания, моральные и духовные качества, установки и устремления.

Предлагаемая читателю книга является первой частью фундаментального труда, посвящённого исследованию и обобщению материалов, связанных с работой Братства Адептов в истории человечества, с жизнью и деятельностью тех, кого принято называть Великими Посвящёнными. Она принадлежит перу одного из наиболее выдающихся и известных американских исследователей середины XX века,

посвятивших свои труды всестороннему изучению эзотерической философии. На протяжении всей своей весьма плодотворной творческой жизни Мэнли Палмер Холл написал более ста пятидесяти книг и брошюр, множество журнальных статей, прочёл около семи с половиной тысяч лекций в различных странах.

Эта книга появилась в результате многолетнего кропотливого труда автора, собиравшего необходимый материал на протяжении более чем двадцати лет (с 1953 по 1975 год) и является одним из наиболее полных собраний исторических сведений — как легенд, так и достоверных свидетельств — освещающих само существование и деятельность загадочного Братства Адептов.

Вторая часть этого труда, изданная нашим издательством посвящена эзотерической традиции Запада, включая Европу и Америку.

С. Д. Фролов

Книга первая: СВЕТ ВЕД

Введение

Во всей религиозной литературе мира встречаются многочисленные упоминания об обществе просвещённых людей, являющихся хранителями основной мудрости расы. В период средневекового возрождения герметической традиции в Европе высшие посвящённые этого тайного братства назывались Адептами, так что представляется обоснованным и целесообразным сохранить этот термин и название. Современные писатели собрали обширный справочный материал по традиции адептства, но до сих пор отсутствовал труд, который можно было бы рассматривать как систематический обзор исторического аспекта этого вопроса. Разрозненных сообщений ещё недостаточно, чтобы объяснить понятие «Адепт». Существование развитых духовных типов, уже действующих в организованном человеческом обществе и через него, считается само собой разумеющимся у членов многих религиозных групп. Даже если бы само существование Учителей-Адептов было искусно скрыто, не слишком трудно восстановить главную тему по имеющимся вехам.

Психологи склонны истолковывать концепцию Адептов как расширение и облагораживание возникшей в человеческом сознании идеи народного героя. То, что героическая личность означает для отдельного человека, то же и школа Адептов («героическая раса» греков) значит для коллектива.

Человек, уверенный в своих потенциальных возможностях, о которых никто и не подозревает, при том, что его уверенность подкрепляется исторической панорамой развития человечества, без труда принимает доктрину, которая учит, что некоторые представители его собственного рода уже вышли в своём развитии за ограничения, налагаемые неразвитыми способностями и неизведанными ресурсами сознания. Невозможно отрицать, что великие мудрецы, основатели религий и менее известные мистики и святые открыли в себе необычайные источники духовного озарения и мужества. Не признать вдохновенное руководство значит подорвать благороднейшие убеждения расы. Материалистическая попытка объяснить все мистические откровения разными формами галлюцинаций бездоказательна и совершенно неудовлетворительна.

Во вселенной есть доказательство существования высшего интеллекта, проявляющегося в постоянном развитии живых организмов из самих себя и в соответствии с непреложными законами. Высший источник сознания,

интеллекта и энергии древние называли Богом. Попытки развить идею Бога были сопряжены с необходимостью снабдить её привычными атрибутами. Со временем сама эта идея отошла на второй план, а Божество стали считать грандиозной личностью, подвергавшейся всевозможным ограничениям, налагаемым в зависимости от принятого толкования. Уже ранние размышления на эту тему дали толчок развитию концепции существования троицы, состоящей из Бога, мира и человека.

Бог был далёким, недостижимым и по существу непознаваемым, мир — театром божественного проявления, а человек — благородным продуктом эволюционных процессов. В стародавние времена человеческий разум счёл необходимым заселить качественный интервал между Богом и человеком. Хорошо известные примеры свидетельствовали как о стремлении решить эту проблему, так и об осуществлении этого.

Нация, или государство, состояла не только из правителя и его подданных. Глава государства был беспомощен без руководящего органа, который проводил в жизнь его волю и его законы. В древнем мире предпочтение отдавалось монархической форме государственного правления. Человек в силу своего внутреннего содержания имел право на то, чтобы им правили в соответствии с конституцией. Человеческому существу принадлежала привилегия оказывать влияние на управление его собственными делами, но при этом он нуждался в руководстве, если приходилось решать более сложные вопросы, которые выходили за рамки его личного опыта. Вот так и вышло, что религиозные и философские системы представляли Бога действующим через божеств-покровителей, а они формировали аспекты конечной верховной власти. Следовательно, интервал между Богом и человеком был заполнен нисходящими чинами, или иерархиями разумов, которые были описаны Святым Павлом как престолы, доминионы и девять ангельских чинов.

В то же самое время человечество приняло вызов обитателей этого интервала и стремилось возвыситься до осознанного понимания Иерархии^[1] через дисциплины духовного развития.

Единственным, что имелось в распоряжении для подобного восхождения к знаниям, была способность сознательного восприятия, замкнутая в сложном человеческом существе. Были созданы системы посвящения в форме мистерий для обучения науке возрождения человека, согласно которой внутренние способности души можно было стимулировать и раскрывать в соответствии с законами, управляющими подобными процессами в природе. В течение тысячелетий эти священные институты процветали совместно, а те, кто достигали мастерства,

назывались посвящёнными. Это были не просто люди, получившие знания возвышенного толка; их более высокое развитие было результатом высвобождения внутренних способностей познания Бога. Через этих посвящённых учителей миру постепенно открылось существование традиции адептства. Вся доктрина исходит из одного главного допущения, а именно, что создание может познать Создателя. Далее считалось, что если такой возможности не существует, то и человеческое существование бесцельно.

Об Адептах иногда говорят как о народе, населяющем континент между небесами и землёй. Это значит, что тайное братство представляет собой не некое отдельное творение, а служит предзнаменованием человеческой судьбы. В конце концов действие естественного закона освободит способность внечувственного восприятия у большинства человечества. Поэтому посвящённые учителя упоминаются как Старшие Братья, которые уже достигли высшего состояния благодаря преданности благороднейшим идеалам, способным вдохновлять поведение смертного.

Расширение знаний приносит мастерство, что и подразумевает слово «адепт». Удивительные рассказы, являющиеся неотъемлемой частью традиции адептства, свидетельствуют о прибавлении мудрости. Адепт не маг, а мудрец. Он не подчиняет своей воле естественный закон и не вторгается в его структуры. Он просто пользуется ресурсами Природы, которые его внутреннее сознание делает доступными.

Так как предание об Адептах дошло до современного мира благодаря миграциям арийских народов, то уместно начать первый раздел настоящего труда с религиозных мистерий индуизма. По ходу повествования будет становиться более явной степень признательности к восточной мудрости. В тексте встречаются незнакомые имена и непривычные термины, но они объясняются по мере их использования и не должны смущать читателя. Риши древней Арьяварты были первыми арийскими Адептами; от них пошли удивительные доктрины и учения, которые Восток почитает ныне как Свет Вед.

Мэнли Палмер Холл

Лос-Анджелес, Калифорния

Происхождение брахманизма

Название *дравиды*, или *дравидийцы*, обычно относят к туземным неарийским народностям, которые с древности населяли ту часть Индии, что простирается от гор Виндхья до мыса Коморин. Согласно древним учениям, темнокожие дравидийцы принадлежат к народам, населявшим Атлантиду^[2]. В результате ранних миграций ариев с севера или, возможно, по причине перенаселённости внутри их собственной культуры^[3], дравиды, относящиеся к урало-алтайской языковой группе, перекочевали с территории Пенджаба и побережья Ганга в центральную и южную провинции Индии, где проживают и по сей день. Число дравидийцев составляет около 47 000 000, говорят они на одиннадцати различных диалектах^[4]. Они оказывали значительное влияние [на индоариев] в сфере морали, а их права и привилегии [сохранялись и] передавались из поколения в поколение. Дравидийцы не придерживались кастовой системы, однако лишь до тех пор, пока среди них не поселились брахманы.

До проникновения в их среду ариев они признавали только два класса: патрициев и плебеев. Доброжелательное отношение и помощь со стороны буддистов и джайнов способствовали преодолению неприязни, которую дравидийцы испытывали к представителям арийской расы. Произошло своего рода смешение различных культур, что и явилось решением многих ранее возникших проблем. Доарийские дравиды, по всей вероятности, пользовались аккадским лунным календарём и создали свою мифологию, включавшую сказания о тридцати трёх божествах, принадлежащих к астротеологическому пантеону.

Как свидетельствуют древние руины и сохранившиеся социальные институты, в жизни дравидийцев, видимо, сочетались примитивные обычаи и высокий уровень развития культуры. Они исповедовали тотемизм, сооружали монолитные монументы и признавали родство по женской линии, а также создали обширную и весомую литературу и весьма преуспели в ремёслах.

Фактически древние дравидийцы ведут своё происхождение, по меньшей мере, от четырёх расовых корней, включая предков ариев. Именно среди столь неоднородного населения и возникла брахманическая религиозная философия. Самые ранние индусские писания обнаруживают отход от дравидийского поклонения стихиям и явлениям, связанным с процессом продолжения рода. Преобладающее влияние особенностей

расовой принадлежности ариев в среде примитивных народов и определило основное направление культурного развития.

Подчёркивая важность брахманического учения, Елена Вильман-Грабовска пишет: «Вопреки богатой событиями истории, на самом деле именно брахманизм создал индусов, выделив их из ариев, дравидийцев и индусов-аборигенов; именно брахманизм способствовал моральному и социальному единению Индии и в некотором роде создал нацию этой страны»^[5]. Брахманизм — это система религиозных обрядов и институтов, основанная и развитая брахманами, жреческим классом ариев-индусов. Первоначально слово *брахман*, очевидно, означало: *жрец, или человек, который соблюдает обряды, предписанные для последователей Брахмы*. С течением времени эта каста приобрела власть над арийскими народностями в Индии и при постепенном расширении сферы её влияния заняла наконец положение правящей иерархии. С ростом всеобщего признания превосходства брахманизма в политической и социальной сферах, всё большее распространение с одновременным совершенствованием получила его религиозная философия, что вылилось в так называемый брахманический период индуистской культуры.

Сэр Монье-Уильямс проследил историю развития религиозной мысли в Индии на протяжении трёх последовательных этапов, которые он назвал ведизмом, брахманизмом и индуизмом. При такой классификации ведизм определяется как период откровения, брахманизм — период организации и индуизм — период толкования. Немалое влияние на развитие религиозных убеждений индийцев оказывали условия, преобладающие в стране в этот важный период формирования мышления.

Когда арии, или индоарии, спустились в Индо-Гангскую долину, они отгородились от дравидийцев расовым барьером, защитив тем самым также и свою культуру. Желая воспрепятствовать исчезновению своей национальной самобытности, арии постепенно объединились и сформировали привилегированную социальную группу. И хотя этот замысел так никогда и не был полностью осуществлён, он явился лейтмотивом тех частей ведических текстов, главной мыслью которых стало сохранение чистоты арийской расы.

В первых арийских племенах, по-видимому, существовало деление на три класса: жрецов, воинов и земледельцев. Они сплотились вокруг своего философско-религиозного центра и постановили, что неарийское население не должно пользоваться правами и преимуществами привилегированных классов.

Усилившееся с течением времени обособление привело к

формированию кастовой системы со строгим соблюдением традиций. Дальнейшее углубление кастовых различий закончилось тем, что брахманы, или каста жрецов, приобрели полномочия и привилегии, не сравнимые ни с одним классом священников на протяжении всей истории человеческого общества.

Обзор результатов исследований и заключений западных историков свидетельствует о состоянии общей неразберихи и поразительном отсутствии хронологических данных. Создаётся впечатление, что показную пышность индийской цивилизации нельзя объяснить с исторической точки зрения. Поскольку известно, что большинство религиозных систем сталкиваются с подобной трудностью, индуизм можно назвать классическим тому примером. Для объяснения почти полного отсутствия фактической хронологии было выдвинуто множество самых разных толкований, в частности, что до 5-го столетия до нашей эры индусы не имели соответствующей письменности, а значит — и не имели возможности сохранить последовательное изложение своих устных преданий. Однако, как обычно, эта гипотеза входит в противоречие с кажущимися очевидными, но противоречащими ей фактами. При изложении индусских преданий проще всего воспользоваться знакомой строкой, с которой начинаются почти все сказки: «Жил-был когда-то...»

Индусские собиратели и толкователи фактов имели природное азиатское воображение. Неизменно пользуясь астроматематическими формулами древних брахманов, они в результате получили хронологические данные таких невероятных пропорций, что сами пришли в полное изумление. Эти открытия встретили полное неприятие со стороны западных учёных, находящих утешение в убеждённости, что арийская культура возникла во 2-м тысячелетии до нашей эры. Однако справедливости ради следует отметить, что, согласно высказываниям великих мудрецов Индии, примитивный брахманизм, из которого развились все более совершенные системы, возник в северной части центральной Азии никак не менее 100 000, а возможно даже 1 000 000 лет назад.

И ни в какой словесной перепалке не родится истина в отношении древности Вед. Все даты в ходе повествования будут вводиться там, где это представляется обоснованным с любой точки зрения, причём в отношении каждой из них достигнуто, можно сказать, некоторое соглашение между авторитетными источниками.

Поскольку темой настоящего обзора главным образом являются истоки традиции адептства, то критический анализ брахманической

религии представляется нецелесообразным. Столь удивительна по своей сути доктрина, столь глубоко и всеобъемлюще её раскрытие, что любая попытка краткого и при этом удовлетворительного её изложения окончилась бы неудачей. И всё-таки без общей схемы, производной от величественной системы индуизма, невозможно объяснить, что собой представляет Невидимое Правительство Мира.

Концепция адептства, как её воспринимают сейчас в различных частях света, по своей сути брахманическая и подтверждается и разъясняется школами индийской философии. Учёным, стремящимся раздобыть дополнительные сведения, следует обратиться к таким источникам, как *упанишады*, *брахманы* и *пураны*. Главные идеи, заключённые в этом обилии религиозной литературы, вновь появляются в буддизме и его учениях, где рассказывается о буддах, бодхисатвах и архатах.

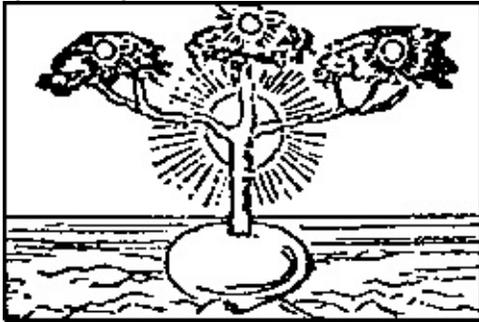
Древние индусские поэты ясно осознавали, что правомерность их этических, нравственных и социальных наставлений находится в прямой зависимости от теокосмологических изысканий. Без постижения хотя бы в малой степени природы вечно сущего принципа, возникающих из него божеств, строения вселенной, зарождения жизни на земле и духовных потенциалов собственно человека, законы и институты официальной религии оказались бы бесплотными призраками.

Следовательно следует считать обычной практикой представление трудов религиозных авторов и даже великих исторических и литературных эпосов с сокращёнными вариантами священных теогонических и антропологических повествований. Таким образом принципиальные вопросы, обсуждаемые в отдельной работе, приводятся в надлежащее соответствие с главной темой. Представляется разумным следовать такому плану в рамках его прямого отношения к традиции адептства.

Не следует, однако, забывать, что происхождение Иерархии Адептов само по себе является лишь одним из аспектов индусской концепции вселенной, которая имеет касательство к судьбе человека и является главным брахманическим ключом к тайне эволюционных процессов, раскрывающихся посредством человечества.

Большинство древних народов рассматривали аналогию как наиболее удобный и простейший из мыслительных процессов. Закон этот заключён в герметической аксиоме: «Как вверху, так и внизу». Божественная воля действует через посредство главной модели, а творение — это утверждение этой модели. Вселенная развёртывается божественным разумом в бесконечной последовательности повторяющихся воплощений основной модели на разных планах, или уровнях. Таким образом, миры, расы,

институты и все материальные тела представляют собой микрокосмы, или миниатюры первоначального замысла. Они различаются величиной (размером) и многообразием (количеством их частей), но только не тем, что составляет сущность их природы. Постичь что-то одно — это понять формулы всего. Все структуры — от мельчайшей до величайшей — раскрывают Главный План, а сам План разоблачает Проектанта. В этой упорядоченной схеме вещей нет места ничему нелогичному или неразумному.

Вселенское древо индусов.

Брахманы провели тщательное изучение тела Бога (мироздания) с точки зрения анатомии, физиологии и биологии. Продолжая исследования, они пошли дальше, а именно, поняв, что человек имеет разум и сознание, действующие через посредство умственных способностей, они повернули свой ключ аналогий в замке и открыли дверь, ведущую из видимой вселенной следствий в невидимую вселенную причин. Они установили наличие первичного творческого импульса как возникающего на плане божественного сознания, раскрытия сотворённых вещей — на плане божественного разума и тел сотворённых вещей — на плане божественной формы.

Над этим огромным построением они поместили Иерархию управляющих сил, которые сами по себе являются атрибутами Верховного Существа. Эта Иерархия подобным же образом — в порядке от высшего к низшему — пронизывала уровни творения, формирования и воспроизводства, а на её низшей ступени был Гуру, почтенный учитель, или мудрец. Гуру, окружённый своими учениками, есть микрокосм вселенской мудрости, его предназначение — служить всему живому, а кроме того быть средством для полного её (мудрости) истолкования.

Таким образом, вселенная есть микрокосм космической мудрости, храм — микрокосм вселенского сознания, правительства наций — микрокосмы сообщества богов на Мере, горе Мира. Вечная Сила, понимаемая в смысле Вечного Учителя, вдыхает душу в концепцию

учения. Тело учения — наука, разум учения — философия, дух учения — религия. Первоначальные касты, или классы раннего арийского общества, таковы: учёные и художники формируют касту вайшьев, землепашцев богов; философы относятся к касте кшатриев, воинов, то есть защитников истины. Священники — каста брахманов, поскольку в ходе учения наибольшую значимость имеют духовные знания. Религия — это не простая приверженность теологической системе, но духовная наука, совокупность всех знаний и подчиняющаяся строгим правилам дисциплина раскрытия человеческого сознания к познанию сути самой истины.

Согласно брахманской антропологической концепции, человеческая волна жизни делится на семь великих расовых потоков. Современные теософские мыслители дают этим расам следующие названия: полярные жители, гиперборейцы, лемурийцы, атланты и арии. Шестая и седьмая расы пока ещё не прошли стадию дифференциации, ибо они принадлежат будущему. Раскрывая специфический характер подобного деления на расы, следует отметить, что упоминание о полярных жителях, гиперборейцах и большинстве лемурийских групп как о видах имело целью подчеркнуть, что они ещё не достигли состояния настоящих человеческих существ. Четвёртая раса — атланты, смешавшись с остатками поздних лемурийцев, положила начало расселению атлантических народов. В соответствии с брахманической антропологией, атлантическая культура явилась границей раздела инволюционной и эволюционной дуг человеческого развития.

Культ умирающего бога, ставший одной из наиболее важных вех в истории происхождения эзотерической традиции, как полагают, впервые возник в Атлантиде, а значит, он уже существовал в среде дравидийцев в период вторжения ариев.

Отголоски доктрины о боге-спасителе, принявшем на себя грехи мира ради спасения своих детей, встречаются во всех главных разделах арийской религии. Пережив крушение язычества, эта доктрина сформировала ядро адвентизма^[6] и мессианского отправления правосудия.

В более древней доктрине божественная жертва добровольно принимает смерть, чтобы спасти свой мир. Он, облекшийся в плоть, родился как человек, страдал и умер ради спасения всех людей. В эзотерических школах ученики стремятся освободиться от иллюзии мира, причём отнюдь не просто во имя эгоистических целей, но чтобы через них великий «кающийся грешник» мог получить отпущение грехов. В ходе эволюционного процесса одновременно достигаются две цели: человечество постепенно подводится к тому, что предначертано судьбой, и в то же время освобождается сам «спаситель», отождествивший себя с

первоосновой человеческой жизни.

Божества брахманизма — это персонифицированные атрибуты вселенского сознания и вселенского разума. Теология раскрывается в более высоких измерениях сферы причин. Боги, то есть те, кто развивает божественный замысел, порождают организмы и вдыхают в них душу. Материальный мир с его бесконечным разнообразием — это вахан, или носитель форм реализации божественного замысла. Сознание едино в субстанции и многообразно в проявлении. Оно всепроникающее и путём медитации отображает внутри себя объективный космос.

Значит, мир поддерживается волей и йогой. Вселенская сила проверяет на практике творения, которые вначале себе представляет. Для того, чтобы на опыте познать продукты собственного мышления, эта сила сознательно признаёт реальность мысленных образов, отождествляется с ними и позволяет себе впитаться в них. Результатом этого непрерывного процесса придания видимой формы и отождествления становится полное проявление модели и полное погружение в неё самого принципа. Божество высвобождается в ходе обратного процесса, осуществляемого самим творением, постепенно побеждающим с помощью внутренней силы — Света Логоса — внешние проявления сна, которые реальны только пока они не познаны.

Работа Великой школы заключается в том, чтобы указать божественной силе, запертой в иллюзии, её собственный, ею же самой намеченный путь к освобождению.

Брама и Парашакти.

Сознательная мудрость создающей силы представлена здесь соединяющейся с женским аспектом под покровом тайны.

Исходя из допущения, что вселенная является неким сложным соединением, в котором всеохватывающее замкнуто внутри всеохватываемого, учёный-брахманист делил изучение этой проблемы на три части. В первой рассматривался грандиозный по масштабу и многообразию процесс, посредством коего боги (принципы сознания) нисходили в иллюзию, которой сами же и придали форму; во второй — реальное состояние этого сложного соединения в том виде, в каком оно раскрывается через одушевлённые и неодушевлённые творения, и особенно через самого символически значимого среди них — собственно человека; и, наконец, в третьей изучаются божественные науки, раскрывающие то, как в будущем сознание можно будет высвободить из формы путём изменения процесса, через который первоначально произошло его «втягивание» в форму. Этот метод освобождения сознания (богов) из состояния формоосознания через самоосознание в конечное состояние необусловленного осознания и составляет суть тайной науки Адептов.

Иерархия Адептов

Существует множество традиционных доказательств, подтверждающих, что *Ригведа* — это древнейшая из сохранившихся религиозных книг мира. Хотя текст и подвергался нескольким критическим пересмотрам, сохранённая неизменной древняя доктрина раскрывает основные принципы религиозно-философской системы первых ариев. Главная идея, составляющая ядро Ригведы, обросла множеством комментариев и толкований, явив миру удивительный клад древней мудрости. Как полагают индусские учёные, ведическая литература была передана богами через посвящённых учителей, чтобы управлять поведением расы, возникшей в нагорьях Гималаев. Агни, бог тайного огня, пересекал пространство в колеснице, запряжённой семёркой сверкающих лошадей, которыми были Риши, оберегающие и направляющие развитие эзотерической традиции.

Постепенно расселившись со своей родины, арии с течением веков стали господствующей на земле расой. В ходе длительной миграции арийские племена несли с собой свои законы и доктрины. Они не только создали системы теологии, но и способствовали широкому распространению знаний, организуя школы гуманитарных и естественных наук. Оставшиеся представители более старых рас, попавшие под влияние ариев, оказались под натиском доктрин ведической мудрости, что повлекло за собой бесчисленные реформации и новые истолкования прежних верований. Атланты были прародителями первых ариев, ведущих, вероятно, своё происхождение от древней семитской ветви атлантической расы. Разделение произошло, когда Вайвасвата Ману^[7] осенил своим присутствием или вдохновил один из древних кланов, или родовых семейств, предназначав, что ему суждено стать проводником новой расы.

В эзотерическом смысле все арийские народы являются частями одного психобиологического организма. Разделение произошло внутри одной расы, тогда как сама раса никакому делению не подверглась, будучи «выделенной» для высшей участи. Первой ветвью ариев стали индусы. Однако не совсем правильно было бы рассматривать ариев-индусов как отдельную субрасу — в действительности они были первой расовой структурой, возникшей благодаря им самим в их же собственной среде. Мудрецы и святые, появившиеся на заре индуизма, стали родоначальниками и духовными наставниками всего расового движения.

Как дерево сокрыто в своём семени, так и древних индусов называли прародителями, ибо ничто, не пройдя через них, не могло появиться на свет. От индусов, следовательно, произошли четыре другие субрасы, подобно тому, как шесть земных континентов появились из седьмого Нерушимого Острова. Каждая возникающая субраса несла с собой Свет Вед, а посему религиозные учения ариев следует рассматривать не как отдельные откровения, а скорее как ступени раскрытия одной грандиозной духовной концепции.

В каком-то смысле неуместно говорить об ограниченных периодах существования и конкретных названиях ветвей арийской расы, однако для удобства необходимо дать им хотя бы общее определение. Свойства времени и окружающей среды, а также изменения в результате смешения сохранившихся племён лемурийцев и атлантов создавали средства для проявления различных потенциальных возможностей арийской струи в потоке жизни. Вторая субраса получила название арийских семитов, а истоком их культурного наследия стала цивилизация Ближнего Востока, включая мавританскую и арабскую. Сохранилось крайне мало сведений из древней истории этих групп, причём не следует считать, что субрасовое племя всегда занимало ту область, где его находят сейчас. Третью ветвь ариев составляют иранцы, и всё, чем они обязаны Ведам, обнаруживается в *Зенд-Авесте* и пастырстве нескольких Зороастров. Современные парсы являются хранителями тайн, связанных с культурами огня, существовавшими у древних иранцев.

Четвёртую субрасу обычно называют кельтской, но её следует рассматривать как объединение групп греко-римской культуры. Изучение орфических доктрин обнаруживает многочисленные заимствования греками из культуры древней Индии. Пятая субраса известна как англосаксонско-тевтонская^[8], которая ныне занимает господствующее положение в мировых событиях. Великое движение, выявляемое последовательным происхождением субрасовых групп, есть движение от религиозного через философское к научному.

Существовало множество указаний на ведение меновой и биржевой торговли, и арий останется в памяти поколений как крупный коммерсант. Мотивом большей части его успешных дел было обеспечение перевозки и сообщения, а значит, где бы он ни появлялся, везде создавал рынки и торговые центры. Как следствие преобладающего воздействия ария возник созданный им же комплекс политических систем и сопутствующих им проблем. Ныне его духовное наследство так глубоко погребено под деятельностью в материальной сфере жизни, что он почти забыл своё право

первородства. Однако, всё ещё ограниченный массой связанных между собой священных книг, он, хотя и мучимый мыслями о бесчисленных сектантских разногласиях, тем не менее поклоняется имеющим самые разные имена богам первых ариев.

В ходе длительных и сложных расовых миграций арии приносили с собой и традицию адептства. И везде, куда падали лучи ведического света, возникали и успешно действовали тайные школы. Это духовное наследие послужило основой создания философской империи. Из одной ясной доктрины развились все искусства, науки, профессии и ремёсла, которыми ныне занимаются арии. Истины, издревле оберегаемые в обителях и храмах, заперты теперь в расовом подсознании. Арии, стремясь найти в себе ключи к тайне собственного происхождения и судьбы, соприкасаются с потоком откровения, изливаемого Вайвасватой Ману. Как видимое правительство ариев склоняется к мировому содружеству, которое есть не более чем воссоединение разбросанных обломков, так и внутренний опыт искателя истины открывает единый Свет, заключённый в крови расы.

Предкам ариев было раскрыто, что управление расовым развитием находилось в ведении неких попечителей. Эти Адепты-князя некогда были владыками правителей, ставших таковыми божьим соизволением. Этим Адептов, иногда называемых Трансгималайским Братством, закон Ману призывал руководить расой и без вмешательства в права человеческого существа обучать посредством опыта. Подобно смиреннейшему созданию внутри своего духовного имения, Адептам следует строго соблюдать вселенские законы и быть скорее слугами, чем Господами Великого Плана. Как мудрый родитель оберегает своего ребёнка, не затмевая его индивидуальности, точно так же и Иерархия может действовать только в соответствии с сознательной волей руководимого. Иерархия проявляется с того момента, когда человек начинает искать свет, однако прежде, чем наступит такое время, она не в состоянии навязать развитие.

Ману дал законы для регулирования общественного поведения, а Иерархия раскрывает божественный план для персонального развития. Сотни сект и школ стояли как ворота, ведущие в неизведанный мир. Те, кто прошли через эти ворота, открыли единую религию и единый порядок. Восточный мудрец и западный праведник идут одним путём, хотя некоторые из них и не осознают тождественности своих методов. Греки и китайцы, египтяне и персы, мусульмане и евреи исповедуют единую тайную доктрину ариев. Путь от несходства к согласию, от иллюзии к реальности — это всегда и везде путь йоги. Мир был введён в заблуждение различием языков и неверно понял слова, выражающие идеи. Все великие

учителя, ставшие основоположниками нескольких религий, ныне получивших широкое распространение среди арийских субрас, должны считаться Адептами, или святыми личностями, которые восприняли традицию адептства как переживание внутреннего сознания. Некоторые ничего не знали об источнике их вдохновения, а потому не могли утверждать единство доктрины. Каждый из них приходил именно в тот момент и в то общество, которое наиболее сильно нуждалось в духовном руководстве.

Независимо от целей Великой школы появились лидеры на интеллектуальном уровне, которые отнюдь не достигли внутренней чистоты. Сообразуясь исключительно с собственными пристрастиями и мнениями, они ввели в мир материалистические принципы поведения, которые сохранились только потому, что потакали личному эгоизму и невежеству. Такие доктрины, хотя и стали приемлемыми благодаря передаваемому из поколения в поколение одобрению, не могли быть согласованы с арийской мудростью. Разделять идеи подобных школ — значит постепенно приходить всё в большее замешательство, пока сердце и разум, испытав отвращение, не отвергнут то, что внутренне для них неприемлемо. И неважно, как долго разум следует ложным учениям, ибо внутреннее «я» не полностью подвержено их пагубному влиянию. Всегда обнаруживаются чрезвычайные обстоятельства, которые подвергают испытанию компетентность верования.

Постепенная концентрация внимания на верованиях и вероисповеданиях определяет переходный этап в человеческом развитии. С иллюзией необходимо соприкоснуться, познать её на опыте и преодолеть. Независимо от промежуточных обстоятельств, арии, став закалённее и мудрее, возвращаются к жизненному пути прародителей. Человек не властен над неизбежным, он имеет право только искать, открывать и принимать. Изначальная религия-мудрость разделилась на две великие ветви, сформировавшие восточные и западные школы мистерий.

Долгое время в этих религиозных институтах проходили посвящение подготовленные ученики и изучались священные науки. Восточное направление мистерий было подобно легендарному баньяну, ветви которого пустили на земле корни, став новыми деревьями. И именно таким образом буддизм осуществил необходимые реформы в Индии, а учения Лао-Цзы и Конфуция способствовали развитию духовной культуры Китая. Западные мистерии процветали в Халдее и во всём своём великолепии возродились в Египте. Египтяне объединяют в себе качества первых ариев и развитого племени атлантов. После провала реформ Эхнатона для египетской религии

наступили тяжёлые времена. Эзотерическая традиция, возродившись в Греции, была перенесена на Ближний Восток Моисеем, жрецом египтян.

Самыми знаменитыми в истории считаются греческие мистерии, однако, будучи перенесёнными на римскую почву, они мало-помалу приходили в упадок, пока наконец не прекратились совсем. Между тем, как из восточной, так и из западной школ выходили посвящённые философы, чьи системы постепенно приняли на себя всю тяжесть лидерства в умственной и духовной сферах. Адепты-посвящённые Пифагор, Платон и Аристотель были в действительности проводниками ведической доктрины. Пифагор несомненно имел непосредственный контакт с Индией, а Платону, попытавшемуся отправиться в подобное путешествие, помешали бушующие на протяжении всего маршрута войны. Во всей этой структуре чрезвычайно важное место отводилось идеалистической философии, образующей среднее звено между миром непосвящённых и классом посвящённых. Она притягивала к себе тех, кто смутно сознавали возможность лучшей участи, и призвала их подготовить свои сердца и умы к внутреннему просвещению. Таким образом внутренний мир каждого искателя истины превращался в святилище, где он мог достичь посвящения, даже если приходили в упадок физически существовавшие системы.

Именно на Ближнем Востоке, где встретились Азия и Европа, алхимия мистерий явилась почвой для создания таких общностей, как каббалисты, неоплатоники и гностики. Образование подобных групп можно сравнить с первыми попытками перекинуть мост между различными религиозными сферами и восстановить единство эзотерической традиции. Многого удалось добиться, однако мир оказался не готовым увековечить возникшие впоследствии институты, хотя они и выжили благодаря именам и учениям их знаменитых лидеров.

В раннем христианстве проявляются фрагменты многих систем, включая египетскую, греческую и халдейскую. Наследие это так и не получило всеобщего признания, в чём кроется страшная ошибка, которая ещё может иметь трагические последствия. Так была утеряна благоприятная возможность обнародования вселенской Доктрины, а Хранители Пламени были вынуждены, удалившись со сцены, найти себе приют в тайных обществах. Эти скрытые, но мощные группировки служат источником потока мистицизма, изливающегося на ортодоксов и постоянно приводящего их в смущение.

Термин *йога*, по-видимому, отражает основной принцип арийской мудрости. Всякое истинное развитие ведёт к единению^[9], и путь этот

преодолевается в результате последовательных откровений. Всеохватность божественного плана опровергает исключительность погрузившейся во мрак цели. Сегодня все толкуют об одном мире, одной религии, одном человечестве, одной вселенской нужде и одной божественной силе. Всё большее осознание этой насущной потребности в признании единства и есть путь йоги. Постоянное подтверждение этой потребности и нахождение средств для её удовлетворения — это не результат формального изучения, а нечто, называемое интуицией, или внутренним чутьём. Это внутреннее сознательное восприятие божественного замысла. Степень убеждённости, которая должна быть достигнута для того, чтобы понять этот вывод, есть «познание Вед». В основу книг и священных писаний ариев положен неписанный закон — божественный план, существующий в божественном разуме. И в случае потери или уничтожения этих книг Веда не канула бы в вечность, ибо она — правовая основа ариев, законы, познаваемые оракулом сердца и раскрываемые священством ментальных способностей.

Таким образом концепция Вед получает новое, расширенное толкование. При выводе формул современный учёный должен исходить исключительно из непреложных законов, признаваемых им с той же не вызывающей сомнений, даже слепой верой, какую проявляет простой человек, планирующий свою деятельность в соответствии с периодическим наступлением дня и ночи.

На уровне божественного плана Веда выражает неизменные, вечно самоутверждающиеся принципы. Первые священные писания показывают эту непреложность, а вовсе не субстанцию вещей, как на то уповают провидцы и мистики. Подобно тому, как учёные достигают своих целей, пользуясь законами природы, так и Адепты осуществляют свои замыслы, познавая и направляя энергию Вед. Отступить — значит потерпеть неудачу. На обоих планах, духовном и научном, действует одно правило: узнавай и пользуйся.

У многих может возникать ощущение, что традиция адептства — это чистая фантастика, однако разве допустимо считать полностью невероятной возможность существования личностей, сведущих в науке жизни и искусстве жить? Мир создал великих художников, обладающих поразительной виртуозностью музыкантов, искусных архитекторов и выдающихся учёных. Все эти гении считаются исключениями, но признаются таковыми потому, что их работы служат свидетельством их способностей. Человек всегда признавал возможность превосходства и с древних времён учился тому, что немногие преданные и дисциплинированные смертные становятся Учителями тайных наук о

душе. Однако душа невидима, а науки о душе отнюдь не проявлены в их трудах, а посему несведущим в подобных вопросах не дано распознать Адептов и посвящённых. И всё же в христианских и нехристианских священных книгах содержатся многочисленные рассказы о святых и мудрецах, которые вели праведную жизнь, творили чудеса и вели свой народ из тьмы к свету лучшей жизни. Стоит ли разом отвергать эти рассказы как галлюцинации или фантазии нездорового рассудка? Какую пользу принесёт отрицание того, что вдохновляло нации и определяло их судьбу?

Вполне возможно отыскать и письменные свидетельства об Адептах-Учителях. Невозможно изучать какую-либо религию, не обращаясь к историческим описаниям явления и деятельности этих учителей. Они появлялись среди всех народов и в критические моменты выступали как мудрецы, реформаторы и наставники.

Не менее важным было и послание, которое они несли людям. И всегда происходило одно и то же, поскольку враг был один — духовное невежество. В Китае существуют легенды о мудрецах, обитающих вдали от людей в Нефритовых Горах, вершинами касающихся неба. В Индии рассказывают о великих йогинах, чьи ашрамы и обители располагаются над верховьями Ганга. У дервишей и суфиев есть свои тайные учителя, странствующие в поисках тех, кто достоин приобщиться к мистериям. Не разумнее ли предаться размышлениям и проявить уважение? Эти описания не предназначены для прочтения с целью покритиковать, подвергнуть осмеянию или отвергнуть их только потому, что они противоречат всеобщему предвзятому мнению. Если у вселенной есть основание и цель, то как эти основания и цели обслуживаются и осуществляются? Иерархия Адептов — единственно возможное объяснение того поразительного и точного управления, что определяет будущее человечества, причём иерархия сама по себе странным образом составляет неотъемлемую часть Вед. Закон представляет законодателя и порождает из себя своих слугителей. Вопреки общему мнению, первичен не законодатель, а закон.

«Востоковеды, — пишет Е.П. Блаватская в "Тайной Доктрине", — хорошо понимают, что не в состоянии устранить вехи, которым следуют всё более поздние религии и которые установлены в «библии человечества», называемой Ригведой. И именно там на заре мыслящего человечества были заложены краеугольные камни всех религий и символов веры, каждого храма и церкви, построенных с начала до конца, и они всё ещё там». В конце концов человечество придёт к прямому соприкосновению с сущностью Вед, но срок этот ещё не наступил.

Око *дангма* (орган внутреннего видения) ещё не раскрыто. И пока момент этот не наступил, Адепты будут служить посредниками между законом и людьми. Их долг облечь эту вечную истину в форму иносказаний и мифов или представить в виде, доступном для понимания.

Первые законы были достаточно простыми для истолкования и принятия, но по мере развития умов и сердец давались более сложные откровения. Поскольку восприятие у человека идёт через посредство органов внешнего ощущения, Веда была представлена в форме священных писаний и толкований. До людских умов её доводили риши и гуру. Она включалась в историю, а её законы и правила излагались в учебниках гуманитарных и естественных наук. Пока человек осознавал законы, действующие вокруг, у него не доставало силы познать законы, действующие внутри него, а потому Адепты были подобны пасущим овец пастухам и владельцам овчарен. Рассказы о них можно отыскать в преданиях о царях-пастухах, правивших в стародавнее время.

Все передаваемые подобным образом знания были всего лишь внешней стороной учения. Однажды индус-гуру попросил своего ученика разломить боб и описать, что он найдёт внутри. Ученик сделал то, что ему было велено, и сказал: «Во-первых, там есть кожура, или оболочка, внутри которой находится более мягкая субстанция, или мякоть. В середине мякоти имеется крошечная, напоминающая росток структура, очень похожая на зародыш». Весьма довольный его ответом учитель задал следующий вопрос: «А что находится внутри зародыша?» Ученик был сбит с толку и ответил: «Ничего, учитель». «А! — произнёс гуру. — Это именно то ничто, которое есть всё и без которого видимое лишено и жизни и смысла». Для тех, кто имеет объективные представления о тайнах каузальной^[10] вселенной, в корне существования заключено «ничто». И только те, кто обладает способностью духовного восприятия, могут на опыте познать безмолвие источника жизни. Адепты указывают путь и освещают интеллектуально, или рационалистически, сложные явления. В поисках истины Веда есть ничто и всё. Однако, хотя её проявления бесконечны, суть её может раскрыться только с помощью тайных наук о душе. Сами же Адепты в равной степени непостижимы. Этих служителей Вед можно назвать руками и ногами Великого Владыки. Когда Владыка известен, они также становятся узнаваемыми. Познание Вед раскрывает Иерархию. Но до этого момента никого из них нельзя оценить по достоинству.

Веды

Имя *Вьяса*, означающее *того, кто подробно излагает или развивает, открывает или толкует тайну профанам*, давали в древние времена как почётный титул высочайшим посвящённым учителям Индии. В пуранах упоминается о двадцати восьми Вьясах как о назначенных хранителях и проводниках ведической доктрины. Одному из них, известному как Ведавьяса, было доверено составление ведических писаний и совершенствование их литературной формы. Брахманы полагают, что Ведавьяса жил и творил примерно за 3100 лет до христианской эры, что приближает время его жизни к началу кали-юги. Составлялись эти писания на берегах озера Манасаровар, за Гималаями, в области, ныне известной как Тибет. Гимны Ригведы приписывают святым и мудрецам, жившим в разное время, даже с разницей во много веков, по-видимому, имея целью подчеркнуть, что труд этот составлялся на протяжении многих тысяч лет.

О содержании четырёх главных Вед можно судить по их названиям. Ригведа — это книга гимнов; Самаведа — книга внутреннего мира, или святости; Яджурведа — книга литургических формул и Атхарваведа — книга магических заклинаний. За исключением Яджурведы, эти произведения представляют собой сборники метрических гимнов и стихов. Содержащиеся в Ведах космологические и теологические доктрины были расширены и приведены в определённую форму в брахманах и сутрах, а в упанишадах им была придана более явная философская направленность.

Самой древней формой религии в Индии является анимизм, до сих пор исповедуемый некоторыми примитивными племенами. В отношении ранних верований доарийских народов этого обширного региона можно сказать, что ведическое жертвоприношение было магией симпатии, к которой прибегали, чтобы обеспечить благотворное воздействие солнечного света и дождя в соответствующее время года. Ведические поэмы служили, по крайней мере частично, средством выражения примитивной религии народа, которому было не знакомо искусство письменности. Они сохранялись, передаваемые устно из поколения в поколение, до тех пор, пока развитие культуры не позволило собрать их вместе с другими писаниями в священные книги.

Один из Вьясов, как утверждают, был автором «Махабхараты», а двадцать восьмой представитель этой группы знаменитых мудрецов стал составителем *уттара-мимансы*, вдохновившей одну из шести школ, или

систем, индийской философии. 1400 год до н. э., с которым соотносят его западные востоковеды, следует считать датой слишком поздней. Время его расцвета приходится, вероятнее всего, на более ранний период. Существовали и другие Вьясы, не включённые в упомянутую здесь группу. Хотя подобный метод принимается далеко не всеми востоковедами, возможно, было бы разумнее повнимательней изучить письменные источники индусов.

В третьей эпохе каждого цикла Вишну принимает облик Вьясы и «разделяет Веды». Это означает, что некая часть великого учения ограничивается специальной тематикой и отделяется от остальных, чтобы послужить основой некой школы. В период Вайвасваты Манвантары риши делили Веды двадцать восемь раз. Все Вьясы, которых уже не стало (т. е. двадцать восемь), — это формы, воплощения Ведавьясы, поскольку в индийской философии все частности выделяются из общих и всеобъемлющих принципов, что применимо к эзотерической традиции, равно как и к различным расам и видам живых существ, населяющих семь континентов. Вишну как всепроникающий есть свет духа. Изливаемый со страниц священных писаний, он раскрывает свою лучезарность через Вьяс, поэтов-мудрецов, выступающих толкователями вечного учения (Вед) для людей, живущих в разные временные циклы. Необходимо понять, что в индусской хронологии в необычайно сжатом виде представлены грандиозные космические события, как и повторения этих событий на других планах проявления. Только символист, способный правильно истолковать определённые намёки и сведения, в состоянии расставить элементы структур в нужном порядке и последовательности.

Согласно некоторым авторитетным источникам, существуют восемнадцать видья, или частей истинного знания. Первые четыре раскрываются в Ведах, состоящих из четырёх отдельных произведений, рассматриваемых как одно целое. Каждая из Вед поделена на разделы. Ригведа состоит из пяти частей; Яджурведа — из восьмидесяти шести; Самаведа — из тысячи и Атхарваведа — из девяти. Оригинальные писания, определяемые как бесконечные, были сокращены Ведавьясой до указанной выше формы. Как утверждают сами индусы, ни один человек не имел никакого отношения к созданию Вед, и, хотя имя Вьясы и связывают с этими книгами, его следует считать лишь составителем Вед. Он действовал только как редактор этого грандиозного собрания мудрости, первоначально раскрытой самим Брахмой.

Веды, кроме всего прочего, соотнесены с определёнными стихиями: Ригведа — с огнём, Яджурведа — с воздухом и Самаведа — с энергией

Солнца. Создаётся впечатление, что эти три раздела считались основными частями всего произведения, в которое Атхарваведа была включена позднее. Следует заметить, что имя Вьяса было дано мудрецу Двайпаяне в качестве почётного титула после того, как он закончил составление этого огромного труда. В третьей главе «Бхагавата-пураны» перечислены двадцать два воплощения Вишну. В семнадцатом воплощении он явился как Вьяса и разделил Веды для преподавания всему человечеству. В Бенгалии Ведавьяса считается сыном Парашары и отцом Панду.

Согласно брахманической мифологии, у бога Брахмы было пять голов. О первой из них упоминают только как об эзотерической тайне. Устами четырёх других были сообщены четыре Веды. Таким образом, становятся понятными редкие ссылки на пятую Веду, или тайную книгу, вышедшую из пятых уст. И если главный источник индийской эзотерической философии заключён в Ведах, то их мистическая теология берёт начало в упанишадах, где раскрывается тайна непосредственного познания Бога через божественную науку.

Брахма Вираджд. *Первое андрогинное проявление Брахмана, бесполой созидательной силы.*

Брахму следует отличать от Брахмана, который есть вселенский безличный принцип, источник всего сотворённого и то конечное, в котором существование, будучи поглощённым, растворяется вновь. Брахма — это периодическое овеществление этого принципа и в этом качестве

подвержено рождению и распаду. Возвратное поглощение Брахмы Брахманом вызывает пралайю, то есть постепенное возвращение реально существующего, или объективного, в его субъективный неизменный принцип. Следует понять, что Веды соотносятся с невыразимой истиной так же, как Брахма с Брахманом. Через одинаковые промежутки времени великая Доктрина выходит из состояния своего вечного пребывания, чтобы доставить удовлетворение сердцу и разуму Брахмы. Черпая знания из этого грандиозного руководства, сам Создатель в период своего объективного существования достигает статуса совершенного мудреца и отходит ко сну, познав свой собственный вечный и необусловленный источник.

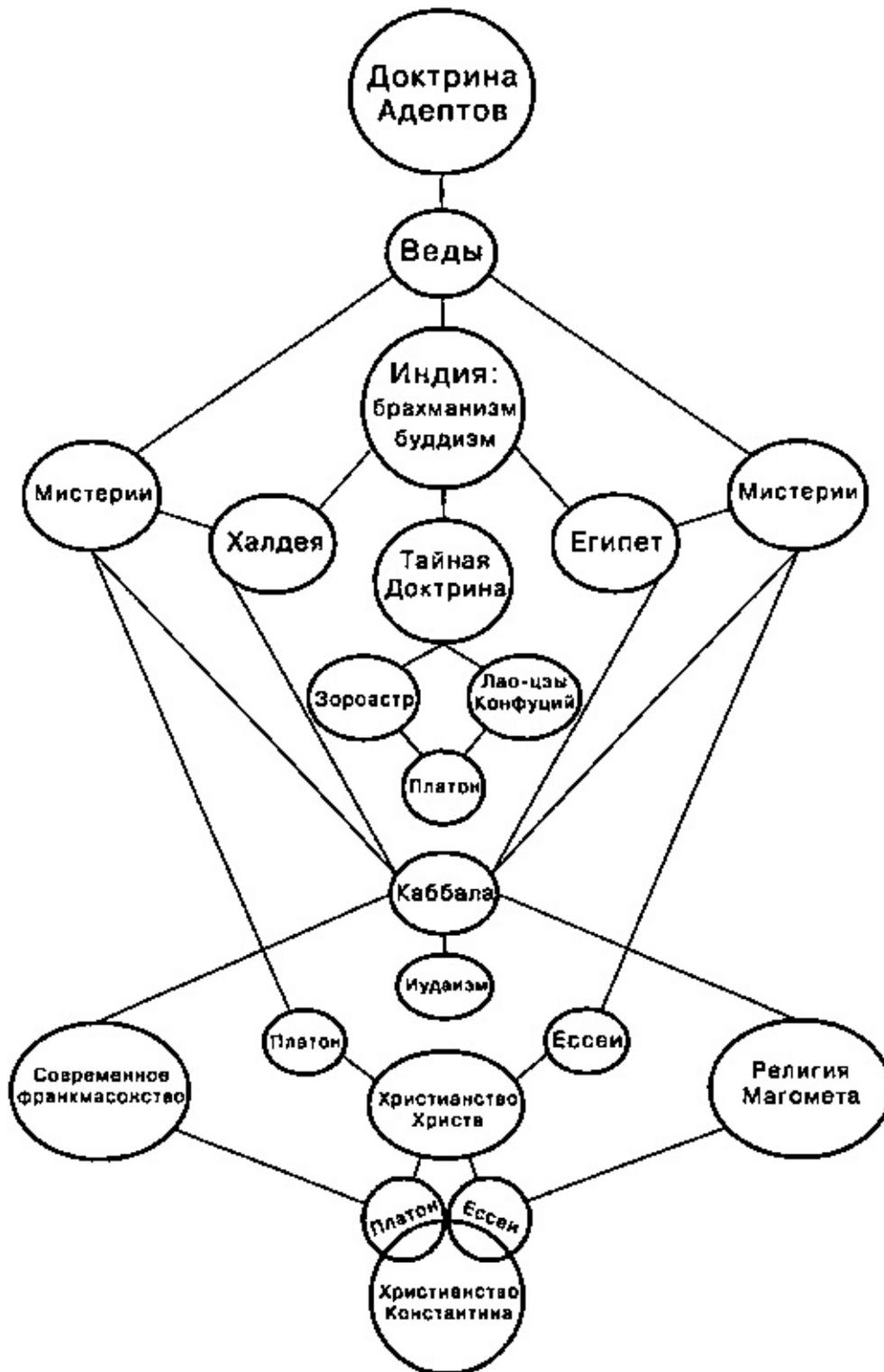
В Ведах отражена величественная концепция космогонии. В Ригведе нашли своё воплощение две теории: в одной вселенная рассматривается как творение великого архитектора, а согласно другой — как результат естественного воспроизводства. В Ведах нет прямого указания на веру в метемпсихоз, однако она обнаруживается в одной из брахман. Теория перевоплощения, развитая в упанишадах, оказала влияние практически на всю индусскую философию^[11].

В своей работе «Мистическое масонство» Дж. Д. Бак, доктор медицины^[12], объединил интерес к истории и философии масонского братства с изысканиями в области теософии. Кратко выражая связь между ведической традицией и происхождением эзотерических школ, он пишет: «Итак, предшественником Вед была Великая Ложа Адептов, которые создавали религию, вдохновляли цивилизацию и преподавали трудную для понимания науку, принёсшую величие древней Индии. И если остаются только предания и разрушенные монументы, то они всё же превосходят все современные достижения человечества. Древнее правительство было патриархальным; правитель был ещё и учителем-посвящённым и считал народ своими детьми. В те давние времена царствующий принц не считал ниже своего достоинства в одиночку отправиться в пустыню и, сидя у ног вдохновлённого свыше отшельника, набираться знаний, которыми он вновь смог бы поделиться со своим народом. И когда раскроется истинный смысл ведического символизма, то вместо преподавания суеверий и идолопоклонства в нём, возможно, обнаружат тончайшую завесу, когда-либо созданную между Величайшей Мудростью и людским восприятием».

В приложении к книге доктора Бака приведена схема, иллюстрирующая происхождение религиозных и философских учений от ложи Адептов через Веды. Эта приведённая здесь схема весьма выразительна и не требует дополнительных толкований. Учёный доктор

был уверен, что из Вед как из центра вышли восточное и западное направления тайной доктрины. Все великие школы религиозной философии, процветавшие в арийском обществе, были хранителями Света Вед. И в каждой из них сущность Вед облакалась в одежды теологического или философского покроя.

Рис. ниже: *Схематическое изображение развития Религии Мудрости.*

Таким образом, все известные великие кодексы человеческой этики подразделены на высшую часть, где увековечена традиция адептства, и низшую часть, в которой истинный смысл скрывается, а учение толкуется

на уровне морали и общественной полезности. Согласно диаграмме, «голосование»^[13] Вед показывает, с исторической точки зрения, как в результате смешения платонизма и доктрины эссеев возникло эзотерическое христианство. Неспособное сохраниться исключительно в виде морального кодекса, раннее церковное христианство при посредстве доникейских отцов церкви сформировало вторичный альянс с платонизмом и эссеизмом, чтобы проявиться в жизнеспособной форме христианства Константина.

В своей синхронологической таблице религий мира, опубликованной в книге «Реки жизни», её автор, генерал-майор Фёрлонг проследил развитие религиозных учений Индии с присутствующего в каждом из них культа зарождения и пришёл к мнению, что их появление относится примерно к 9000 году до н. э. В прилагаемых комментариях генерал заметил, что им была предпринята попытка комплексной систематизации, наглядно отображающей смешение религиозных течений, и что приведённые даты следует рассматривать как в значительной степени гипотетические. На 2300-й год до н. э. он указал как примерное время появления Ригведы и возникновения учения аватар. Объединение Вед он отнёс к концу ведического периода, т. е. примерно к 1800 году до н. э. В это же время им отмечено начало эры мантр, формирование нравственных и общественных законов и церковного права, а также составление Яджурведы и Самаведы. Первое сообщение о Меру, горе Бога, появилось, по мнению Фёрлонга, на сто лет позднее, что совпадает с датой основания Афин. Временем появления свода законов Ману он определил 900 год до н. э., то есть век формирования философии Капилы. Яскаведу (пятую Веду?) он относит к периоду творческого расцвета Будды и Конфуция, незадолго до рождения Пифагора. Отвечая намерению генерала Фёрлонга представить обзор этих сложных взаимосвязей, в настоящем издании приведена составленная им краткая схема. Тот факт, что результаты его изысканий в высшей степени спорны, само собой, не требует доказательств.

В «Махабхарате» Вьяса, описанный как составитель Вед, представлен в облике угрюмого безобразного карлика («a dark dwarf»). А слепой царь в этой великой эпической поэме — это его старший сын, Дхритараштра. Такая символика, возможно, означает, что образ Вьясы, искажённый противоречивыми легендами, представляется некой призрачной личностью. Горас Уилсон, выдающийся авторитет в области священных писаний индусов, утверждал, что вполне вероятно, что Веды были окончательно собраны и скомпонованы школой или школами учёных брахманов, среди которых Вьяса был формальным главой. Возможно, что

мудрец являлся персонификацией этой группы учёных или они рассматривали его как силу, или принцип, обусловивший их программу собирания и компановки отдельных частей.

Профессор Макс Мюллер пришёл к выводу, что если учесть огромный труд по составлению Вед, «Махабхараты», пуран, «Вьяса-сутры» и даже подготовку прозаических комментариев к «Йога-сутре» Патанджали, то весь объём приписываемой Вьясе работы неизбежно должны были выполнить несколько человек, или его следовало отнести скорее к целому литературному периоду, чем к некоему человеку. Развивая дальше свою концепцию, знаменитый востоковед продолжает: «Нам надо научиться смотреть на Бадараяну, Джаймини, Капила и другие подобные имена просто как на эпонимических героев различных философий, с тем чтобы, независимо от времени сведения этих систем к форме сутр, определённые воззрения можно было бы назвать их именами»^[14].

Профессор, вероятно, высказывал больше, чем знал, когда предположил, что известных авторов некоторых индийских священных писаний можно воспринимать только как некие имена или набор интеллектуальных способностей. Египтяне приписывали таинственному Гермесу авторство множества литературных произведений, безусловно, не принадлежащих перу одного человека. На самом деле Гермес был мудростью, которая и является истинным и вечным автором. Позднее, хотя некоторые философы и носили его имя, это означало лишь то, что они как избранные были осенены божественным разумом.

Вьясы принадлежали к той же эзотерической системе персонификации атрибутов универсального ума, что в равной степени относится и к другим призрачным учителям, сведения о которых невозможно обнаружить ни в исторических источниках, ни в хронологических указателях, связанных с происхождением рас и народов.

«Махабхарату» назвали национальной сагой Индии. И хотя в отношении места, занимаемого ею в индусской литературе, она сопоставима с греческой «Илиадой», всё же это произведение обладает несравнимо большей ценностью. Значительная часть этого труда относится к классу писаний, а кроме того, в нём содержится «Бхагавадгита», индусская книга псалмов. Главная тема «Махабхараты» — битва между двумя родственными семьями, сыновьями Панду и сыновьями Дхритараштры. Эти великие кланы назывались пандавами и кауравами. В конце сыновья Панду побеждают, а Дхритараштра, лишившись всех своих детей, решает удалиться вместе с супругой, царицей Гандхари, в местечко на берегу Ганга, чтобы в благочестии и молитве прожить там остаток дней.

В «Ашрамавасикапарве»^[15] великого эпоса рассказывается о прибытии старого слепого царя в уединённое жилище Вьясы. Там Дхритараштра был посвящён в обычаи лесных пустынников и получил наставления от великих мудрецов, следовавших приказаниям Вьясы. Оставшись чрезвычайно довольными искренностью старого царя, почтенные отшельники, известные строгим аскетизмом, нанесли ему ответный визит. Среди них присутствовали «рождённый на острове» Вьяса со всеми своими учениками и другими людьми, наделёнными великой мудростью, и царский мудрец Шатаюпа, человек весьма преклонных лет, обладающий множеством неоспоримых достоинств.

Знаменитый аскет Нарада предсказал, что по истечении трёх лет Дхритараштра в сопровождении своей супруги Гандхари отправится в края Куберы, где ему окажет великие почести «Царь Царей». Поедет он туда в экипаже (летательном аппарате), движимом усилием его воли, а тело его украсится небесным орнаментом. Одарённый праведной душой, он, если пожелает, будет странствовать в сферах небожителей.

Нараду причисляют к Праджапати и часто говорят о нём как о Риши. Согласно преданию, он был любимым сыном Сарасвати, богини мудрости и музыки. От своей божественной матери мудрец унаследовал выдающиеся способности ко всем искусствам и особенно прославился своим умением играть на вине^[16]. Обычно его изображают весёлым озорником. Нарада постоянно путешествовал, и не было в трёх мирах такой тайны, которую не раскрыл бы его живой и пытливым ум. Он обладал многими атрибутами греческого Гермеса и был призван богами разносить их послания во все уголки вселенной. Его близко связывают с Кришной, с которым он однажды состязался в музыкальном искусстве. Нарада, однако, не устоял против воплощённой космической гармонии. В древних легендах он выступает как оратор и толкователь тонкостей эзотерической доктрины.

Позднее жившего в уединении Дхритараштру посетил Юдхиштхира, захвативший власть в государстве кауравов. Победителя, приветствовавшего побеждённых, пригласили занять подобающее ему место. По этому случаю к новому правителю вышел Вьяса, окружённый учениками. Затем прославленный Вьяса взял искусно сделанное сиденье из травы куша, положил его на шкуру чёрного оленя, а сверху накрыл куском шёлка. Вьяса осведомился о духовных свершениях Дхритараштры, и царица Гандхари рассказала ему, что её слепой престарелый супруг всё ещё глубоко скорбит о ста своих сыновьях, потерянных им на поле Курукшетры. Их жёны горько оплакивают погибших, и в траур оделись все

потерявшие в сражении своих любимых.

Выслушав её, Вьяса произнёс: «Будь благословенна ты, о Гандхари, этой ночью ты увидишь своих сыновей и братьев, друзей и родственников словно пробудившимися от крепкого сна». Выслушав наставление Вьясы, собравшиеся отправились на берег Ганга, где провели день, совершая священные обряды. Когда же на землю опустилась ночь, аскет Вьяса, обладающий поразительной духовной энергией, искупался в священных водах реки и призвал тех, кто сражался на стороне пандавов, и тех, кто в битве поддерживал кауравов, и даже благословенных царей разных государств. Вдруг воды сильно зашумели, и цари, во главе с Бхишмой и Дроной, со своими армиями тысячами стали подниматься из вод Ганга. Все они были облачены в неземные одежды, а в ушах у них горели бриллиантовые серьги. В них, недоступных гневу и зависти, не было и следа гордыни и злобы. Небесные музыканты без усталости играли в их честь хвалебные гимны, а барды воспевали их подвиги. Героев, украшенных гирляндами восхитительных цветов, ожидали апсары. Силой своего покаяния и аскетизма Вьяса даровал божественное зрение слепому царю Дхритараштре, и старец впервые увидел своих сыновей. И ушли все горести войны, родственники заключили друг друга в объятия и, уладились все споры. Действо длилось всю ночь, а наутро всё это огромное воинство, вместе с колесницами и животными, вернулось в реку.

Ходит молва, что Вьяса, удалившись от мира, остался тем не менее бессмертным-смертным и всё ещё «обитает» в Бадарикашраме. Такое название носит один из матхов, или святых обителей, основанных Шанкарачарьей. Находится он в Кедарнатхе в Гималаях. Именно там в возрасте тридцати двух лет умер Шанкарачарья. Там же расположен и храм, где служит брахман Намбутири. Шанкарачарья основал четыре главных матха в каждой из четырёх стран света. Нужно ли под всем этим понимать, что Вьяса (систематизирующий разум) обрёл тайное прибежище в системе толкования философии, основоположником которой был Шанкарачарья?

Когда организация арийской расы по указаниям Вайвасваты Ману стала достаточно интегрированной и утончённой, чтобы возникла потребность в восполнении культурных ценностей, религия таинств «воплотилась» в систему обрядов и обычаев, впоследствии управляющую поведением ариев. И как следствие, Веда, или бессмертная Доктрина, сама по себе безымянная, была раскрыта в Ведах. От Вьяс произошли мудрецы, ставшие хорошими пастырями, или хранителями Вед. Через них путём последовательных редактирований и переработок постепенно

высвобождались возвышенные истины религии. Мало-помалу исправлялись ошибки, ставшие результатом смешения дравидийских и арийских традиций. Когда средства выражения расы были усовершенствованы, Вьясы предоставили ключи для раскрытия тайного символизма древних писаний. Таким образом раса приобретала своё философское наследие.

И всякий раз когда требовалось более полное раскрытие Вед, наготове был один из инструментов божественного разума. И любой мудрец или святой, выступающий толкователем учения, становился — исключительно при данных обстоятельствах — Вьясой. Согласно восточной системе, таких великих религиозных реформаторов Запада, как Лютер, Уиклиф и Кальвин, следовало бы считать Вьясами, поскольку все реформы являются своего рода повторным редактированием и перекомпоновкой прежних доктрин. Человеческий разум по мере своего развития неизбежно требует, чтобы его религиозные воззрения придавали силу и оправдывали умственно-душевный рост. Таким образом, старые толкования, ставшие бесполезными, периодически отбрасываются, а основное учение представляется в новой формулировке с использованием современных терминов. Процесс этот может осуществляться серией религиозных соборов, однако более часто это происходит вследствие появления отдельной личности, дающей стимул к более полному утверждению личной веры. Индусы, наблюдающие этот упорядоченный процесс в природе, пришли к убеждению в существовании взаимосвязи событий. У великого потока Вед были свои Вьясы, являвшиеся, когда в этом возникала необходимость; свои Вьясы были и в разных сектах, создаваемых в результате общих реформаций. Реформы, в свою очередь, подвергались преобразованиям, а новые формулировки излагались в обновлённом виде. Таким образом религии развиваются и в своё время приносят соответствующие плоды. Из плодов освобождаются семена, которые, падая на благодатную почву восприимчивости человеческой природы, оживают и прорастают, чтобы стать новыми верованиями. История Вьяс объясняет механизм развития религии.

Вайвасвата Ману

Когда во исполнение божественного замысла приходило время появиться какой-то определённой человеческой расе, «Всепроникающий» приходил в состояние мыслителя. Он таким образом становился ментальным воплощением самого себя и существовал как божественная сила в качестве разума. В результате подобного действия «Всепроникающий» становился, с точки зрения человеческого плана, первым Ману, Сваямбхувой, чье имя означает «сын самосущего». В этой системе религиозной философии первый Ману представляет собой коллективный разум волны жизни всего человечества. Он является завершённым человеком, эквивалентным Антропосу гностиков и каббалистическому Адаму. Воплощение Ману Сваямбхувы происходит путём последовательных материализаций семи сил, или принципов, в скрытой форме присутствующих в первичной ментальной сущности. Человечество становится телом Ману, а человеческие разумы вместе образуют его разум. Процесс раскрытия разума Ману, подобный раскрытию лепестков лотоса, осуществляется посредством возникновения шести рас из родительской расы.

С появлением каждой расы проявляется один из семеричного потенциала разума Ману. Эти потенциалы также персонифицированы, и из Сваямбхувы по порядку появляются пять других Ману, а затем седьмой. Каждый из них представляет ментальную цельность, сконцентрированную в ментальной сущности. Ману воплощаются в расы, которые не только становятся их телами, но также и объективно совершенствуют институты, через которые высшие энергии Ману стремятся к собственному освобождению. Первая раса вовсе не умирает, но как ребёнок исчезает во взрослом человеке, так и младенческое человечество проходит через ряд проявлений, достигая некоего подобия зрелости, и в конце концов старости. Ману пятой великой расы — расы ариев — есть её разум, коллективный гений, равно как и её индивидуальный потенциал. Великое существо, которое воодушевляет расу и рождает её из себя на плане разума, названо в древних писаниях Вайвасватой Ману. Он — сын Вивасвата, или Солнца.

За давностью времён чрезвычайно трудно, если вообще возможно, исторически установить, — что удовлетворило бы западных мыслителей, — великого предводителя, явившегося относительно

незначительному расовому ядру или восставшего из него и давшего импульс развитию культуры, которая постепенно распространилась по всему индийскому континенту и в результате миграции стала властвовать над миром. Жизнь исторического патриарха сокрыта в глубине веков, стёрших сведения, необходимые для её изучения, а кроме того, индусы возвели его в положение полумистического героя, ведущего своё происхождение непосредственно от бога Брахмы. Этого жившего в древности главу рода почитают под именем Вайвасваты Ману, прародителя ариев, как законодателя и толкователя эзотерического учения, передаваемого в устной форме. Те институты^[17], которые он пропагандировал, нашли распространение в человеческом обществе и стали основной моделью арийской этики.

Индусский символ четырёх миров.

Объединяющее в себе четыре аспекта существо показано помещённым внутри духовного тела Брахмы.

Законы Ману, согласно восточной концепции, были раскрыты, чтобы направлять развитие пятой коренной расы, которая рождена в великом круге Химавата и считается ныне арийской ветвью народов. Вайвасвата Ману был «отцом племён», и пять ветвей ариев, проявившиеся до настоящего времени, ведут своё начало от него, исходя одна из другой. Закрывающий в себе жизнь-разум принцип Ману распространяется в его расе, которая таким образом становится расширяющимся воплощением его

самого. Ману был доверенным лицом Верховного Божества и, пользуясь терминологией священных писаний, когда Предвечный испытывал желание стать «разливом» пятой расы, то есть принять её форму, он в качестве инструмента выбирал высочайшего Адепта предыдущей расовой группы. С точки зрения ментального принципа рас, четырнадцать Ману являются потенциалами Брахмы. Значит, раса — это воплощение некоего качества божественного разума. Качество это не только отличает одну расу от другой, но и включает в себе судьбу существ, которых оно порождает. Деяния ариев раскрываются через развитие ментальных способностей арийских субрас.

Таким образом, в эзотерическом толковании Вайвасвата Ману, является разумом ариев. Всё созданное расой представляет собой проявления этого разума, и, строго говоря, бесконечно многообразные интеллектуальные достижения расового разума необходимо считать неотъемлемым свойством Ману. Ману — создатель религий, философий, наук, искусств и ремёсел, придуманных, изобретённых или заимствованных в собственной интерпретации его детьми из более ранних культур. Замыслы Ману простираются подобно тончайшим нитям, пронизывающим сферу его владычества. Каждая нить, как и священный шнур, тройная, поскольку сплетена она из духовной, умственной и физической энергий, которые должны проявиться через религии, философии и науки, возникшие из субъективной сферы расы. Таким образом, на плане расового развития Ману олицетворяет Брахму. Как творец Ману является источником жизненного импульса, вызывающего расу к жизни; как хранитель он формирует этические побуждения, охраняющие расовое развитие; как спаситель — содержит в себе образец во всей его конечной завершенности, которая заключена в ментальном потенциале расы.

В сохраняемой в тайне традиции ариев раскрывается вселенский план, осуществлением которого руководит Предвечное Божество через бессмертных существ и смертных, достигших уровня героев. Благодаря этой системе впервые стало известно о традиции адептства. Мир и его создания — это части одной огромной политической системы, источник которой заключён в Брахме. Божество само по себе — жрец-царь и вечный кающийся грешник, который должен нести бремя собственных деяний. Высшая Сила действует через человечество и на него посредством Невидимого Правительства, пребывающего в пространстве высших измерений на вершине земли-горы, мифической Меру.

Руководящий орган земли — миниатюра грандиозной структуры,

находящейся вне пределов космического проявления. Как Солнце является видимым центром солнечной системы и надлежащим символом централизованной власти, так и Вайвасвата Ману представлен в некоторых генеалогиях как сын Сурьи, солнечный аспект Божества. Он считается Солнцем, или великим источником света ариев и центром расовой солнечной системы. Его сопровождают семь Риши, которые на расовом плане соответствуют планетам. Они составляют его свиту и к тому же выступают в роли тех, кто раскрывают или осуществляют его волю. Сохранились записи о том, что во время царствования Ману человеческая раса была целиком уничтожена потопом и в живых остались только сам царственный Адепт, семь Риши и их жены. В то время наступила всеобщая праляя, или прекращение существования объективной вселенной. История эта подробно излагается в восьмой книге «Бхагавата-пураны». События развёртывались следующим образом.

Демон Хайягрива похитил Веду (вечную доктрину), охраняемую Брахмой, когда тот отдыхал в конце шестой манвантары (период шестого Ману); вся человеческая раса впала в разврат, не коснувшись Вайвасваты и семи Риши, которые впоследствии правили в Дравире. В этот критический момент в облике маленькой рыбки явился бог Вишну. Совершив это, Владыка исполнил своё вечное обещание, ибо в «Бхагавадгите» он говорит: «Время, когда на земле иссякнет добродетель, станет временем моего прихода». Переносимая во всё большие водные пространства рыба — аватара Вишну — постепенно увеличивалась, пока наконец Сатьявата — (имя царя Дравиры до того, как он стал Ману и получил мистическое имя Вайвасваты) не опустил рыбу в океан, где она достигла огромных размеров. Затем аватара, повернувшись к преданному правителю, обратился к нему со словами: «Через семь дней всех провинившихся тварей уничтожит потоп, но ты будешь в безопасности на чудесным образом возникшем вместительном корабле. Поэтому собери все виды лекарственных трав и годных в пищу зёрен и вместе с семьёй праведниками, вашими женами и парами всех животных без страха взойди в ковчег. Затем ты пребудешь наедине с Богом и получишь ответы на все свои вопросы».

Сказав это, Вишну, оставшийся всё ещё в облике рыбы, исчез. Через семь дней воды океанов вышли из берегов, а на землю обрушились нескончаемые ливни. Сатьявата, сосредоточившись на субстанции Божества, увидел плывущий по волнам большой корабль. Он взошёл на его палубу, послушно выполнив все наставления Вишну, который вновь появился в виде огромной рыбы и дозволил, чтобы корабль привязали к

нему морским змеем, как канатом. Когда потоп прекратился и воды спали, Вишну убил демона Хайягриву, вернул себе Веду, преподал Сатьявате божественное знание и назначил его седьмым Ману, дав правителю имя Вайвасваты.

Первые западные толкователи писаний были просто потрясены обнаруженным сходством потопа времён седьмого Ману и тем, что связывают с библейским патриархом Ноем. После потопа, как полагают, у Сатьяваты, впоследствии Ману, родилось десять сыновей, старшим из которых был Икшваку. У Ману была также и дочь Ила. Потомство Ману разделилось на две великие ветви: детей Солнца — от Икшваку и детей Луны — от Илы. Считается, что Ила вышла замуж за первого Буддху (Меркурия), сына Чандры (Луны). В отношении же семи Риши, хотя и встречаются упоминания об их женах, нет указаний на то, что они стали прародителями людских семейств.

Имя Ману встречается в Ригведе вместе с именами других мудрецов глубокой древности. Он там представлен как отец семейства, а в начале одной легенды описано, как ему приносят воду, чтобы он мог вымыть руки. Он был создателем священных обрядов и автором правового свода законов, правителем людей и риши, через которых были раскрыты священные тексты. Он описывается как царь и прародитель царей; там же встречается упоминание о его коронации. Множество раз в Ригведе рассказывается о жертвах, принесённых Ману, и о том, как он разжигал священный огонь и молил богов принять жертвоприношения мудрецов. Он, как утверждается, был первым, кто ввёл практику приносить жертвы во время обряда погребения. Он позаботился о человечестве, открыв людям отправляемый богами ритуал (эзотерические дисциплины). Ему приписывают раскрытие мантр. Известно и такое высказывание: «Всё сказанное Ману является лекарством». И другие носили то же самое имя, что является обычным в практике законного наследования.

«Законы Ману», авторство которых приписывается этому законодателю древности, оказали существенное влияние на индусскую культуру. Трудно определить, к какому времени относится этот свод законов, поскольку ранние тексты были подвержены искажениям. Сэр У. Джоунз, первый переводчик свода законов Ману, относит его к ведической эпохе, т. е. примерно к 1200 г. до н. э. Более поздние авторы полагали, что он был составлен в 4-м веке до н. э. Профессор Макс Мюллер и доктор Бернелл называют временем его создания начало христианской эры. Доказательство, лежащее в самих законах, подтверждает древнее происхождение этого труда и тем самым, видимо, относит обычай сатти,

или самоубийство вдов, к более раннему периоду. В своде законов указывается, что сын должен вступаться за овдовевшую мать. Брахманы в нём названы владыками мира, а кшатрии, или каста воинов, должны были их защищать, каста вайшьев — собирать для них богатства, каста шудр — выполнять обязанности слуг. Огромной важности легендарные события оставлены в индийской литературе практически без внимания, что относится и ко многим божествам более позднего пантеона; там можно встретить упоминания лишь о ведических божествах. Кастовая система, впоследствии ставшая в Индии господствующей, возможно, была заимствована из «Чёрной Яджурведы», составленной, по всей вероятности, до 500 г. до н. э. В своде законов содержится учение о метемпсихозе как средстве очищения души.

В «Законах Ману», глава 1, стихи 32–34, 36–41, великие мудрецы приближаются к Ману, сидящему «в состоянии глубокого сосредоточения». Он объявляет им священные указы, впервые раскрывая пропорции и деяния божественного плана. Часто на вопросы мудрецов Ману отвечал так, будто сам был этой предопределяющей силой мира. Желая произвести на свет расу людей, Владыка стал наполовину мужчиной, наполовину женщиной, и из его женского аспекта произошёл Вираджд. Ману продолжил свою речь так:

(33) «Но знайте же, о праведнейшие из дваждырождённых, что я — создатель всего этого (мира), которого само это мужское существо, Вираджд, и произвело, исполнив покаяние».

(34) «Затем я, желая произвести живых существ, совершил подвиг тапаси и (тем самым) вызвал к жизни десять великих владык, повелителей сотворённых живых существ...»

(36) «Они сотворили семь других Ману, преисполненных сияния, богов, местопребывания богов и великих риши неизмеримого могущества...»

(41) «Таким образом было всё это (мироздание), как движимое, так и недвижимое, создано этими высокими разумами посредством аскетизма и по моему приказу, (каждое существо) — в соответствии с (результатами) его действий».

Эти кающиеся праведники (мудрецы) своими спасительными советами и примером собственного аскетизма открыли человечеству пути добродетели и нравственности.

Риши

Термин *риши*, означающий «вдохновлённый», используется в ранней индийской литературе применительно к великим учёным и святым, через которых человечеству были раскрыты мантры, или части Вед. Присвоение подобного имени рассматривалось как знак уважения ко многим древним учёным и, имея в виду более поздние времена, к недавним и даже современным религиозным лидерам. Риши Востока, строго говоря, сравнимы с Адептами западной эзотерической традиции. Это человеческие существа, принадлежащие к нынешней волне жизни, которые необычайным развитием своих духовных способностей и сил превратились в сознательные орудия божественного плана и естественных учителей непросвещённого человечества. Риши, как утверждают, ведут уединённую жизнь и часто для своих жилищ выбирают наиболее удалённые места. Они являются Магистрами эзотерических гуманитарных и естественных наук, имеющих отношение к их религиозной философии, и наставляют учеников, которым отдают немалую часть своего времени.

Риши-людей, с практической целью, не следует путать с Риши-Праджапати^[18], *толкователями*, которые являются хранителями тайной мудрости Арьяварты, «страны Ариев». Слово «арий», которым стали называть ныне господствующую в Европе расу, происходит от санскритского *арья*, что значит «святой». Так некогда был назван Риши, который вёл ариев по пути спасения. Следовательно, арии — это «освящённые», или избранные для достижения архатства посредством раскрытых Риши дисциплин. Эзотерически Риши-Праджапати тождественны Иерархиям в описании Святого Павла и представляют собой сверхчеловеческих существ, передающих опыт предшествующих циклов эволюции земному человечеству. Под этими Иерархиями подразумеваются покровители, или старейшины, своего рода хранители эзотерических школ, подключающие человеческие институты в космическую схему.

В индусских писаниях, как правило, не всегда понятно, о ком идёт речь в каждом конкретном случае, то ли о Риши-Праджапати в смысле Иерархии, то ли о риши применительно к Адептам. Всё это ещё более усложняется индийской философией, где Адепты-люди объединены с их божественными прототипами. Эта грандиозная структура раскрывается через влияние Иерархии на систему эзотерических школ, организованных по её подобию. Высший постоянно отображается в низшем, или

подчинённом, — все вещи одинаковы по сути, но различны по внешнему виду. Следует также помнить, что человек сам по себе есть воплощение иерархии. Когда Вайвасвата Ману стал отцом ариев, его сопровождали семь Риши. Эта мистическая семерица просвещающих сил неоднократно появляется в большинстве древних мифологических систем.

Голову Брахмы украшает ореол из семи лучей света. В северном буддизме они названы дхиани-буддами. Ими являются также «семь духов, следующих за своим Владыкой», упоминаемых в описании египетской погребальной церемонии. Эти стоящие перед престолом духи суть толкователи, или посредники, через которых божество проявляет сферу своего сознания. Подобно тому, как белый свет, проходя сквозь призму, разлагается на семь цветов, так и вечный свет Логоса, вначале разделённый призматической триадой, раскрывает свои семеричные потенциалы. Цвета служат проявлением и доказательством наличия первоосновы света. Использование той же символики применительно к свету мудрости позволяет объяснить феномен Риши. Их можно истолковать как семь истин, рождённых одной истиной, разделившейся при её прохождении сквозь тройную субстанцию мира. И когда семь цветов мудрости собираются вместе и воссоединяются, они вновь превращаются в чистый свет. Такова суть тайного ритуала Риши, которые путём определённых «самоограничений» возвращают свои цвета к чистоте бесцветного сияния.

В «Вишну-пуране», книга III, глава 1, приводится следующее описание семи Риши: «Это семь личностей, которые в течение нескольких манвантар защищали сотворённых существ. Поскольку весь этот мир пронизан энергией божества, последнему дали имя «Вишну» — от корня *viṣh*, что означает «входить», или «проникать», так как боги, Ману, семь Риши, сыновья Ману, Индра, повелитель богов, — все являются всего лишь олицетворением могущества Вишну»^[19]. Таким образом, семь Риши появляются в каждой манвантаре как древние мудрецы, или советники. Согласно некоторым источникам, подобные личности каждой эпохи ведут своё происхождение по прямой линии от первых Риши, а в этом явно усматривается намёк на то, что они продолжают череду перевоплощений одной великой линии учителей.

В древних писаниях упоминается, что, когда Вайвасвата Ману создавал свою расу, семь Риши не основали каждый свой род и не стали прародителями людей. В сочинениях мадам Блаватской содержатся косвенные указания на то, что семь Риши Иерархии в действительности тождественны семи Праджапати, прародителям и творцам человечества, а также Кумарам, первым сыновьям (разумом-рождённым) Брахмы,

отказавшимся производить потомство.

Эзотерически Кумаров было семь, а экзотерически — четыре. Их имена выражают степени человеческого интеллекта, поскольку сами они связаны с развитием принципа разума как отличительного признака человеческого существа. Согласно некоторым эзотерическим школам Востока, утверждается, что Кумары представляют собой волну многих эго, воплотившихся в людей-животных в конечных циклах третьей коренной расы. Этим объясняется описание, содержащееся в книге «Бытие»: «... тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал» (Быт., 6:2). Более подробно об этом рассказывается в «Книге Еноха».

Кумары, или девственные эго, отказались создавать тела, но ожидали того времени, когда в результате эволюции формы будут созданы оболочки, пригодные для их воплощения. В назначенное время Кумары спустились и одушевили тела, дав начало развитию человеческого рода и обусловив переход от животного к истинно человеческому состоянию. Кумары привели с собой Иерархию сверхчеловеческих учителей, через которых была раскрыта грандиозная модель системы мистерий и основаны институты, необходимые для распространения сведений о ней на физическом плане. Риши поведали о божественных силах Кумар в отношении аспекта мудрости человеческого эго. По этой причине очень легко спутать между собой различные, если можно так выразиться, «сословия», или порядки существ. Дальнейшее развитие символики Кумар превращает их в Кумару, девственного воина, которого иногда представляют как бога войны. Санаткумара соответствует архангелу Михаилу, тайному богу Израиля. Михаил — это непобедимый девственный воитель, который фигурирует в легендах многих народов как известный во всём мире герой. В фольклоре он — победитель дракона, символизирующий в целом человечество в его аспекте героической души. Он участвует во всех религиозных мистериях в ритуале с умирающим богом. Каждый кандидат в лицах проигрывает драму народного героя. В этом и состоит наглядное проявление символики, и Кумара восстаёт в своём подлинном значении как коллективное эго человечества.

Религия мудрости не раскрывается через примитивную структуру животного человечества. Она проникает человеческий мир вещей, сопровождая снисхождение кумарических эго. В каббале имеется описание небесного университета, где обучался Адам до его падения. Эта коллегия бессмертных и была той Великой школой, которую человечество, ныне превратившееся в сплав умственных способностей и животных

наклонностей, постепенно возрождает, развивая и оживляя её культурные институты.

Учителя, преподававшие в этом небесном университете, составляли одну группу Риши, а их ученики, отобранные из человеческой волны жизни, — другую. В процессе физического воплощения Кумары лишились своей осознанной мудрости. Они погрузились во тьму невежества, и «отцы» стали оберегать и направлять их на долгом и трудном пути обучения управлению своими животными оболочками. Эти отцы, по очереди отбирая носители-оболочки, пригодные для осуществления их целей, ниспосылали наитие или вдохновляли более развитых представителей, выделившихся из расового сплава. Это были поэты-мудрецы, на заре жизни общавшиеся с бессмертными и получавшие наставления, впоследствии объединённые в священные писания человечества.

Поскольку невозможно в деталях познакомиться с мнениями древних индусов о своих посвящённых мудрецах, доктрина может быть изложена лишь с относительной точностью. С момента возникновения самоосознающей жизни в мире всегда существовала Иерархия Адептов, состоящая из должным образом посвящённых жрецов-философов, которые служили «руками и ногами» Адепта-царя. Структура иерархии аналогична устройству собственно космоса, и через своих посвящённых Великая школа пронизывает человеческое общество наподобие артериальной системы. Основное назначение Адептов-Учителей состоит в посвящении человечества в величайшие таинства. Плотский человек, познавая мистерии и очищаясь от телесных ограничений, сможет возвыситься до воссоединения со своей божественной природой. Мысль эта красной нитью проходит в заключительных строках «Золотых Стихов», приписываемых Пифагору.

Такого рода освобождение становится возможным, если овладеть семью эзотерическими гуманитарными и естественными науками, ключи к которым, как говорят, хранятся у царя-брахмана. Подобно египетскому иерофанту, т. е. толкователю таинств, носившему «ключи от царства», индусский мудрец является хранителем семи толкований, посредством которых можно «открыть» великие Писания. Возможность достижения адептства следует рассматривать как неотъемлемое право первородства всех человеческих существ. Путь ученичества ведёт через мудрых к собственной мудрости. Искатель истины — это прежде всего ученик человека, обладающего глубокими знаниями, который, однако, и сам может стоять на одной из низших ступеней иерархии. По мере развития таланта

студент продвигается вперёд, а возвращению его духовных способностей обеспечивается надлежащее руководство. Как тело, развиваясь, переходит от младенчества к детству, от детства к юности и от юности к зрелости, так и невидимый внутренний человек должен дойти до зрелости, или до совершенства, следуя законам Бога и подчиняясь законам Природы. Ступени ученичества соответствуют степеням духовной зрелости. Когда внутреннее «я» оказывается должным образом и в достаточной степени просветлённым, ученика можно считать готовым к официальному посвящению в Великую школу. Как ученик он смотрит будто сквозь тусклое стекло, а как посвящённый он обладает видением лицом к лицу.

Связанная с посвящением символическая система торжественных мистерий античности разъясняет механизм процесса посвящения. У новичка проверяются характер и темперамент, у ученика — одарённость и умственные способности. Если окажется, что он обладает всеми необходимыми качествами, его талант развивается и усиливается. Если же его подготовленность сочтут недостаточной, ему советуют вернуться в общество и продолжить подготовку. Ритуальные драмы раскрывают тайну героической души и завершаются воскрешением из мёртвых. Вновь посвящённому сообщают, что он является персонификацией великого процесса, непрерывно протекающего вокруг и внутри него. Став посвящённым, он приобретает право называться «дваждырождённым». Впоследствии он становится одним из того философского племени, которое символизируется в Индии брахманом — человеком, рождённым дважды.

Как посвящённый он обладает определёнными привилегиями, подчиняется некоторым ограничениям и может прилагать дальнейшие усилия в своём стремлении достичь адептства. И если ему это удастся, он переходит от почётногo к активному членству в иерархии, и при этом перед ним открываются несколько возможностей выбора. Все они связаны с путями служения, и сделанный им выбор определит его будущий жизненный путь. Мистик сердцем познаёт реальность эзотерической традиции, а посвящённый открывает её посредством собственного разума. И только Адепт пребывает в средоточии тайны, отождествлённый с нею и предназначенный исключительно для её раскрытия через свой достигший совершенства организм. В каждой из школ индийской философии частностям даётся различное толкование, при том, что все они признают Свет Вед и Иерархию Риши, управляющих распространением эзотерической традиции.

Вряд ли в данной работе целесообразно подробно останавливаться на отличающихся большим разнообразием заключениях специалистов в

отношении распределения эзотерических школ в настоящее время, мест, где они находятся, или личностей их учителей и учеников. По всем этим вопросам до сих пор ведутся бесконечные споры, а многочисленные секты выдвигают весьма сомнительные свидетельства в поддержку собственных притязаний. Искатель истины должен научиться умению различать, которое он сможет приобрести, не полагаясь на советы посторонних, а развивая способность суждения. Достаточно процитировать вечно действенную герметическую аксиому, которая гласит: «Когда ученик готов, находится и Учитель». Великие арийские Адепты раскрыли этой расе всю мудрость, какая только необходима, чтобы привести искреннюю душу к ногам Учителя. И отнюдь не отсутствие знаний, а недостаточная преданность и нежелание человека терпеливо выполнять упражнения, ведущие к самосовершенству, — вот что мешает профану достичь ступеней храма.

Риши — это Адепты древности. Доктор Бак называет их «истинно Величайшими и Совершенными Учителями», то есть, пользуясь терминологией масонов, он признаёт их как чудных светочей Великой Ложы древних времён. Эти мудрецы-праведники, как утверждают, не умерли, а, завершив на данное время свою работу, удалились в «леса», чтобы вести там жизнь погружённых в медитацию аскетов, ожидая, когда Владыка призовет их продолжить свою работу. Существует легенда о том, что они останутся в лесах до прихода следующего аватара, а когда пробьёт час, они поднимутся и, встретив его, соберутся вокруг и в глубоких долинах или на вершинах гор станут охранять свою Ложу. Ришам предписано оставаться с человечеством и оберегать расу в течение тех периодов, когда Всевышний погружён в медитацию. Они — слуги Всевышнего и содержат в порядке его дом до того момента, как он, вернувшись, благословит их и обратится к ним со словами: «Вы прекрасно со всем справились, добрые и верные слуги».

Буддизм перенял иерархию Адептов вместе с её величественной структурой, и в буддистских произведениях можно найти более ясное изложение Доктрины. Этот вопрос будет рассмотрен в разделе, посвящённом передаче традиции адептов через буддизм. Невидимое Правительство Мира с его Адептом-царём и кругами Адептов, посвящённых и учеников задаёт нравственный тон восточному образу жизни. Согласно индуистскому мистику, в природе не бывает случайностей. Жизнь разворачивается в соответствии с величественной программой. Человечеству неизбежно уготована высокая судьба; несчастья и трагедии принадлежат к миру призрачных явлений. Неразрушимое «Я» в каждом человеческом существе неизменно растёт, а превратности проходящего

существования подобны испытаниям мистерий, проверкам на мужество и целостность. Ничто реальное не может быть разрушено; ничто нереальное не может сохраниться. Над тем, что представляется несправедливым, стоит всепобеждающая сила правоты. Не может быть никаких сомнений относительно Провидения, никакого страха перед будущим, никаких напрасных сожалений о прошлом. Невидимое Правительство охраняет и руководит, и курс его точен. Между трудными для понимания невидимыми причинами и видимыми следствиями, в которых также трудно разобраться, присутствует великое откровение Вед. Между богами и людьми пребывают излучающие яркое сияние Риши, учителя и посланцы Царя-Адепта. Они — подтверждения реальности веры. Столь благородная доктрина, столь осознанная убеждённость должны дать замечательный результат. Те, кто приняли её сердцем и поняли умом её обоснованность, могут с надеждой смотреть в лицо грядущим вечностям.

Гора Меру

Брахманизм, реформированный с философской и религиозной точек зрения Буддой и его архатами, распространился по всему огромному азиатскому континенту и соседним регионам. Несмотря на то что гора Меру, или Сумеру, не фигурирует в Ригведе, краткое упоминание о ней, встречающееся в «Рамаяне», наводит на мысль о том, что предмет должен быть знаком читателю. Весьма подробно эта тема раскрывается мудрецом Парашарой во второй главе второй книги «Вишну-пураны». В пуранической литературе вообще детально излагается концепция мировой горы, и многочисленные секты, унаследовавшие традиции, импровизировали на эту тему.

Пытаясь создать географию, которая физически согласовывалась бы с их космическими гипотезами, древние арии схематически изображали землю плоской и ограниченной замкнутой цепью гор. В кольце гор располагались концентрически чередующиеся зоны суши и воды. Это описание напоминает рассказ Платона об Атлантиде. В центре гор и морей находится Джамбудвипа, обитаемая земля. Это остров дерева джамбу, дерева мира, дававшего богам сому — напиток бессмертия. Корни дерева джамбу уходят в подземный мир Ямы, а вершина поднялась так высоко, что отбрасывает тень на Луну. Крона дерева джамбу раскинулась в небесном царстве богов, а его ствол служит поддерживающей осью вселенной. Эту концепцию можно узнать в авестийском «древе всех начал»^[20]; тот же символизм возникает в Европе в виде Иггдрасиля, мирового ясеня из скандинавской мифологии.

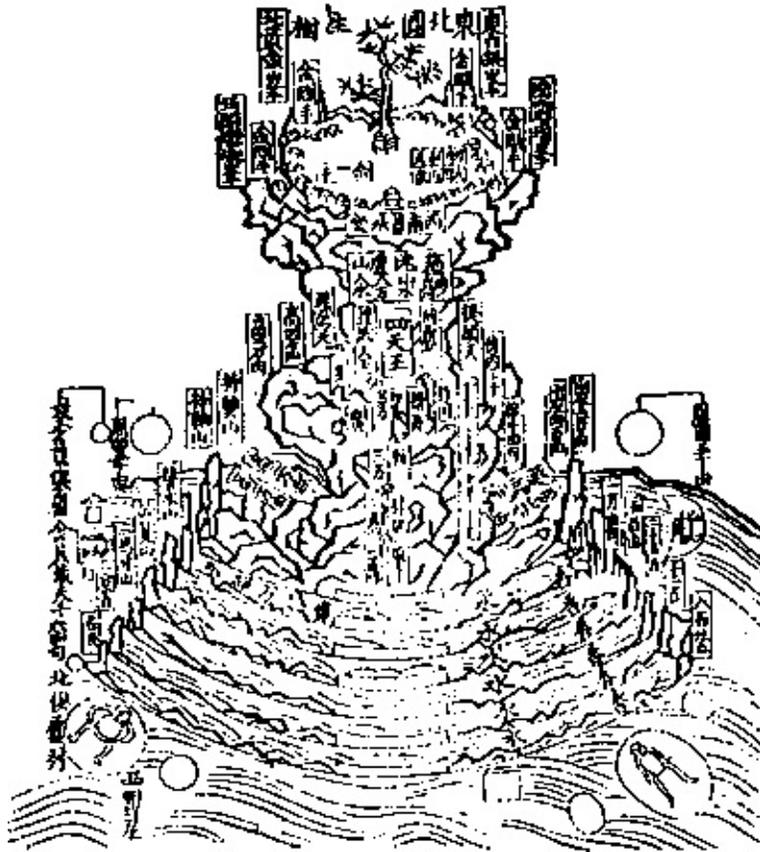
Джамбудвипа по форме напоминает распутившийся цветок лотоса, его лепестки представляют собой обитаемые континенты, а середина взметнулась огромной выпуклостью, давая пристанище божествам. В пуранах описывается, как гора Меру, столп, или ось мира, поддерживающая и объединяющая три аспекта существования — небеса, землю и ад, возвышается посреди Джамбудвипы. Вершина Меру есть небесная земля в форме круглого плато, окружённого, в свою очередь, холмами. Над Меру поднимаются одна за другой сферы, расширяясь в духовной значимости и образуя небесный двойник расстилающегося внизу земного мира. Вершину Меру венчает град Брахмы, и многочисленные горы выступают на её поверхности подобно тычинкам из основания лотоса. Джон О'Нейлл полагает, что *Меру* означает «центральный», или

«основной», подобно латинскому «medius» или староирландскому «medon». К тому же, кажется, здесь есть скрытый намёк на молодое деревце, вероятно, подразумевающее ось. Он считает, что корень «Brahm» — «Брахм» — означает «вращаться», «кружиться», и выдвигает предположение о том, что и в слове «Иггдрасиль» заключён тот же скрытый смысл. В великом финском эпосе «Калевала» ветви вселенского дуба загораживают свет с севера. Сказка о Джеке и бобовом стебле, особенно в русском варианте, является одной из форм изложения концепции мирового дерева.

Во всех системах мироздания, включённых в космическую схему, есть своя гора Меру. Уже в 1808 году Дж. Д. Паттерсон в «Исследованиях Азии» поместил Меру на Северном полюсе, а Ленорман согласился с Ренаном в том, что эта идея уже возникала в древнегреческом мифе о Меропе. В японском буддизме Меру встречается как Сюми (Shumi) или Сомэйро (Someiro); оба названия эквивалентны Сумеру, т. е. центру вселенной. Это то же самое, что и гора Эльбурс (Alburz) у парсов. Меру сравнивается с колоколообразным *дхатурой* (плод), сладким на вкус и погружающим в сон, и с лотосом, жемчужиной Джамбудвипы, или культом золотой яблони жизни, также находящейся в центре «драгоценной Индии»^[21].

Мудрец Парашара подробно описал мировую гору. Его рассказ в основном сводится к следующему: в сфере яйца Брахмы вращаются планеты. В самой середине яйца находится поддерживаемый эфиром земной шар — носитель высшего могущества Брахмы, представляющего по своей природе независимую силу. В земле есть семь пустот, обиталищ змеев и демонов. Золотая гора Меру проходит через середину земного шара и выходит на поверхность с двух сторон. На её верхнем конце располагаются Индра, боги и мудрецы. На её нижнем конце подобным же образом находят пристанище демоны. Гору-ось окружает со всех сторон великий океан, разделяющий, словно пояс вокруг земли, полусферы богов и демонов. Со всех сторон от Меру располагаются острова или континенты, вытянувшиеся подобно лепесткам перевернутого лотоса. В обоих направлениях от Меру посреди неба неподвижно стоят две Полярные звезды. Пещеры под Меру — это паталы, и в этих таинственных местах блуждают прелестные дочери дайтьев и данавов, пленяя даже самых строгих. Ниже семи паталов находится исходящее из самой тьмы ложе Вишну — Шеша. Это огромный змей с тысячью голов, каждая из которых отмечена мистическим знаком свастики. Именно на этом змее Вишну спит на протяжении периодов творения, и на многочисленных головах змея покоится мир.

圖山彌須

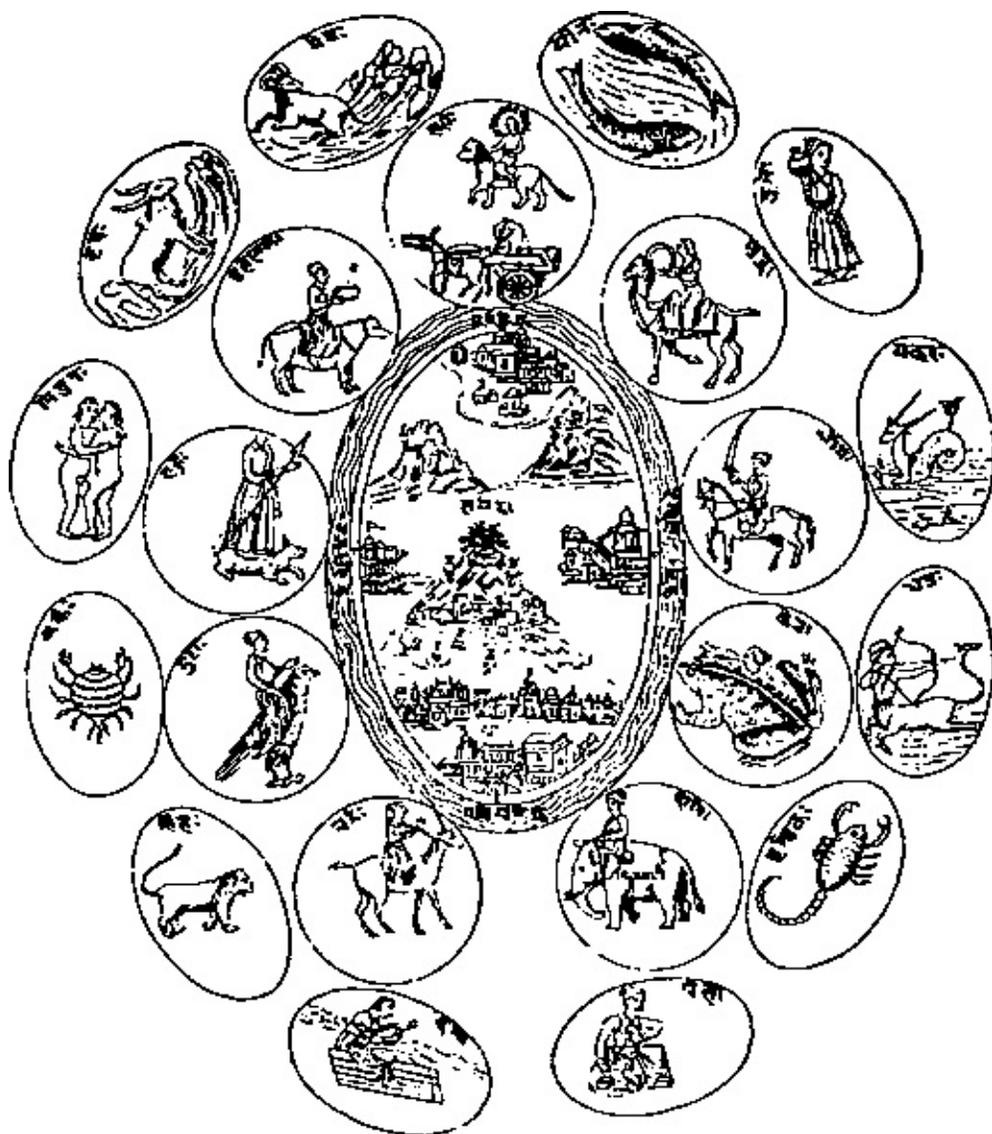
На рис.: Гравюра на дереве с изображением вселенской горы (Япония, XVII век).

Из индийской литературы очевидно, что Меру находится на полюсе, поскольку определённо утверждается, что в месте её расположения градусы широты не имеют значения. Пещеры под горами относятся к семи телам планетарных глобусов. Под паталами располагаются отделения Нараки, двадцать одна часть ада. Солнце освещает все уголки поверхности Джамбудвипы, за исключением вершины Меру. Солнце движется вокруг мира таким образом, чтобы Меру всегда оставалась справа от него; следовательно, в то время как в южных краях царит день, за Меру — ночь. В «Исследованиях Азии» приводится индусский зодиак. Во внешнем круге представлены зодиакальные знаки; во втором круге — планеты и точки пересечения орбит. В центре находится земля, окружённая великим морем. На ней высится гора Меру, увенчанная лучезарным двором Брахмы. Приблизительно такова признанная классификация индусской космогонии,

и очевидно, что она вдохновлена формой лотоса. Шесть сидящих на склонах Меру фигур, возможно, являются Риши в состоянии медитации.

Есть несколько различных подробных описаний горы Меру, и одно послужит тому, чтобы показать направление символизма. Высота Меру составляет восемьдесят четыре тысячи йоджанов^[22]. Вершина горы в диаметре больше её основания, так что она напоминает семенную чашечку земного лотоса. Меру разделяется на три пика, на которых располагаются три священных града. Под ними находятся восемь городов, в которых пребывают регенты восьми направлений пространства. На самой высокой вершине раскинулся огромный град Брахмы, окружённый рекой Ганг. В «Бхагавате-пуране» эта священная река протекает через большой палец левой ноги Вишну. В «Вайю-пуране» эта река просто стекает с лунной сферы и не имеет отношения к Вишну.

Рис. ниже: Индусский зодиак. Планеты и созвездия сгруппированы вокруг земли, окружённой океаном. Посреди земли возвышается Меру, на вершине которой растёт Древо Жизни.

У святой горы четыре склона, которые обращены к главным сторонам света и имеют разные цвета: красный — к северу, жёлтый — к югу, белый — к востоку и тёмно-коричневый или чёрный — к западу. Четыре реки берут начало в одном источнике, находящемся под ногой Вишну на месте Полярной звезды. Они разделяются на вершине Меру и вытекают из зева коровы, слона, льва и коня. Реки орошают четыре области, в которых растут четыре древа жизни для различных человеческих родов (буддисты, кстати, признают только одно древо жизни). На вершине Меру живёт Индра со своим женским аспектом Индрани. На той же самой золотой горе, иногда называемой Кайласой, обитает Шива. Сумеру, Маха-Меру, Кайласа, Калайя и Суралайя — всё это названия одного и того же небесного пика.

В пышных чертогах на вершине и склонах Меру живут семь богов —

главы небесной сферы. Они, по-видимому, умножаются или проявляются на различных уровнях святости как Риши, Септариши, Махариши, Ману или Муни. У Меру есть пара, или адский двойник, Ку-Меру. Он находится на крайнем юге и, вероятно, означает Южный полюс с его асурами, или злыми духами. Демон Асмодей бежал на юг. Ариман проделал в земле проход, и нечестивцы падали в него вниз головой, оказываясь в южной преисподней вверх ногами. По убеждениям халдеев, двенадцать южных дополнительных зодиакальных созвездий имели власть над мёртвыми. В египетской мифологии самая северная часть земли поднималась, пока не коснулась небес. На южной оконечности земли была другая гора, где обитали боги юга. Это были божества Аменти, пребывавшие на перевёрнутой территории, или в противоположном мире.

Как гласит предание, Индра, старинный индусский бог ветра и неба, лишился на некоторое время своего царства в пользу асуров, звёзд Северной полусферы, находившихся под властью Ямы, у которого был двор в Южном полярном круге. Индра и суры (добрые духи) правили из Северной полусферы. Метрополия Меру является Олимпом Индры, горой золотых россыпей. Индра соответствует римскому Юпитеру. Он сидит во главе небесного отряда, который размещается на вершине Меру. В пределах Меру находится самодвижущаяся колесница богов. Там пребывает четырёхликий Брахма, а также величайшие из тех, кто знают Веды, великие боги и боги, занимающие более низкое положение. Двор Брахмы составляет весь земной мир. Тысячи великих богов пребывают при этом прекрасном дворе. Там обитают и брахмариши, мудрые и замечательные учителя.

У дерева-оси мира есть три слоя, каждый из которых называется корой. Наружный слой — это Брахма, второй — Вишну и внутренний — Шива. Плавающий на воде лотос является эмблемой мира. Стебель выходит из пупка Вишну, спящего на дне океана, а цветок — это колыбель Брахмы для человечества. Меру включена в символику воспроизводства, олицетворяя мужской принцип. Считалось, что мир имеет сходство с символическим лингамом, которому до сих пор поклоняются приверженцы Шивы. Следовательно, зародыш является не только Меру, но и лингамом. Лепестки и тычинки — это горы, которые окружают Меру и к тому же являются символом йони.

В индусском искусстве бог Шива изображается в своём земном раю, Кайласе, находящемся на вершине одного из многочисленных пиков удивительной и таинственной горы Меру. Слово «Кайлас», или «Кайласа», возможно, имеет тибетское происхождение и является названием горы в

Тибете к северу от священного озера Манасаровара. Этот пик достигает высоты примерно в 6700 метров, а формой в общих чертах напоминает индусский храм с удалённой конической верхней частью. Это известное место паломничества индусов. После заключения лхасского договора^[23] западный Тибет стал открытым для народа Индии. Как индусы, так и буддисты торжественно совершают паломничество и обходят гору кругом. Это путешествие занимает в среднем три дня. Ритуал, конечно, чисто символический, и гора Кайласа просто олицетворяет недоступную Меру.

Согласно восточной эзотерической традиции, Меру находится на Северном полюсе аурического поля земли. На самом деле это вовсе и не гора. Она обозначает интеллектуальный фокус сил, которые правят и поддерживают планету. Ниже Меру располагаются сферы иллюзии, семь слоёв магнитного строения земли. Среди них, подобно острову, находится физический земной шар со своими континентами. Считается, что магнитный полюс планеты расположен непосредственно под Меру. Когда во время великих геологических процессов полярные шапки планеты отвердели, они образовали континентальные зоны, которые постепенно вытягивались в направлении экватора. Первые застывшие участки назывались Священными Островами, или Нерушимыми Землями. Северный остров соответствовал тому месту, которое теперь занимает огромная пустыня Гоби, и именно там были порождены первые живые существа. Обитавшие в небесном «надземелье» боги спустились на полярную шапку, названную «коронай матери-земли». Создания, которым надлежало заселить планету, эволюционировали на магнитном плане раньше, чем возник физический земной шар. Когда планета уже была в состоянии сохранять физические формы, эти существа сошли на неё, чтобы стать основателями рас и родов.

Иерархия обитает на горе Меру. Божества, ответственные за руководство земным миром, собираются на совет в её огромном дворце для приёмов подобно богам-олимпийцам древних греков. Здесь же собираются риши-люди, великие мудрецы, служащие орудиями Царя Мира. Эта концепция планетарного правительства находит отражение внизу, превращаясь на земле в великую школу Адептов и Посвящённых. По аналогии со строением человека Меру соответствует разуму с его возможностями, а земной носитель разума — мозг — аналогичен формальному объединению Адептов, которое является Невидимым Правительством земли. От мозга исходят импульсы, контролирующиеся физическое тело и управляющие им, но источником этих импульсов является не мозг, а осеняющий его разум. Меру, планетарный разум,

связана с великим солнечным орденом, или Иерархией, через тридцать два порядка высших существ, которые восходят к единению с сознанием Солнца. Как сам разум является атрибутом сознания, его распространением в более высокие субстанции мира форм, так и Меру расположена в той точке планеты, в которой духовная и материальная субстанции встречаются и создают нейтральную зону.

Символизм индусской географии, подобно Птолемеевой геоцентрической системе мира, является верным на его собственном плане, даже если кажется, что он нарушает современную гелиоцентрическую концепцию структуры солнечных систем. Именно земной элемент, или субстанция, а не планета помещён в центр аурического поля реальных, но невидимых энергий. Спуск богов с Меру эквивалентен вхождению сущности в тело в момент воплощения. Те же самые процессы повторяются на всех планах существования. Меру играет важную роль в традиции Адептов, потому что с её помощью объясняется нисхождение божественной мудрости в тайну зарождения. Религия мудрости не приемлет веру в то, что человек создаёт в самом себе просто под влиянием окружающих обстоятельств универсальные знания, необходимые для его защиты. Как жизнь входит в форму, чтобы стать личностью, так и Вселенская Истина нисходит в эту личность, когда организация последней становится достаточно совершенной и личность — просвещённой. Та же самая процедура, с помощью которой архат, превращаясь в подходящий приёмник, достигает идентичности с мировым сознанием, объясняет, каким образом Свет Вед, создав сначала планетарный разум (Меру), струится сквозь него, подобно небесной реке, и стекает четырьмя потоками, чтобы оросить равнины Джамбудвипы.

Таким образом, Меру представляет собой архетип грядущего мира и позднее ассоциируется с Майтреей Буддой. В конечном итоге модель Меру будет отпечатана на всей социальной структуре человечества. Пока же, однако, эта модель отражена в школе Адептов, являющейся зародышем, или семенем, Меру. Школа раскрывается подобно символическому лотосу и распространяет своё могущество по всему миру, а её золотым сердцем является Чанг Шамбала северных буддистов. Это столица Адептов, находящаяся непосредственно под райской обителью богов. В Индии считается, что Совет Адептов происходит в Гобине, отдалённом святилище, расположенном в неприступной пустыне Шамо, или Гоби. Гобина стоит на выходящем на поверхность пласте азойской^[24] горной породы, которая представляет собой старейшую материальную субстанцию земли. Этот выход пласта и есть Нерушимая Земля. Он несёт на себе первые отпечатки

ног богов. Следовательно, Гобина является земной Меру, центром великих систем школ мистерий.

Расы и виды разворачиваются в соответствии с географией концепции Меру, а через них Правительство Мира медленно, но неизбежно совершенствуется. Меру есть печать, и земля обнаруживает на себе и внутри себя отпечаток этой печати. Это, естественно, не место, а состояние сознания. Однако даже у сознания есть свои размеры и обиталище. В высшей степени символические описания Меру ничуть не более удивительны, чем аналогичные рассказы о Новом Иерусалиме. Святой город божественного откровения, подобно обители индусских богов, имеет квадратную форму, омывается рекой жизни, освещается светильником (светом Бога), а в нём растёт дерево, предназначенное для врачевания народов.

Градом Божиим Святого Августина является Сумеру, а град зла этого доброго святого, который он называет Вавилоном, — не что иное, как Ку-Меру, или Южный полюс. Эта доктрина пришла из Египта, но, как признавали сами египтяне, первоначально она была занесена из Индии.

Аристотель придавал особое значение распространённой практике персонификации вселенских энергий и сил, создающей на этом пути пантеоны божеств. Вся концепция Меру является таким процессом олицетворения мировых посредников в целях интерпретации и объединения в различные сочетания принципов, которые сами по себе являются слишком абстрактными, чтобы их можно было понять.

Взойдя по лестнице планетарных зон, Святой Иоанн подошёл к маленькой дверце в небесной стене. Войдя в неё, он оказался в величественном духовном чертоге по ту сторону небес. Расширив толкование по примеру Св. Иоанна, можно сказать, что Меру — это не только гора на полюсе, а ещё и небесная земля, которая охватывает земную. По этой причине индусы утверждают, что зарождение физического мира происходило в утробе Меру. Таким образом, планета представляет собой эмбрион, плавающий в амниотической жидкости^[25] и окружённый маточной оболочкой неба.

В индусской астрономии все планеты пребывают в эмбриональном состоянии. Действительно родились только Солнца. Описание находящейся под Меру преисподней со всеми её пещерами и туннелями относится к земле как к физической планете и к её эфирной оболочке. Как ещё не родившееся дитя получает питание от энергий его родителей, так и ещё не рождённая планета поддерживается жизненной силой Меру, которая её окружает. Великая школа повторяет этот процесс на более низком уровне.

Её назначение заключается в том, чтобы довести находящееся в эмбриональном состоянии человечество до момента рождения во чреве мистерий. Человек рождается тогда, когда дух мудрости в нём достаточно окрепнет, чтобы обеспечить ему личный контакт с источником вечной жизни. А до той поры боги питают его через Адептов.

Парашара

История рождения Риши Парашары изложена в *Адипарве*^[26] «Махабхараты». Она проходит через несколько глав, начиная со 178-й. Отцом мудреца был Шактри, сын Риши Васиштхи. Некогда жил царь по имени Калмашапада. Этот царь был страстным охотником и однажды, будучи в лесу, повстречался с Шактри, человеком высокой души и самым старшим из ста сыновей (учеников) Риши Васиштхи. Царь приказал мудрецу Шактри сойти с пути, чтобы дать ему пройти по узкой тропинке. Шактри ответил кротко и любезно: «О великий царь, вот мой путь. Это путь извечной религии. А согласно всем заповедям религии, царю надлежит уступить дорогу брахманам».

Возник спор. Царь требовал, чтобы его приказание было исполнено, а праведник отказывался уступить. В конце концов Калмашапада ударил святого плёткой. Мгновенно придя в ярость от такого применения физического насилия к святому лицу, Шактри проклял царя, объявив, что в тело Калмашапады войдёт злой дух и что отныне он будет каннибалом, блуждающим по земле и пожирающим человеческое мясо. Повинуясь проклятию Шактри, ракшаса по имени Кинкара вселился в царя, и тот пришёл в ужасное отчаяние и лишился рассудка. Позднее, изводимый злым духом, который обитал в его плоти, царь, скитаясь, случайно столкнулся с Шактри в уединённом месте. Он крикнул святому человеку: «Коль скоро ты наложил на меня это исключительное проклятие, то я начну жизнь людоеда с того, что съем тебя». Так сумасшедший царь убил Шактри и жадно проглотил его, подобно тому, как тигр пожирает свою добычу.

Впоследствии Адхрисанти пришла к своему свёкру, Риши Васиштхе, и поведала ему: «Я — Адхрисанти, жена Шактри! Я воздержанная женщина, исповедующая аскетизм». Потом Адхрисанти сказала Риши, что носит во чреве дитя, зачатое Шактри. Старый Риши очень обрадовался, потому что это должен был быть ребёнок его рода, а посему он отвёл женщину в своё уединённое жилище. Однажды Васиштха увидел бродящего в уединённом лесу царя Калмашападу. Он приблизился к помешавшемуся правителю и окропил его водою, освящённой святыми молитвами. Тут же к царю вернулся рассудок, и он приветствовал Риши такими словами: «О высокочтимый Риши, я твой ученик. Поведай мне, чего ты сейчас желаешь и что я должен исполнить». Риши повелел ему вернуться в его царство, править мудро и руководствоваться Ведами.

В приюте отшельника Адхрисанти произвела на свет сына, родившегося Учителем Вед. Ребёнок считал своим отцом Риши Васиштху, но мать, не желая, чтобы её сын обманывал самого себя, рассказала мальчику всю историю смерти Шактри. Вот так и случилось, что юноша, которому суждено было стать известным миру под именем Парашары, затаил в сердце смертельную обиду на ракшасов. Став взрослым, Парашара произнёс таинственные заклинания, с помощью которых решил уничтожить всех ракшасов. Эти демоны относятся к тому же классу, что и кабиры египтян и титаны древних греков.

Согласно легенде, древние народы Атлантиды разделялись на две группы: тех, кто сохранял внутреннюю связь с божественной силой, и остальных, лишившихся внутреннего зрения и посвятивших себя осуществлению материальных устремлений. Ракшасы были потомками последней группы, и в индусских писаниях они представляют собой примитивные создания более низкого порядка, которые противостояли ришам, преподававшим более прогрессивные и цивилизованные нормы нравственности. В более широком смысле эти демоны, или злые духи, были просто животными инстинктами и наклонностями, пытавшимися одержать победу над вдохновенными служителями Вед. Следовательно, ракшасы как некая группа были и остаются персонификациями атавистического порядка, или обращением к более примитивному типу и возрождением этого типа или его характерных черт на более поздних и более высоких уровнях развития культуры.

Парашара сидел перед тремя ярко горевшими огнями, и его собственное тело казалось четвёртым огнём. Языки пламени поглощали бесчисленных злых духов, молодых и старых. Чтобы положить конец этому ритуалу уничтожения, к Парашаре подошёл великий и великодушный Риши Атри с четырьмя другими мудрецами, и Риши Пуластья произнёс: «О Парашара, спокойствие — твоя высшая добродетель; так блюди спокойствие... О сын Васиштхи, то, что случилось с твоим отцом, произошло с ним из-за его же собственного проклятья. Шактри был взят на небеса по его же вине. О Риши, никакой ракшас не мог проглотить твоего отца; он сам подготовил свою смерть... Откажись от этого жертвоприношения. Пусть оно завершится».

Тогда Парашара отбросил зажжённые им огни и забросил их так далеко, что они упали в огромном лесу к северу от Гималаев, и эти огни можно увидеть там и по сей день. Благодаря покровительству мудрого Пуластья и обладавшего божественно глубокими знаниями Васиштхи, Парашара, на которого снизошло просветление и который освободил своё

сердце и разум от жажды мести и раскаяния, получил представления, позволившие ему создать *Вайшнава* или *Вишну* пурану, состоящую из десяти тысяч стансов. В «Вишну-пуране» ученик Майтрейя, кратко перечисляя ряд рассказчиков части «Бхагаваты», утверждает, что эта первая пурана была передана ему его гуру Парашарой, как того пожелал Пуластья.

Риши Пуластья был одним из тех, кого называли «рождёнными разумом сыновьями Брахмы». Согласно одной из версий, Пуластья произошёл из уха Брахмы. Рассказывают, что у патриарха Дакши было двадцать четыре дочери. Одна из них, по имени Прити, что означает «привязанность», стала женой Пуластья. Этот Риши был отцом Вишравасы, а тот в свою очередь отцом Раваны, царя Ланки, который встречается в качестве отрицательного героя в «Рамаяне». Пуластья ездил в колеснице Солнца как один из семи стражей в месяце мадху, или чайтра. В третьей книге «Вишну-пураны» риши текущего великого цикла (манвантары) описываются как потомки по прямой линии семи рождённых разумом мудрецов. В этом ряду Даттоли был сыном Пуластья. Складывается впечатление, что цель заключалась в том, чтобы с помощью ряда загадочных имён указать на проявление в каждом цикле определённых божественных сил и атрибутов. Их список слишком сложен для подробного рассмотрения в настоящей работе.

Когда у божества возникала необходимость проявиться, оно всегда выбирало одно из семейств, происходивших от Риши. В «Вишну-пуране» Парашара так объясняет эту тайну Майтрейе: «В критя-югу Вишну в обличье Капилы и других (вдохновенных учителей), радеющий о благе всех созданий, снисходит как их мудрость. В трета-югу он держит в узде нечестивых, выступая в обличье вселенского государя (некоего Чакравартина), и защищает три мира. В двапара-югу он в роли Ведавьясы делит одну Веду на четыре части и разбивает её на бесчисленные разделы; а в конце кали-юги (или четвёртого века) он появляется как Калки^[27] и возвращает греховных на путь (нравственности). Таким образом вселенский дух сохраняет, создаёт и наконец разрушает весь мир».

Упомянутые здесь века являются югами, или четырьмя периодами времени, на которые разделён каждый цикл. В кали-югу Вишну появится как Калки, аватара на белом коне. Ссылаясь на написанную в форме диалога «Вишну-пурану», Е.П. Блаватская писала, что Парашара, арийский Гермес, давал наставления Майтрейе, индийскому Асклепию.

На рис.: *Калки — аватара Вишну с Белым Конём (по рисунку индийского художника).*

Даты жизни Парашары указываются по-разному, но считается, что он жил между XIV и VI веками до н. э. Подобная неопределённость, возможно, обусловлена тем, что этим именем называли нескольких людей, выступавших составителями или интерпретаторами «Вишну-пураны».

Божество покажется в обличе или в сопровождении белого крылатого коня с дивной сбруей. Конь изображается с поднятой левой ногой, но когда он опустит её на землю, нечестивые и грешные понесут наказание. Не является ли этот белый конь таинственным конём Муз, Пегасом, который возникает как некий важный символ во время происшедшей в XVII веке

реставрации эзотерической доктрины в Европе?

Шесть систем

Профессор Макс Мюллер в предисловии к своей монографии о школах индийской философии особо упоминает о своём восхищении честностью, пронизывающей эти системы. Описывая древних мудрецов и их доктрины, он заявляет: «Если они — идеалисты, доходящие даже до нигилизма, то так и говорят, и если они считают, что вещественный мир нуждается в реальном, хотя и не обязательно видимом или осязаемом субстрате, то ни в коем случае не боятся говорить об этом. Они *честные* идеалисты или материалисты, монисты или дуалисты, теисты или атеисты, потому что их благоговение перед истиной сильнее их благоговения перед чем бы то ни было ещё».

Школы, которые развились на основе огромного количества священных книг и комментариев к ним, называются ведантой, пурвимиансой, санкхьей, йогой, ньяей и вайшешикой. Термин «миманса», связанный с названием каждой школы, означает «исследование», или «метод изучения откровений великих учителей». И хотя все шесть систем не совсем сходятся во взглядах, их принято считать по существу взаимодополняющими. Индолог же считает, что эти исследования образуют эволюционную последовательность и каждая школа развивает или раскрывает главную концепцию. Каждая школа имеет собственные метафизические, религиозные и философские предписания.

Считается, что ведический период индийской философии продолжался с 1500-го по 600 год до н. э. В течение этого времени индийские системы проходили ритуалистические, теологические и спиритические этапы, почти всегда присутствующие на начальной стадии развития этической культуры. Эпический период продолжался с 600 года до н. э. до 200 года н. э. и отмечен преобразованием религиозной концепции. К эпическому периоду относится возникновение двух важных вероучений: джайнизма и буддизма. В этих школах приоритет принадлежал философским воззрениям, породившим то, что получило название идеалистического материализма. Период формирования и развития шести систем начался около 200 года н. э., и школы, возникавшие в этот период, продолжали пользоваться заметным влиянием.

Каждая из шести систем связана с именами, жизнями и учениями прославленных мудрецов и святых. В большинстве случаев исторические сведения скудны и составить их жизнеописания трудно; но считалось, что

основоположники обладали выдающимися способностями и силами. В соответствии с определением слова «адепт», знаменитые люди, раскрывшие систему, имеют право быть причисленными к посвящённым учителям восточной мудрости. Существует странная путаница с использованием имён, под которыми несколько личностей становились продолжениями или проявлениями друг друга. Так как учитель всегда отождествляется со своей миссией и доктриной, которую пропагандирует, то возможно, что при упоминании ряда мудрецов подразумевается происхождение школы.

Система *веданты* основана на сутрах Бадараяны. Об этом учителе известно очень мало. Его считали святым, и он является одним из нескольких учёных древности, чей авторитет не уступает авторитету оригинального труда. Философию веданты можно кратко сформулировать следующим образом: «Нет ничего достойного обретения, нет ничего достойного наслаждения, нет ничего достойного познания, кроме одного Брахмана, ибо тот, кто знает Брахмана, есть Брахман». В данном случае термин «Брахман» означает «абсолютную реальность». Мокша, или вечное блаженство, есть освобождение от тирании внешних оболочек, которые беспрестанно меняются или переходят от настоящего состояния к будущему. Майя — это не материальная иллюзия, а выражение относительности как отличия от реальности. Просветление — это принятие, переживание того, что душа неизменно составляет единое целое с реальностью. Покров иллюзии — это принятие того, что менее значительно, чем Брахман. Цель нравственной дисциплины — не победа добра над злом или разгадка тайны бытия, а всего лишь переживание реальности как завершенности в Брахмане.

Мудрец Джаймини органично связан с появлением *пурва-мимансы* как текста, за который он несёт личную ответственность. Не будучи по существу философской доктриной, *пурва-миманса* превратилась в общую систему, занимавшуюся раскрытием сути долга (дхармы). Слово *пурва* означает «предшествующий», а название школы может быть переведено как «более раннее исследование». В этой школе отсутствуют какие бы то ни было указания на то, что мир нереален или что индивидуальные души всего лишь непросветлённые осколки целого. Выполнение долга состоит в соблюдении ряда обычаев, большей частью ритуальных, включающих добродетельные и этичные поступки. Сама жизнь считается ритуалистической, и каждый поступок, совершённый человеческим существом, где-нибудь или когда-нибудь производит соответствующий результат. Таким образом, спасение души оказывается следствием

причины, приводимой в действие искателем истины.

В *санкхье* имеются свидетельства заимствования из доктрин веданты, йоги и ньяи. Развитие во всех его формах — это высвобождение в проявленное состояние скрытых потенциальных возможностей. По-видимому, здесь подразумевается, что за проявлением скрывается в ожидании высвобождения беспредельная сила. Человеческие души обособлены и индивидуальны, и освобождение есть свобода от пракрити (природы). Систему *санкхья* можно охарактеризовать фразой «свобода через распознавание». Человек обретает своё истинное место в модели вселенной путём осознания наличия высших качеств. Он должен усердно добиваться спасения, даже если по существу неразрушим. Разумное «я» является наблюдателем и остаётся им до тех пор, пока не поглощается вещами видимыми, слышимыми или допускаемыми на основании доказательств, предоставляемых органами чувств и способностями. *Пракрити* деятельна и изменчива, а *пуруша* (Я) озаряет объективную реальность изнутри и, следовательно, может быть единственным свидетелем. Практически *санкхья* учит тому, что неоплатоники называли «победой Я над обстоятельствами».

По индийскому преданию, создателем системы *санкхья* был Капила. Точных сведений о нём нет, но, по-видимому, это была историческая личность. Поскольку буддизм обнаруживает зависимость от его учений, то он жил, вероятно, до середины VI века до н. э. Существует множество легенд о жизни Капилы, но все они запутанны и противоречивы. Буддийское учение связывает имя Капилы с городом Капилавасту, местом рождения Будды Гаутамы. Возможно, в этом заключен тонкий намёк на происхождение буддийской доктрины.

О сохранившихся трудах Капилы ничего не известно. Те же, на которых имеется его имя или имена, приписываемые ему, похоже, относятся к более позднему времени. Он вспоминается главным образом как олицетворение философской концепции. Имена Капилы и Патанджали соединяются, обозначая источник философских школ *санкхьи* и *йоги*. Параллельное существование систем Капилы и Будды дало повод к появлению старинного выражения: «Если Будда знал закон, а Капила нет, то что есть истина? Если оба были всеведущими, то как же они могли иметь различные взгляды?». Профессор Мюллер не был внутренне убеждён, что Будда заимствовал что-либо из философии *санкхьи*. Индийские же учёные склонны не соглашаться с этим выдающимся германским ориенталистом.

Есть указание на атеизм Капилы. Он, как считают, утверждал, что нет

никаких логических доказательств существования единого Бога. К тому же он пропагандировал учение о перевоплощении, а Патанджали выдвигал доводы против него в связи с признанием существования Верховного Существа, обычно называемого Ишварой, Владыкой. В «Бхагавата-пуране» ясно указывается, что Капила *возродил* санкхью. Это, вероятно, означает, что какая-то часть доктрины существовала до него. Подобное уклонение от ответственности за создание системы мышления — обычное явление во всей индуистской религии. Всё является возрождением, а истоки обсуждаются редко. Капила признают основателем школы санкхьи, которая несомненно базировалась на более ранних традициях.

Лучшее определение системы *йоги* можно дать, сравнив её с учениями школы санкхьи. Патанджали приписывают авторство «Йога-сутры», но и в этом случае учитель также выступает только в роли возрождающего учение и составителя книги. Патанджали иногда называют Шешой, Божественным Змеем. Период его жизни отнесён ко II веку до н. э., но это неизбежно вызывало споры, если он действительно дискутировал с Капилой. Возможно, он был тем самым Патанджали, грамматистом, а может быть, и нет. Так как он жил и работал примерно за двести лет до рождения Христа, то это можно объяснить недоразумением. Человек, называемый Вьясой, — вездесущий составитель — подготовил комментарий к «Йога-сутре», но этот мудрец вряд ли мог быть Ведавьясой.

Первоначальная концепция *йоги* являла собой протест против тирании разума. Истинное приобщение к реальности обретается путём пресечения умственной деятельности и достижения состояния самадхи. Существует несколько *йог*, которые подходят людям с теми или иными интересами и склонностями. Преодоление пути обучения происходит посредством наложения ряда ограничений на объективную жизнь, тело и эмоциональные и умственные функции. Слово *йога* означает «слияние», но не обязательно идентичность с любым личным представлением о Божестве. Через переживание самадхи совершенная жизнь в духе и духа познаётся как трансцендентность всех объективных процессов. *Йог* достигает правильного восприятия вечных истин, по сути лишённого каких-либо признаков или атрибутов. Цель заключается в удержании сознания в недифференцированном Бытии.

Система *ньяи* сформировалась как единое целое, по-видимому, около 150 года до н. э. Её фундаментальное руководство, «Ньяя-сутра», было написано или составлено святым логиком Готамой, называемым иногда Акшападой, «зрячими ступнями», то есть тем, чей взгляд устремлён на собственные ноги. Не следует путать этого Готаму, или Гаутаму, с Буддой.

Слово *ньяя* означает «логика», но обозначенная таким образом система не ограничивается тем, что вкладывается в это понятие на Западе, и раскрывается как законченная философская система. Ньяя признаёт четыре источника истинного знания: восприятие, умозаключение, аналогию и надёжное доказательство. Важнейшим из них считается умозаключение. Многие в разработке силлогизмов ньяи напоминают категории Аристотеля. Как и перипатетическая система, эта восточная школа избегает непосредственного изучения Бога, или Первопричины. Божество само по себе всемогуще и всеведуще, и эти качества поддерживают вселенную. Бог, однако, не имеет таких атрибутов, которые приводят к вовлечению его в цикл существования.

Правильность знания не является самоочевидной. Факт необходимо доказать, применив его на плане действия. То, что не оправдывает разумных ожиданий, не может считаться истинным. Таким образом сдерживается склонность к религиозной спекуляции, а прагматические идеи или доктрины просеиваются через сито распознавания. Индивидуум является самопобуждающимся агентом, обладающим качествами, которые делают возможным достижение достаточности. Личность и тело представляют собой отдельные сущности, а внутренний мир обогащается приобретением знаний. Всё невидимое или выходящее за пределы убедительного определения подлежит познанию или открытию путём построения строго упорядоченных умозаключений. Неизбежный вывод будет правильным, если процессы его получения адекватны и не содержат ошибок. Неотъемлемой частью школы ньяи является индуктивная система, развитая позднее в европейской философии Фрэнсисом Бэконом.

Система *вайшешики* ассоциируется с именем Канады, «поедателя атомов». Имена Канада, Канабхакша, или Канабхудж, имеющие одно и то же значение, относятся, вероятно, к атомистическим спекуляциям этого мудреца и являются прозвищами. Канада создавал своё основное произведение, «Вайшешика-сутра», между II и IV веками нашей эры. Именно в космогонии этой системы излагается теория атомов. Вселенная проходит через периодические циклы творения и разрушения, или проявления и непроявления. В течение Ночи Браммы, или периода растворения, частицы, из которых состоят элементы, остаются отдельными и диссоциированными. Новое возникновение космоса есть результат соединения душ и атомов. Это слияние происходит, первоначально, в более разрежённых элементах, и процесс их соединения продолжается до проявления всех структурных форм. Растворение представляет собой обратный процесс. Полное уничтожение невозможно, поскольку все формы

в конечном итоге разлагаются на атомы, а они неразрушимы.

Всеобъемлющая концепция, естественно, приводит к развитию последовательной этической концепции. Души человеческих существ индивидуальны, но вечны. Отделённые друг от друга, они рассеяны в пространстве, но всё же проявления способностей души — понимания, ощущения и действия — ограничены концентрацией в телесном. Определение атома становится также и определением «я» и формулируется как «нечто существующее, не имеющее причины и вечное». Основным принципом школы является анализ, направленный на открытие характерных особенностей мира. Индивидуальность рассматривается как признак и доказательство истинности концепции частностей.

По словам профессора Хириянны (M. Hiriyanna), «можно считать, что эти шесть систем распадаются на три пары: ньяя — вайшешика, санкхья — йога и две мимансы, так как члены каждой пары согласуются друг с другом либо по общему метафизическому мировоззрению, либо по исторической основе, либо по тому и другому» («Outlines of Indian Philosophy»).

Тот же самый автор делает ещё одно важное замечание о том, что не стоит предполагать, будто шесть систем возникли в те времена, когда официально сформировались школы. Упоминания о «древних пророках», встречающиеся в преданиях об истоках, свидетельствуют об их глубокой древности. Действительно, эпоха сутр — религиозной литературы особенного для Индии типа, была периодом обращения к письменной форме. Более древние устные учения бережно хранились и увековечивались, передаваемые от учителя к ученику. Знания, вначале не предназначенные, как слишком священные, для открытого распространения, впоследствии стали доступными благодаря усилиям толкователей и реформаторов. После заката брахманических мистерий естественно последовал век откровения. Считалось целесообразным или даже необходимым расширить интеллектуальную жизнь людей. Этот процесс был почти идентичен объяснению орфической теологии древних греков в философских школах, созданных такими посвящёнными учителями, как Пифагор и Платон.

Сэр Уильям Джонс, первый востоковед, провёл несколько интереснейших аналогий между шестью индийскими системами и школами древнегреческой философии. Он приравнял веданту к платоновскому направлению, санкхью — к итальянскому, пурва-мимансу — к сократовскому, ньяю — к перипатетическому и вайшешику — к ионическому. Сэр Уильям пришёл к заключению, что логик Готама соответствует Аристотелю, Джаймини — Сократу, Вьяса — Платону,

Капила — Пифагору, Патанджали — Зенону, а Канада — Фалесу. Даже если эти параллели и носят чересчур общий характер, то наблюдения интересны.

«Бхагавадгита»

«Бхагавадгита», или «Божественная Песнь», занимает главы с двадцать пятой по сорок вторую *Бхишмапарвы*^[28] «Махабхараты». Она построена в форме диалога между героем Арджуной и богом Кришной, который проявил себя на земле, чтобы восстановить справедливость. «Песнь» настолько естественно занимает отведённое ей место, что было бы затруднительно представить её как более позднюю вставку. Поэтому индусские писатели склонны относить этот диалог к XIV или XV веку до нашей эры. «Бхагавадгита» — не только руководство для образованных и думающих людей Индии, но и произведение, глубоко почитаемое народными массами^[29].

«Махабхарата» является одной из величайших эпических поэм индийской литературы. Считается, что главной сюжетной основой повествования послужила борьба двух древних кланов. Хотя и записанная только в начале христианской эры, она увековечивает события, произошедшие почти за три тысячелетия до этого. Ссоры связанных родством семейств кауравов и пандавов закончились войной.

Два клана со своими союзниками расположились на поле Куру, рядом с местонахождением современного города Дели. Арджуна, знаменитый стрелок из лука и предводитель пандавов, взглянув по ту сторону поля, увидел в рядах армии противника множество родственников и друзей. Ещё он увидел отважных и благородных мужей, искренне уверенных в правоте своего дела. Арджуна пришёл в ужас при мысли о том, что принесёт страдание и смерть многим из тех, кого уважал и кем восхищался. Арджуна обратился к владыке Кришне, принявшему человеческий облик и вставшему рядом с ним как возничий его боевой колесницы, и получил священные наставления.

Использованные символы достаточно очевидны. Поле Курукшетра — это объективная или иллюзорная вселенная. Пять принцев-пандавов олицетворяют присущие разуму способности восприятия. Арджуна, как воплощение принципа сознания, несёт громадный лук Гандиву. Он является расовым, или культурным, героем, искателем истины, объективным «я», которое размышляет о познаваемом. Рассредоточившиеся по полю армии воплощают в себе принцип двойственности, который мешает пониманию высшего единства. Каждая группировка искренне верит в справедливость своего дела, но на плане

объективной реальности примирение невозможно. Долг Арджуны состоит в том, чтобы воспользоваться быстро разящим мечом для разделения истинного и ложного. Однако он не способен преодолеть воспринимаемую чувствами сферу внешнего мира с его привязанностями и антагонизмами. Армии взывают к сражению, ибо в раздираемом противоречиями мире умы спешат умереть за свои убеждения.

Арджуна стоит в боевой колеснице, и в этот решающий момент его душа познаёт мрак отчаяния.

Шри Кришна, Кудрявый Единый, представляет собой сверх-Я. Он олицетворяет переживание вечного, искомого и обретаемого на пороге страдания и ужаса. Арджуна твёрдо решил, что скорее позволит врагам убить себя, чем поднимет на них руку. Однако Кришна упрекнул принца за его недостаточную проницательность и напомнил ему о нестареющих учениях его расы. Вот поэтому говорят, что «Гита» — молоко Вед. Ни в каком другом произведении древние доктрины не обращаются столь непосредственно и конкретно к беспощадной дилемме. Хоть Кришна и является Владыкой Любви, он убеждает Арджуну начать сражение. Принц должен испытать своё сердце, совершить предопределённые деяния и без эгоизма и страха послужить более великому благу.

Суть первой беседы Кришны сводится к подтверждению ноуменальной^[30] истины. Мудрые (просветлённые) не горюют ни о живых, ни о мёртвых. Кришна говорит, что не бывало такого времени, когда не существовал он, или сам Арджуна, или не существовали благородные мужи, или самые простые солдаты. Никогда и не могло быть такого времени, когда кто-нибудь, будь они богами или смертными, переставали бы существовать. То, что обитает в теле, проходит детство, зрелость и старость в этом теле и переходит в другие тела. Это только затемнённый аппарат чувств и эмоций вызывает удовольствие и боль или иллюзию рождения и смерти. Всё внешнее приходит и уходит, и ничего от него не остаётся. То (Вечное Существо), которое заполняет всю вселенную и входит в каждое живое существо, нетленно. Это дерзость — верить, что Неизменный может быть уничтожен или ранен или что его замыслы могут быть сорваны. Только у форм и внешних проявлений есть конец. Непостижимый Обитатель, который населяет формы и внешние проявления, вечен. Тот, кто говорит: «Меня убили» или: «Я убил», воистину лишён способности постижения. Душа никогда не рождается и не умирает, она не может когда-либо прийти к своему несуществованию. Так же, как человек отбрасывает изношенные одежды и надевает новые, так и Обитатель тела отделяется от изношенных тел и переходит в другие,

новые.

Но Арджуна по-прежнему не удовлетворён. Как ему разгадать загадку о том, что правильно, а что ложно? Как может он, стоящий на грани войны, постичь в своей душе тайну вечного мира? И тогда Кришна открывает правила самопроверки на случай, если неуверенность ослабляет решимость. Какой мотив побуждает к действию? Что вовлекает нас в хаос безрассудного поведения: любовь к одним и ненависть к другим? А может быть, честолюбие, гордыня, зависть, алчность, да даже и стремление выжить ослабляет решимость и превращает Я в слугу жгучего желания? Каждый должен спросить своё сердце и при этом приложить к себе меру закона. Есть только один поступок, который не сковывает Я: это жертва, благородное стремление отдать всё ради общего блага. В этом и заключается истинный смысл церемоний жертвоприношения, описанных в Ригведе. Тот, кто даёт из того, что имеет, отдаёт только иллюзию, но тот, кто отдаёт всего себя, совершает добродетельный поступок.

Когда Создатель творил вселенную, он хотел, чтобы во всём мире торжествовали закон и порядок. Поэтому сначала он породил Праджапати, Владык потомков, и через них раскрыл религию деяний. От Праджапати произошли великие мудрецы и учителя, которые преподавали волю Господа. В эзотерических комментариях Праджапати были не богами и не сверхъестественными существами, а достигшими определённого уровня развития духами с другой планеты, обладавшими мастерством, необходимым для руководства прогрессом земного человечества.

Затем Создатель породил других праведных существ «без желаний или страстей, вдохновляемых святой мудростью, отрешённых от вселенной и не желающих иметь потомство» («Вишну-пурана»). Они, отказываясь творить или становиться отцами народов, оставались всегда чистыми и невинными, как подсказывает имя первого из них. В «Линга-пуране» говорится: «Вечно будучи таким, каким родился, здесь он называется юношей; и, следовательно, его имя хорошо известно как Санаткумара». В «Шива-пуране» Кумары (вечные юноши) всегда описываются как йогины. В «Курма-пуране» после их перечисления сказано: «Эти пятеро, о брахманы, были йогинами, достигшими полного освобождения от страстей». Кумары принадлежали к доадамовской эпохе, то есть к периоду, предшествовавшему разделению полов и получению человечеством творческого, или священного, огня, как повествуется в древнегреческом мифе о Прометее.

Кумары дали начало религии отречения, или пути внутренней святости, поскольку не имели непосредственного отношения к

развёртыванию вещественного мира. Таким образом, Праджапати стоят за созидательными процессами природы, а Кумары поддерживают искупительные аспекты сознания. Эти концепции смешиваются, образуя, согласно комментариям Шри Шанкарачарьи к «Бхагавадгите», «... состоящую из двух частей ведическую религию деяний и самоотречения, которые поддерживают порядок во вселенной». Доктрина, противопоставляющая путь деяний пути самоотречения, требует периодического утверждения верховенства внутреннего. Когда с течением веков люди отворачивались от Вед и извращали свою веру, эзотерическая доктрина уходила в тень. Чтобы справиться с этой повторяющейся чрезвычайной ситуацией, кумарическая сила проявляла себя посредством ряда божественных воплощений.

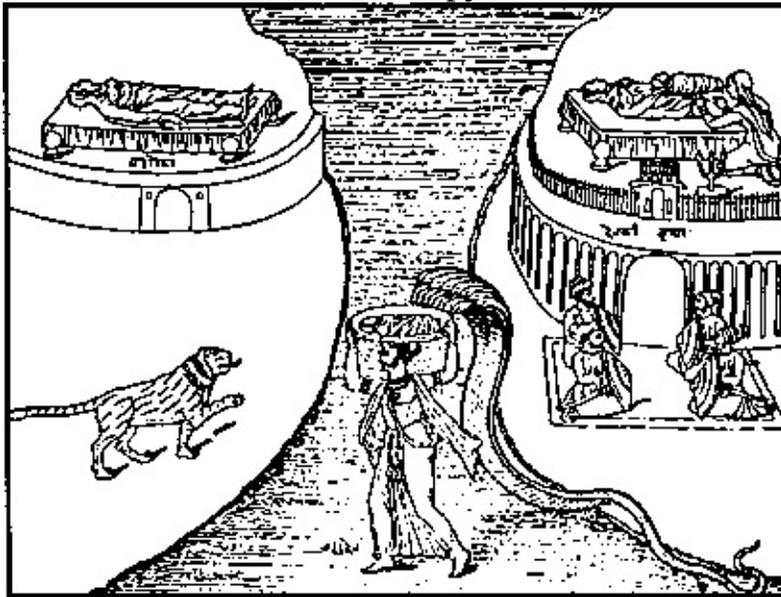
Такие воплощения божественных сил, по существу, сверхчеловеческих и, следовательно, не подчиняющихся законам физического воспроизводства, называются аватарами. В индусской системе любая часть Вселенского Существа, ставшая воплощённой, считается инкарнацией этого Существа. Ученик вовсе не должен полагать, что Верховное Существо облеклось в плоть и стало смертным. Скорее, луч или продолжение Нараяны, созидающего аспекта Вишну, сформировал волей и йогой некоторое подобие тела и проявился с помощью этой оболочки для тех, кто не способен чувствовать Божественность прямым усилием сознания. Некоторых героев, которых считают избранными в качестве средства раскрытия божественных сил Вишну, глубоко чтут как аватар бога.

Легенды, которыми окружено рождение Кришны, принимают традиционную форму, встречающуюся в большинстве великих индийских эпических произведений. В конце третьей великой эпохи, двапара-юги, для клана Ядавов из Раджпутаны настали трудные времена. Законный царь был свергнут собственным сыном, который на самом деле был ракшасой (демоном) в человеческом обличье. Этот злобный правитель принёс много горя и страданий своему народу и пренебрегал всеми достойными занятиями. В таком критическом положении земля воззвала к богам, требуя очищения. По настоянию всех божеств Вишну решил воплотиться среди Ядавов, а с ним пришли и другие удивительные существа: святые, мудрецы и небожители. Родителями аватары стали Васудэва и Дэваки. В это время у нечестивого царя Кансы был сон или видение, в разгар которого голос, раздавшийся из невидимого мира, сообщил ему, что он умрёт от руки восьмого ребёнка Дэваки.

Когда час рождения Кришны был близок, царь окружил дом Васудэвы

многочисленной стражей, приказав убить младенца в самый момент его появления на свет. Но Вишну, сделав всё, чтобы его воплощение выжило, заставил всех стражников погрузиться в сон и отпереть замки дверей и ворот. Затем Васудэва положил только что родившегося Кришну в корзину, которую отнёс на голове подалее от дома. А мудрецы и астрологи между тем чрезвычайно обрадовались, ибо знали, что появился аватара. Узнав об этом, царь приказал убить всех детей, но не смог перехитрить бога.

Существует множество удивительных рассказов о чудесах, которые творил Кришна, будучи ребёнком. После множества приключений он присоединился к пандавам и во время великой войны служил возничим у Арджуны. Когда же наконец пришло ему время покинуть этот мир, он побрёл в полном одиночестве в лес. Усевшись в тени громадного дерева, он погрузился в состояние йоги. Пока он так медитировал, какой-то охотник, приняв его за оленя, выпустил стрелу, ранившую Кришну в ногу. Подойдя ближе и увидев, что это нищенствующий монах в состоянии медитации, стрелок из лука испугался, не причинил ли он боль святому. Сознавая ситуацию, Кришна встал на ноги и успокоил его, а потом в присутствии охотника вознёсся на небеса, окружённый сиянием, заполнившим всё небо.

младенца Кришну.

Отец спасает

В «Гите» высшей целью человеческой жизни провозглашается прекращение сансары, или циклов перевоплощения и причин повторного рождения. Вот как Кришна увещевает Арджуну: «Оставив все дхармы, приди ко Мне за защитой». Здесь «дхарма» означает «действие». Это религия отречения. В то же самое время Кришна побуждает Арджуну

вступить также и на путь карма-йоги. Это достигается деяниями или выполнением всех обязательств, которые указаны и предписаны Ведами. Ученика наставляют, что, когда добродетельный совершает поступок, он возлагает своё деяние на Брахмана. Иными словами, он освобождает себя от всех последствий, существуя только затем, чтобы исполнять вечный закон. Целью всех йог является мокша, или спасение. В религии отречения высшее блаженство достигается путём непосредственно осознанного восприятия сущности Кумар.

Кришна убеждал Арджуну принять двойственную форму реальности и следовать обоим аспектам закона. Первым требованием истинной преданности является повиновение. Иллюзия должна быть побеждена осуществлением, а не отказом. Духовное путешествие — это движение сквозь иллюзию к реальности; следовательно, Кришна раскрывал принципы джнана-йоги и карма-йоги. Цель заключается в блаженстве, средство его достижения — послушание.

И всё же от Арджуны не требовалось подчинения Кришне, потому что во время беседы аватара стал просто олицетворением Вед. Все знания были преподаны в виде священной традиции. Героя пандавов вдохновили оставаться верным непреходящим истинам. Всё, что сделал Кришна, — это подтвердил данные принципы и подвигнул героя признать их и следовать им и жить в них. Исключительная целостность и красота «Гиты» состоит в удивительно кратком изложении всего, что необходимо для внесения ясности в колебания человека.

Внутреннее переживание бытия в мире, а не мира в конце концов рассеяли человеческие сомнения Арджуны. Он осознал, что он — всего лишь один из огромной массы людей, населяющих мир. И, подобно всем остальным, он должен испытывать страдание и удовольствие. Из неведомого он пришёл и в неведомое возвратится, а с ним и все принцы и воины. Он был вовлечён в структуру, сломать которую не мог, не нарушив сложную сеть законов, что сдерживает и связывает всех существ. Каждое человеческое существо должно жить в соответствии со своей собственной судьбой, и ни у кого нет ни права ни привилегии поступать наперекор неизбежному. Борьба и разногласие, любовь и ненависть, надежда и отчаяние, радость и скорбь — всё это входит в наследие иллюзии. Нет спасения через власть, ибо один человек не может спасти другого. На поле боя Курукшетра каждый сражающийся должен мужественно обрести опыт; каждый должен уяснить себе то, чему не могут научить даже боги. Мучимые вечным внутренним конфликтом, смертные должны приближаться — каждый своим путём и в своё время — к тому моменту,

«который никому не известен». И всё же какова бы ни была цена, это момент полной расплаты. Кто скажет, где впервые познаётся истина?

Брахманические мистерии

В древние времена каста брахманов пользовалась неограниченной властью над всеми сферами жизни индусов. Эти удивительные люди, опираясь на силу традиции, положили начало развитию и совершенствованию ранней индийской культуры. Они составляли обособленный класс, отделённый от небрахманов жёсткими правилами кастовой системы. Однако было бы ошибкой принять распространённое неправильное представление о том, что термин «брахман» является синонимом высшего слоя общества. Члены этой социальной группы не были феодальными принцами или богатыми и могущественными владыками. Их привилегия проистекала не из земных сокровищ и не из благородного происхождения. Их признавали вдохновлёнными лидерами, мудрецами и просвещёнными жрецами, посвятившими свои жизни тайнам Вед.

Будда определял брахмана не как человека, родившегося в этой касте, а как благородное человеческое существо, преданное служению истине. Конфуций, для определения человека, живущего в соответствии с высочайшими критериями просвещённости, этики и морали использовал термин «превосходный человек». В произведениях Платона класс, названный философской элитой, был представлен и выдвинут в качестве естественной аристократии, подходящей для руководства обществом. Брахманы как жреческий класс были хранителями эзотерических ключей индусской религии. После возникновения буддизма посвящённые брахманы выступали против буддийских архатов, которые, как они считали, ставили под сомнение законное происхождение тайной доктрины. Это расхождение в убеждениях заставило буддийских учителей покинуть Индию и основать свои школы в других азиатских странах.

Несмотря на распространённое противоположное мнение, более глубокие аспекты брахманических знаний не были открыты или сделаны доступными для чужеземцев. Единственным исключением был Пифагор, который стал признанным брахманом и прошёл посвящение в Элефанте и Эллоре. Ему дали имя Яванчарья. Говорят, его имя — «Ионийский учитель»^[31] — до сих пор сохранилось в записях брахманов. Даже после приобретения мусульманством влияния в Индии посвящённые из брахманических храмов и монашеских общин избирали совет старших, или старейшин, под председательством брахматмы. Он был верховным

первосвященником и единственным хранителем высших тайн и догматов. Этим главным жрецом всегда бывал старый человек, который выступал в роли учителя и посвящающего по отношению к тем, кто заслужил адептство. Обязательность соблюдения этих восточных обрядов была столь строгой, а наказание за их профанирование столь тяжким, что само существование этой системы вызывало сомнения у западных ученых.

Все брахманы проходят три символических посвящения, которые, однако, можно рассматривать как составляющие процедуры приёма в касту. Вероятно, эти обряды произошли от племенных ритуалов более древних народов. Первое посвящение производится при рождении, и ребёнок получает от семейного астролога тайное, или священное, имя, которое он не назовёт никогда и ни при каких обстоятельствах. Второе посвящение происходит на седьмом году жизни, когда мальчик получает состоящий из трёх прядей шнурок брахмана, который будет носить до самой смерти. Третье посвящение имеет место в отрочестве (примерно в одиннадцать-двенадцать лет), когда юношу принимают в касту с соответствующими церемониями.

Становясь брахманом, он принимает на себя всю ответственность и обязанности, присущие этой группе. По смыслу эти ритуалы даруют членство или гражданство в Империи Просветлённых. Таким образом, вся каста представляет собой одну школу мистерий, приверженную кодексу законов более суровых, чем те, что держат в подчинении членов других классов.

На раннем этапе развития брахманизма традиции адепства раскрывались в легендах, связанных с риши. Их, подобно древнегреческим героям, считают промежуточной группой человеческих существ, у которых есть и божественные атрибуты, и черты смертных. В ряду сотворённых существ эти благочестивые мудрецы располагаются ниже тех божков и невидимых созданий, которые принадлежат к свитам высших божеств. Риши, хотя и были смертными, обладали сверхчеловеческой мудростью и могуществом, равным богам, а в некоторых случаях большим, чем сами боги. В религиозной литературе индусов можно различить три ранга этих удивительных личностей. Первая и высшая группа включает тех святых, которые пребывают с богами и служат советниками и главами религиозных орденов. Следующими являются брахмариши, которых почитают как раскрывающих эзотерическую традицию. Третий круг состоит из раджариши царского или княжеского происхождения, которые управляют своими племенами и народами как просвещённые владыки.

Эти мудрецы жили и трудились во все периоды существования мира.

Некоторые участвовали в создании солнечной системы; другие появились во время составления Вед и стали хранителями знания. Можно привести список святых, в более поздние времена вдохновлявших и возглавлявших многочисленные реформы и преобразования индусских доктрин. В эпических поэмах и пуранах мифов о риши больше, чем о божествах. Основная идея, которая раскрывается во множестве легенд, проста, даже если комментарии создают впечатление сложности. Боги, хоть и воплощавшиеся и проявлявшиеся время от времени среди своих народов, выбрали риши своими обычными посредниками и представителями, доверив этим героям интерпретацию божественной воли сообразно с нуждами смертных.

Изменения, которые время внесло в форму и идеологию индийских религий, отражаются в народном уважении к риши. Изначально эти мудрецы имели отношение главным образом к ритуалам веры и руководили жертвоприношением. По мере того как философия расширяла метафизический аспект брахманизма, святых стали рассматривать как великих йогов и аскетов. Они занимались медитацией и исповедовали аскетизм, с помощью которых обретали и поддерживали внутренний контакт с сущностью учения и совершенствовали свои сверхчеловеческие способности. Даже в наши дни незаурядных мистиков, особенно тех, кто удалился от мира, чтут как риши или как лучших учеников этих вдохновлённых учителей.

Хотя на Западе брахманизм отождествляют с эзотерическими учениями и практиками, подобное заключение не совсем верно. Современный брахман признаёт Адептов и посвящённых этого ранга, но его непосредственные контакты с такими возвышенными существами весьма ограничены, если вообще имеют место. Аскетические школы современности стремятся посредством практических занятий йогой и другими относящимися к религиозным таинствам и обрядам дисциплинами подготовить учеников к осознанному познанию Иерархии на опыте. Значительное число индусов увлечено поисками, но лишь очень немногие выходят за рамки искреннего и усердного следования наставлениям своих гуру. Тот контакт с Адептами, какой действительно случается, относится к области внутренних переживаний, а о подобных озарениях мало говорят и ещё меньше пишут. Большинство же из опубликованных трудов на эту тему основывается на сообщениях, рассчитанных на то, чтобы заинтриговать иностранцев и удовлетворить любопытство.

Луи Жаколлио, который в течение нескольких лет был главным судьёй

Чандернагора (французская Ост-Индия), собрал значительное количество сведений, касающихся теории и практики оккультных наук в Индии. Составленный им краткий отчёт свидетельствует о серьёзной попытке изучить совершенно недоступный непосвящённым предмет. К сожалению, мсье Жаколлио не объяснил, как он собирал данные; следовательно, их достоверность лежит целиком и полностью на его ответственности. Он упоминал о Верховном Совете брахманов под председательством брахматмы, которому должно было исполниться восемьдесят лет, прежде чем он мог занять этот высокий пост. Главный судья пишет: «Живя в огромном дворце, окружённом двадцатью одной стеной, брахматма являлся массам только раз в год, и его появление было обставлено с такой пышностью и великолепием, что создавало у всех видевших его впечатление, будто они лицезрели Бога»^[32].

Тот же автор добавил, что брахматма носил на своей тиаре два скрещённых ключа, похожих на знаки отличия римского папы. В случае Великого Брахмана эти ключи, как предполагалось, отпирали святилище Храма Агарты (Asgartha), в котором хранились начертанные на золотом треугольнике неизречённые слова. Как только брахматма умирал, его тело сжигали на золотом треножнике, а пепел тайно бросали в Ганг. Согласно современным воззрениям, многие храмы и важные обители возглавляются ныне праведниками, называемыми брахматмами. Это, очевидно, свидетельствует о том, что централизованная система управления сдала свои позиции в результате мусульманского и европейского вторжения.

Жаколлио пытался сравнить брахманские мистерии с системами еврейских каббалистов и александрийских неоплатоников. На него произвели глубокое впечатление оккультные феномены, которые он наблюдал во время пребывания в Пондишери. Увиденные проявления магии вдохновили его на изучение доктрин, благодаря которым могли происходить такие удивительные явления. Он подытожил свои изыскания следующим образом: «Наша цель заключается всего лишь в описании философских и спиритуалистических принципов брахманов, а также внешних проявлений и феноменов, являющихся, по их убеждению, средством, с помощью которого питри, или бесплотные духи предков, обнаруживают своё существование и общаются с людьми».

Не всегда уместно интерпретировать одну религиозно-философскую систему, применяя термины, принятые в другой. Однако в данном случае есть все основания указать на то, что средиземноморский и эгейский эзотерические институты в долгу у индусской системы. Древние греки, египтяне, персы и сирийцы признавали, во всяком случае традиционно,

восточную вдохновляющую идею. То, что невозможно обнаружить, непосредственно изучая сохранившиеся труды древних индусских авторов, можно частично воссоздать по системам, уходящим корнями в брахманизм. Восточная философия достигла Европы и Ближнего Востока ещё до похода Александра Великого. Индия была родиной мировой религии, и Адепты и Посвящённые, донёсшие доктрину в отдалённые уголки, сохраняли основную структуру изначального откровения.

Спустя столетия после смерти Пифагора Аполлоний из Тианы решил стать пифагорейцем. Он добровольно принял дисциплины этой школы и попытался — во всех возможных отношениях — вести жизнь пифагорейца. Он стал носить одежду этого братства и связал себя обетом молчания на пять лет. Аполлоний приобрёл известность как мудрец и принадлежит к числу самопосвящённых учеников мистерий. Стремясь по возможности восстановить утерянные пифагорейские ключи к вселенской науке, он предпринял путешествие в Индию, придерживаясь как можно точнее пути, пройденного ранее Пифагором. И хотя, вероятнее всего, этот тианец так никогда и не раскрыл того, что узнал на Востоке, фрагмент его рассказа всё же сохранился.

В третьей книге «Жизнеописание Аполлония Тианского» Филострата Старшего описывается путешествие, совершённое Аполлонием и его верным учеником Дамисом в край, лежащий за рекой Ганг. Там философ был принят брахманами. По словам Дамиса, индийские мудрецы жили на холме, который возвышался над расстилающейся вокруг равниной так же высоко, как афинский Акрополь. Эту возвышенность окружало облако, позволявшее мудрецам оставаться видимыми или невидимыми по своему усмотрению. В тумане трудно было отыскать тропинку, ведущую к приюту святых учёных. Добравшись до них, Аполлоний увидел восемнадцать таинственных учёных личностей, руководимых Иархом, который сидел на очень высоком троне из чёрной бронзы, инкрустированном различными узорами из золота. Кресла остальных мудрецов тоже были бронзовыми, но не такими высокими и без золотых орнаментов. Аполлоний представил свои верительные грамоты, в том числе письма от индийского царя. Брахманы обратились к философу по имени и заговорили с ним по-гречески.

Аполлоний пробыл у мудрецов около четырёх месяцев, и за это время они посвятили его и Дамиса в свои тайные обряды. Они много говорили о философии; когда пришло время путешественникам уезжать, брахманы сказали Аполлонию, что люди в его собственной стране будут считать его богом не только после смерти, но и при жизни.

Во время одной из бесед Аполлоний спросил Иарха, имеет ли значение число учёных мужей. Число восемнадцать не было квадратом какого-нибудь числа и не пользовалось никаким особым уважением у египтян и пифагорейцев. Глава религиозной общины дал на этот вопрос загадочный ответ: «Мы — не рабы числа, и число — не наш раб; но нас, Мудрецов, бывает сообразно нашей мудрости и добродетелям. В одно время нас больше, в другое меньше. Мне рассказывали, что мой дед был в своё время выбран одним из двадцати семи Мудрецов и оказался самым молодым из всех и что, когда ему исполнилось сто тридцать лет, он остался здесь совершенно один, потому что никто из собратьев не дожил до этого времени, а в Индии больше не осталось ни одного учёного и философского ума. Когда египтяне поздравляли его как счастливейшего из людей, потому что он один занимал этот трон в течение четырёх лет, он попросил их перестать попрекать индусов тем, что у них не хватает философов».

Добравшись до Красного моря, Аполлоний вернул верблюдов, которых Иарх одолжил ему для возвращения домой. С ними он отправил следующее письмо: «Аполлоний приветствует Иарха и остальных Мудрецов. Я пришёл к вам по суше, а вы одарили меня морем; поделившись со мной своей мудростью, вы дали мне возможность пересекать небо. Даже среди греков я буду помнить эти учения, так что я буду беседовать с вами, словно мы сидим друг против друга, если только не буду тщетно пытаться напиться из чаши Тантала. Прощайте, лучшие из философов».

Очевидно, Аполлоний и его ученик так никогда и не обнародовали полное описание своего пребывания на холме мудрецов. Филострат сообщал, что Аполлоний писал и говорил о брахманах туманно. Дважды повторяется фраза, которой философ подытожил пережитое за Гангом: «Я видел мужей, живущих на земле и всё же не на ней, защищённых со всех сторон и всё же без всякой защиты, и ещё не обладающих ничем, кроме того, что есть у всех». Филострат полагал, что путешественник намекал на многочисленные чудеса и удивительные явления, которые наблюдал, живя среди индийских мудрецов.

Было бы ошибкой думать, что брахманизм подразумевает поклонение Брахме. В действительности он знаменует признание достоверности Вед и всего, что из этого признания вытекает. Происходил постепенный уход от жертвенных и ритуальных аспектов религии в сторону теософских теорий. Они не являются подлинно ведическими, но подкрепляются дополнениями к более старому преданию. Сочетание философских систем и погружённости в мистику правильнее определить как индуизм. Сначала брахманизм включал несколько систем узких философских и научных

знаний. Точно так же, как школы мистерий в древней Греции и Египте были хранительницами секретов медицины, музыки, архитектуры, искусства управления государством, математики и астрономии, каста учёных Индии раскрывала основы широкой образованности. Науки, одна за другой, отделялись от храмовой системы, и каждая признавала одного из посвящённых древности своим личным покровителем.

Нелишне упомянуть о некоторых высеченных в скалах храмах, связанных с брахманическими мистериями. Они разбросаны по всей Индии и часто встречаются вблизи буддийских или джайнских святынь. Двумя наиболее известными являются пещерные храмы Эллары в княжестве Хайдарабад, а также храмы на острове Элефанта в бомбейской гавани. Древность этих знаменитых храмов с трудом поддаётся определению. Обычно их датируют периодом между VII и X веками христианской эры, но многое наводит на мысль об их более древнем происхождении. Возможно, раскопанные ныне замысловатые помещения и украшения представляют собой не оригинальное сооружение, а более поздние дополнения. Существует предание о том, что Пифагор посетил и Элефанту и Эллору, которые были центрами индусской культуры уже в 600 году до н. э. Распространённое мнение, что брахманические пещерные храмы были созданы под влиянием буддизма, лишено оснований. Во всяком случае символика изысканных украшений этих пещер раскрывает сущность индусской доктрины. Ими несомненно пользовались для проведения ритуалов посвящения, и они относятся к периоду процветания этих обрядов.

В противовес археологическому подходу к решению этого вопроса существуют местные предания об элефантских пещерах. Согласно одному из них, они были вырыты за одну ночь пятью братьями-пандавами, героями «Махабхараты». Другой рассказ приписывал их создание царю Канары Банасуре, чья дочь решила посвятить себя вечной девственности и много лет жила на этом острове. Предание, вероятно, мусульманского происхождения связывает возникновение пещер с Александром Великим, чьё имя ассоциируется с несколькими творениями и памятниками. Вопреки общему мнению, изображения Элефанты вовсе не были изуродованы мусульманами и оставались нетронутыми до 1534-го года от рождения Христа, когда этот регион перешёл в руки португальцев. Эти чужеземцы в период тропических дождей держали в пещерах свой скот и прикладывали значительные усилия для уничтожения резьбы, даже пригнали артиллерию, чтобы закончить работы по разрушению.

В апогее своего триумфа брахманизм преподал величественную

концепцию мировых процессов. Вооружённые глубоким знанием высшей математики, посвящённые выявляли многомерность качественной и количественной вселенной. У них были фундаментальные научные теории относительно таких абстракций, как пространство, время, энергия, разум и материя. Подобно членам других эзотерических школ, они скрывали свои открытия за сложными символами и фигурами. В разгар философского периода ведическая теология и постведический научный метод создали космологическую и антропологическую схему поразительной глубины и целостности. Западному же миру настолько недоставало заинтересованности и понимания её значения, что он до сих пор не удосужился методично изучить мудрость Востока.

Шанкарачарья

Великого дравидийского гуру Шанкарачарью называли Адептом из Адептов. Говорят, он родился на Малабаре где-то в конце VII или начале VIII века. Востоковеды расходятся во мнениях, и несмотря на твёрдость их убеждений, он жил, вероятно, ранее принятых дат. Появление этого выдающегося учителя совпало с возрождением брахманизма, наступившим после угасания буддийской реформы.

Буддисты предприняли героическую попытку проповедования доктрины равенства и братства, но сделанный ими упор на ответственность отдельной личности не встретил широкого понимания в стране, где долгое время господствовала кастовая система. И хотя многое из тщательно разработанной программы, с помощью которой брахманы вернули себе верховенство, было осуществлено, очевидным фактом является то, что большинство индусов предпочло доверить свою духовную судьбу жреческому классу.

Сам Шанкарачарья был строгим брахманом и великим учителем философии веданты^[33]. Он выступал в защиту адвайты, недвойственности, от учений многочисленных школ, которые отрицали либо игнорировали единство, или тождественность всех существ. Шанкарачарья описан как «великий проповедник возрождения веры», но, к сожалению, брахманизм не был более в состоянии полностью оправдывать доверие думающих людей.

Религия, однажды вытесненная или заменённая, никогда не сможет восстановить исходную сферу влияния. Буддизм расширил этические взгляды масс, а результатом возрождения веры стали компромисс и появление новой секты. Брахманы видели в Шанкарачарье аватару, явившегося восстановить ведическую доктрину, а буддисты считали его возможным новым воплощением Гаутамы Будды, возвратившегося, чтобы очистить и развить их собственные учения.

Существует несколько рассказов о рождении и детстве Шанкарачарьи, и во всех описываются странные и сверхъестественные явления. По одной версии, отец мудреца звался Шивагуру. Он был учёным брахманом и, хотя и был женат много лет, не имел детей. В пожилом возрасте он с женой совершил особые обряды и проявил строгий аскетизм перед лингамом бога Шивы. Позднее божество явилось ему во сне или в видении. Шива, тронутый искренностью немолодой уже пары, осведомился, предпочли бы

они имеют одного сына, наделённого исключительной мудростью и добродетелью, но с недолгой жизнью, или много сыновей, лишённых таких качеств. Будущие родители решили выбрать героическое воплощение. Поэтому сын у них родился в тот момент, когда планеты и созвездия дарили своё самое мощное влияние.

Другой вариант истории рождения не выходит за рамки традиционной концепции непорочного зачатия. Мать мудреца Висишта совершила поклонение Шива Линге в Керале. Шива в форме своего творящего символа осенил Висишту, и она зачала сына. По этому рассказу Шанкара действительно произошёл от божества. Символизм, косвенно выраженный в обеих легендах, очевиден, ибо в более раннем предании имя его отца было Шивагуру, что означает «учитель секты Шивы». Следовательно, Шанкара был олицетворением или воплощением эзотерической традиции, связанной с культом этого божества. Рассказывают, что Шанкара научился читать в двухлетнем возрасте, а к своему третьему дню рождения стал основательно изучать пураны. Он родился с сильно развитыми интуитивными способностями и даром внутреннего видения. Его мать посвятила себя и своё дитя служению богу и руководила сыном с благоговейной любовью. Шанкара платил ей такой же любовью и несколько чудес совершил только для неё.

Едва выйдя из младенческого возраста, Шанкара начал посещать ведическую школу и овладевать науками своего времени. Он стал саньясином, отказавшись от жизни главы семейства, и присоединился к гуру Говинде, Учителю, чьи учителя происходили от великих Вьяса. Слава молодого мистика росла, пока слухи о нём не достигли царя Кералы. Эта выдающаяся личность явилась со своей свитой, чтобы пригласить Шанкару к царскому двору. Царь тоже хотел иметь сына и верил, в то что Шанкара сможет открыть ему обряды, которые необходимо совершить, чтобы умилостивить божество. Наставления саньясина по этому поводу тайно передаются до сих пор.

Гороскоп Шанкары, указывая на возвышенную судьбу, в то же время предупреждал о ранней смерти. Когда один из риши сказал, что мальчик умрёт в возрасте тридцати двух лет, юноша решил посвятить себя целиком аскетической жизни. В течение некоторого времени он оставался в уединённом жилище Говинды, и Учитель приказал ему совершить паломничество в Бенарес. Именно во время этого путешествия его учеником стал Падмапада. На берегах Ганга Шанкара приказал Падмападе перейти через реку и вернуться к нему. Преданный ученик немедленно повиновался, и там, где его нога ступала на поверхность реки, появлялся

поддерживающий его цветок лотоса. Имя *Падмапада* означает «ступающий по лотосам».

Путешествуя, Шанкара дискутировал и вёл беседы с известными учителями. Он всегда отвечал на труднейшие вопросы и опровергал ложные представления. Рассказывали, что сам Вьяса, желая проверить его учёность, принял облик аскета и испытал юного мудреца самыми абстрактными и трудными вопросами. И снова Шанкара одержал победу, потому что даже Риши было не под силу восторжествовать над его мудростью. Но если Вьяса не нашёл способа привести в замешательство молодого саньясина, то одолеть богиню Сарасвати было не так просто. Она вступила в борьбу под видом прекрасной жены прославленного учёного, с которым вёл спор Шанкара. Она испросила себе привилегию проверить мудрость Шанкары, а затем приступила к нему с вопросами на тему любви смертных. В первый и единственный раз саньясин не нашёл ответа; однако как мудрость может быть полной, если не разгадана одна из самых сокровенных и неизбежных тайн жизни?

Пытаясь справиться с непредвиденной ситуацией, Шанкара обратился к тайным наукам индийской философии. Он случайно наткнулся на тело недавно умершего царя Амараки и усилием воли заставил своё сознание войти в труп. Внешне казалось, что Амарака воскрес и вернулся в своё царство. С помощью этой уловки Шанкара получил возможность какое-то время жить жизнью главы семьи и познал на опыте все семейные взаимоотношения. В должное время царь Амарака снова погрузился в вечный сон, а Шанкара вернулся в своё тело, охранявшееся его учениками. Потом он отправился к Сарасвати и ответил на её вопрос.

Вскоре после этого он узнал с помощью йоги, что его мать скоро покинет этот мир. Он поспешил к ней и отдал ей всю свою любовь и понимание. Когда она умерла, он нарушил правила и обычаи индийского аскета, которому не положено иметь каких бы то ни было контактов с умершими. Шанкара кремировал тело своей матери, испустив из правой руки огромный язык пламени. Тех же, кто были готовы осудить его за нарушение передаваемых из поколения в поколение обычаев, это чудо заставило замолчать. Отдав последний долг матери, Шанкара продолжил путешествовать по земле и пришёл в конце концов в храм Шарада в Кашмире. Там жрецы не позволили ему войти и подвергли суровому экзамену. Но наконец, когда они уже были удовлетворены и он находился в святилище, богиня Сарасвати засвидетельствовала его святость и полноту мудрости. И тогда он взошёл на трон всезнания в сердце храма. Этот рассказ описывает одну из ступеней его посвящения.

В городе Канчи Шанкара вступил в своё тридцатидвухлетие, зная, что подошёл к концу своего воплощения. Прибегнув к высочайшей йоге, он уселся и заставил своё физическое тело абсорбироваться в более тонкие проводники. А их он по очереди дезинтегрировал, добиваясь тождества с чистым разумом. Странствие его сознания продолжалось до тех пор, пока он не ощутил тождественность с сознанием-интеллектом, наполняющим мировую форму. Его похоронили, а не кремировали, ибо для такого чистого и святого тела не требовалось очищения огнём^[34]. Анандагири определённо утверждает, что Шанкара абсорбировал своё физическое тело, и что останки мудреца были помещены в гробницу. Под абсорбцией несомненно понимается изъятие физического принципа энергии, а не реальное исчезновение останков тела. Кажущееся противоречие объясняется неясностью формулировки.

Госпожа Блаватская, цитируя эзотерические комментарии, проводила различие между Гаутамой и Буддой. После нирваны Будда вернулся в мировое сознание, а Гаутама, человеческое эго, переживал дальнейшие воплощения. В «Тайной Доктрине» Е.П. Блаватская пишет: «Спустя несколько столетий Будда осуществил ещё одно воплощение, как утверждают, и ещё раз, через пятьдесят лет после смерти этого Адепта, в того, чьё имя звучит как Тянь Цан. Никаких подробностей, никакой дополнительной информации или объяснений не даётся». В списке дальнейших воплощений Будды называют Шанкару, умершего в возрасте тридцати двух лет, ещё двоих, имён которых не сообщают и никак не описывают, и Цонкапу, великого ламаистского реформатора. Блаватская выдвигает предположение о том, что Тянь Цаном, возможно, был Аполлоний из Тианы.

Подобно другим рассказам об Адептах, в жизнеописаниях Шанкары можно встретить множество противоречий. Так несмотря на упоминание о его смерти, имеется сообщение о том, что он удалился в пещеру отшельника в стране, лежащей за Гималаями. Он запретил своим последователям и ученикам сопровождать его и навеки исчез из поля зрения непосвящённых. Он пребывает среди тех, кто входит в состав братства Шамбалы, и продолжает исполнять обет служения человечеству. Он живёт в согласии с доктриной, которую преподавал и которую можно кратко сформулировать так, как это сделано в одном из его высказываний: «Высший дух реален; мир нереален; индивидуальное «я» есть единственно высшее «я» и ничто другое».

Шри Шанкарачарья.

Шанкара как философ обратился к одной из самых сложных абстракций, с которой может столкнуться разум искателя истины: если существует Верховное Существо, всеведущее, вездесущее, вседействующее и, значит, совершенно неограниченное, то каким же образом можно истолковать мироздание, целиком составленное из ограниченных созданий? В самом деле, почему совершенство создаёт только несовершенство? Шанкара разрешил это кажущееся непримиримым противоречие между ноуменом и феноменом, введя принцип майи, или иллюзии. Разум смешивает субъект и объект, познающего и познаваемое и, возлагая на одно качества другого, порождает как саму причину сомнений, так и доказательства, подтверждающие неопределённость. Мудрец объективизировал путаницу с помощью терминов «мы» и «вы». Ими нельзя пользоваться как взаимозаменяемыми. Было бы неправильно сказать «мы есть вы» или «вы есть мы». Также ошибочно переносить атрибуты понятия «мы» на понятие «вы» и наоборот. «Мы» или «я» существуем как то, что познаёт или как состояние познания; и никак не можем быть тем, что познано. Таким образом, познающий — это субъект, а познанное — объект.

Шопенгауэровские «воля» и «представление» соответствуют миру как

субъекту и миру как объекту. В учении Шанкары природу «не-я», или объекта, можно выяснить путём исследования и на основе данных, предоставляемых способностями и чувственным восприятием, но субстанция «я», или познавателя объекта, может быть раскрыта только путём внутреннего переживания. «В заключение, — пишет Макс Мюллер, — Шанкара подводит итог утверждая, что всё основывающееся на этом ошибочном перенесении или допущении, фактически всё, что мы можем познавать и считать истинным в науке или в обычной философии, в законе или в чём бы то ни было ещё, относится к сфере авидьи, или неведения, и что цель философии веданты заключается в том, чтобы рассеять это незнание и заменить его видьей, или истинным знанием»^[35].

Отсюда, естественно, следовало, что Шанкара создавал разницу между эзотерическими и экзотерическими знаниями. Тайная дисциплина заключалась в систематическом развитии сознания в направлении отождествления с необусловленным Бытием. Простых же общеобразовательных школ было достаточно для получения умственного представления о предметной вселенной. Они стремились совершенствовать мудрость, приписывая объектам не познанные на опыте качества, называемые определениями, и заставляя познающего регулировать или ограничивать свою собственную универсальность. Признание «я» и «не-я» единым приводит к тому, что более возвышенное существо обременяется атрибутами менее возвышенного, по крайней мере, на плане ума.

Человек говорит: «Я болен», «Я стар» или «Я боюсь». Само его утверждение не верно, потому что *Я* не подвержено изменениям и существует всегда отдельно от действия. Это «не-я», внешняя личность, подвержено различным несчастьям. Человеку следовало бы говорить: «Мое тело болеет», «Мое тело старо» или «Мой разум боится». В тот момент, когда этот факт признаётся, открывается путь просветления.

Гуру

Тысячелетиями религиозные дисциплины индусов сохранялись духовными учителями. Индийские секты чтут древних мудрецов и философов как основателей школ и систем. Старые учения передавались от первых учителей через учеников. Эти ученики, в свою очередь, собирали преданных последователей, которых наставляли. Когда ученики становились просвещёнными, их признавали Учителями секты и героями и духовными сыновьями древних мудрецов. Только те, кто были верными учениками признанных гуру, имели право преподавать эзотерические дисциплины. Так потоки восточной мудрости текли во времени и ныне осеняют своими живыми водами современных святых Индии. Изредка, как сообщается в историях различных орденов, гуру приобретал особую известность благодаря своим талантам и способностям. Тогда его считали лично осенённым, или вдохновлённым, одним из божеств или духом прославленного древнего Риши.

Хотя вполне вероятно, что большая часть древних знаний утрачена или сделалась непонятной из-за многовековой передачи от поколения к поколению, можно признать без необоснованных сомнений, что современные гуру Индии являются хранителями мудрых учений древних ариев. Этим индусским религиозным философам принято считать просто учителями, но это неверно. Они больше напоминают классических древнегреческих философов, создавших свои школы и ставших для всех своих учеников отцами в учении.

Ученик в Индии обязан повиноваться и служить только своему учителю. Земные узы имеют второстепенное значение, но этические и моральные обязанности почитаются. По крайней мере, в более старые времена для любого искателя истины считалось бы настоящей дерзостью вступить на путь религиозной жизни без руководства сведущего гуру. Выбор мог определяться репутацией Учителя или же естественной симпатией, которую приступающий к учению, возможно, испытывал к конкретной почтенной личности. Иногда достойный выбор подсказывали какой-нибудь удивительный случай или гороскоп.

Ученики не воспринимали повиновение учителю как трудную или ненавистную обязанность. В самом начале курса обучения их приучали к тому, что повиновение укрепляет и освобождает внутреннее сознание. вполне могло случиться так, что сегодняшний ученик станет завтрашним

учителем. Кто сам не научился повиноваться, не имел права требовать повиновения. В обязанности гуру входило исследование сердец и умов его чела. Если он обнаруживал в ком-нибудь следы гордыни или высокомерия, а в другом, например, признаки эгоизма или поглощённости земными заботами, то эти негативные склонности приходилось преодолевать. Ум, связанный собственными тщеславными помыслами, не годился для благочестивых деяний.

Если же, с другой стороны, учитель замечал, что какому-нибудь ученику недостаёт мужества убеждённости, то и этот недостаток надо было устранять. Жизнь с гуру обеспечивала ежедневный контакт с практическим религиозным опытом. Чела наблюдали, слушали и извлекали пользу сообразно своим личным способностям.

Поддающего надежды ученика поощряли и поддерживали особо. Он продвигался вперёд настолько быстро, насколько позволяли его достоинства. В некоторых случаях ученик превосходил своего учителя. Если такое случалось, учитель был весьма удовлетворён. Однако подобное превосходство никак не отражалось на взаимоотношениях учителя и ученика. Ученик всю свою жизнь почитал учителя, считая отсутствие глубокого уважения проступком против истины. Часто ученик оставался с гуру до самой его смерти, а потом чувствовал призвание создать собственную группу. Иногда же учителя требовали от преуспевших учеников, чтобы те становились наставниками, и отправляли их в мир с благословением и покровительством гуру.

Несмотря на то что термин «Мастер» обычно применяют ко всем признанным гуру и праведным аскетам, существует множество рангов этих духовных наставников. Некоторые всего лишь скромно передают традицию, другие уже достигли могущества легендарных Риши. Святые люди знают между собой, кто из них более просветлён. Гуру преклоняются перед великими Учителями своих сект точно так же, как их ученики почитают их самих. По всей Индии старинные секреты возрождения человека сохраняются этими героическими святыми людьми, которые всегда готовы пожертвовать, если нужно, жизнью, чтобы защитить чистоту эзотерической доктрины. Ни при каких условиях не откроет гуру тайн веры тому, кто не встал на путь ученичества. Мудрость необходимо добыть трудом, а те, кто не желают жить такой жизнью, никогда не узнают учения.

Таким образом, система подразумевает двоякий подход к обучению. Гуру является одновременно и Праджapati и Кумарой, и от него требуется наделить обоими атрибутами своих чела. Хотя в процессе обучения придаётся особое значение раскрытию внутренних возможностей сознания,

принимается во внимание также и множество практических соображений.

Гуру направляет деятельность своих учеников в общественно полезные сферы. Если ученик выказывает необходимые данные, его поощряют на приобретение какой-нибудь требующей глубоких знаний профессии, например профессии юриста или медика. От него требуется быть добропорядочным гражданином и выполнять все обычные житейские обязанности. Какую бы сферу деятельности он ни избрал, что обычно делается с помощью гуру, от него ждут, что он будет пользоваться своим тайным знанием. Модель поведения определяется его религиозными убеждениями. Если же чела специально готовят к деятельности религиозного учителя, он должен научиться руководить людьми всех классов и уровней развития и направлять их.

В книге «Святые Махараштры и их учения» Кришнарао Венкатеш Гаджендрагадкар, профессор философии, говорит о восточных праведниках: «Святые являются жителями Града Господня. Им неведомы ограничения во времени и пространстве. Они живут вечно и в вечности. Их не ограничивает привязанность к местам и нациям. Они живут и трудятся ради блага всего человечества. И хотя они явно говорят на разных языках, всё-таки выражают по существу одни и те же мысли, так как предмет их размышлений и рассуждений один и тот же — Божественность... В царстве духовной мудрости нет монополий и привилегий. Святые — оправданные плоды интеллектуального и нравственного развития мира и рождаются для его просветления»^[36].

Как уже упоминалось ранее, в начале цикла творения Божество заставило Праджапати и Кумар эманировать из своего собственного существа посредством воли и йоги. Когда Верховный Владыка, расширив собственное сознание, перешёл из состояния единичного самосуществования в состояние, когда он становится причиной и поддерживает многообразие феноменов, его объективные силы пробудились и олицетворились в образе Праджапати. Через них он произвёл космос из хаоса и установил законы, которые должны были управлять материальной вселенной. Эти законы, раскрываясь и нисходя сквозь время и пространство, породили законодателей, великих мудрецов и царей-героев, и таким образом мудрость Бога проявилась в росте Древа Познания, уходящего корнями в Брахму. Философские системы возвращали ментальность этих созданий, наделённых умом, чтобы они могли познавать и благодаря знанию добиться господства над феноменальной сферой и материалами, из которых она состоит.

Итак, Праджапати были сынами воли, но одновременно самосуций

Владыка высвободил путём переживания реализации девственных Кумар, которые были сыновьями йоги. После того как Создатель осознал многообразие, которое породил и в которое — в большой мере — был погружён, он вновь заявил собственную индивидуальность среди своих проявлений. Это заявление оказалось возможным, потому что божественная натура содержит в себе семь потенциальных возможностей прохождения через опыт осознанной тождественности. Следовательно, Кумары олицетворяли пути, которые ведут из мира обратно к участию во вселенском «сверх-я». Это пути освобождения, которые начинаются с возрождения и оканчиваются просвещением. Кумары не стали отцами потомства, а остались семью аскетами, которые просто дожидались, чтобы их узнали посредством духовной апперцепции^[37]. Хотя у Кумар и не было прямого потомства, они, подобно гуру, были духовными отцами. Их выбрали и признали подобно тому, как чела отдают предпочтение и выбирают своих Учителей. Так они стали известны как духи-праотцы святых. Праджапати воплотились, чтобы стать мудрецами, а Кумары не воплощались; они осеняли тех, кто их искал, и действовали с невидимого плана сознания.

Следовательно, в эволюционной модели человечества Праджапати олицетворяли мудрость в устной передаче, а Кумары — мудрость, приобретаемую путём мистического переживания. Есть один закон для мира, а другой — для «я». Они не противоречат друг другу, но их следует интерпретировать как поляризацию самого принципа закона. Кодекс для мира требует развития в направлении владычества над вселенной через знание. Кодекс для «я» подразумевает восхождение через владычество над собой к приобщению в субстанции истины. В системе гуру ученика наставляют «отдавать кесарю кесарево, а богу богово». Пропорции и объём двойной доктрины должны быть осознаны и признаны. Одно физическое знание никогда не откроет истины; исключительно духовное познание никогда не сможет реализовать замысел эволюционного процесса. Как человек вдыхает и выдыхает, чтобы жить, точно так же он должен как объективировать, так и субъективировать, чтобы выполнить предназначения своей судьбы.

В Азии эзотерическая система придаёт особое значение раскрытию тех внутренних ресурсов-способностей, которые, подобно Кумарам, не расположены производить потомство до тех пор, пока не смогут рождать на собственном плане. Истина как реальность сама по себе не может олицетвориться или проявиться на уровне материальных форм и институтов. Тот, кто её ищет, должен подняться посредством обучения и

тренировки до состояния расположенности к приятию. Это опасное путешествие внутрь и вверх скрыто под символизмом чела, карабкающегося по узкому и извилистому пути, который ведёт к дальнему ашраму его духовного Учителя.

Хотя контакт с системами западной культуры серьёзно повлиял на взгляды индусов, никакая западная материалистическая обработка не подорвала веры жителя Востока в систему гуру. Цитируем ещё раз доктора Гаджендрагадкара: «Соискатель должен быть посвящён в тайны духовной жизни только учителем, который познал Бога. Это всего лишь горящий светильник, который может зажечь другие светильники. Посвящение является первым шагом в духовную жизнь. Родители или иные родственники в этом отношении бесполезны; да и Бога нельзя познать просто путём напряжённого самостоятельного раздумья или овладения различными науками. Просветление невозможно без гуру (учителя). Науки, созерцание, религиозное рвение и различные упражнения бесполезны без его благоволения»^[38].

Ссылка учёного доктора на зажигание одного светильника от другого заставляет вспомнить о некоторых розенкрейцеровских учениях. Передача светильника означает *увековечивание живой истины*. Тем из учеников, которые приводят в порядок свои светильники и заправляют их необходимым топливом, гуру передают пламя своей духовной силы. Учитель всегда воплощает или олицетворяет собой «сверх-я», которое является Джагат Гуру^[39]. По мере раскрытия учеником его духовных ресурсов, он продвигается вперёд в пределах мистических орденов, пока его не осенит один из лучей эзотерической Иерархии. Под этим подразумевается, что он высвобождает силы Кумар, заключённые в его собственной высшей природе. Потом он посвящается, или освящается, своим собственным «сверх-я» и становится слугой и учеником Верховного Владыки. Запутанные описания Риши, появляющихся позднее в виде буддистских архатов, разгадываются с помощью того же самого ключа.

Западная цивилизация должна в конце концов воспринять, по крайней мере, дух системы гуру. Новые формы и термины, используемые для описания метода обучения, изменяют внешнюю сторону, но принцип остаётся неизменным. В знание необходимо вдохнуть душу, иначе и знание и познающий погибнут вместе. Невзирая на школьное и внешнее обучение, Кумары отказываются творить. А без их участия учение представляет собой всего лишь сбор феноменальной информации, хранимой в памяти. Есть светильник, также есть фитиль и масло, но нет огня. Не всё ли равно,

каким прекрасным или совершенным становится светильник разума; он бесполезен, раз не может излучать свет. Эзотерическая традиция воодушевляет или владеет знанием, но никак не может быть охвачена умом. Гуру воскрешает знание из мёртвых, чтобы оно стало «первенцем тех, что спят». Как специальный инструмент Иерархии тот, кто знает, становится тем, кто понимает. Следовательно, про Кумар можно сказать, что они обеспечивают понимание изнутри, то есть из самих себя. Это главный секрет алхимии, ибо сознание есть великий преобразующий и превращающий агент.

Не следует считать, что все гуру Индии достигли осознанного слияния со «сверх-я». Духовное развитие измеряется степенями просветления. Некоторые ушли далеко; другие проделали всего лишь короткий путь. Каждый, однако, обладает в той или иной степени интуитивной способностью проникновения в суть и может открыть двери достойному ученику. Как только основные принципы уяснены, увлечённый учащийся продолжает учение в соответствии со своими способностями. По мере продвижения вперёд он все более внутренне осознает вечное мерило ценностей. Как только светильник зажжён, око души пребывает в этом свете. Чела более способен осознавать и видеть различия, и он познаёт иерархию гуру по опыту. Искатель ищет то, в чём нуждается, и, если его слабый свет засияет ярче, он найдёт то, что ищет. Учителей более высокого уровня могут отличить и узнать лишь те, кто развил необходимые способности внутреннего восприятия.

Поиск всегда предполагает принятие ряда допущений. Истину не требуют и не выпытывают, а узнают благодаря тонкой восприимчивости, воспитанной мудростью. Праджapati доводят мудрость до разумного и возможного предела, а потом Кумары выполняют программу внутреннего развития. Адептство на Востоке — понятие, охватывающее широкий диапазон духовных свершений. Оно применимо к тем, кто осуществил синтез учения ума и сердца. Адепты необязательно всеведущи; они — самопознающие. Они пережили то, что невозможно выразить словами. Материалист мерит мудрость мерой выученного и хранимого в памяти. Мистик измеряет мудрость с точки зрения познания на опыте Своего «Я». Это «Я» есть Божество в смысле Вишну, Всепроникающего. В слиянии (йога) со Всепроникающим как с мировым сознанием-истиной и заключается полнота мудрости; это личное переживание божественной воли. Это сознательное восприятие того, что вечно истинно, а не обладание житейской мудростью или тем огромным объёмом информации, который не имеет никакого смысла за пределами сферы феноменов.

Восточный Адепт демонстрирует саму суть мудрости, используя силы, скрытые в обычном человеческом существе. Он не Повелитель Природы, а слуга универсальной воли. Иисус говорил: «...кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою»^[40]. Адепт является слугой Всего Сущего. Он величайший, потому что в нём мотивация Высшего «Я» победила все мотивации собственного «я» на уровне личности. А это опять же в духе Шри Шанкарачарьи и, следовательно, представляет мистический индуизм. Точно так же гуру являются слугами Адептов, но применительно ко всей Иерархии под термином «слуга» следует понимать не «лакея» или «крепостного», а *жреца, служащего своему алтарю*. Учителя не просто повинуются членам метафизической элиты; они служат божественному замыслу по мере того, как он раскрывается этими обладателями более великого внутреннего сознательного восприятия. Принципам служат, а личностей, через которых эти принципы раскрываются, почитают.

В Индии имеется множество школ, во главе которых стоят посвящённые Учителя. Каждая группа представляет собой великую Коллегию Адептов в миниатюре. Маленькие группы подобны клеткам более крупного тела. Все вместе они образуют духовно-физический организм, а через это тело циркулирует сознание-энергия Дхиан Коганов. И в этом удивительном теле нет ни одного органа или члена, который мог бы существовать отдельно от общего кровообращения. Несмотря на то, что в материальном мире секты могут казаться расходящимися во мнениях, они согласуются в сознании Адептов, которые руководят ими. Путаница здесь скорее кажущаяся, чем действительная, и существует только на уровне или плане духовного незнания. Продвигаясь вперёд по Срединному Пути, ученик приходит к улаживанию всех разногласий, познавая единство на опыте.

Книга вторая: АРХАТЫ БУДДИЗМА

Введение

В буддизме традиция Адептов завуалирована лишь слегка. Столетиями приверженцы Доктрины стремились к достижению внутреннего спокойствия, являющегося неотъемлемым атрибутом достигшего совершенства человеческого существа. Сразу после учреждения Братства, последователей буддийской философии учили, что религию можно принять в буквальном смысле или познать путём мистического переживания. Те, кто довольствуются лишь тем, чтобы подтвердить верность, вправе рассчитывать только на некоторое личное утешение. Даже если бы они обладали достаточно глубокими знаниями, чтобы исследовать структуру системы, они не смогли бы познать путём личного переживания живую силу Дхармы. Адептство для них маловероятно, так как стимул к достижению просветления недостаточно силён.

Величайшие мистерии буддизма предназначались для более искренних, повиновавшихся побуждению соблюдать дисциплину и посвятить свои жизни и сердца претворению в жизнь Закона. В южной школе такая преданность требовала монашеской жизни, необходимым условием которой был отказ от всех личных обязательств и привязанностей. В северной школе всё было не так сурово и победа над собой оказывалась доступна всем, невзирая на место пребывания, род занятий или профессию. Система махаяны дошла до признания того, что адептство может быть достигнуто и без принятия буддизма и без обучения у какого-нибудь учителя. Свет может исходить исключительно изнутри, а некоторых из великих мудрецов особо почитали за то, что они достигли просветлённости в одиночку.

Буддийского Адепта обычно называют архатом или рахатом. Западная и восточная концепции адептства в некоторых отношениях не совпадают. Европейский Адепт интересовался проблемами политики, образования и науки материального мира гораздо больше, чем восточный посвящённый. Однако, необходимо внести ясность ещё в один вопрос: вопреки сложившемуся на Западе мнению, буддизм отнюдь не является доктриной недеяния. Он не воздаёт должное отдельной личности, занятой исключительно собственным совершенствованием. Его позиция заключается в том, что внешнее улучшение общества должно проистекать из внутреннего просветления человеческого существа. Следовательно, архат выполняет своё назначение, используя заключённые в нём

йогические силы, и его сфера деятельности не выявляется бурными проявлениями его объективной личности. Более того, буддизм не представляет архата сверхчеловеком. Цель, к которой стремятся мудрые, состоит в отождествлении с мировой истиной. Даже мудрость должна согласоваться с Законом.

Как следует из общей концепции, восточные архаты не становились правителями наций, завоевателями или блестящими мыслителями. Они оставались в сангхе^[41] и редко пользовались каким-либо влиянием за пределами круга своих учеников с их стихийным восторгом. Их кодекс законов запрещал им жить в богатстве и роскоши, но они ни в коей мере не считали эти ограничения несчастьем. Некоторые архаты, конечно, достигали славы и почёта, но всегда как учителя и люди исключительной доброты и скромности. Если же кто-нибудь из них и принимал на мгновение угрожающий вид, то только затем, чтобы наглядно объяснить запутавшемуся или капризному последователю какое-нибудь конкретное наставление. Они, подобно морю, могли допустить, чтобы на поверхности появилась рябь, но глубины всегда пребывали в спокойствии и тишине.

Буддийскому архату, как и западному Адепту, приписываются способности творить чудеса. В ламаизме особое удареение делалось именно на этой стороне общей идеи. На самом же деле большинство чудес, приписываемых буддийским мудрецам, представляло собой всего лишь описание внутренних сил в символической форме и не было рассчитано на понимание в буквальном смысле. Чудеса творились *не людьми, а через людей*, и чудесное фактически бывало естественным результатом продолжения внутренней реализации^[42]. Это всегда был Закон, исполняющий сам себя, а тем, кто этого не понимал, это казалось поразительным.

Среди современных буддистов существует расхождение во мнениях относительно размеров Иерархии Адептов. Северная школа безоговорочно считала, что великие учителя мира, включая небуддистов, составляют часть высшего правительства. Это невидимое Братство просвещённых и есть настоящая Сангха, а ассамблея материального мира является всего лишь её слабым подобием. Буддизм, однако, не учит, что Иерархия Адептов активно влияет на человеческую деятельность или направляет её. Это противоречило бы исходным учениям Будды. Человек растёт благодаря собственным заслугам, а не вследствие оказываемого на него давления. Деятельность Иерархии ограничена теми вселенскими вопросами, которые выходят за пределы нынешнего уровня просветления человечества.

Напротив, архаты дожидаются в безмолвной медитации, когда их найдут те, кто жаждут наставлений и готовы заслужить право развиваться путём полной самоотдачи и личного старания.

В некоторых буддийских школах Адепта, или архата, считают персонификацией «сверх-я». Каждый учитель человечества представляет собой средоточие реальности, из которой поддерживается иллюзорная личность. Поиск трансцендентного «я» есть поиск Иерархии. Об этом следует помнить при изучении некоторых преданий и легенд, касающихся этих благородных учителей. Истина — это высшая реальность, или Ади-будда. Великая Иерархия являет собой раскрытие истины через все миры, планы и условия бытия. Погружаясь в неизвестность мрака формы, истина растворяется, пока не остаётся только луч или частица. Каждый из этих лучей — это нить сознания, и искатель истины может подниматься по этой нити, пока в конце концов не постигнет источник.

В Китае архатов называют лоханами, или «поющими священные мантры». Эти лоханы, в свою очередь, являются олицетворениями фрагментарных истин, повсюду обнаруживающих себя и побуждающих к вдумчивому исследованию. Закон никогда не бывает совершенно лишённым формы, а создаёт внешние проявления, которые, будучи понятыми, помогут ученику во время его долгого путешествия по Срединному Пути. Внимательные же, и в первую очередь к мелочам, постепенно обогащая свой духовный мир, расширяют трансцендентальные возможности и тихо, но неизбежно продвигаются вперёд по пути освобождения. Архат, однако, останавливается у ворот и повторяет обет бодхисаттвы Авалокитешвары, который отказывается погрузиться в глубокий покой до тех пор, пока все создания не воспримут Учение сердцем. Решение о самопожертвовании принимается не по приказу или требованию, это добровольное принятие на себя ответственности. Ученик возвращается в этот мир смиренным монахом не потому, что этого требует Бог, а потому, что в глубине души его побуждает к этому решению глубокое и необычайное сострадание. Поэтому архаты и архаты-бодхисаттвы являются «самыми достойными». Они отдали не что-то из того, что у них есть, а всё, чем они являются.

Мэнли Палмер Холл

Лос-Анджелес, Калифорния. Сентябрь 1953 г.

Жизнь Будды

В эзотерической доктрине будда появляется в периоды существования каждой из семи рас на протяжении цикла жизни человечества. Гаутама Будда был четвёртым из плеяды выдающихся учителей, а Майтрейя Будда будет пятым. Предшественниками Гаутамы были три мануши-будды (человеческие будды) — Кракуччханда, Канакамуни и Кашьяпа.

В тибетской системе существуют три Иерархии удивительных существ, появляющихся из Ваджрасаттвы, Алмазного Сердца мира. К высшим принадлежат дхиани-будды, которых эзотерически семь, а экзотерически пять. Они отражаются внизу, проявляясь в семи небесных бодхисаттвах, два из которых также сокрыты. Лучи, или продления, небесных бодхисаттв, при воплощении, становятся мануши-буддами, учителями человечества. Следуя этому порядку, Гаутама Будда ведёт своё происхождение от дхиани-будды Амитабхи через небесного бодхисаттву Авалокитешвару. Откуда вывод, что за земным руководством великого учителя стоит сложная метафизическая концепция вселенной.

В религиозных писаниях Индии, Китая, Бирмы и Японии можно отыскать бесчисленные варианты истории жизни Будды, и надо заметить, что все они, совпадая в главном, различаются многообразием приводимых подробностей. Некоторые факты из его биографии, безусловно, запутаны и, как это обычно бывает с жизнеописаниями религиозных учителей, обросли многочисленными легендами, в которых жизнь великого индусского мудреца представлена как завуалированное изложение главных составляющих его учения. Человек исчез, утонув в потоке им самим созданной философии, и сохранился в людской памяти как воплощение «Благородного Восьмеричного Пути». В наиболее древних письменных источниках, где вы не найдёте большинства столь привычных всем приукрашиваний действительности, раскрывается искреннее человеколюбие великого реформатора. Тем не менее, может случиться и так, что достоверные сведения окажутся принадлежностью исполненных доброты и изящества мифов, а не выхолощенной и вульгарной истории.

Достоинно рассмотрения наиболее характерное из всех повествований^[43] с дополнениями из других источников. Царевич Сиддхартха, или Гаутама (563–483 гг. до н. э.), был сыном Шуддходаны, царя Капилавасту в Коласе. Открытием в 1895 г. колонны, возведённой императором Ашокой, было определено истинное и до той поры

неизвестное место рождения Будды. Город Капилавасту, от которого остались лишь руины, находился на юге Непала, в нескольких милях к северу от индийской границы.

Шуддходана взял себе в жёны двух сестёр, которых звали Гаутами и Майя (Махамайя), дочерей другого царя из рода Шакья по имени Супрабудда. Царь, пленённый красотой и целомудрием младшей сестры, Майи, отдавал ей предпочтение перед старшей сестрой, заставляя Гаутами жестоко страдать от ревности.

Великодушен и справедлив был царь Шуддходана, но беспокойно было у него на сердце, ибо не мог он сделать свой народ счастливым, поскольку извратились и прогнили их религиозные и этические догмы. Прознав о пороках и бедствиях, захлестнувших эпоху, Прабхапала, Сострадательный, пребывающий в небесной области, называемой Тушитой, решил проявиться в материальном мире ради спасения всего живого. Благородный бодхисаттва уже принёс немало жертв во имя служения человечеству и опустил теперь свой взор вниз, в иллюзорную сферу, дабы отыскать подходящее место для своего земного служения. Хорошо зная о справедливом сердце Шуддходаны и нравственном совершенстве Майи, Святейший снизошёл из обители просветлённых в окружении дэв, небесных музыкантов и духов-хранителей и под покровом ночи приблизился к той части дворца, где почивали добрый царь и его супруга.

Вдруг Майя осознала, что воздух вокруг неё наполнен неземной музыкой. Поднявшись на своём ложе, она увидела золотую пагоду, плывущую в облаке пурпурного тумана, пронизанного множеством сияющих лучей. Дверь пагоды отворилась, и перед взором Майи предстал золотой Будда, погружённый в глубокую медитацию.

Затем появился белый слон с красной головой и шестью бивнями. На голове слон нёс белый лотос, на котором сидел золотой Будда. Из белого пятна на лбу испускавшей призрачное сияние фигуры исходил луч яркого света, осветивший всю вселенную. Затем лучезарное божество обратилось к царице со словами: «Я намерен возвестить тебе нечто важное. Уже связанный с тобой цепью причин, корнями уходящих в прошлое, я решил войти в твоё чрево и открыть себе этим проход в мир, чтобы нести спасение человечеству, завязшему в ненасытной страсти и невежестве».

Майю охватил смертельный ужас, но Всевышний успокоил её и, сойдя с трона на белом слоне, вошёл, подобно тени, в её тело. Проснувшийся в этот момент царь Шуддходана рассказал, что его посетило то же видение, и супруги решили, что небеса снизошли к их молитвам и даровали им

чудесного сына. В легенде рассказывается, как незадолго до своего рождения будущий Будда в образе младенца явился Майе в видениях, преподал ей некоторые положения учения и уверил в ожидающей её счастливой судьбе.

Когда же пришло время ребёнку появиться на свет, Шуддходана устроил для всего народа в принадлежавших его роду садах Роци Лумбини великий праздник. Чистейшие озера и водопады создавали прохладу в этом прекрасном парке, где росло множество редких экзотических цветов и растений и порхали сладкоголосые птицы в пестром оперении. Было там и «беспечальное дерево» (дерево Сал)^[44] с яркими цветами.

Когда праздник окончился, царь попросил Майю сорвать ему цветок с «беспечального дерева». И как только царица протянула руку к одной из ветвей, одежды на ней распахнулись и на свет из её правого бока появился младенец, она же при этом не почувствовала никакой боли^[45].

В тот же момент у ног Майи из земли появился голубой цветок лотоса величиной с колесо большой колесницы, а в нём спал новорождённый младенец в ореоле неземного света. Небеса вдруг разверзлись, и на землю сошли четыре царя дэвов, два царя нагов и легионы духов и бодхисаттв и, как небесные придворные, окружили младенца, а он, выйдя из лотоса, ступил по земле три шага вперёд и четыре назад^[46].

Указывая правой рукой на небо, а левой на землю, ребёнок сурово и величественно произнёс: «Я один из всех существ в небесах и поднебесье достоин славы».

Младенца сразу же отдали под опеку его тётки, раскаявшейся в своих дурных помыслах. Спустя семь дней умерла царица Майя. Её тело кремировали, а пепел поместили в урну. Дворец, где она жила, перенесли на Гору Заходящего Солнца и установили там урну с её прахом. Рядом с дворцом в её честь была построена пагода высотой в сто шестьдесят футов (около 50 метров). «Беспечальное дерево» из роци Лумбини посадили перед её мавзолеем.

Мальчик, которому дали имя царевич Сиддхартха, быстро рос и, когда ему исполнилось три года, своим поведением и умом мог сравниться со взрослым. В восьмилетнем возрасте его отдали в обучение Митре, брахману. Царевич уже проявлял склонность к религиозной медитации и обнаруживал в себе безграничную любовь к людям. Усвоив все знания, которыми мог с ним поделиться его почтенный учитель, он вернулся во дворец отца. Там его посетил Риши Ашита; он увидел у царевича тридцать два знака совершенного Будды и предсказал, что тот станет спасителем

человечества. Шуддходана, желавший, чтобы сын после его смерти вошёл на царский престол, попытался отвлечь юного царевича от его мистических фантазий, но судьба распорядилась иначе.

Риши Ашита с младенцем Буддой на руках. (С древнего рисунка в пещерах Аджанты).

В возрасте пятнадцати лет царевич Сиддхартха был объявлен наследником трона, однако он всё же предпочёл жить среди книг, проводя время в благочестивых размышлениях. Но чтобы царевич не покинул этот мир не оставив наследника, его должны были женить.

Согласно некоторым легендам, он сам выбрал себе жену. Три дворца построил царь для царевича Сиддхартхи и его невесты, Яшодхары. Так и жил он среди земного брэнного величия, когда посетили его четыре видения, или мистических переживания. В первый раз обитающие в небесной Тушите блаженные явили его взору немощного старца. Неумолимая судьба, вселившая волнение в сердце Сиддхартхи, напомнила ему о краткости смертного бытия и неизбежности приходящего с годами одряхления.

Во второй раз небесные мудрецы показали царевичу страшного на вид человека, изнурённого и изуродованного неизлечимой болезнью. Чандака, управлявший колесницей царевича, объяснил, что причиной столь жуткого состояния этого убогого страдальца стала потеря самообладания, превратившая его в жалкого слугу собственного аппетита, неумеренности и порока. В подавленном настроении и с грустью на сердце вернулся царевич во дворец.

В третий раз дэва Шуддхаваса явился царевичу в виде трупа, и Сиддхартха впервые в жизни узнал, что такое смерть. Не в силах

пошевелиться стоял царевич, безмолвно глядя на истощённое, безжизненное тело, как вдруг в голове его напоминанием мелькнула мысль, что всех смертных на земле ожидает одна общая участь. «Что же тогда есть жизнь, — воскликнул царевич, — если таков её конец?»

В четвёртый раз ему явился величественный монах в скромной одежде цвета шафрана. Лицо святого излучало покой, а в глазах отражалась просветлённость. Под внешностью монаха, разумеется, скрывалось верховное существо. Пробудив дремавшую в душе Сиддхартхи мудрость, архат, охваченный пламенем, вознёсся над землёй и исчез.

Потрясённый увиденным, царевич Сиддхартха принял решение вести монашескую жизнь. К воплощённому бодхисаттве начали приходить воспоминания о предначертанном пути, приведшем его к повторному рождению, а царь Шуддходана стал вдруг замечать, что всё чаще его сына охватывает печаль и всё больше времени он проводит предаваясь мрачным мыслям. Опасаясь, что юноша вознамерился стать аскетом, царь приказал установить стражников у всех дворцовых ворот, однако однажды ночью, как и было назначено, архаты в небесной области Тушита погрузили в сон стражу и придворных. В волшебной тишине юный царевич поднялся со своего ложа и направился к выходу. Задержавшись на мгновение у постели жены, он взял прекрасное покрывало и накрыл им спящую царевну. У ворот дворца его ожидал верный Чандака с парой коней. Не прошло и минуты, как всадников поглотила ночь, безмолвие которой не нарушил ни единый звук, ибо не слышен был даже стук копыт, намеренно заглушённый локапалами^[47].

Когда они отъехали на безопасное расстояние, царевич Сиддхартха снял с себя драгоценности и отдал их Чандаке. Потом он ножом отрезал прядь своих роскошных волос и, разделив её на части, разбросал их во все стороны, а налетевшие отовсюду крошечные духи унесли с собой каждый волос. После этого царевич снял богатое одеяние и облачился в грубый костюм охотника. Нежно простившись с преданным другом и любимым конём, царевич, без пищи и денег, медленно зашагал по пыльной дороге, держа в руках только чашу для подаяний.

По обычаю того времени, Сиддхартха отправился в пещеры знаменитых отшельников и уединённые ашрамы^[48] известных мудрецов. И всем он неизменно задавал три вопроса: «Скажи мне, почтенный господин, откуда мы пришли? Почему мы здесь? Куда мы идём?» Путешествуя, царевич узнал многие тайны Природы, но главные вопросы остались без ответа.

Формально отказавшись от всех мирских устремлений, Сиддхартха побывал при дворе дружески расположенного к нему царя в городе Раджагрихе; и пришёл он к нему не как почётный гость, а как нищий, странствующий в поисках истины. Покинув дворец гостеприимного царя, царевич отправился в Урувелу, небольшую деревеньку близ Гайи, где вместе с пятью аскетами, известными своей праведной жизнью, вступил в «великую битву». Шесть лет суровейшего аскетизма и самодисциплины так сильно его ослабили, что появились опасения, сумеет ли он вообще выжить при таком упадке сил. Тело его было до такой степени истощено и немощно, что даже те, кто хорошо знали царевича, не могли в этом иссохшем аскете узнать прежнего цветущего юношу. В конце концов, убедившись, что таким путём ему не достичь озарения, к которому он стремился все эти годы, царевич решил навсегда отказаться от подобных занятий. Узнав об этом, пятеро спутников царевича покинули его, сочтя, что он не выполнил своих религиозных обязательств. И вновь в одиночестве он отправился дальше по дороге странствий.

И наконец, охваченный унынием, утомлённый и ослабленный шестью годами скитаний и постоянного разочарования, Сиддхартха, еле державшийся на ногах от усталости, присел отдохнуть на невысокий холмик под раскидистыми ветвями высокого дерева, ныне называемого священным деревом баньян, в Бодх Гайе. Здесь он и решил остаться, сказав себе: «Я не уйду отсюда, не достигнув высшей и абсолютной мудрости». Как свидетельствуют древние письмена, Сиддхартха сидел на ложе из травы у восточной стороны дерева, обратившись лицом к востоку. Шло время, и царевич вдруг ощутил, что медленно погружается в дивное состояние глубокого покоя. Постепенно сознание его высвободилось из убежища смертной оправы, а сам он стал подниматься ввысь, минуя сферы пространства, и перед его внутренним взором развернулась драма человеческого бытия. Он внутренне постигал причины явлений и средства, как им противостоять. Все формы соблазнов обрушились на царевича, стремясь опутать его сознание паутиной иллюзии, но он оставался равнодушным. И вдруг наступил момент просветления и бодхисаттва из небесной области Тушита достиг состояния земного будды. Вселенная сразу же наполнилась весельем; с небес сошли процессии древних мудрецов и прежних будд, а среди них пребывал преображённый Свет Азии.

Существует легенда о том, что пока Сиддхартха сидел в ожидании под деревом Бо, он три раза приходил в состояние бодрствования. В первый раз к нему пришло знание о всех его прежних существованиях; во второй — он

начал понимать все тогдашние состояния живых существ, а в третий — постиг все изменения, причины и следствия и на следующее утро стал всезнающим. И с этого момента сочетание «царевич Сиддхартха» превратилось всего лишь в имя некоего юноши, поглощённого вселенским океаном беспредельного сострадания. Теперь на его месте был Будда. Ищущий обрёл то, что искал, и стал учителем человечества.

Испытав просветление, Будда усомнился, надлежащим ли образом сложились обстоятельства и наступил ли нужный момент для обнародования его Учения. Затем к нему пришло внутреннее понимание, что те пять аскетов, некогда бывшие его спутниками, и должны стать первыми, кто воспримут учение. Он отыскал их в Оленьем Парке, где ныне находится город Сарнатх около Бенареса, и, сидя на невысокой насыпи, произнёс перед ними свою первую проповедь. Вначале аскеты, боясь оказаться осквернёнными общением с опять взявшимся за старое нищим, держались от него на некотором расстоянии. Но как только закончилась проповедь «Приведение в движение колеса закона», они с почтением склонились к его ногам, умоляя посвятить их в монахи. Так и стали они первыми членами сангхи (ордена).

Будда, помня о том, с какой поспешностью пришлось ему покинуть отца и жену, решил побывать у них и возвестить народу города Капилавасту о своём учении. Через шесть лет после пережитого им просветления, в сопровождении сотен своих учеников он приближался к городу, где родился, а царь Шуддходана в великой радости готовился к достойной встрече сына. Однако Будда отправил к отцу посыльного, дабы напомнить тому, что сын его уже более не царевич и прибудет всего лишь как праведник, посвятивший себя служению истине. Он войдёт в Капилавасту с пятнадцатью тысячами учеников, и встречать его надо как и любого из всех, не делая никаких различий.

Яшодхара получила разрешение выйти вместе с женщинами дворца навстречу прибывшим, дабы воздать монахам все подобающие им почести. Она вела за руку шестилетнего сына Будды по имени Рахула. Понимая, что ей не удастся разглядеть мужа в этой массе одетых в жёлтые одежды монахов с бритыми головами, она дала мальчику покрывало, которым царевич Сиддхартха накрыл её в ночь своего отъезда из дворца, и велела Рахуле отдать его своему отцу. Направляемый безошибочным инстинктом, мальчик прошёл сквозь огромную толпу и упал на колени перед одним из монахов, занимавшим третье место на центральной скамье. Взяв у мальчика из рук покрывало, Будда отчётливо произнёс: «Неизменная истина вселенского закона, таинственное озарение и состояние

неограниченности — мудрость и молитва всех живых существ — и то и другое исполнилось». Выражение его лица изменилось, и пучок белых волос на лбу засветился внутренним светом.

Согласно легенде, изложенной в «Сяка Дзицуроку», Яшодхара, во исполнение пророчества, шесть лет носила в себе сына Татхагаты. Таковым было наложенное на неё проклятие, ибо, когда она родила сына после столь долгого его вынашивания, пошли слухи, что Яшодхара была неверна своему мужу. Держа в руках покрывало с ложа царицы, Будда, произнося чудесное заклинание, развернул его перед собравшимися, и все увидели начертанные на нём слова: «Через шесть лет после моего ухода у тебя появится очаровательный мальчик, который от рождения будет мудрецом».

И тогда и царь, и все его подданные поняли, сколь несправедливы были их подозрения в неверности царицы Яшодхары. В другом варианте легенды этот эпизод опущен и рассказывается, что младенец Рахула спал вместе с матерью, когда царевич Сиддхартха ночью покинул дворец в поисках мудрости. Когда Будда готовился войти в паранирвану, он поверил Высший Закон шестнадцати великим архатам и их сторонникам. Среди архатов был и Рахула, о котором сложено множество разных легенд.

После путешествия в Капилавасту Будда посетил усыпальницу матери и освятил это место как монастырь. Сохранились письменные свидетельства, что царица Майя своими бесчисленными добродетелями и как женщина, на которую пал выбор стать матерью Великого Воплощения, заслужила счастливую жизнь в Раю Индры.

На рис.: Рахула протягивает своему отцу, Будде, покрывало с ложа матери.

В присутствии матери Будда с двумя учениками взошёл на золотое облако и дал ей дальнейшие наставления. Подробности содержатся в «Сутре о вознесении Будды в небесную область Трайястримса, чтобы

проповедовать Закон для своей матери». Майя, в знак вечной любви, подарила сыну цветок мандары, который носила в волосах. Таким образом по традиции толкуют обычай дарить цветы возле гробницы Будды и других бодхисаттв.

Будда поднялся в небесную область Трайястримса, чтобы обучить мать трём сверхъестественным ступеням, или состояниям, подготовленного сознания. В течение трёх месяцев оставаясь в обители Индры, он мог полностью изложить все основные положения Закона. Когда подошёл момент возвращения Всевышнего на землю, Индра для его схождения вниз сотворил три лестничных марша, или три лестницы, причём центральный пролёт был весь из драгоценных камней, тот, что справа — из серебра, а левый — из золота. Будда спускался по средней лестнице вместе с Владыкой небес Брахмы Махабрахмой и Повелителем тридцати трёх божеств Индрой, сошедшими по серебряной и золотой лестницам. Сопровождающие Будду несли над его головой балдахин, составленный из семи бесценнейших субстанций. За этой величественной группой шествовало множество бодхисаттв, дэв и небесных существ. Как только Будда ступил ногой на землю, все три лестницы исчезли, погрузившись в землю, и остались видны только семь ступеней центрального пролета^[49].

Место, где находился древний город Санкасья, или Санкиса, царь Ашока отметил, воздвигнув там каменную колонну, а Хуань Цзян рассказывал, что стоявшие в первоначальном положении в течение многих веков семь ступеней лестницы точно так же исчезли в земле до того, как он попал в Санкасью. Существует множество различных описаний этих лестниц и материалов, из которых они были сделаны, причём всегда отмечается, что материалы использовались необычные и весьма редкие. Для непосвящённых лестницы явились одновременно в виде трёх радуг. Это событие из жизни Будды запечатлено в бронзе, на тибетских танках, или религиозных изображениях, однако встречается чрезвычайно редко.

Хотя доктрина повторного рождения намного старше буддизма, всегда выходит так, что её напрямую связывают именно с этой системой. Во время своих многочисленных бесед Будда часто обращался к событиям, которые происходили в его предыдущих воплощениях. Эти повествования, тщательно собранные учениками Мастера, были впоследствии включены в канон Священных писаний, известный под названием «Комментарии к Джатакам». В нём имеются ссылки на пятьсот пятьдесят предыдущих воплощений Будды. Разные изображения, отражающие различные эпизоды этих воплощений, были обнаружены на оградах и куполах храмов в Амаравати, Санкхи и Бхархуте. С непревзойдённым великолепием эти

события запечатлены на стенах галерей в Боробудуре на Яве. В каждом из своих предшествующих облиций Мастер изображён бескорыстно выполняющим какую-нибудь работу для блага всего человечества.

Истории «Джатак» очень важны с точки зрения учения, поскольку Будда использовал их, чтобы объяснить действие закона кармы в своём последнем воплощении в качестве великого учителя.

Татхагата после того как пережил озарение, прожил более сорока пяти лет, и за все это время он нигде надолго не останавливался, а путешествовал, учительствуя и принимая в сангху новообращённых. Его деятельность была связана, главным образом, с царством Магадха, хотя предания несколько расширили районы, где он преподавал. В это же время он раскрыл многие сутры, запечатлённые в памяти его учеников. Существуют подробные описания разных удивительных случаев, связанных с его проповедями, однако большинство их явно недостоверны.

Будде было уже более восьмидесяти лет, когда он понял, что пришёл его час перехода в состояние паранирваны^[50]. В сопровождении Ананды и собрания монахов он пришёл в рощу деревьев Сал в Кушинагаре. Там по его приказанию было послано ложе. Опустившись на него, Будда лёг на правый бок головой к северу, приняв так называемую позу льва. Говорили, что все деревья, хотя и был не сезон, стояли в цвету, осыпая покоящегося на ложе крупными душистыми цветами. Странствующий аскет по имени Субхадра слушал учение Будды и был последним из всех, кого Будда принял в свои ученики ещё при жизни.

Легенда о том, что Будда умер, поев несвежего кабаньего мяса, по всей видимости, лишена исторической основы и, возможно, отражает конфликт между брахманизмом и буддизмом. В «Книге о возвышенной кончине» содержится описание смерти великого учителя, который погрузился в медитацию и заставил своё сознание постепенно подняться до высшего состояния.

Будда вошёл в паранирвану на 15-й день второй луны, а на 22-й день его тело омыли благовонной водой и завернули в расшитую ткань и белый атлас. Его останки положили в гроб и закрыли сверху крышкой. В этот момент мать Будды спустилась из Рая Таити, чтобы оплакать сына. Из уважения к ней гроб открыли, и тотчас же из него поднялся Будда и, сложив руки в приветственном жесте, произнёс: «Вы сошли вниз из далёкого рая». А затем повернулся к Ананде со словами: «Воспринимайте как предостережение на будущее тем, кто не выполняют сыновний долг, то, что ныне я вышел из гроба, чтобы просить о здоровье и покое моей матери». Всё это противоречит идее о том, что паранирвана представляет

собой полное угасание сознания.

За этим последовал обряд кремации. Тело Татхагаты, возложенное на погребальный костёр, поглотил огонь, вырвавшийся из его груди. Собранный членами ордена прах поместили в подобающую раку. В более поздней легенде рассказывается, что царь Ашока разделил останки на восемьдесят четыре тысячи частей и над каждой из них^[51] установил ступу^[52], или монумент.

Северная и южная школы

Ранний буддизм в Индии можно назвать суровой школой метафизического аскетизма. Буддийские монахи, сформировавшие некий обособленный класс, практиковали такие дисциплины, как медитация и созерцание, и объединились в братство людей, посвятивших себя учению и добровольно принятому нищенству. Их учения были столь абстрактны и сложны, а устав и правила настолько суровы, что эта школа заключала в себе слишком мало привлекательного для общества. В Индии с давних пор сложилась характерная именно для этой страны традиция нищенства и отрешения от всех земных дел как образа жизни человека. Аскетизм в Индии возник гораздо раньше буддизма, и, хотя нищим и монахам оказывали уважение и всяческие почести, доходя в этом часто до поклонения, их не считали настолько святыми и неприкосновенными, чтобы к ним не могли приблизиться непосвящённые.

Однако вскоре для буддийских лидеров, обладающих более высоким общественным сознанием, стало слишком очевидным, что эта школа никогда не выполнит своего назначения, если не отыщет какого-то способа внедрить в сознание масс учение воодушевления и надежды. Постепенно разногласия возникли и внутри сангхи. Буддийское учение разделилось на два главных течения, причём одно из них распространилось на юг, достигнув Цейлона, а другое — на восток и север, в итоге завладев Китаем и Тибетом.

Южное течение доктрины стали называть хинаяной, что дословно означает «малая колесница». Его сторонники составляли аскетическую часть буддийского общества, полагая, что все блага срединного пути существуют для тех, кто взял на себя определённые обязательства перед Братством и полностью следует религиозному образу жизни. Только полностью отрёкшиеся от мира и всех своих привязанностей могут надеяться достичь нирваны.

Новый импульс в развитие буддизма, распространявшегося в северо-восточной Азии, вдохнули несколько выдающихся учителей, осознававших потребность в вере, способной обещать вознаграждение за благочестие и преданность в равной степени мирянам, как и духовенству. Постепенно структура учения подверглась переделке, и на основе этих изменений, а в большой степени и компромиссов, возникла школа махаяны, или «большой колесницы». И хотя начало буддизму махаяны было дано в Индии,

усовершенствована она была в Китае, и именно из Китая распространилась в Корею, Тибет и Японию. Сегодня буддизм махаяны можно определить как господствующее течение, доктрины которого оказали заметное влияние на все регионы, где побывали первые миссионеры этой школы.

Ещё в III и IV веках н. э. официальный центр буддизма начал смещаться из Индии в Китай, хотя индийские школы и сохранили своё традиционное величие.

В VI веке великий буддийский патриарх Бодхидхарма (по-китайски — Тамо, по-японски — Дарума) покинул Индию и обосновался в Китае. Бодхидхарма был двадцать восьмым патриархом, ведущим своё происхождение по прямой линии от Гаутамы, а посему был признанным главой буддийской школы махаяны. Вместе с ним в Китай пришла и эзотерическая школа дхьяны (по-японски — дзэн), система более глубокой медитации, или сосредоточения на нереальности всех чувственных феноменов. С прибытием Бодхидхармы в Китай буддизм признал Срединное Царство^[53] своей главной штаб-квартирой.

Во всех основных учениях школы махаяны обнаруживается твёрдая вера в то, что сам Будда не только утвердил «большую колесницу», но и показал её совершенную метафизическую структуру. Однако его слова были столь трудны для понимания, что только некоторые бодхисаттвы, которые присутствовали при беседах, но оставались невидимыми для смертных, полностью постигали их смысл. После того как Будда прочёл проповеди божествам тридцати трёх небес и достиг состояния нирваны, именно эти бодхисаттвы взяли на себя ответственность за раскрытие махаяны всему человечеству. Согласно одной из легенд, бодхисаттвы Манджушри и Майтрейя или приняли человеческий облик, или ниспослали наитие на посвящённых учеников с тем, чтобы махаяна стала известна миру людей в 116 год нирваны. И хотя произошло это ещё до рождения великого архата Нагарджуны, в его обязанности входило первое систематическое толкование доктрины махаяны. Известно якобы заявление Будды о том, что через несколько сотен лет после достижения им состояния нирваны его ученик Ананда родится под именем Нага и раскроет смысл «большой колесницы».

Одна из характерных особенностей махаяны заключается в постепенном обожествлении будд и их бодхисаттв, что, разумеется, не имеет ничего общего с первоначальной концепцией. Эти будды, восседая на своих тронах-лотосах, могли посылать сотворённые волей или йогой «магические тела» вниз, в сферу иллюзии, чтобы направлять, защищать и охранять непросвещённых смертных. Поклонение этим Вечным Буддам и

мольбы об их заступничестве отражают одну из основных особенностей учения махаяны.

Постижение сути учения в школе махаяны происходило путём последовательных толкований, в которых главная доктрина была расширена с внесением в неё разнообразных дополнений и поправок. Истинная цель всех этих изменений заключалась в доказательстве и подтверждении, что положения учения гарантируют спасение всем сотворённым существам — одушевлённым и неодушевлённым — а значит, являются универсальной философией и универсальной религией. Дело дошло даже до подтверждения, что и небуддисты, то есть те, кто незнакомы с учением или привержены противоположным убеждениям, всё же разделяют привилегию спасения, если будут творить исключительно добрые дела. Поступок, соответствующий состоянию просветлённого и мотивированный самодисциплиной, гарантировал конечную победу, независимо от того, какое кредо избирал для себя индивидуум или к какой секте он принадлежал.

Нагарджуна, живший во II веке н. э., принял буддизм, отойдя от старой брахманической системы. Его философские концепции весьма похожи на те, что снискали наибольшую известность в секте дзэн. Камнем преткновения стало постулирование Нагарджуной того, что он называл «пустотой», как единственной реальности. В «Малой праджняпарамитасутре» сказано: «В этой пустоте нет ни формы, ни восприятия, ни названия, ни концепции, ни познания. Там нет глаза, уха, тела, разума; нет вкуса, осязания, объектов; отсутствуют знание, незнание, уничтожение незнания, распад, смерть, Четыре Благородные Истины и невозможно достижение нирваны»^[54]. Создаётся впечатление, что столь категоричное утверждение «пустого места» способно разрушить всю структуру религиозной философии. Можно только предполагать, что Нагарджуна ощупью шёл к утверждению абсолютизма, необусловленной реальности, в противоположность беспредельно обусловленной нереальности. В одной из китайских легенд рассказывается, как Нагарджуна пришёл к выводу, что его доктрина несовместима с учением Гаутамы Будды, причём это неправильное представление он так и сохранял до тех пор, пока не был посвящён нагами (змеями) на месте будущего университета Наланды. Это одна из наиболее интересных вех традиции адептства. Змеи олицетворяли посвящённых, или Махатм, тайной школы.

Подобное символическое представление было принято в Азии, на Ближнем Востоке и даже в Европе. От этих нагов Нагарджуна узнал, что Будда гораздо раньше, но только тайно, научил его тому, что он публично

высказывал в своих проповедях, а до этого и сам Будда получил наставления от индийских мудрецов, раскрывших ему тайны шуньяты, «пустоты» иллюзии. Они также рассказали ему о *праджняпарамите*, или знании, которое пересекает реку, то есть переносит искателя истины в область единственной реальности.

Учение о «пустоте» несколько изменило структуру буддийской метафизики, сместив акценты с аскетизма на набожность, хотя при этом и сохраняется внутреннее переживание собственно «пустоты» исключительно за счёт расширения интуитивных способностей души. Почти наверняка «пустота» в данном случае не означает абсолютной «пустотности», а скорее подразумевает состояние столь абстрактное и непостижимое, что человеческий разум не в состоянии подтвердить, существует оно или нет. Таково заключение профессора Дасгупты^[55]. Все подобные тонкости этих ранних индийских философов с трудом воспринимаются теми, кто обучался в западных реалистических школах, тем не менее довольно странно, что многие на вид простые доктрины, имеющие множество приверженцев, опираются для своей весомости на концепции, в равной степени трудные для понимания. Однако затруднения эти не признаются, поскольку принятие подменяется умствованием.

Произошло также и заметное изменение в отношении к архатам, или посвящённым мудрецам. Прежняя позиция единоличного спасения показалась излишне суровой. Посвящённые-учителя заслуживали гораздо большего, отдавая свои знания и любовь делу служения человечеству. Они остались в непосредственной близости к своему миру, выбрав повторное воплощение в качестве слуг рода человеческого и отказавшись от нирваны до тех пор, пока все люди не воспримут Учение и не достигнут спасения. При этом гораздо меньший упор делался на немедленном совершенствовании человеческого сознания, напротив, требовалось пройти через многие повторные воплощения, прежде чем усваивался весь кармический опыт.

В махаяне поступки, продиктованные ревностным служением, мгновенно открывали доступ к невидимой Иерархии будд, бодхисаттв и архатов, причём эти великие личности не являлись во всей полноте своего могущества, но их эманации или тени можно было узнать или воспринять, выполняя мистические обряды. Доля магического в них постоянно росла, и обрядность приобретала всё большую важность. Будда как личность и учитель постепенно исчез из поля зрения общества. Он стал почитаем как Открыватель и уважаем как вполне просвещённый учитель. Однако при публичном и частном отпавлении культа ему поклонялись как одной из

форм, или атрибутов, пантеона махаяны. Позднее в качестве главных объектов всеобщего преклонения были избраны бодхисаттвы Манджушри, Авалокитешвара и Майтрейя. Будда как простой смертный был инструментом Доктрины гораздо более величественной, чем он сам, а следовательно, небесные существа, воплотившие в себе эту Доктрину, заслуживали гораздо большего уважения.

В связи со школой махаяны перед учёным буддийского толка встаёт в высшей степени интересная проблема. Постепенно перемещаясь из Индии в Китай, эта секта добавила к своему пантеону нескольких метафизических существ. Основным среди них был небесный будда Амитабха, будда Безграничного Света. Это великое существо было абсолютно неизвестно южной школе, равно как его имя ни разу не упоминалось в древних писаниях индуистского буддизма. Он несомненно не был «переделкой» одного из старых богов Вед, и всё же просто невозможно предположить, что почтенные мастера «большой колесницы» сформулировали эту идею Божественности без достаточных на то оснований и не имея перед собой жизненно важной цели.

Но тогда кого или что представляет собой Амитабха и как случилось, что он стал Господином культа «чистой земли»? Амитабха — это владыка Западного Рая (на санскрите *Сукхавати*), а Западный Рай и есть «чистая земля», небесный мир, преисполненный красоты и добродетели. Его ворота открыты всем, кто совершает великий путь по жизни, согласно закону. Даже самый скромный из тех, кто делает добрые дела, найдёт покой и отдых в золотой пагоде Запада, где небесные музыканты слагают песни о гармонии мира, где праведники и мудрецы погружены в размышления, проводя время в садах с украшенными драгоценностями деревьями. И конец страданиям приходит именно там, в прекрасной обители спасённых — городе золотого лотоса, связанного с землёй тонким мостиком сострадания.

Дискутируя с царём Канишкой, почтенный буддийский учитель Ашвагхоша так объяснил тайну Амитабхи: «Брахма — персонификация принципа бытия, а Амитабха — образец бытия. Амитабха — подлинный закон, который всякий раз, когда бытие становится существованием, формирует жизнь и развивает её, обеспечивая единообразие и порядок как в мире реальных, так и в сфере мышления. Он — источник рациональности и справедливости, науки и этики, философии и религии»^[56].

Древний буддизм Индии — суровая хинаяна с её узкими воротами — не содержит учения о Западном Рае. Там фигурирует только земля с её иллюзией и нирвана, полное угасание всех желаний. Занявшись поисками

объяснения столь важного изменения в учении, нельзя игнорировать мнения по этому поводу разных учёных. Одни из них считают, что Западный Рай — плод раннего соприкосновения буддизма и несторианства, другие же считают, что мир неземного блаженства Амитабхи следует рассматривать как неизбежный результат давления настроения широких народных масс на буддийскую философию. По мере расширения системы с целью охватить также и необразованных людей, обнаружилось, что всё большее число членов оказывалось неспособным к размышлениям над абстракцией нирваны.

Критики буддизма дали в своё время понять, что введение Амитабхи было обдуманном стремлением пойти на компромисс с мнением масс, чтобы усилить светскую власть секты. Такое отношение, однако, представляется несправедливым с точки зрения глубочайшей честности, всегда ассоциировавшейся с буддийскими учителями.

По своему устройству рай Амитабхи сходен с божественным миром, характерным для верований почти всех религиозных обществ. Подобно Сварге — раю Индры и Вальхалле Одина, он представляет собой промежуточное состояние между миром смертных и предельным совершенством, на которое рассчитывают посвящённые. Знающий буддист рассматривает Рай Запада как вершину иллюзорной сферы. И это вовсе не компромисс, а просто признание некоторых потребностей и ограничений сознания, присущих большей части человечества.

Во всех эзотерических системах существуют два кодекса: один — для посвящённых, другой — для непосвящённых. Средний человек может улучшить качество своей жизни, облагородить свои эмоции и стать более ответственным за свои поступки. Таковы добродетели мирян. Ими должны обладать также и посвящённые, которым к тому же необходимо, выйдя за их пределы, погрузиться в великий океан Доктрины.

Рай Амитабхи означает сферу кармического воздаяния тем, кто живёт руководствуясь простыми учениями, подходящими для среднего человека. Рай этот представляет собой состояние, которое человек способен постичь и которое становится его наградой, поскольку оно для него так же понятно, как и награда. В буддизме Западный Рай всегда существовал как некая возможность, однако вряд ли есть необходимость подчёркивать эту концепцию, пока вера не возросла до такой степени, чтобы захватить и тех, кто не способен к высшему достижению.

Полностью обновлённое личное «я», воцарившееся в сердце и подталкивающее живое существо к правильным действиям, и есть Амитабха. Это — облагороженная и просветлённая личность, человек, в

своём совершенстве достигший состояния бога, однако за пределами этого бога есть пространство — Предвечный. Боги — это атрибуты пространства, а личное сознание человеческого существа — аспект его вечного пространства-сознания. Все мистические религии ведут к достижению Богосознания, или богоподобного состояния собственного «я».

Эзотерические религии, переступая через эти границы, предполагают поглощение собственного «я» и своей воли универсумом и универсальной волей. Рай Амиабхи — это верх добродетели, тогда как нирвана означает состояние совершенной добродетели в сочетании с совершенной мудростью и совершенным самоотречением.

Путём внутренней медитации великие Будды постигали в себе тайну «большой колесницы», которая по сути является собственно дхармой, учением о справедливом законе, следуя которому всё человечество может достичь освобождения. Даже та жизнь, что заключена в песчинке, познаваема в сознании Всевышнего. Любовь Амиабхи объемлет все «вещи» в громадности учения сердца. Сострадание Амиабхи заставляет всё живое двигаться по благородному восьмеричному пути к конечному отождествлению с пространством, духом и великими белыми горами — горами севера, престолами вечных будд, далеко-далеко за западными границами которых находится рай Амиабхи.

Ашока и «золотой век» буддизма

Сокровенные тайны своей системы Будда раскрыл только избранному кругу архатов. Согласно тайной традиции, первые архаты прошли обряды посвящения в пещере Саттапанни в холмах Раджгир, расположенных в южной части района Патны штата Бихар.

Эта пещера, как утверждали, состояла из семи соединённых между собой камер и упоминалась в древних писаниях под наименованием «пещеры Будды». Представляемая в виде бутона лотоса с семью лепестками, пещера Саттапанни олицетворяла человеческое сердце с его предсердиями и желудочками. Позднее эту «сердцевидную пещеру» стали отождествлять с местом, расположенным неподалеку от города Раджагрихи, где в 543 году до н. э. проводилось важное собрание буддийских монахов.

На момент кончины Будды старейшими и самыми почитаемыми членами сангхи (ордена) были Кашьяпа, Ананда, Анураддха и Упали. В «Махавансе» рассказывается, как в сезон дождей пятьсот архатов во главе с Кашьяпой собрались в Раджагрихе (царская столица), чтобы преобразовать доктрины Будды в единую систему. В буддийской истории этот совет в пещере Саттапанни известен как первый собор, на котором председательское место, согласно общему мнению, занимал Кашьяпа. Однако в отношении дальнейшей смены власти на этих собраниях существует множество расхождений. Приверженцы северной школы утверждают, что его преемником был Ананда, тогда как в южной школе господствует убеждение, что первым патриархом был Упали, а Кашьяпу считают тем, кто просто руководил этим собором.

В 380 году до н. э. в Вайшали, или Вешали, состоялось не менее важное собрание буддийских монахов и учителей, обычно называемое вторым собором. В это же время произошёл первый раскол в ордене, после чего начали возникать многочисленные секты и школы, различные по своим толкованиям некоторых существенных догматов.

Ашока^[57] после обращения в буддизм созвал третий собор в городе Паталипутре, столице своего царства, с целью очищения учения от ошибок тех, кто присоединился к буддийским религиозным обществам из эгоистических побуждений, а поэтому не имели никакого, во всяком случае, правильного представления об учении Будды. Престиж, которым пользовался буддизм в бытность Ашоки, явился причиной проникновения в

эту систему множества не обновлённых духовно людей с тяжёлым багажом политических и прочих житейских амбиций, стремящихся просто-напросто повыгоднее обделать собственные дела.

Канишка^[58], царь Палхавы и Дели, правил в I или II веке н. э. (исторические данные недостоверны). Сразу же после восхождения на трон, он узнал, что Шима, царь Кашмира, отрёкся от мира и, будучи принятым в общество буддистов, стал архатом.

Канишка бывал в Кашмире и посещал лекции многих знаменитых святых. На территории его царства было двадцать восемь приисков и рудников, где добывались золото, серебро и драгоценные камни. На получаемые оттуда богатства он содержал всю буддийскую церковь. Ближе познакомившись с буддийской философией, Канишка узнал, что орден раскололся на четыре главных школы, в свою очередь разделившиеся на восемнадцать отделений. Осознавая необходимость сведения в кодекс наиболее важных правил и дисциплин, Канишка приказал созвать большой религиозный конгресс в царской резиденции Кушана в Кашмире. В назначенный день в зале конгресса собрались двести пятьдесят бодхисаттв. Главным из пяти тысяч монахов махаяны был мудрец Васумитра, а архат Пуранка председательствовал среди пятисот архатов. Тщательному изучению подверглась практическая деятельность восемнадцати школ, а существенно важные религиозные формулы и многие удивительные речи Будды, прежде сохраняемые в памяти учителей, было решено записать, дабы не допустить последующего их изменения или забвения.

В первые годы продвижения к власти великого индийского царя Ашоки (время правления 273–231 гг. до н. э.) не обошлось без стратегических хитростей и заговоров, почти всегда сопутствующих восхождению на трон восточных правителей. Он, бесспорно, объединял и укреплял своё царство, пользуясь для этого обычными методами, то есть истребляя своих врагов и дискредитируя их политические курсы.

В тот критический период Ашока ещё не вышел из юношеского возраста, однако, повзрослев, он начал испытывать жестокие муки совести, размышляя о затратах на содержание огромного царства в сравнении с нищетой людей его населяющих. Подпав под влияние просветлённых буддийских учителей, он во всеуслышание заявил о том, сколь сильны его скорбь и сожаление по поводу несчастий, постигших его подданных вследствие овладевших им честолюбивых устремлений. Решив посвятить свою жизнь трудам на ниве образования, мира и религии, Ашока, пройдя обряд посвящения, стал монахом и облачился в жёлтую мантию ордена. И хотя официально от престола он не отрекался, полагают, что в последние

годы жизни он почти полностью отказался от всех земных привязанностей и в мире со всеми людьми тихо скончался в одном из буддийских монастырей.

Существует любопытная легенда об Ашоке, записанная китайским монахом Фасянем в его дневнике путешественника под названием «Записки о буддийских странах». В ней рассказывается о том, как в своём предыдущем рождении Ашока, будучи ещё ребёнком, играл, сидя у обочины дороги. Там он и встретился с Кашьяпой Буддой (великим учителем, предшественником Гаутамы), странствующим по земле в образе нищего.

По-детски непосредственно мальчик дружеским жестом приветствовал странника. Когда же таинственный нищий попросил у него поесть, тот, всё ещё продолжая игру и не осознавая важности своего поступка, протянул монаху полную горсть земли. Будда взял у него землю и высыпал её у своих ног. Это было своего рода предзнаменованием, поскольку мальчик получил вознаграждение, став «царём железного колеса», что означает *победителя в войнах*, ибо, когда властитель судьбы восходит на престол, с небес падает чакра (колесо), и материал, из которого она сотворена (это может быть золото, серебро, медь или железо), указывает на характер его правления.

Та же символика распространяется и на миссию Будды, который не швыряет колесо в своих врагов, а осторожно его поворачивает и завоёвывает вселенную своим учением. Получение железного колеса служило предопределением, что в будущей жизни ребёнок, которому суждено было воплотиться в образе Ашоки, должен стать великим царём и правителем Джамбудвипы^[59].

В искренности Ашоки сомневаться, конечно, не приходится. Хотя и будучи от рождения ортодоксальным индусом, приверженцем секты Шайвы, он, бесстрашно отступив от традиций своей детской веры, прошёл по жизненному пути в согласии с буддийскими принципами. Практические аспекты его кодекса сводятся к следующему: 1) абсолютное уважение ко всем живым существам; 2) почтение к родителям и старшим и внимание к слугам; 3) правдивость и честность при всех обстоятельствах. Эти выдающиеся изречения, а также и другие, не менее глубокие по мысли, Ашока повелел вырезать на скалах. Впоследствии они получили известность как «четырнадцать наскальных эдиктов» и «семь надписей на колоннах». Этот царь, единственный в своём роде, желая распространить бессмертные скрижали по всей территории царства, повелел установить их в людных местах так, чтобы его подданные могли узнавать его волю.

Ашока способствовал расширению влияния буддизма на Цейлон и Бирму и, как полагают, посылал миссионеров в Сирию, Грецию, Египет и на удалённые острова, а поэтому появление восточных доктрин в культуре этих регионов можно в значительной степени объяснить лишь усердием Ашоки. В нём удивительным образом сочетались непревзойдённое искусство руководства и служение человечеству с преданностью святого. И почти исключительно благодаря влиянию Ашоки буддизм стал одной из самых широко известных религий мира. В деле распространения учения благородного восьмеричного пути он уступал только Гаутаме Будде.

Хуань Цзян, историк раннего буддизма

Вызывающий восхищение древний китайский интеллектуал, антиквар, философ и адепт в магических искусствах, Хуань Цзян родился в китайской провинции Кэуши примерно в 605 г. н. э. Отец этого знаменитого путешественника прославился своими выдающимися способностями, изяществом манер и ровностью характера. Он ходил в длинной и широкой одежде с широким поясом и испытывал крайнее удовольствие, когда его принимали за учёного. Он отказался от всех государственных должностей и земных почестей и жил в уединении, к немалому удивлению его более образованных знакомых. Незадолго до рождения Хуань Цзяна его мать увидела во сне своего сына в белых одеждах, совершающего путешествие на запад, и обратилась к нему со словами: «Ты мой сын; куда ты идёшь?» Юноша ответил: «Я собираюсь отправиться на поиски Учения». Сон этот выглядит предзнаменованием или указанием, что Хуань Цзяну было предопределено путешествовать в дальние страны.

У Хуань Цзяна, единственного из четырёх сыновей этого семейства, ещё в раннем возрасте проявились незаурядные умственные способности. Уже в восьмилетнем возрасте он начал читать священные книги и классику и не обнаруживал склонности участвовать в играх своих сверстников.

Как раз в это время в Китае был оглашён царский указ об избрании четырнадцати жрецов, которых обеспечивали бы в их занятиях и святой жизни без каких-либо затрат с их стороны. На право занять эти места претендовали несколько сот человек. Хуань Цзян, ещё слишком юный, чтобы оказаться в числе претендентов, расположился в воротах здания, где кандидаты должны были держать экзамен. Ему, как он и ожидал, удалось привлечь внимание главного уполномоченного. Этот чиновник, поражённый искренностью мальчика и явным превосходством его ума, рекомендовал его своим коллегам как достойного кандидата. Предложение верховного уполномоченного, естественно, было сразу же принято, и таким образом Хуань Цзян оказался освобождённым от всех мирских обязанностей.

Поскольку история жизни этого выдающегося буддийского отшельника полностью написана им самим, при том, что он даёт прекрасную оценку собственным способностям ещё в юношеском возрасте, повествование это следует считать явно приукрашенным. Он предпочитал называть себя Мастером Закона и стал широко известен именно под этим

именем. Когда ему исполнилось двадцать лет, он прошёл обряд посвящения в духовный сан и с целью дальнейшего духовного совершенствования удалился в уединённое место с намерением посвятить себя учению. Он уже пережил состояние сознания в «восьми протяжениях» и весьма преуспел в познании тайн Природы. Среди многих посетивших его знаменитостей был даже царь. Наибольшую известность ему доставили его искусство вести беседу и способность толковать самые сложные для понимания места из Священного писания.

Когда Мастеру Закона было двадцать четыре года, во сне его посетило чудное видение. Ему снилось, что в середине огромного моря возвышается гора Меру, совершенная в украшении из четырёх драгоценных субстанций. И тут он вдруг решил, что должен попытаться подняться на гору, однако на море внезапно поднялся сильный шторм, а поблизости не оказалось лодки, чтобы добраться до горы. Преисполнившись твёрдой решимости, он увидел себя идущим по волнам, и в этот момент над водной поверхностью возник поднывавшийся из морской пучины каменный лотос. Когда же он попытался встать на него, тот снова вдруг исчез. В то же мгновение он оказался у подножия горы. Будучи не в состоянии взобраться по её отвесным склонам, но подгоняемый неодолимым желанием, он как мог высоко подпрыгнул в воздух и, подхваченный сильным порывом ветра, перенёсся на самый верх Меру. Коснувшись вершины горы он проснулся и решил, что таким образом ему было ниспослано обещание выдающегося достижения.

Вскоре после пророческого сна Мастер Закона совершил опасное путешествие, которое должно было принести ему в будущем бессмертную славу. Вознамерившись отправиться в Индию в поисках знаний, он в одиночку пересёк огромную пустыню Гоби. Там, разумеется, он пережил множество приключений, а истории о его путешествиях вполне могут соперничать со сказками из «Тысячи и одной ночи». Помимо естественных трудностей такого, можно сказать, грандиозного предприятия, путник столкнулся с поражающими своим величием странными сверхъестественными явлениями, но каждый раз он выходил победителем из любой ситуации и непреклонно продолжал свой путь, стремясь к осуществлению главной цели.

Следуя на юго-восток, он перешёл через покрытые снегом горы и достиг наконец границ Каписы. Там Мастер Закона посетил пещеру Призрака, расположенную к востоку от каменистого речного русла и своим входом обращённую на запад. Путешественник в сопровождении старика, хорошо знавшего эту местность, направился было к пещере, но почти у

самого входа дорогу странникам преградили пять разбойников. Однако, тронутые искренностью монаха, они позволили ему продолжить свой путь. Следуя наставлениям старого проводника, Мастер Закона вошёл в пещеру и направился прямо к её восточной стене. Затем, сделав пятьдесят шагов назад, он повернулся лицом к востоку. Стоя на этом месте, он со всей искренностью совершил обряд поклонения и вслух прочел *гаты*^[60] Будды, простираясь ниц после каждого хвалебного стиха. После того как он положил триста поклонов, «вся пещера озарилась ярким светом и на стене возникла излучавшая белое сияние тень Татхагаты, подобно тому, как разошедшиеся облака внезапно открывают взору золотую Гору со всеми её до той поры скрытыми красотами. Ясными были божественные черты его лица, и Мастер, с благоговением и священным трепетом созерцавший представшую его глазам картину, не знал, с чем сравнить это великолепное зрелище. Тело Будды и его мантия из кашайи^[61] были желтовато-красного цвета, а направленные от колен вверх отличительные знаки — невыразимо прекрасны, хотя контуры трона-лотоса, на котором он сидел, тонули во мраке. Слева, справа и позади призрака смутно виднелись тени бодхисаттв и окружавших их святейших жрецов... Хотя и недолгим было это явление, ибо времени едва хватило бы для принятия пищи^[62], он успел произнести хвалебные гимны, разбросать цветы и воскурить фимиам, после чего свет вдруг исчез».

Вскоре Мастер Закона прибыл в Капилавасту и увидел фундамент дворца царицы Майи, где родился Будда. Поблизости от него возвышалась ступа (башня), отмечая место, где Риши Ашита составил гороскоп Великого Воплощения. Там же было множество монументов, построенных царём Ашокой в честь великих событий. Башни стояли и там, где Будда, сидя в золотом гробу, проповедовал на благо матери, расспрашивал Ананду и обнажил ноги перед Кашьяпой, а также в том уголке благоуханного леса, где похоронили его тело и восемь царей разделили останки его костей. Монументами были отмечены места, которые связывались с предыдущими воплощениями Будды.

Мастер Закона посетил множество обителей, где жили и проповедовали знаменитые архаты Учения. К западу от царства У-ша, на вершине высокой горы, находится удивительная ступа, воздвигнутая в память о том, как однажды, после ужасающей бури, разнёсшей вдребезги огромную гору, взорам явилась облепленная спутанными волосами фигура мудреца, сидящего с закрытыми глазами. Это был архат, задолго до этого времени вошедший в состояние глубочайшей медитации.

После тщательного помазания тела, следуя наставлениям сведущих в подобных таинствах людей, архат пробудился и спросил: «Достиг ли Шакьямуни несравненного состояния совершенного просветления?» Узнав, что Будда, добившийся блага для всего человечества, погрузился в нирвану, Адепт вернулся к медитации и немного погодя поднялся в воздух и уничтожил своё тело в охватившем его огне.

Записи Мастера Закона содержат правдивый, а подчас и красочный рассказ о людях, с которыми он встречался, и событиях, свидетелем которых ему удалось стать. Большое внимание он уделял мифам и легендам, которые всегда складываются вокруг святых мест. Особую ценность для учёных представляет пространное повествование Хуань Цзяна о крупном буддийском университете в Наланде. В этой коллегии Адептов он находился в течение двух лет. За это время ему удалось овладеть санскритом и глубоко изучить различные системы буддийской философии. В записях его сохранилось описание многих прекрасных и удивительных обителей и храмов, которые впоследствии превратились в руины или полностью исчезли с лица земли.

Пятнадцать лет продолжалось грандиозное путешествие Мастера Закона. В добром здравии он вернулся в Китай с большой коллекцией книг, множеством ценных скульптур и реликвий. Своими достоинствами и свершениями он привлек внимание царствующей семьи и по просьбе императора дополнил и привёл в порядок свои записи, составив стройное повествование о пережитых им событиях. Написание книги заняло у него без малого три года, и в течение всего этого времени он не оставлял своей деятельности учителя и философа. Полностью закончив работу над текстом книги, он снабдил её множеством рисунков.

Хуань Цзян, явно никогда не страдавший от ложной скромности, считал себя вполне достойным любой похвалы, высказанной в его адрес. Незадолго до смерти он велел своим ученикам для собственного удовольствия вслух зачитать обширный список добродетелей, достижений, талантов и наград их Мастера. Когда чтение было закончено, старый учёный с живостью поаплодировал своим успехам и смиренно предался размышлениям о смерти с выражением самодовольства и полного удовлетворения. Когда же подошло время его перехода в иное состояние, он закрыл глаза и, повторяя некоторые восхваляющие Майтрею стихи, в течение нескольких дней оставался недвижим и безмолвен, отойдя в лучший мир на тринадцатый день седьмого месяца 664 года.

Несмотря на величие и славу Наланды и характерные для неё впечатляющие концепции в сфере культуры, даже во времена Хуань Цзяна

и Ицзина стали обнаруживаться явные признаки упадка буддизма в Индии. Их записи содержат описание некоторых разрушенных гробниц и заброшенных монастырей. Большинство индийских царевичей и правителей обнаруживали склонность к индуизму и практически не участвовали в развитии соперничающей с ним доктрины. Примерно в 1000 году н. э. началось вторжение мусульман в Индию. Они разрушили большую часть сохранившихся в целости буддийских памятников и школ, и к концу XII века Магадха^[63] перешла в их руки.

В то время буддийские монахи и учителя предпочли изгнание принятию ограничений, налагаемых исламской верой. Они переселились в другие регионы, где мусульмане не могли или не считали нужным их преследовать. Там учение Будды было с готовностью принято и влияние этой величественной религиозной философии было не только длительным, но и весьма благотворным.

Наланда, азиатский Оксфорд

Знаменитый буддийский университет Наланды был построен в Магадхе, там, где ныне находится Бенгалия. Хотя место расположения этого крупного учебного заведения хорошо известно, раскопки в этом районе никогда не велись, и в течение нескольких столетий местные жители из близлежащих окрестностей использовали руины как источник для добывания кирпичей. Однако возможно определить размеры этого грандиозного прямоугольного комплекса, состоящего из отдельных зданий. Ширина прямоугольника составляет около четырёхсот футов (122 м), а длина — примерно шестнадцать тысяч футов (4877 м).

Царя Ашоку, этого Константина буддизма, обычно считают основателем наландского монастыря-университета. Проект его создания развёртывался подобно монастырским школам Карла Великого, которые превращались в крупнейшие университеты Европы. Ашока подносил роскошные дары и делал пожертвования храму Сарипутты в Наланде, и, согласно сохранившимся письменным источникам, шесть царей приложили достаточно усилий, чтобы сделать это место более удобным и красивым. Некоторые из этих монархов даже стали жрецами и пожертвовали храму всё своё богатство.

Кеннет Дж. Сондерс рассказывает о Наланде следующее: «Прежде чем продолжить изучение школ этого крупного университета, необходимо составить о нём хотя бы общее представление. Огонь и меч ислама давно разрушили освящённый веками университет, а камни его руин, зарытые в землю мириадами маленьких индийских плугов, открывают сегодня археологи. Однако на протяжении тысячелетия в его стенах выполнялась благородная работа, а подробная история Наланды стала бы историей махаяны со времён Нагарджуны во втором столетии н. э., а возможно, и раньше, до завоевания мусульманами Бихара в 1219 году, охватив период, намного превышающий тысячу лет. Полагают, что все наиболее известные ученые махаяны учились в Наланде. Подобающий такому крупному университету дух вольнодумства, похоже, воцарился наконец в его стенах, и бок о бок с учёными нового буддизма трудились, и по всей видимости в полной гармонии, последователи восемнадцати школ древности».

Два китайских паломника, Хуань Цзянь и Ицзин, посетили университет в период его наивысшего расцвета, и оба утверждают, что самый первый монастырь был построен на этом месте вскоре после смерти Будды.

История Наланды как значительного культурного центра начинается с эпохи Нагарджуны, жившего примерно во времена Христа, и продолжается до мусульманского завоевания в 1197 году.

Дух Нагарджуны господствовал на великом буддийском соборе, или конвокации, возглавляемом Канишкой, татарским царём Кашмира. Буддисты, разделённые на восемнадцать сект, объединились вокруг четырёх главных направлений, причём у последователей различных учителей не было никакой общей программы. В то время Нагарджуна был молодым монахом в монастыре Наланды, который Джеймс Фергюсон назвал «Монте Кассино Индии». Нагарджуна провозгласил себя реставратором веры, совершив для буддизма то же, что и Григорий Великий для христианства, и объявил, что Будда в течение жизни скрывал свою истинную доктрину от людей и открыл её только нагам, духам-змеям, под которыми следует понимать некоторых посвящённых Адептов. Затем Нагарджуна заявил, что наги — Адепты — поручили ему объявить доктрину Будды всему миру. В результате его реформы возникла так называемая секта махаяны — «большая колесница», созданная ради спасения всего человечества.

С появлением доктрины махаяны выросла и слава Наланды, ставшей к VII веку главным центром тантрическо-буддийского культа, создавшего Наланде репутацию «альма-матер» колдунов, магов и чародеев. Чрезвычайно трудно сегодня точно определить место, занимаемое Наландой в культурной жизни Азии. Большинство имеющих отношение к буддизму исторических произведений подверглись уничтожению в периоды великих религиозных катаклизмов, потрясших индийских буддистов в период между VIII и XII веками христианской веры. Путешественники, посетившие Наланду в годы её величия, были по большей части жрецами, монахами или нищими и не обнаруживали склонности к критическому анализу светской истории. В XII веке мусульмане разрушили университет, убили всех монахов, каких только сумели найти, сровняли с землёй дома и постройки и сожгли огромное собрание книг. Те профессора из духовенства, которым удалось спастись, нашли убежище в Тибете, Непале или на Цейлоне. Рядовых сторонников этой веры частично приняла в свои ряды секта джайнов, кто-то из них, обратившись в другую веру, стал поклоняться Вишну, а были и такие, кого просто подавили или уничтожили почитатели Шивы. Власть буддистов в Индии продолжалась около тысячи лет^[64].

Следует заметить, что время между VII и XII столетиями, когда Наланда достигла вершины своего величия и славы, совпадает с периодом

наибольшей отсталости в европейской истории, а значит, не будет преувеличением утверждать, что Наланда была самым выдающимся из существовавших в то время центром культуры и образования, причём не только главным центром буддийской науки, но и поистине великим университетом, где около трёх тысяч живущих при нём монахов преподавали гуманитарные и естественные науки, религию, богословие и знания по светским профессиям. В курс обучения были также включены медицина, право, астрономия и философия. Преподаватели-священники вели обучение сравнительной религии, древним языкам и даже магическим обрядам, ритуалам и формулам. Сообщается, что в какое-то время христианство в Наланде преподавали как одно из современных вероисповеданий.

В своих трудах китайский путешественник И Цзин подробно описывает многие здания и памятники в Наланде. Главное прямоугольное строение состояло из восьми больших лекционных залов, или храмов, каждый высотой в три этажа. Пышно украшенные здания были построены из кирпича с выложенным из камня орнаментом. Кирпичом была вымощена и вся территория снаружи, а полы в разных комнатах залиты отполированным до блеска цементом, практически не поддающимся разрушению. Плоские крыши зданий оказывались вполне пригодными для использования в качестве площадок для прогулок и собраний. Весь университетский комплекс окружала высокая стена. Там, где находились усыпальницы и святилища, были воздвигнуты памятники, некоторые высотой двести (61 м) и триста (91 м) футов. Богато украшенный колоннами и башенками фасад зданий производил настолько сильное впечатление, что со всех уголков Азии съезжались туда люди искусства, привлечённые красотой и вдохновляющей силой этого места. Среди собранных там сокровищ искусства была медная статуя Будды восьмидесяти (24 м) футов высотой.

В записях Хуань Цзяна сохранилось столь же превосходное описание огромного монастырского университета^[65]. Он объясняет, что слово *Наланда* означает «бесперывную благотворительность». Согласно древним сказаниям, в пруду на месте этого монастыря некогда жил наг, змей-дух по имени Наланда. Рассказывают также, что Будда в предыдущей жизни, будучи царём великой страны, построил на этом месте город, ставший столицей его государства. Все свои богатства Будда раздал сиротам и бедным. В память об этом город назвали местом, «где непрерывно творятся благотворительные дела». Когда-то там был сад Владыки Амри. Пятьсот купцов купили сад за сто тысяч золотых и

подарили его Будде, где он в течение трёх месяцев читал проповеди. За свои добрые дела большинство купцов были приняты в адепты.

С типично китайской склонностью к поэтическому изложению событий, Хуань Цзян описывал богато украшенные башни и сказочные по красоте башенки. Он упоминал об обсерваториях, которые, казалось, терялись в тумане, а верхние помещения поднимались выше облаков. Особо цветистое красноречие он приобретал, рассказывая об устремляющихся ввысь карнизах зданий, над которыми можно было наблюдать противостояние солнца и луны и следить, как ветер лепит из облаков причудливые фигуры. Число священнослужителей и просто живущих при монастыре, не считая учащихся, доходило до десяти тысяч. В стенах монастыря изучали «большую колесницу», священные писания восемнадцати сект, книги по магии и множество трудов по разным дисциплинам. Однако из множества обладающих глубокими знаниями учёных была всего тысяча сведущих в двадцати сборниках сутр и шастр, пятьсот тех, кто могли объяснить тридцать сборников, и, возможно, человек десять, включая Мастера монастыря, способных толковать пятьдесят. Во времена Хуань Цзяна самым знаменитым, добродетельным и старым был монах Шила Бхадра, потому он и считался главным членом обители.

Примерно в ста классах университета профессора читали лекции и вели беседы со студентами. Учебный план был составлен таким образом, что занятия естественным порядком следовали одно за другим. Курс обучения в Наланде, рассчитанный на уже подготовленных учащихся, был столь трудным, что из всех прибывших туда иностранных студентов только двадцать-тридцать процентов имели достаточную подготовку, чтобы соответствовать требованиям преподавателей.

Священники-преподаватели, жившие при университете, а значит, вынужденные постоянно общаться, держали себя с таким достоинством, были настолько уравновешенны и честны, что в течение семи сотен лет, истекших до прибытия туда Хуань Цзяна, не было ни единого случая, чтобы кто-то из преподавателей перешёл — даже в отношении низшего по положению — границы приличий или нарушил хотя бы одно правило университета. Царь этой страны относился к прославленному учебному заведению с таким уважением, что назначил на его содержание доход со ста деревень, а поэтому приезжавшим туда для обучения не приходилось самим добывать основные жизненные блага, которые в Наланде назывались «четырьмя необходимостями» и включали: одежду, пищу, кров и медицинское обслуживание. Предоставление подобных благ, а следовательно, полное освобождение ума для образования, считалось

основой совершенства системы образования в Наланде.

Ни один не возвращался из этого полного чарующего волшебства места, чтобы не упомянуть о восхитительных прудах с лотосами. Голубизна наландских лилий смешивалась с тёмно-красным заревом цветов канака в такой величественной симфонии красок, что люди искусства преодолевали тысячи миль, чтобы просто взглянуть на чудесные сады и водоёмы. И пройдёт ещё много времени, прежде чем мир создаст другую Наланду, школу эзотерических и естественных наук, преподаваемых непредвзято, без конфликтов и чванства.

Лоханы и святые буддизма

Титул *архат*, что означает (на санскрите) «достойный», эквивалентен (латинскому) слову *адепт* в том смысле, в каком его употребляют в западной эзотерической традиции; и тогда как титулом архат более или менее свободно пользуются, имея в виду тех, кто завершил благородный восьмеричный путь, адептом именуют действительно достигшего уровня внутреннего постижения состояния реальности. Термин этот был в ходу ещё до прихода буддизма, хотя в то время и не подразумевал внутреннего озарения. Он, как и слово «адепт» в немистической литературе, означал «специалиста, или знатока, в некотором ментальном и физическом искусстве». В буддизме архаты — это великие мудрецы или монахи, приближающиеся к состоянию бодхисаттв; ведь по существу даже самих будд, строго говоря, можно было бы называть архатами. Известно множество случаев, когда обыкновенные миряне достигали подобного отличия, совершив какой-нибудь выдающийся поступок, результатом которого становилось сознательное восприятие вселенского закона. Всеобщее поклонение привело к тому, что этим именем стали называть прославленных учителей древности и учеников Будды, которые несли его учение в самые отдалённые места. Китайское слово *лохан* обычно считают синонимом термина «архат».

К числу более развитых в духовном плане личностей, принадлежащих к человеческому потоку жизни, обязательно следует отнести архатов, или *стхавиров* (санскр. — «старейших»), пратьека будд и лоханов. Буддисты хинаяны склонны рассматривать достижение пратьека буддой (неучительствующим святым) нирваны как состояние духовной завершённости, конец личного сознания и погружение саттвы (своего «я») во вселенскую реальность. Буддисты махаяны придерживаются противоположного мнения. Они полагают, что нирвана — это условие или состояние реализации, при котором преодолеваются определённые ограничения рассудочного познания, вполне естественные для непросвещённых. На взгляд этих северных мистиков, процессы эволюции мира — вечны, и даже будды, хотя и возвысились над обычными смертными, должны продолжать развиваться и раскрываться во времени и пространстве.

Пратьека будда — это вознёсшийся святой, в предыдущем воплощении бывший учеником какого-либо Будды, но которому не удалось

достичь нирваны за время жизни его Мастера. Поэтому такой достигший высокого уровня развития ученик должен был повторно родиться в то время, когда не было никакого воплощения Будды и просветление достигалось исключительно посредством собственной уединённой медитации.

Подобные мудрецы, равнодушные ко всем неприятностям, идущим от плоти, не прикладывают никаких усилий, чтобы испытать просветление. В северной школе столь эгоцентричное развитие духовных качеств рассматривается как явное отступление от учения Будды. Просветлённый являл собою пример бескорыстного служения, а поэтому сердца и умы бодхисаттв всегда были открыты всем людям, кто нуждался в чувстве внутренней уверенности, независимо от их вероисповедания.

В легенде мистиков махаяны рассказывается, как незадолго до смерти Будда повелел четырём знаменитым стхавирам оставаться в миру, чтобы защищать его учение до прихода Майтрейи Будды. В самых первых комментариях встречаются упоминания об архатах, а также о том, как эти служители учения Будды оберегали и распространяли его философию все последующие века.

Прямым предшественником Будды Гаутамы был Будда Кашьяпа. Существует поверье, что этот древний мудрец сидит, погружившись в глубокое раздумье, в самом центре огромной горы. Когда Майтрейя Будда придёт, то во главе грандиозной процессии шествующих за ним архатов и лоханов он отправится к этой горе. При их приближении земля и скалы расступятся и все увидят почтенного Кашьяпу, размышляющего о тайнах реального мира^[66].

По мнению китайцев, некоторые мудрецы, в различные периоды истории достигшие высших ступеней буддийской эзотерической системы, вправе называться *лоханами*. Из десяти ступеней «идеальной шкалы» внутренней эволюции лохан занимает вторую ступень, то есть сразу же после архата. Обиталищем лоханам служит, как утверждают, Западный Рай Амитабхи. В данном случае, говоря о Западном Рае, имеют в виду, разумеется, мистическую школу или общество,

Особую известность лоханы приобрели как «сладкоголосые», основой чему послужило их искусство читать нараспев мантры, достигая при этом магического эффекта. Считается, что любой искренний буддист, погружившись в медитацию, способен — если, конечно, в состоянии достичь полного душевного спокойствия — услышать, и в основном на рассвете, песни лоханов.

Каждого лохана окружает свита, в которую входят от пятисот до

тысячи шестисот святых служителей. Известны несколько кругов лоханов. Самый малочисленный из них состоит из шестнадцати лоханов (в Японии из восемнадцати), причём чаще всего именно они отображались в буддийском искусстве.

Существует также круг из пятисот лоханов. В крупных монастырях Японии и Китая почти всегда имеется отдельный, искусно отделанный зал или большая комната, специально отведённые для этих пятисот святых. Каждый из них представлен в виде статуи лохана с бритой головой, длинными ушами и более или менее суровым выражением лица. В этом собрании скульптурных изображений можно отыскать лицо любого типа. В расположенной неподалёку от Пекина пагоде Пи-Юн-пи установлена скульптурная группа лоханов, изображающая собрание монахов. Высоко под крышей здания в полном одиночестве сидит святой, который, как полагают, олицетворяет причисленного к лику святых Марко Поло, путешественника, посетившего в XIII веке многие города Китая.

Основой формирования традиционного облика лохана послужили работы двух или трёх художников династии Тан^[67], добывавших сведения из весьма туманных описаний, содержащихся в древних буддийских писаниях. Для буддистов-мирян лоханы обладают особой притягательностью, что и явилось причиной наделения их изрядным объёмом экзотических знаний. Продолжающийся процесс секуляризации^[68] немало способствовал затемнению смысла первоначальной символики, всё более и более запутывая в сознании масс всё то, что имеет отношение к этому предмету.

В цели настоящего издания не входит установление личности разных лоханов. У каждого из них есть своя история и причина обращения к буддийской философии, причём большинству из них приписывается способность творить чудеса. Один из лоханов изображён щелкающим пальцами с целью указать скорость, с какой к нему приходило озарение, другой не испытывал преобразования до того, как ему исполнилось сто лет, зато потом вдруг стал молодым и счастливым, а ещё один, родившийся тупым и вялым, достиг такого мастерства в мистических искусствах, что мог летать по воздуху и по желанию менять внешность. В древних свитках пятьсот почтенных старцев изображены в виде занимательной группы эксцентричных святых. На одних надеты широкополые шляпы; другие, не обращая ни малейшего внимания на своих товарищей, согревают себе чай над жаровней с углями или с величественным видом подстригают ногти.

Каждая из этих выдающихся личностей по праву стала знаменитостью

благодаря своему вкладу в способы внутреннего познания. Одни обитали в людных городах, другие — в уединённых горных районах. Одни правили государствами и провинциями, другие жили и умирали в полной нищете. Один отличался выдающейся добродетелью, другой был закоренелым преступником. Кто-то по критериям того времени был красивым и статным, а кто-то — безобразным и увечным, но каждый в меру своего разума так или иначе испытал в душе благословение истины. Освящённый и наставленный на путь светом собственного сердца, каждый из них шёл, чтобы оказывать помощь сообразно пониманию и возможностям. Все вместе эти святые служители — благословенные посланцы Закона — являли собою пример того, что каждое человеческое существо может стать лучше через осознание и дисциплину.

Небуддисты склонны рассматривать лоханов как сборище мошенников, преисполнившихся самодовольством, занимаясь тёмными делами и прибегая для этого к разным заклинаниям. И их можно понять, поскольку для приверженцев других вероисповеданий слегка затруднительно проникнуться искренней симпатией к суровому, преклонных лет господину, поглощённому смехотворным занятием пришивания спутанной ниткой пуговицы к собственной одежде, особенно если за всем этим с восторженным вниманием следит группа почтительных учеников. И только те, кто обладают развитой способностью проникновения в сущность явлений, в состоянии понять, что почтенный святой всю мощь своего интеллекта посвящает познанию вселенского закона и, тщательно пришивая пуговицу, целиком и полностью отбрасывает все посторонние мысли и эмоции.

На созванном царём Канишкой совете собралось пятьсот архатов, чтобы очистить священные писания. Сформировавшийся в более позднее время круг лоханов насчитывал уже гораздо большее число членов. Тем, кто полагает, что духовные герои других религий выглядели несколько привлекательнее буддийский лоханов, следовало бы помнить, что святые раннего христианства были столь же эксцентричными субъектами, если судить о них исключительно по внешности. Согласно письменным источникам, сохранившим сведения о великом соборе в Никее, епископы и старейшины, призванные утвердить христианство на неразрушимом основании, далеко не во всём соответствовали расхожему о них представлению. Одни из них были почти нагими, со спутанными волосами и всклокоченными бородами; другие одевались в шкуры животных, и чуть ли не все выглядели болезненными и измождёнными от лишений и исполнения епитимьи. Некоторые ослабевали до такой степени, что не

могли передвигаться без посторонней помощи, и каждый отличался нравом, соответствующим с обстоятельствами своего образа жизни. Одни проявляли кротость, другие выступали как миротворцы, многие любили поспорить, а были даже и чрезвычайно агрессивные. И при этом все, даже наиболее годные для обучения, были неграмотными.

Упитанный лохан, с довольным видом варящий себе рис, являет зрелище столь же замечательное, что и св. Симеон Столпник, сидящий в пустыне на самом верху высокой колонны, дабы не оскверниться от соприкосновения с земным. По свидетельству молвы, св. Симеон просидел на этом высоком посту почти половину всей жизни. И хотя в натуре лоханов есть, конечно, нечто непривычное и слегка забавное, нельзя не признать и наличия множества общих черт с аскетами других религий.

В эзотерическом буддизме лоханы становятся персонификацией распространения мудрости сквозь бесчисленные состояния смертного бытия. И потребуются многие годы упорных исследований, прежде чем удастся раскрыть истинную ценность сказаний и мифов об этих восточных святых. Ведь в действительности они были посвящёнными великих азиатских школ мистерий. Их подразумеваемые «существования» на самом деле являются завуалированными повествованиями о пройденных ими посвящениях. Все вместе они олицетворяют одеяние, или внешнюю форму, буддийской иерархии, чем объясняется на время от времени обнаруживаемых статуях Будды некая странность одежды, состоящей из тел его лоханов. Эти восточные Адепты составляют часть концепции учения, совершенно незнакомого жителям Запада.

Сведения для лучшего понимания идеи лохана можно почерпнуть в дзэн-буддизме Японии. Дзэнские монахи посвящали себя тем же практическим занятиям, что и лоханы, на которых походило и внешностью и характером. Дзэнские бессмертные якобы занимались такой полезной деятельностью, как вставление в рамы из ветра картин, написанных воздухом. Один мог без усталости трудиться, открывая ворота без ворот, а другой — закрывая дверь в дверном проёме без двери. Сидящего с задумчивым видом учёного могли изобразить внимательно читающим чистый лист бумаги, а святого — со счастливым лицом несущим длинную метлу, чтобы вымести самого себя. И если подобного рода занятия оказывались слишком тяжёлыми, святой мог взять себе в помощь нескольких учеников, которых он обучал дисциплинам, названным «недоступными учениями».

Дзэнский мастер, чтобы сделать особое ударение на некоторых наиболее важных местах учения, мог указать пальцем в никуда, а затем

дать своему ученику увесистую затрещину, заставляя его посмотреть туда, куда указывает его палец. Старого философа с выражением твёрдой решимости на лице изображали сидящим в укромном уголке, затаив дыхание, поскольку он только что вдохнул в себя космос. Позже он расслабится и выдохнет тридцать три мира. Для среднего жителя Запада всё это, разумеется, может послужить оправданием его неспособности правильно истолковать скрытый смысл столь сложной и абстрактной доктринальной концепции.

Титулом *лохан* долгое время награждали посвящённых в те тайные обряды и дисциплины, которые составляют духовную сущность буддийской философии. Подобно всем мистическим традициям, эта тайная доктрина слишком туманна, чтобы занять прочное место в трудах и взглядах западных интеллектуалов, занимавшихся лишь поверхностным исследованием восточной метафизики. Эти западники, вполне естественно, отрицают существование того, что претит им изучать их собственное воспитание и предрассудки. Невозможно всерьёз размышлять над тщательно продуманной структурой буддизма махаяны с её запутанной символикой и трудными для понимания метафизическими идеями, не ощущая наличия некоего тайного смысла, более глубокого и более важного, чем содержит учение, отданное на откуп непосвящённым и необученным профанам.

Миграции буддизма

Хотя принято считать, что причиной угасания буддизма в Индии послужили гонения по религиозным мотивам, нельзя не учитывать наличия в этом деле и других факторов. К VIII веку новой эры в бесчисленных буддийских сектах широкое развитие получили эзотерические системы, смешавшиеся с возрождённым индуизмом и мистицизмом, и зачастую оказывалось просто невозможным провести чёткое различие между мантрическими и тантрическими ритуалами, получившими распространение и среди буддистов, и среди индуистов. Однако ещё до времён мусульманских завоеваний архаты срединного пути донесли учение до многих удалённых районов Азии. Сведения об удивительных способностях, которыми наделялись эти буддийские святые, указывают, что система йогачарьи уже расцвела исходное учение экстравагантными метафизическими спекуляциями.

Примерно в середине I столетия китайскому императору Мин-ди^[69] приснился чудесный сон, в котором он увидел гигантского человека с нимбом вокруг головы. Когда на следующее утро император стал рассказывать придворным о золотом великане, один из его министров вспомнил, что в западной части света есть бог по имени Будда, по внешнему виду очень похожий на увиденного императором во сне человека. Узнав об этом, Мин-ди отправил в Индию посланцев с целью разузнать как можно больше о буддийском учении. Э.А. Гордон так описывает ход последующих событий: «В ответ на запрос императора вместе с китайским посланником Цай Инем в обратный путь от двора Канишки в "царство Фо" (как называли Гайдару монголы более позднего времени) по торговому пути через ущелье Кибер отправились два монаха, захватив с собой вырезанную из сандалового дерева статую Будды и пять священных книг; при приближении к столице посланник повелел везти статую и книги на белом коне в Лоян, где император с благоговением принял их и перешёл в специально для них построенную пагоду, примыкавшую к монастырю, в котором он приказал поселить монахов»^[70].

Два буддийских монаха, Кашьяпа Матанга и Дхармаракша, которые приехали в Китай по приказу императора Ханя, умерли в течение трёх лет и оставили после себя переводы всего лишь нескольких разделов Сутр. Эти разделы ограничивались этическими аспектами буддизма и очень мало касались более глубоких вопросов философии. После этого миссионеры из

Индии изредка добирались до Китая, и им предоставляли монастырские обители.

Однако коренным китайцам разрешили становиться буддийскими монахами только в начале IV столетия^[71]. Период с IV по X век можно считать золотым веком буддизма в Китае. Династия Сун (908-1280 гг.) предпочла возродить конфуцианскую философию. Однако к этому времени и буддизм и даосизм приобрели уже достаточное влияние и многие их концепции вошли в реставрированное конфуцианство. Отмечалось, что китайские мыслители отдавали предпочтение учению Конфуция, и поэтому буддийские учёные не могли достичь этого слоя китайского общества.

Как только буддизм утвердился на китайской территории, его влияние сразу же распространилось на недоступные прежде регионы. Учение пришло в Тибет благодаря бракосочетанию тибетского царя, или вождя, Сронцангамбо с буддисткой — дочерью китайского императора.

Затем эта вера дошла и до Кореи, в которую проникла в 372 году н. э. Там буддизм процветал, особенно с X по XIV век. Следует отметить, что с начала XX столетия как в Китае, так и в Корее происходила небывалая экспансия буддизма. В Японию учение пришло из Кореи благодаря религиозному рвению и благочестию наследного принца Сётоку Тайси. В течение последних столетий Япония, в свою очередь, проявляет миссионерское рвение. Японские буддийские секты основали храмы на Формозе (о. Тайвань), в Корее, Маньчжурии и Китае и дошли до того, что распространили свою деятельность на Гавайские острова, Соединённые Штаты Америки и Канаду. Их цель заключалась, в основном, в служении японскому населению этих районов, но они привлекли и многих небуддистов.

В китайском буддизме сложилось несколько значительных сект, которые, в свою очередь, были перенесены в Японию и Корею. За исключением тибетского ламаизма, различные буддийские конфессии в Китае и Японии не создали разработанной в деталях церковности. Поэтому их принято сравнивать с протестантскими сектами христианства. Различие между ними заключается в выразительных средствах, но едины они в основных истинах первоначального откровения.

Единственной диссонирующей нотой является секта дзэн, проявляющая крайний индивидуализм в вопросах интерпретации. Со времени возникновения того, что называется современными сектами, произошло грандиозное распространение буддизма. На самом деле эти группы появились в XII и XIII веках и по-прежнему претендуют на постоянный рост числа членов. Мак-Гаверн придерживается того мнения,

что в настоящее время в школе дзэн собираются самые образованные миряне, а в школе син — самое образованное духовенство.

Всё более широкое распространение буддизма объяснялось покровительством влиятельных правителей и усердием буддийских монахов и учёных. Множество элементов христианской и буддийской религиозных алхимий никогда не подвергалось компетентному анализу. В IV столетии сирийские епископы селились вдоль караванных путей Центральной Азии. В 411 году патриарх Селевкии освятил сан архиепископа для Китая. Это означает, что у него под началом было как минимум шесть епископов; остальные присоединились позднее.

Свой вклад в распространение культурных традиций вносило паломничество. Даже в стародавние времена китайские, корейские и монгольские новообращённые должны были посетить Индию и поклониться святым местам буддизма. Таким образом, были посещаемы и до некоторой степени исследованы Кашмир, Афганистан и другие далёкие места. Для достижения конечного пункта путешественникам приходилось проходить через общины, до которых откровение ещё не дошло. Путники становились миссионерами, а чудеса, о которых они рассказывали, запоминались надолго. По крайней мере, об одном из знаменитых новообращённых в школу махаяны, мудреце Кумарадживе, известно, что он соприкасался с ранним христианством.

В процессе постепенного распространения и обращения буддизм Восточной Азии оказался сотканным в одно огромное полотно. На протяжении VIII столетия при китайском дворе пребывали несторианские христианские учителя, и процветавшие в те времена религии мира смешивали свои традиции, обогащая друг друга множеством красочных легенд, символов и ритуалов. Со временем смесь стала настолько сложной, что уже не представляется возможным распознать источник идей, по сути своей идентичных. Буддизм не содержал никаких доктринальных требований относительно продвижения его дела путём завоеваний и войн. Старые монахи мирно общались со своими соседями и не прикладывали никаких усилий для создания сильных сектантских групп. Таким образом буддизм превратился в некую ценность в этической и нравственной жизни Азии. Он обогащал, не требуя признания, и служил без надежды на почести или награды. Для большинства народов, до которых дошёл буддизм, он стал лучшим способом объяснения, толкования и понимания уже знакомых верований и учений. Эта мысль лежит в основе легенд о том, как буддийские архаты фактически обратили богов и демонов в тех общинах, в которых создали свои школы.

Сириец Несторий, константинопольский патриарх с 428 по 431 годы, был вовлечён в доктринальные споры с Кириллом, посвящённым епископом Александрии. Настоящей причиной разногласий было, видимо, усиливающееся влияние константинопольской епархии. Был созван церковный собор, на котором председательствовал Кирилл. Это собрание предало Нестория и его доктрину анафеме, не дав ни обвиняемому, ни его приверженцам сказать ни слова. Позднее император объявил всё это заседание не имеющим законной силы. Однако в конечном счёте составлявшие меньшинство несториане оказались неспособными обеспечить себя и потеряли значительную часть своих владений. Большинство ранних восточных христиан принадлежало к несторианским церквям, и во многих уголках Ближнего Востока, Индии и Китая существовали общины этой секты. В 1274 году венецианец Марко Поло сообщил о двух несторианских церквях в Татарии^[72]. Современные сектанты чтут Нестория как святого, отвергая доктрину о том, что благословенная дева Мария была матерью Бога^[73].

Несториане во многих отношениях разделяли нравственные и этические убеждения буддистов. Простота, смиренность и кротость буддийских монахов, созданная ими монастырская система и принципы поведения, которыми они руководствовались, сильно сблизили обе секты в сфере практической деятельности. К тому же обе группы в то время борьбы за выживание пребывали в меньшинстве по сравнению с противоборствующими верованиями, неприемлемыми для них обеих. Впоследствии буддисты и несториане пострадали от возвышения мусульманства. Поэтому не кажется странным, что в обеих группах в том виде, в каком они продолжают существовать, можно обнаружить определённый обмен идеями. Традиционно распространение буддизма объяснялось энтузиазмом миссионеров- архатов и лоханов. Когда до буддийских общин в Индии доходили слухи о том, что какой-нибудь далёкий правитель или глухая провинция жаждут получить учение, туда посылали соответствующих учителей, обычно в сопровождении вьючных животных, нагруженных книгами, статуями святых и священными реликвиями.

Древнейшая печатная книга в мире, обнаруженная сэром Аурелем Стейном и хранящаяся ныне в Британском Музее, была напечатана с ксилографических клише в IX веке и являет собой «Алмазную сутру» Будды. Во многих случаях буддийские миссионеры проникали в области с неграмотным населением, где было необходимо создавать школы и

обеспечивать их преподавателями. Таким образом, национальные культуры обязаны своим расцветом буддийским учителям. Архаты из Наланды отличались научными успехами и сочетали религиозные, философские и научные наставления в программе достижения просветления.

Несмотря на то, что некоторые из этих учителей подвергались преследованиям и страдали, всё же большей частью их принимали сердечно и с уважением. Даже каннибальские племена относились к ним радушно и проникались желанием искоренить варварские обычаи. Успех этих буддийских миссий объясняется, в основном, тем образом действий, которому они следовали всюду и везде. Монахи были спокойными, скромными, почтительными и терпеливыми. Они совсем не стремились к политическому господству. Они были доступны для тех, кто нуждался в их совете или домогался его, но довольствовались тем, что их узнавали по их делам и искренности побуждений. То, что они несли с собой, было настолько очевидно благотворным, что через некоторое время их безоговорочно признавали.

Благодарные народы, ставшие сторонниками этого учения, скоро развили и дополнили простые истории архатов. В те дни казалось чудом, что святые и монахи могли в одиночку пересекать пустыни, реки и горы и благополучно достигать цели путешествия. Племена, поклоняющиеся Природе, верили, что дороги и тропы кишат демонами, злыми духами и отвратительными привидениями, и всё же буддийские монахи преодолевали эти опасные пути спокойно, никем не преследуемые. Они, несомненно, должны были быть мастерами магии и обладать колоссальным могуществом. По мере того как истории множились, рассказывали, что один адепт перешёл через бурную реку, другой промчался по диким ущельям Гималаев, а третий переплыл океан на пальмовом листе.

В северной школе буддизма наиболее прославленных архатов считали олицетворениями, или продолжениями, бодхисаттв из высших сфер. Постепенно причисляемые к лику святых ученики смешались с персонификациями атрибутов вселенского сознания, и теперь трудно отличить реальных святых от персонажей мистического пантеона. Многие непосредственные ученики Гаутамы Будды возвысились до архатства либо при жизни учителя, либо вскоре после его смерти. Двух «великих учеников», Сарипутту и Моггаллану, умерших раньше своего Мастера, считали правой и левой руками учения. Следующими из наиболее влиятельных и почитаемых были трое председательствовавших на первом совете — Кашьяпа, Упали и кузен и любимый ученик Будды Ананда. И северная и южная школы признают их самыми уважаемыми архатами.

Позже некоторые основоположники и реформаторы тоже считались «самыми достойными». В эту группу следует включить Нагарджуну, Дхармапалу, Васумитру, Ашвагхошу, Гунамати, Стхриамати и сына Будды Рахулу^[74], который стал покровителем начинающих и основателем реалистической школы.

Генерал-майор Фёрлонг указывает на отчётливую тенденцию обмениваться причисленными к лику святых личностями и ставить их на службу другим религиям. В своей книге «Вероисповедание человечества» этот эрудированный писатель приводит любопытный пример. Религиозный роман VII века «Варлаам и Иоасаф» привёл к канонизации Будды под именем Св. Иосафата. «Иосафат» — это искажённое «бодхисат». В греческом и латинском мартирологах его день приходится на 27 ноября. Полковник Юл в своей книге «Марко Поло» утверждает, что церковь в Палермо посвящена этому святому.

Ашвагхоша был одиннадцатым патриархом буддизма и жил II веке н. э. Он родился в семье брахмана, но после обращения в буддизм всю жизнь посвятил служению этой религии. Он был поэтом и музыкантом, о нём упоминают как о первом индийском драматурге. Его пригласили из Магадхи ко двору царя Канишки, и во время своего пребывания там он написал «Жизнеописание Будды». Возможно, рассказ о жизни и пастырстве Будды, привезённый в Китай монахами, приглашёнными ко двору Минди, представлял собой либо краткое изложение повествования Ашвагхоши, либо части этого повествования. Именно престижу учёного северного патриарха обязано своим распространением то произведение, которое ныне считается классическим биографическим трудом, посвящённым жизни и пастырству Будды. История в изложении Ашвагхоши была во многом неотразимо привлекательной и способствовала распространению буддийских доктрин по всей северо-восточной Азии.

Вслед за книгами, привезёнными первыми монахами, в Китай из Индии хлынул поток священной литературы. Свободомыслящие и просвещённые монархи требовали, чтобы эти труды переводились или транслитерировались надлежащим образом, а экземпляры передавались во влиятельные монастыри. К 684 году был составлен обширный каталог этих собраний. Он принял форму соединительного шнура, связывающего их вместе, и вся кипа представала в виде отдельного тома. Однако несколько волн гонений вызвали ослабление китайского буддизма.

В начале правления танской династии разразился недолгий кризис, вызванный, по-видимому, экономическими причинами. Монахи и монахини не вступали в брак, не создавали семьи и воздерживались от

экономической деятельности, сокращая таким образом доходы государства. Около 714 года свыше 12 000 буддийских монахов и священнослужителей были вынуждены вернуться к мирской жизни, а распространение веры было строго воспрещено. Через несколько лет всё изменилось, и буддизм оставался в почёте до эдикта императора У-цзуна, изданного в 845 году. В это время были разрушены примерно пять тысяч монастырей и уничтожены около сорока тысяч религиозных обителей и святынь. Имущество этой секты было конфисковано, а колокола и фигуры святых переплавлены в монеты. Шесть тысяч двести монахов и монахинь заставили отказаться от их религиозного долга. Однако преемник У-цзуна почти тотчас же круто изменил политику, но, естественно, не возместил ущерб полностью.

Попытка четвёртого императора из маньчжурской династии запретить буддизм вылилась в так называемый священный эдикт от 1662 года, который официально объявлял, что буддизм приобретает слишком большие богатства и влияние. Несмотря на широкое распространение этого эдикта, он возымел слишком незначительное действие и скорее даже укрепил решимость приверженцев этой религии и вновь вселил в них мужество отстаивать свои духовные убеждения. С тех пор установилась всеобщая терпимость, а противники буддизма были вынуждены продвигать свои собственные убеждения разумными и умеренными методами.

Религия редко распространяется в чужой стране, если не апеллирует к сокровенным взглядам новообращённых. Китай нуждался в духовном откровении, которое придавало бы большое значение источнику веры. Как и в Индии, потребность в простой доктрине, внушающей обыкновенному мирянину конструктивные нормы поведения, не могла не собрать сторонников под свои знамёна.

Хотя буддизм изначально и не делал особого ударения на коллективном отпавлении религиозных обрядов, есть немало доказательств того, что даже уже во времена Ашоки верующие собирались для поклонений. Семена концепции честности, ведущей к просвещению и, в конце концов, к освобождению от ограничений и страданий преходящей жизни, тоже незамедлительно дали всходы, упав на благодатную почву сокровенных убеждений человека. Ни даосизм, ни конфуцианство не заполняли собой это пространство в нравственном сознании человека. Так буддизм дополнил удивительные спекуляции метафизики даосистов и строгие формальности конфуцианских норм поведения. Три школы продолжали существовать одновременно, потому что соответствовали трём направлениям человеческих стремлений.

Распространение буддизма отчасти обязано распределению святых мощей будд и архатов-бодхисаттв. Когда возник вопрос, как следует поступить с его останками после достижения им паранирваны, Будда, по рассказам, оставил необычные указания. Он посоветовал ученикам полностью забыть об этом. Их дело проповедовать учение, а не превращаться в хранителей останков. Далее Мастер объяснил, что те, кому их знания не позволяют преподавать или распространять философию, найдут утешение в сохранении реликвий. Именно так и произошло. Благочестивые миряне хранили как зеницу ока бесценные предметы и сооружали для них редкостные и прекрасные раки. Таким путём, к примеру, в Шуэдагоуне^[75] в Рангуне (Бирма) появились сокровища, погребённые под ним. В силу сходных обстоятельств зуб Будды был перевезён на Цейлон и помещён там в одиннадцать искусно сделанных сосудов, которым нет цены. Хотя прямые доказательства отсутствуют, есть все основания предполагать, что Боробудур в центральной части Явы и величественные руины в Камбодже тоже были памятниками, связанными с этими святыми мощами.

Распространение буддизма за пределы Индии ускорилось также и прекрасной религиозной символикой, через которую раскрывались исходные принципы. Восточные народы питают сильное пристрастие к аллегориям и преданиям, и буддийские легенды в период расцвета обращались в глубокому эмоциональному инстинкту, присущему человеческой природе. Буддизм критиковали за экстравагантность его учения, но она была в значительной степени результатом признательности верующих, отыскивавших бесчисленные способы приукрасить оригинальные повествования. Однако западный критик ошибается, считая, что простой человеческой истории Будды не существует. Только так получилось, что семя, упав на плодородную и подготовленную почву, буйно разрослось, питаемое поэзией и фантазией.

Повсюду те, кто восприняли учение, испытывали глубочайшую личную благодарность, что неохотно подтверждает некий писатель с совершенно небуддийскими религиозными убеждениями: «Я признаю, что буддизм принёс множество и других благ миллионам живущих в самых густонаселенных частях Азии. Он ввёл образование и культуру; он поощрял развитие литературы и искусства; до определённого момента он способствовал физическому, нравственному и интеллектуальному прогрессу; он провозглашал мир, добрую волю и братство людей; он не одобрял межнациональной войны; он открыто вставал на сторону социальной свободы и независимости; он в большой степени вернул

независимость женщинам; он проповедовал чистоту помыслов, слов и поступков...; он учил самоотречению без самобичевания; он прививал великодушие, милосердие, терпимость, любовь, самопожертвование и доброжелательность даже по отношению к низшим животным; он пропагандировал уважение к жизни и сострадание ко всем созданиям; он налагал запрет на алчность и накопление денег и удачно использовал в течение некоторого времени своё заявление, будто будущее человека зависит от его нынешних поступков и положения, для предотвращения застоя, поощрения старания, поддержки добрых дел любого рода и облагораживания характера человечества»^[76].

Никаких других объяснений, кроме приведённого выше, не требуется для понимания того, что именно наделило буддизм столь всеобъемлющей притягательной силой. Он раскрывал в осязаемой форме надлежащий и подходящий кодекс, а более всего поощрял личную честность. Абсолютная искренность свержидеи была настолько очевидной и неоспоримой, что люди высоких принципов и конструктивных намерений жадно воспринимали учение. Оно было особенно привлекательно для бесправных классов, которые находили мало утешения в других религиях того времени. Добродетель неизбежно трактовалась в соответствии с местными моральными и социальными нормами, а исходные учения претерпевали значительные изменения. Даже в таких условиях программа в общих чертах удовлетворяла с этической точки зрения всех, кроме тех, у кого имелись тиранические наклонности.

Однако даже первая сангха осознавала, что учения Будды придутся на чёрные времена. Имеются ранние указания и предостережения, связанные с этим этапом раскрытия доктрины. Когда Будда отказался от своего бодхисаттства в небесной области Тушита, то передал свою власть Майтрейе, который должен был стать его преемником в великой череде наставников. Потом было возвещено, что через пять тысяч лет откровение Гаутамы будет так выхолощено суетностью, запутано ошибками и извращено эгоизмом, что все его замыслы будут сведены на нет. Когда настанет этот день, Майтрейя родится как будда-человек и явится в качестве пятого из Великих Просветлённых. Он будет нести символ вечного нищенства — чашу Гаутамы для сбора пищи, которая до этого будет передана в небесную область Тушита и пожалована ему. В этот грядущий день архаты-бодхисаттвы, посвятившие себя служению истине, снова соберутся вокруг воплотившегося Будды и будет дано новое раскрытие Закона. При этом не утверждается, что Майтрейя всего лишь поддержит своего предшественника; его учение будет соответствовать тем

временам. Внешняя сторона меняется, но суть всегда остаётся одной. Майтрейя не будет сражаться с силами тьмы, он просто откроет свет, которого к тому времени возжелают люди под давлением несчастий, неизбежно и постоянно сопутствующих невежеству.

Буддизм в Японии

Умаядо, старший сын императора Ёмэи, был одним из самых необычных людей, упоминающихся в исторических хрониках Японии. Хотя он фактически так и не взошёл на трон, его назначили регентом при императрице Суйко, и он пользовался императорской властью и полномочиями. В истории он известен как Сётоку Тайси, или принц Сётоку^[77]. Этот выдающийся руководитель сочетал политическое искусство с глубоким уважением к этическим основам национальной культуры. Он понимал, что его народ разобщён из-за отсутствия представления о социальной жизни. Синтоизм^[78] с точки зрения его доктрины был недостаточно силён, чтобы преодолеть разгоревшийся конфликт между фракциями и кланами. В деле объединения японского народа только философская концепция, учившая единству как религиозной добродетели и общественной необходимости, могла удовлетворить настоятельную потребность в безотлагательных реформах. Сётоку объявил буддизм государственной религией в Японии в 604 году и тотчас же направил свое внимание на расширение секты.

Буддизм уже был преобладающей религией в Азии, и, приняв эту систему, Япония присоединилась к цивилизованным народам и государствам азиатского материка. Это невероятно повысило престиж островного государства. Вследствие твёрдой решимости Сётоку распространить основы буддийского учения, его стали считать воплощением или олицетворением одного из бодхисаттв системы махаяны. Он выступает в качестве политического архата, сочетающего в себе государственный ум и мистическое наитие.

В 604 году Сётоку опубликовал «Юсити Кэмпо», конституцию, состоявшую из семнадцати статей, которую часто упоминают как первый писанный закон Японии. Эта компиляция в действительности представляет собой собрание учений о нравственности, полагающихся в качестве основания на человеческую совесть и внутреннюю целостность концепций. Содержание семнадцати статей было заимствовано из учений конфуцианства и буддизма. Престиж Сётоку как наследного принца привлек к этой конституции исключительное внимание. Этот кодекс, или собрание законодательных актов, с незначительными исключениями мог бы регулировать развитие любого общества, как древнего, так и современного.

Несмотря на то что маленький буддийский храм был сооружён в Ямато уже в 522 году корейский монарх прислал ко двору микадо книги, учителей, иконы и святые реликвии только в последние годы VI столетия. Как сообщают, когда в 623 году первые китайские монахи добрались до Японии, император Котоку Тэнно (645–654 гг.) стал искренним приверженцем и защитником буддийских доктрин. Монастырь Кобуку-дзи в Наре основали в 710 году. С этого времени и до конца XII века из Китая приезжали учителя, а японские монахи посещали материк в поисках религиозного знания. Среди известных японских буддийских сект следует упомянуть тэндай, сингон, дзэн, дзё-до, нитирэн и син. Все они отличаются друг от друга почти как протестантские течения христианства, имеющие расхождения в символах веры.

Тэндай-сю была основана китайским монахом Тися Дайси^[79]. Эта секта придаёт особое значение закону медитации и стремится к осознанию высшей силы Будды, поскольку она сокрыта во всех формах и атрибутах, связанных с великим учителем, и проявляется через них. История *сингон-сю*, глубоко погружённой в мистические и магические формулы, прослеживается от Нагарджуны, который, как утверждают, открыл тайные формулы в железной пагоде в южной Индии. *Дзэн-сю*, или созерцательная школа, была создана в Китае Бодхидхармой Дарумой, который жил в этой стране в 435–527 гг. н. э. Эта школа в высшей степени интуитивна и считает, что истинное учение можно передать только интуитивным путём. *Дзёдо-сю* восходит к индийскому патриарху Ашвагхоше и тоже настоятельно требует аскетизма и медитации, видя в них надлежащие средства достижения спасения. *Нитирэн-сю* — чисто японское образование, которое будет рассмотрено подробнее. *Син-сю* полагает, что спасение зависит от внутреннего видения сострадательной силы Амита Будды (Амитабхи). Её называли японским протестантизмом, а главные храмы этой секты, известные как Ходван-дзи, принадлежат к числу прекраснейших в стране.

Эти секты, имеющие дружественные отношения, находят поддержку в учениях Нагарджуны, который напоминал своим ученикам, что в буддизме множество путей, точно так же, как в материальном мире не счесть дорог.

Невоинственная программа, которая является неотъемлемой частью буддийской философии, никогда не позволяла секте вербовать приверженцев агрессивными средствами. Как следствие этого, разногласия между привнесённой философией и местным синтоизмом были разрешены с помощью третейского суда. С течением времени произошло значительное смешение религий, и две секты процветали одновременно на протяжении

более чем двенадцати столетий без серьёзных разногласий. Буддисты просто перевели синтоизм на язык буддизма, а результаты оказались в общем приемлемыми. Японский буддизм, хоть это обычно и не подчёркивается историками, внёс огромный вклад в сохранение китайской культуры. Религиозное искусство Китая, особенно династий Тан и Сун, легче изучать по японским образцам произведений этих культурных эпох, чем по разрозненным остаткам творений китайского происхождения.

«История буддизма в Японии, — пишет Кеннет Дж. Сондерз, — это почти история её цивилизации; лишь малая часть её богатых гобеленов декоративного характера и на религиозные сюжеты не была вдохновлена буддизмом или создана под его влиянием. На этом величественном фоне выделяются некоторые великие и достопримечательные эпохи и некоторые великие имена. Первой и достигшей самых значительных успехов является эпоха Сётоку Тайси (593–622 гг.), современника Магомета и Августина Кентерберийского, ставшего, как и они, основателем новой цивилизации»^[80].

Чтобы производить впечатление на гостей этой важной культурной программой, Сётоку добился, чтобы в порту на внутреннем море был сооружён Храм Четырёх Небесных Стражей. Таким образом чужестранцы, прибывавшие из Кореи и Китая, сразу же видели прекрасный ансамбль, посвящённый искусству, музыке, медицине, литературе и философии, расположенный вокруг монастыря и храма буддийской веры. Принц пошёл дальше; он внимательно изучил обширную буддийскую литературу и выбрал те сутры, или разделы Священного писания, которые принесли бы пользу его народу самым непосредственным образом. Он распространил эти писания как часть обширной образовательной программы. К сожалению, гений Сётоку не передался его потомкам, но буддизм достаточно укоренился, чтобы выжить и раскрыться среди японцев.

Бодхидхарма, патриарх секты дзэн

Несмотря на то что школа *дхьяны* зародилась в Индии и процветала в Китае, представляется разумным рассмотреть её наряду с буддийскими сектами Японии. Сделать это побуждает тот факт, что в течение веков японцы оставались выдающимися выразителями этой странной и непонятной доктрины. По причинам, которые станут более понятными позднее, этот ритуал созерцания, привнесённый в Японию в 1168 году (а может быть, и ранее), обладал особой привлекательностью для класса военных. Сердце солдата, отягощённое неизвестностью и бесчисленными страхами, и опасная профессия побуждают его искать ту форму духовного утешения, которая даёт надежду на победу над болью и смертью.

Двадцать восьмой патриарх буддизма Бодхидхарма, известный в Японии как Дарума, был посвящён в мистерии великим мастером Паньятарой. После посвящения Бодхидхарма, индус по происхождению, совершил путешествие в Китай. Согласно одним рассказам, он проделал весь путь пешком, но в других его называли «брахманом-мореходом», подразумевая, что он прибыл на корабле. Он обосновался в монастыре Шаолинь, где девять лет просидел в медитации, поддерживая себя в бодрствующем состоянии тем, что выпивал огромное количество чая. Он провёл в Китае остальные годы жизни, охватившей большую часть V столетия.

Рис. ниже: *Портрет Бодхидхармы, 28-го патриарха дзэн, выполненный художником-жрецом секты.*

Внешне Бодхидхарма, несомненно, выглядел как экстраординарная личность. Его огромная фигура, косматые брови и пронзительные синие глаза вдохновляли художников секты на создание многочисленных свирепых изображений этого человека. В напыленной кое-как красной робе он делался похожим на горящего медведя, бормочущего и жалующегося на всё вообще и ни на что в частности. Но, согласно всем компетентным источникам, он был одним из величайших архатов буддизма и, подобно Сократу, изжил всяческие недостатки личного обаяния благодаря величю ума.

Когда доктрина дхьяны достигла Японии, слово *дхьяна*, означающее «медитация, созерцание» (санскр.), было переведено на японский язык словом «дзэн»^[81]. Перемена места действия привела к изменениям самих учений, но созерцательность по-прежнему сохраняет главенствующее положение. Суровость концепций дзэн кажется на первый взгляд холодной и отталкивающей, но эта кажущаяся атмосфера скептицизма и цинизма скрывает чрезвычайно привлекательную и по-настоящему вдохновляющую философию жизни. Дзэн не критикует реалии, но решительно противостоит всяческому притворству и обману. В её концепции вещей нет места для мирских стремлений глупых смертных или для самодовольной уверенности тех, кто мудр на словах и духовно невежествен. Жестом глубокого презрения отмечает она как величие великих, так и ничтожность

малых. Она высмеивает императоров так же охотно, как осуждает негодяя самого низкого происхождения. Она достигает совершенства в нанесении обид и доставлении удовольствия, приводя в замешательство тех, кто считает себя выдающимися гражданами. Если уж она не может смахнуть весь мир своей метёлкой из конского волоса, то, по крайней мере, предпринимает героическую попытку сделать это. Но дзэн искореняет следы ложной учёности или респектабельности вовсе не для того, чтобы просто ублажить несколько неутолённый инстинкт собственного превосходства. Её истинным мотивом служит открытие простой красоты честного человеческого лица, скрывающегося за маской. Она стремится возвеличить реальность, напоминая людям, что простые методы — самые лучшие и что всяческое притворство неизбежно кончается скорбью и страданием.

В 1938 году количество членов трёх отделений дзэн-сю в Японии достигало примерно девяти с половиной миллионов человек. Крупнейшей сектой дзэн является сото, перенесённая из Китая вскоре после 1223 года жрецом Догэном, или Дзёё Дайси. Суть убеждений сото можно понять из формулировки доктрины, предложенной Догэном: «Рождение и смерть суть собственно жизнь Будды. Избежать их — значит уклониться от жизни Будды».

Учения царственного патриарха Бодхидхармы в то время, когда в 520 году он пытался одарить ими китайского императора, оказали огромное влияние на большинство сфер японского образа жизни. Метод дзэн называют дзадзэн^[82], или неподвижным сидением.

Это настроение понижало искусство, литературу и культуру всей страны. Доктор М. Анэсаки, бывший профессором японской литературы и общественной жизни Гарвардского университета, так описывает духовный мир дзэн-буддиста: «Его разум, находящийся ничем не нарушенный покой глубоко в сердце природы, воспринимает движение и изменения в вещах как мимолетные выражения, возможно, возмущающие абсолютную безмятежность лица природы. В мире многие рождаются и многие умирают; проходят годы, времена года сменяют друг друга; из почек появляются зелёные листья и засыхают, цветы распускаются и осыпаются. Пусть приходят и уходят как могут; дзэн-буддист наблюдает всё это с невозмутимым спокойствием, хотя и не с тупым безразличием. Если его что-то и интересует, так это тихо струящийся аспект этого беспрестанного изменения или, вернее, вечное спокойствие, различимое сквозь изменения и за ними. С его точки зрения красота и великолепие водопада заключаются в его движении как единого целого, а не в перемещении отдельных капель

и пузырьков; и именно этим движением дзэн-буддист наслаждается как символом всеобщего постоянного течения природы. Мир, который он видит, — подобно пейзажам, написанным Сэсю, — лишён слепящей яркости и живого движения. Все феномены втягиваются через его разум в недвижную пучину духовного океана, где нет ни волн, ни водоворотов и где личность сливается с бескрайним простором природы и с неизменной целостностью вселенной. Короче говоря, дзэн — это натурализм, который не поддаётся соблазну человеческой деятельности и впитывает природу и жизнь во всеобъемлющее спокойствие разума, отождествлённого с космосом»^[83].

Один из главных принципов дзэн состоит в том, что «знание можно передавать от сердца к сердцу без вмешательства слов». Высшая истина в целом слишком утончённа, чтобы её можно было доверить ограниченной символике языка. Будда открыл дхьяну^[84] в безмолвии; в безмолвии Паньятара удостоил им Бодхидхарму, и в безмолвии этот великий Адепт передал это наследие патриархам дзэн. Он влил учение в сосуды сердец своих учеников как в новый кувшин, обеспечив таким образом безмолвное увековечение тайн Закона.

Когда для Бодхидхармы настало время покинуть этот мир, он собрал вокруг себя монахов и монахинь ордена и приступил к ним с вопросами относительно понимания того, что они приобрели. Разрешив все трудные вопросы, престарелый архат ушёл в сознание Доктрины. Спустя три года после сообщения о его смерти начал распространяться странный слух. В холмистой местности несколько крестьян видели бодрого старого философа, упорно идущего своим путём по западным горам Китая, решительно направляясь к Индии. Он шёл босиком, но по какой-то непонятной причине нёс один башмак в руке.

Слухи стали столь многочисленными, что император Китая, желая разрешить этот вопрос, приказал вскрыть гробницу Бодхидхармы. К всеобщему изумлению, могила оказалась пустой, в ней не было ничего, кроме одного башмака, парного тому, что унёс Бодхидхарма. На основании этого рассказа было заявлено, что великий монах дхьяны в действительности никогда не умирал, а, закончив свои труды в Китае, воспользовался трюком со смертью как подходящим методом исчезновения. Философские смерти такого рода часто встречаются в рассказах об Адептах.

Кобо Дайси, основатель секты сингон

Самым прославленным из буддийских святых Японии был бонза^[85] Кукай, более известный под посмертным титулом Кобо Дайси^[86]. В 806 году н. э. этот японский жрец, посвящённый китайскими мастерами, основал сингон-сю, или секту истинного слова. Согласно распространённому преданию, сингон, школа буддизма махаяны, базируется на учениях Будды, обнаруженных мудрецом Нагарджуной, когда он, спустя примерно восемьсот лет после смерти Гаутамы, открыл железную башню в южной Индии.

Кобо Дайси происходил из аристократической семьи и, согласно легендам о его рождении, появился на свет в позе молящегося с соединёнными друг с другом кистями рук и ступнями. Он вступил в жизнь, решив посвятить себя карьере чиновника, к которой готовился, посещая знаменитый университет. Ещё будучи студентом, он серьёзно заинтересовался конфуцианством, однако это этическое учение оказалось недостаточно глубоким, чтобы удовлетворить его ум. Тогда он обратился к учениям знаменитого китайского мистика Лао-цзы, абстрактные рассуждения которого больше соответствовали врождённым способностям молодого человека.

В возрасте примерно двадцати четырёх лет Кобо Дайси испытал внутреннее озарение. Он уже стал жрецом и, вдохновлённый раскрывающейся в нём духовной тайной, совершил в 804 году путешествие в Китай, где целиком посвятил себя совершенствованию своего сознания. По возвращении в Японию он, при поддержке императора, основал секту сингон. Новая школа, обращавшаяся к самым образованным людям и одновременно к тем, чьи знания были скромны, мгновенно снискала популярность.

Э. Штайнильбер-Оберлин описывает этого прославленного святого как необыкновенного человека, обладавшего сверхъестественными способностями; это был мистик, философ, художник, учёный и маг, чей гений мог господствовать над элементами и изменять ход вещей. Он изобрёл слоговую азбуку *хирогана*, усовершенствованную систему письма, ныне используемую по всей Японии, и был известным каллиграфом^[87].

Госпожа Б.Л. Судзуки указывает, что Кобо Дайси был писателем, скульптором и выдающимся лидером того времени в сфере образования и социальных проблем. Он копал колодцы, прокладывал дороги, организовал

школу для учеников не аристократического происхождения, был учителем трёх императоров, сохранял дружеские отношения со священниками других сект и всеми был любим. Нет ничего удивительного в том, что его свет по-прежнему сияет в Коя-сане^[88].

Когда Кобо Дайси, который мог рисовать десятью кистями одновременно, решил, что завершил то дело, ради которого воплотился, он принял позу экстаза и по собственному требованию был погребён заживо. Это произошло в 825 году. Паломники, совершающие путешествие к святыням секты сингон, убеждены, что Мастер никогда по-настоящему не умирал, а пребывает в могиле в состоянии медитации, ожидая пришествия Будды.

Доктрины секты сингон являются естественным выражением просветлённого разума их праведного основоположника. Он был мягким человеком, обладавшим развитой интуицией, убеждённым, благодаря своим обширным познаниям, в присущей каждому живому существу врождённой доброте. Он отказывался принимать внешний хаос жизни как нечто реальное и за поверхностной стороной вещей искал решение загадки бытия и вечные, жизненно важные ценности. Он верил, что и религия и жизнь являются внешними выражениями, или символами, принципов, неразличимых для внешнего восприятия, но обнаруживаемых как переживания сознания.

Таким образом, даже буддизм был и экзотерическим и эзотерическим. Существовала доктрина для масс, наполненная большим нравственным и этическим смыслом, но недостаточная для достижения полного просветления человеческого существа. Имеется ещё и тайное учение, которое нельзя понять умом, а должно постигать через «Десять ступеней духовного возвышения». Те, кто превращают себя в единое целое с эзотерической сутью учения, становятся яснознающими. Существует множество способов открытия, подобно бутону белого лотоса, внутренних органов познания, чтобы впустить в них чистый свет Будды. Это экстатическое состояние может возникнуть в результате созерцания священных картин и схем мира, называемых «мандалами» (санскр. *мандалы*)^[89]. Неуловима тайна того, что мудры (положения рук), мантры (ритуальные формулы, обладающие духовной силой) и аналогичные религиозные ритуалы могут стимулировать экстаз тождественности со Всепроникающим.

Все приверженцы секты сингон принимают следующие пять обетов:

- 1) Клянусь спасти все живые существа;

- 2) Клянусь сочетать мудрость с любовью;
- 3) Клянусь изучить все дхармы;
- 4) Клянусь служить всем Буддам;
- 5) Клянусь достигнуть высшего просветления.

Идеалом школы сингон является достижение состояния будды в нынешней жизни и в нынешнем теле. Госпожа Судзуки резюмирует эту концепцию в «Коё Сан» следующим образом: «Главная мысль заключается в том, что существует одна Абсолютная Реальность, и всему — буддам, бодхисаттвам, людям, ангелам, растениям и другим сущностям — присуще латентное состояние будды, и просветления можно достичь через применение на практике Трёх Секретов. Всё и вся составляют единое целое с этой Абсолютной Реальностью, Дхармакаей^[90], и когда это Единство становится осознанным, познаётся Истина и прекращается страдание».

Согласно этой концепции, состояние будды достигается отнюдь не посредством утомительного процесса развития, а прорывом сквозь стены иллюзии. Это идеал сингона — *сокусиндзёбуцу*^[91]. И не так уж сильно она отличается от абсолютизма европейских мистиков, эта вера в познание истины и в то, что познанная истина непременно сделает людей свободными. Большинство восточных мистиков прочувствовало тайну Богосознания. Они осознали возможность отождествления с универсалиями через экстаз или возбуждение, возникающее от размышления о качествах или атрибутах божественной субстанции и божественной сущности.

Кобо Дайси преподавал нечто вроде теургии^[92], по существу не отличавшейся от теургии неоплатоников, поскольку он сам, подобно александрийским философам, был образованным и благородным мыслителем. Подобное убеждение в своей чистейшей форме выходит из пределов понимания среднего человека, так что приверженцам этой веры неизбежно приходилось полагаться более всего на ритуальные средства и ограничиваться лишь смутным представлением о духовных целях. Несмотря на то что его учения на практике слегка отступали от их возвышенных теорий, Кобо Дайси имеет полное право на признание его учителем-посвящённым. Он открыл путь тем, у кого были мудрость, мужество и любовь для того, чтобы бескорыстно служить свету, сияющему в сердце человека и в сердце мира.

Секта нитирэн

Японский буддийский святой и реформатор, принявший имя Нитирэн, родился в семье бедного рыбака 30 марта 1222 года. С детства он обладал серьёзным и мистическим складом ума, и созданная им впоследствии доктрина обнаруживала сильное влияние детского созерцания солнца и моря. Дивное дневное светило было для него вечным символом вселенского света истины. Совершенная религия должна быть подобна солнцу, сияющему в сердцах всех людей и приносящему со своим теплом блаженство физической безопасности, расширения разума и абсолютного покоя сознания.

И у великого океана тоже нашлось своё откровение для этого странного, восприимчивого мальчика. То было не подверженное действию приливов и отливов море Доктрины, глубокое, как мудрость веков, безбрежное, как представление Будды о космическом плане и такое же непостижимое, как работа человеческого сердца. Размышлять о солнце и море значило забыть всё мелочное. Мелкие планы ничтожных людишек больше не имели никакого значения. Цель человека поглощалась целью вселенной, и в конце были только свет, покой и вечное безмолвие, плавное течение которых длилось бесконечными веками.

Когда Нитирэну исполнилось двенадцать лет, он стал учеником секты сингон, проходя ученичество у почтенного настоятеля монастыря Додзэмбо. Прекрасный от природы характер мальчика преобразовал чудесный символизм и обрядность школы сингон в чистое и святое рвение. Он делал столь стремительные успехи в буддийской философии, что уже в шестнадцать лет был посвящён в духовный сан. Именно в это время он выбрал религиозное имя Нитирэн, означающее «Лотос Солнца». Считают, что на выбор им имени оказала влияние история, рассказанная ему матерью. Как раз перед зачатием сына эта добродетельная женщина видела чудесный сон о белом лотосе, над которым плавало сверкающее солнце.

Подобно большинству религиозных лидеров, Нитирэн явился своему народу во времена исключительных бедствий и страданий. Истекающую кровью от монгольских набегов Японию раздирали на части ещё и внутренние противоречия, военные и политические. Голод, эпидемии чумы и землетрясения несли с собой ужас и опустошение. Нитирэн, всегда остававшийся в душе простым крестьянином, страдал вместе с рядовым человеком и ради него. Он решил отыскать способ донести утешение

буддийского мистицизма до тех неграмотных и необразованных людей, которые вынуждены нести на себе бремя мировой скорби.

Нечто очень глубокое и мудрое в душе молодого священника подсказывало ему, что истина вовсе не сложна, а бесконечно проста. И именно из-за этой бесконечной простоты истинный путь Будды был скрыт от учёных. Затерянная где-то среди проповедей и бесед Будды и его ближайших архатов, должна была существовать одна *Сутра*, заключавшая в себе самую суть всех учений Просветлённого. Нитирэн знал, что явился в этот материальный мир, чтобы найти эту «царственную Сутру», которая господствовала над всеми Священными писаниями.

Вознеся идущие из глубины души горячие молитвы Кокудзо Босацу^[93], божеству, следящему за мудростью учения, Нитирэн предпринял паломничество к различным святыням, храмам и школам японского буддизма в поисках «царственной Сутры». Его путешествие продолжалось шестнадцать лет; он учился у главных мастеров своего времени. К тому же он включил в свою программу детальное изучение философии китайских буддистов. Эти занятия позволили ему оценить многочисленные священные книги, сравнить достоинства и недостатки различных учителей и их школ.

В конце концов Нитирэн остановил свой выбор на *Саддхармапундарика-сутре* («Священное писание Лотоса Совершенной Истины») как содержащей самое полное изложение подлинного буддизма. Слова святого резюмируют его взгляды: «Тому, кто знает, что Лотос Истины — царь всех писаний, известна истина религии». Решив, что открыл «царственную Сутру», Нитирэн посвятил всю свою жизнь изучению и пропаганде учения, которое она содержала. Он представил три эзотерических принципа, которые суммировали всю суть чистой веры. Первым из этих принципов было Святое Имя.

Ранним утром 17 мая 1253 года Нитирэн стоял один на вершине горы. Его взгляд, обращённый к солнцу, следил, как оно поднималось из тёмно-синего таинства океана. И тогда он впервые произнёс нараспев формулу Великой Убеждённости: «Наму Мёхо Рэнгэ Кё»^[94], что означает «да поклонимся Священному писанию Лотоса Совершенной Истины». Это была мантра, присущая только его ордену, и его монахи, жрецы и пилигримы повторяли её нараспев почти семьсот лет. Это могущественные слова, обладающие особенным достоинством. Выговаривая нараспев священное имя, человеческое существо сливается в сознании с «царственной Сутрой» и самим владыкой Буддой.

Возможно, среднему жителю Запада трудно понять значение того, что представляется всего лишь словесной формулой, но мы должны помнить, что настоящий мистицизм — это внутреннее открытие, почти совсем не поддающееся определению на языке физического опыта. Вполне достаточно жеста руки, мантры, нескольких нот, взятых на лютне, присутствия святого предмета или дерева, одиноко растущего на каком-нибудь скалистом утесе. Слова, объяснения и слишком длинные доказательства ничего не добавляют. Они только разрушают тончайшую субстанцию отрешённости от мира, вызванную восторгом Святого. «Наму Мёхо Рэнгэ Кё» есть Великая Убеждённость. Она скрывается за произнесённым словом; она вдохновляет песнопение; она призывает надежду и благородное стремление к истине. Она осуществляет удивительную работу Закона, ибо те, кто выявляют её, принадлежат ей, разделяют её и достигают её исключительно благодаря преданности.

Пастырство Нитирэна было отягощено всеми лишениями и гонениями, с которыми обычно сопряжён жизненный путь религиозного лидера. Его политические враги в 1261 году изгнали его, но он использовал это как возможность проповедовать в месте ссылки. Его помиловали в 1263 году, после чего была предпринята попытка убить его, а позже, в 1271 году, он был приговорён к казни через обезглавливание. Чудом избежав смерти, он продолжал жить, подвергаясь крайней опасности, и был сослан вторично на уединённый остров Садо в северной части Японского моря, где сильно страдал от холода и голода. Он пробыл на Садо около трёх лет, после чего ему разрешили вернуться домой. Последние годы жизни он провёл в безлюдных лесах Минобу в полуразвалившейся хижине в шесть футов в длину и ширину (1,8x1,8 м) в дальней горной крепости. Изнурённый более чем тридцатилетней борьбой и нищетой, Нитирэн вошёл в нирвану 14 ноября 1282 года. Он ушёл из этой жизни в окружении читающих нараспев молитвы учеников и в состоянии абсолютного внутреннего и внешнего спокойствия.

Взгляды Нитирэна кратко выражает следующая цитата из его произведений: «В конце концов, пусть все небесные создания откажут мне в своей защите, пусть всяческие опасности обрушатся на меня, даже и тогда я посвящу свою жизнь этому делу... Остановить Лотос Истины — в счастье ли, в беде ли — означает низвергнуться в ад. Я буду твёрд в своём великом обете. Пусть я столкнусь со всевозможными угрозами и искушениями. Если мне скажут: "Ты бы мог взойти на японский трон, если бы отказался от Священного писания и дожидался будущего блаженства, веря в «медитацию на Амиту»", или "Твоих родителей ждёт смертная

казнь, если ты не произнесёшь имя Будды Амиты" и т. д., я встречу подобные искушения не колеблясь и никогда не поддамся им, если мои принципы не будут разбиты вдребезги опровержением мудреца. Все остальные опасности будут сравнимы с пылинкой, а не с ураганом. Я буду Столпом Японии; я буду Глазами Японии; я буду Великим Сосудом Японии. Да будут нерушимы эти клятвы!»^[95]

Истоки тибетского буддизма

По утверждению Эмиля Шлагинтвейта^[96], буддизм внедряли в восточной части Тибета, возможно, уже в 137 году до н. э., но если это и так, то старания священников-миссионеров оказались напрасными. Венгерский учёный и востоковед Шандор Ксома Кёрёши подобрал в написанной лхасским регентом в 1686 году исторической книге интересный отрывок, подкрепив его примером из «Истории восточных монголов» Саган Сэчэна. В этих рассказах сообщается, что во время правления тибетского царя, имя которого приводится в различных вариантах то как Тхотхори Ньян Цан, то как Лха-то Тори, то как Хлатотори, произошёл чудесный случай.

В 231 году н. э. в ореоле яркого света с небес спустился драгоценный сундук или ларец и опустился на золотую террасу царского дворца. В сундуке оказались четыре святыни: изваяние сложенных в молитве рук, маленький чортен — крошечная башенка-рака, гемма с написанной на ней молитвой: «Ом мани падме хум»^[97] и религиозная книга, называвшаяся «Шамадок» (Szamadok) — руководство к нравственному поведению. Царь не имел ни малейшего понятия о смысле этих священных предметов и поэтому приказал хранить их в его сокровищнице. И с этого времени несчастья следовали за царём по пятам. В семье правителя рождались слепые и уродливые дети; урожай был скудным; болезни истребляли скот, а голод, чума и страдания поразили все уголки царства^[98].

Сорок лет продолжались эти беды, и тут перед правителем предстали пятеро таинственных незнакомцев. Чужеземцы обратились к нему с такими словами: «Великий государь, как мог ты допустить, чтобы эти предметы, такие мистические и могущественные, были брошены в сокровищницу?» Рассуждая таким образом, они научили Лха-то Тори надлежащему поклонению, приличествующему ниспосланному небом сокровищам. Затем пятеро чужестранцев исчезли как дым в присутствии царя. Лха-то Тори в точности выполнил рекомендации сверхъестественных пришельцев, и с того времени всем его планам сопутствовала удача, а к его народу пришло процветание. Благодаря благословию и сильному влиянию святынь царь дожил до ста девятнадцати лет и совершил множество достойных деяний. К вышеизложенному Ксома добавляет, что голос, раздавшийся с небес, сообщил, что через определённое число поколений (в VII веке) содержание книги «Шамадок» станет известным.

В заметках, касающихся чужестранцев, Шлагинтвайт высказывает предположение, что ими были китайские жрецы-буддисты, но их число и сопутствовавшие обстоятельства подсказывают иное объяснение. Как известно, к матери Конфуция явились пятеро таинственных старцев, чтобы возвестить пришествие Совершенного Мудреца. Так как это число согласуется также и с пятью небесными бодхисаттвами, то представляется вероятным, что в тибетском рассказе подразумевается посещение царя сверхъестественными существами.

Хотя чудо с четырьмя драгоценными предметами и интерпретируется в том смысле, что буддизм достиг Тибета в III столетии христианской эры, данная история относится к легендарному периоду, и это вызывает споры. Наиболее консервативные тибетские историки склонны относить распространение индийского буддизма среди их народа к началу правления царя Цонгцэнгамбо, 627–649 гг. У этого влиятельного правителя обнаружили при рождении определённые отметки и признаки предначертанного величия, и теперь ему поклоняются как победителю и духовному реформатору^[99].

В самом начале VII века тибетцы предприняли первую упоминаемую в истории попытку прийти к светской власти. Они вторглись в Верхнюю Бирму и захватили Западный Китай, вынудив китайского императора просить об унижительном мире. Царь Тибета, которому в то время было двадцать три года, получил в жены, как часть дани, китайскую принцессу. Её звали Долкар, и она привезла с собой в высокогорную страну книги и реликвии своей веры. У царя также была вторая жена, непальская принцесса по имени Долджанг. Обе царственные супруги были преданными буддистками, и под их влиянием молодой царь занялся изучением этой веры. К такому решению примешивались и практические соображения. Цонгцэнгамбо стал правителем обширной империи гор и пустынь, населённой как дикими, так и цивилизованными народами. Обладающая властью религия могла бы оказаться полезной для установления национального единства и прочного суверенитета. С этой целью он решил послать своего первого министра Тхуми Самбхоту в Индию изучать священные книги буддистов и индийский язык. Этот министр стал тибетским Гермесом, и после смерти его боготворят как воплощение бодхисаттвы Манджушри. Это божественное существо является персонификацией мудрости и проповедником Великого Закона. Тхуми Самбхоту с шестнадцатью спутниками добрался до Индии в 632 году. После многочисленных приключений с демонами, пытавшимися помешать этой депутации покинуть страну, семнадцать учёных достигли

своей цели. Тхуми Самбхота изобрёл тибетский алфавит, в основу которого он положил древнеиндийское деванагари^[100]. Он отбросил несколько согласных и гласных букв, не пригодных для выражения звуков тибетского языка, и добавил шесть новых букв. Царь одобрил новую систему письма и приказал перевести священные индийские книги, рассматривавшие различные аспекты буддизма, чтобы его народ пользовался ими^[101].

Самбхота составил учебник грамматики и другие справочники по языку, ещё будучи в Индии, и к тому же привёз домой труд по тантрической метафизике. Так он прославился своей учёностью и в результате был канонизирован. После смерти Самбхоты распространение буддийской веры по всему Тибету продолжили китайская и непальская жены царя. После десяти лет супружеской жизни китайская жена, Долкар, отреклась от мира и с согласия мужа, облачившись в одеяние монахини, проповедовала буддизм по всей стране. Когда Долджанг и Долкар умерли, их обеих причислили к лику святых под именем Дельма — по-санскритски *Tara*^[102]. Они представлены в ламаистском религиозном искусстве в виде двух фигур в одинаковых позах; каждая из них сидит на троне-лотосе, свесив одну ногу вниз. Обе держат цветы лотоса. Долкар обычно изображается белокожей, а у изображений Долджанг кожа зелёная. Легенды об этих божествах можно найти в древней книге, озаглавленной «Мани-Кабхум». Их умоляют о вмешательстве женщины, ищущие духовного руководства или желающие иметь детей.

В первые годы после смерти Цонгцэнгамбо среди тибетцев наметился отход от буддизма, отчасти обусловленный войной и вторжением. Его возрождением занимался другой влиятельный правитель Тибета Тисрондецан, 755–789 гг. Именно во время правления этого монарха пригласили поселиться в его стране великого гуру Падмасамбхаву. Этот прославленный архат отличался удивительным знанием языков, и именно ему гималайский регион обязан золотым веком литературы. Под его руководством весь буддийский канон был переведён на тибетский язык.

Другим важным фактором в установлении ламаизма было монгольское влияние в лице Кублай-хана, 1259–1294 гг., внука Чингисхана — величайшего из азиатских завоевателей.

Преисполнившись искренней решимости облагородить свой народ, возвысив его над войнами и разбоем, составлявшими до этого образ жизни монголов, и с определёнными политическими целями Кублай-хан принял ламаистскую форму буддизма. Вследствие нетерпимости христианских миссионеров и их новообращённых, он торжественно провозгласил

религиозную терпимость во всех своих владениях. Чтобы навсегда уладить спор, он предложил устроить состязание между буддийскими и христианскими священниками, объявив, что в его империи будет принята та религия, которая совершит в его присутствии самое убедительное чудо. Во время этого соревнования христианские миссионеры оказались неспособными предоставить даже очень скромное сверхъестественное подтверждение своих способностей, а ламы заставили кубок императора с вином чудесным образом подняться к его губам. После этого Кублай-хан официально решил дело в пользу ламаистской веры, а оказавшиеся в затруднительном положении миссионеры прибегли к своему излюбленному оправданию, что дьявол встал на сторону лам ^[103].

В это время снискал известность верховный лама из монастыря Сакья, находившегося к юго-западу от Шигацзе. Монаха, возглавлявшего эту школу «красных шапок», звали *Сакья-пандитой*. Кублай-хан предоставил ему и его преемникам достаточно большую светскую власть, сделав его номинальным правителем Тибета под монгольским сюзеренитетом. В обмен на это возвышение, покровительство и признание от «Владыки Ламы из Сакьи» требовалось освящать или короновать императоров Монголии. Племянник и преемник Владыки Ламы двадцать лет прожил у Кублай-хана и подготовил для монголов письменность, основанную на тибетской.

Эти политические события подготовили почву для установления власти Далай-лам, сам титул которых состоит из двух слов — монгольского и тибетского. Слово *далай* означает по-монгольски «океан», а тибетское *лама* по смыслу примерно эквивалентно санскритскому термину «гуру». Таким образом, этот титул можно в широком смысле перевести как гуру, или учитель, чьё могущество и учёность безграничны, подобно океану.

Великий гуру Падмасамбхава

Приближаясь к Гьянгдзе, британские экспедиционные войска под командованием сэра Фрэнсиса Янгхасбенда подошли к ущелью Красного Идола Замбанга. Ущелье получило своё название из-за грубого гротескового изваяния жреца-колдуна Падмасамбхавы, стоящего в самом узком месте ущелья среди валунов и тёмно-красных кустов барбариса^[104]. По всему Тибету можно найти изображения этого выдающегося индийского йога, нарисованные или вырезанные на высоких утёсах, в придорожных святилищах, ламаистских храмах и частных домах. Этот жрец-герой — самая романтическая фигура в культуре Тибета, уединённой, изолированной страны гор, ледников и пустынь.

Примерно в 743 году на тибетский трон взошёл Тисрондецан. Ему было всего тринадцать лет, и на его политику сильное влияние оказывала мать, китайская принцесса, приёмная дочь императора и преданная буддистка. В это время священником царской семьи Тибета был индийский монах Сантаракшита. Когда царь выразил желание пригласить какого-нибудь выдающегося буддийского жреца, чтобы основать в стране религиозный орден, Сантаракшита посоветовал ему, если это возможно, прибегнуть к услугам своего зятя, прославленного гуру тантрической школы йогачарьи, который был в то время профессором трансцендентальных дисциплин в крупном университете Наланды. Гуру принял приглашение и прибыл в Тибет в 755 году по китайскому календарю или, согласно тибетским расчётам, чуть раньше. Ныне Падмасамбхава считается основоположником ламаизма, уже отделившегося от индийского буддизма.

Этот могущественный адепт-маг родился в Удьяне, ныне Кафиристан (область в восточном Афганистане), в первые годы VIII столетия. В то время Удьяна славилась своими колдунами, или, как называл их Марко Поло, «торговцами чёрной магией и колдовством». Драгоценный гуру явился в материальный мир чудесным образом. Из небесного будды Амитабхи вырвался луч света и упал на прекрасный лотос, плававший на поверхности озера Дханакоша. В самой середине этого лотоса сидел светящийся ребёнок лет восьми на вид и держал в руке скипетр громовержца Индры.

Рис. ниже: Падмасамбхава. Буддийский святой, основатель ламаизма.

Он был воспитан под покровительством Индрабодхи, царя Удьяны, и приобрёл необыкновенную известность своим знанием заклинаний и колдовства. Он мог управлять всеми адскими духами, привидениями и космическими чудовищами. Не было ничего странного в том, что для обращения наводнённого демонами трансгималайского региона был выбран именно такой маг [\[105\]](#).

Он отобрал двадцать пять учеников для увековечения своих эзотерических традиций, и каждый из них прославился своими способностями творить чудеса, управлять стихиями и переносить своё сознание в отдалённые места. В тибетских письменных свидетельствах, как правило, указывается, что Падмасамбхава оставался в стране приблизительно пять лет, но более вероятно, что в этот период он посещал Тибет по различным поводам.

Гуру Ринпоче (тибет., «Драгоценный Учитель») собрал глав северных государств, которых он обратил в свою веру, дал им подробные указания и воодушевил на сохранение навсегда его доктрин. Он объяснил также, что в священных пещерах по всей этой земле у него спрятаны книги, рукописи и секретные магические надписи. Обстоятельства его смерти неизвестны. Он покинул Тибет чудесным образом, и все были уверены, что он отправился дальше нести просветление другим странам, вероятно, Цейлону или Яве.

Когда маг-учитель закончил своё прощальное обращение, с небес спустилась радуга и окружила его. Появились четыре сверхъестественных существа; затем он взошёл на волшебную колесницу и унёсся в небо в сопровождении процессий дэвов и небесных музыкантов, наполнявших воздух цветами и музыкой. Колесница, похожая на комету, была видна двадцать пять дней и ночей, пока наконец не скрылась за южным горизонтом. С тех пор утверждают, что Драгоценный Гуру время от времени возвращался, чтобы сберечь народы, которые он любил и которым служил. Всякий раз, когда складывалась чрезвычайная ситуация, великий маг незаметно входил в тело какого-нибудь царя, принца или священника, оставаясь в нём до тех пор, пока не минует необходимость, а потом тихо уходил.

В написанном на жёлтой бумаге тексте, восходящем к первой половине тринадцатого века, содержится пространный рассказ о последней беседе Драгоценного Гуру перед его отбытием из Тибета. В этом сообщении утверждается, что Падмасамбхава отправился в страну заходящего солнца, чтобы обратить в веру обитавших там ракшасов (демонов). Когда о его решении уехать стало известно ученикам и новообращённым, царь Тибета и весь его двор приготовились следовать за ним. Царское общество сопровождало великого учителя до самых гор, разделяющих Тибет и Непал, всё время предлагая ему сокровища и упрашивая его остаться в их стране.

В последний день перед своим перемещением Святейший из Удьяны произнёс длинную проповедь, предупреждая своих приверженцев о том, что не существует иного способа избежать страданий и несчастий материального цикла существования, кроме как веруя в учение Владыки Будды и следуя его доктрине. Тибетский вариант этого обращения изобилует странными и незнакомыми выражениями, но многие слова Учителя обнаруживают глубокое мистическое вдохновение, которое он принёс диким обитателям гор «земли Бод».

Приведённые ниже отрывки взяты из прощальной проповеди Владыки Падмы: «Я открыл слово (доктрину) из сострадания. Людям, которые считают меня духом, моё тело более не видно, но я пребываю над вами... Будьте серьёзны и думайте обо мне... Воплотите моё слово в золоте, серебре и драгоценных камнях... Куда бы я, Величайший Владыка, ни явился, там всегда моя величественность. Всякий, кто признаёт это, неизменно встречает меня, Величайшего Владыку... Если ваша вера в моё слово останется непоколебимой при приближении смерти, вы получите силу и спасение... Сейчас я уйду, но всегда буду защищать вас... Мне нет

необходимости оставаться, вам всегда поможет моё божественное благословение».

Уносясь ввысь в окружении радуг и поющих духов, святой обернулся достаточно надолго, чтобы обратиться к своим плачущим ученикам ещё раз: «Если вы желаете вечного покоя, держитесь за веру... Вы не можете последовать за мной сейчас, но найдёте меня снова. Так как ныне я готов отправиться в обители Богов, то не просите разрешения сопровождать меня на этом пути. Мы снова встретимся навсегда. И вопросам ко мне не будет конца». С этими словами великий гуру улетел [\[106\]](#).

Цонкапа, Лютер Тибета

Аббат Хук^[107], описанный госпожой Блаватской как «Лама Иеговы», детально исследовал тибетские легенды, повествующие о рождении и начале жизни адепта-учителя Цонкапы. Как утверждают, этот прославленный религиозный реформатор родился около 1358 года в местности Амдо, являющейся ныне частью китайской провинции Сычуань. Его приёмный отец был простым пастухом, чьё земное богатство состояло из примерно двадцати коз и нескольких длинношерстных коров и быков (т. е. яков). Много лет этот добрый человек и его жена были бездетными и жили в одиночестве в дикой горной глуши. Домом им служил чёрный шатёр, и, пока пастух стерёг пасущихся животных, его жена занималась приготовлением сыра или ткала из длинной шерсти яков грубую ткань.

Однажды эта женщина спустилась в ближайшее ущелье за водой. Внезапно ей стало дурно и она упала без сознания на большой плоский камень, на поверхности которого какой-то древний жрец или пилигрим вырезал священную надпись в честь Будды. Когда женщина пришла в себя, она сразу же поняла, что непорочно зачала дитя от магической формулы, начертанной на камне. В должное время она произвела на свет сына, и пастух дал ему имя Цонкапа по названию горы, рядом с которой их шатёр простоял семь лет.

Как сообщают с глубочайшей убеждённостью, чудесный мальчуган родился с длинной белой бородой. Он имел удивительно величавый вид и был совершенно лишён ребяческих ужимок. В день своего рождения он уже говорил чисто и чётко на языке Амдо и, хоть и не был склонен к многословию, рассуждал на такие серьёзные темы, как происхождение вселенной и судьба человечества. В возрасте трёх лет Цонкапа объявил о своём решении отречься от мира и посвятить себя религиозной жизни. Его мать, полностью одобрившая это решение и убеждённая в том, что её сыну суждено заниматься каким-нибудь святым делом, сама обрила его голову и выбросила длинные гладкие волосы из шатра. Согласно некоторым рассказам, из его волос тотчас же выросло дерево, источавшее тонкий аромат. Это священное дерево *Кумбум*, которое впоследствии исследовал Хук. На поверхности каждого листочка этого дерева были знак или буква тибетского алфавита.

Ещё будучи маленьким мальчиком, Цонкапа уходил даже от своей семьи и искал уединения в самых диких и безлюдных уголках гор. Там

проводил он дни и ночи в молитвах и размышлениях о вечных тайнах жизни. Его посты были частыми и долгими, и дух его был столь благочестив, что он никогда не причинил вреда даже ничтожнейшему насекомому и не ел никакой мясной пищи.

И именно в то время, когда он исповедовал столь строгий аскетизм, и случилось в высшей степени удивительное событие. Путешествовавший по земле Амдо странный лама из «одной из самых дальних областей Запада» попросил приюта у доброго пастуха, жившего в чёрном шатре. Согласно старинным свидетельствам, этот лама из западных областей был примечателен не только своей учёностью, которая выходила за пределы всяческого человеческого разума, но ещё и своей странной внешностью. У него был огромный нос, а глаза светились сверхъестественным огнём. Цонкапа, покорённый знаниями и святостью необычного гостя, бросился к ногам ламы, умоляя того стать его учителем.

Аббат Хук, чей ум естественно был склонен к христианским теологическим спекуляциям, размышляет об этом таким образом: «Возможно, и нет достаточных оснований полагать, что этим чужестранцем с большущим носом был европеец, один из тех католических миссионеров, которые именно в это время проникали в таких количествах в Верхнюю Азию. Нет ничего удивительного в том, что ламаистские предания сохранили воспоминание об этом европейском лице, тип которого так отличается от азиатских. Пока мы жили у Кунбума, нам не раз доводилось слышать замечания лам относительно своеобразия наших лиц и откровенные высказывания о том, что мы из той же страны, что и учитель Цонкабы (Tsong-Kaba)». Было бы неестественно, если бы добродетельный аббат предположил, что этот западный лама мог с таким же успехом прибыть и из некоторых районов Индии, где также преобладают правильные или орлиные черты лица.

Адепт с крупным носом взял Цонкапу в ученики и, чтобы обеспечить юноше личное руководство, поселился в местности Амдо, где, однако, прожил всего несколько лет. Посвятив ученика в эзотерическую доктрину «самых известных святых Запада», Мастер уселся на скале и заснул, т. е. вошёл в состояние медитации, от которого не пробудился.

Лишившись таким образом Мастера, который, как это особо подчёркивается, *посвятил* его, Цонкапа решил предпринять путешествие в центральный Тибет, чтобы продолжить изучение таинств буддизма. Он учился в нескольких местах, включая Лхасу, и убедился, что существующие школы остро нуждаются в очищении и преобразовании. В это время секта «красных шапок» занимала доминирующее положение, а её

учения были серьёзно извращены. Когда Цонкапа добрался до Лхасы — земли духов — ему явилось лучезарное существо в одеянии из света. Это божественное создание объявило, что молодому реформатору надлежит поселиться в этой округе и здесь осуществить дело его человеческой жизни. Подобрал скромное жилище в наименее посещаемом квартале этого местечка, Цонкапа начал пропаганду своих реформ и вскоре привлёк множество восторженных учеников. Его сторонники стали известны как ламы «жёлтые шапки» (школа *галуг*), получившие название от головного убора, который они носили.

Живой Будда из секты «красных шапок», естественно, встревожился из-за неразберихи, вызванной новыми учениями, и решил в конце концов вступить в личную полемику с маленьким ламой из Амдо. С приличествующей свитой и большой помпой первосвященник направился к маленькому домишке, бывшим убежищем его соперника. Дверь домика Цонкапы была такой низенькой, что, когда Живой Будда входил в неё, его высокая красная шапка ударилась о перекладину и слетела с головы на пол. Многие восприняли это как предзнаменование. Нимало не смутившись, Живой Будда приступил к тщательно подготовленному толкованию ортодоксальных догматов, но спор обернулся против него из-за весьма комического происшествия.

Знакомые с условиями жизни в трансгималайской высокогорной местности, поймут значение этих подробностей. Дискутируя, аббат «красных шапок» незаметно сунул руку под своё просторное одеяние, сиюсь раздавить досаждавшее ему мелкое насекомое. Внезапно Цонкапа поднял глаза и напомнил Живому Будде, что, описывая достоинства и преимущества доктрины Будды о непричинении вреда, он в то же самое время пытался уничтожить крошечное живое существо. По какой-то причине это философское замечание попало в цель, и Живой Будда пал ниц у ног Цонкапы и признал его превосходство.

Чем больше несчастный отец Хук писал о тибетском буддизме, тем менее прочным становилось его положение в собственной вере. Наградой, которой он добился, стало вычёркивание его имени из списка миссионеров в Риме, а его книга была включена в «Index Expurgatorius»^[108], когда он указал на сходство между ламаистскими обрядами, введёнными Цонкапой, и обрядами, отправляемыми римско-католической церковью. Он был временно отстранён от миссионерской деятельности за избыток рвения и искренность. Ниже приводится одно из типичных утверждений, которые осложнили жизнь этого действовавшего из лучших побуждений

лазариста^[109]:

«При самом поверхностном рассмотрении реформ и новшеств, введённых Цонкабой в ламаистское богослужение, остаётся только поражаться их сходству с католицизмом. Крест, митра, далматик^[110], риза, которые Великие Ламы носят во время своих поездок или когда отправляют какой-нибудь обряд вне храма; служба с двумя хорами, пение псалмов, изгнания нечистой силы, кадило, подвешенное на пяти цепях, которое вы можете открыть или закрыть по желанию; благословения, даваемые ламами простиранием правой руки над головами верующих; чётки, священнический обет безбрачия, духовное уединение, поклонение святым, посты, религиозные процессии, литании, святая вода — всё это похоже у буддистов и у нас. Ну что, можно ли утверждать, что у этого сходства христианский источник? Мы думаем, да. Мы действительно не обнаружили ни в традициях, ни в памятниках страны никаких несомненных доказательств их заимствования, однако есть полное основание выдвинуть предположения, обладающие всеми признаками явного правдоподобия».

Цонкапа дожил до всеобщего одобрения народом его реформ и нововведений. В 1409 году он основал монастырь Ганден (Гадэн) примерно в тридцати милях от Лхасы и стал первым настоятелем этой большой обители.

Он написал, перевёл и собрал множество религиозных текстов, преобразовал ритуалы более старых сект, сделав особый упор на мистическом содержании, наложил строгие ограничения на колдовские ритуалы, которые практиковала секта бон, и выступил поборником строгого соблюдения обычаев, включая пост, длительные периоды уединения для развития духовных способностей и высокий уровень личных моральных качеств для духовенства. Его называли Лютером ламаизма. О его личной жизни, как ни странно, известно очень мало, хотя его личность окружена обычными фантастическими легендами, коими ламаистские писатели вечно украшают своих святых. Почти в конце жизни Цонкапа выбрал своими преемниками двух достигших наибольших успехов учеников. Он покинул этот бренный мир в 1419 году от рождества Христова и, по утверждению своих последователей, достиг нирваны. Его канонизировали. Члены его секты возносят ему молитвы, а современные тибетцы почти повсеместно поклоняются изваяниям и картинам, которые изображают его сидящим в высокой желтой шапке в той же позе, что и Будда.

В монастыре Ганден есть изысканно украшенное, похожее на мавзолей сооружение из малахита и мрамора. Под золотой крышей этой

усыпальницы находится гробница Цонкапы с коническим *чортеном*, изготовленным, по слухам, из чистого золота. Внутри этой мерцающей раки находится завернутое в большое количество полос из тонкой ткани, с написанными на них слогами дхарани^[111], набальзамированное тело великого реформатора в сидячем положении^[112].

От господина С. Чандрадаса мы узнали, что в монастыре Ганден и по сей день существует коллегия, занимающаяся учениями эзотерического и мистического буддизма. Здесь же секретнейшие философские доктрины Мастера сообщаются в процессе тщательно разработанных церемоний посвящения.

Некоторые почитают Цонкапу как автора нынешней ламаистской доктрины перевоплощающихся настоятелей монастыря. Согласно этому учению, преемников усопших первосвященников не выбирают и не назначают. Каждый из них, покинув своё физическое тело, немедленно рождается снова. Это счастливое событие обнаруживают по приметам и чудесам. После этого перевоплотившегося ламу забирают в его монастырь, обставляя это соответствующими ритуалами, и он продолжает править.

Жэцун Миларепа, великий тибетский мистик

Мы признательны доктору У.Й. Эванс-Вентцу за предоставление учёным английского перевода «Жэцун-Кахбум»^[113], подготовленного последним ламой Казн Дава-Самдупом. «Жэцун-Кахбум» — это биографический рассказ о жизни и духовных свершениях великого гуру Кагьюдпа (*Линии четырёх передач*), Миларепы. Жэцун Миларепа был самым знаменитым из тибетских апостолов школы Махамудры, которая добралась до Тибета из Индии через Непал и Китай примерно за сто лет до пришествия Падмасамбхавы. Миларепа был четвёртым из человеческих гуру, происходящих от божественного Гуру, небесного будды Ваджрадхары, «Держателя Духовной Молнии».

В наши задачи не входит подробное рассмотрение эпизодов из жизни Миларепы. Желающим получить эту информацию рекомендуем обратиться к произведениям доктора Уолтера Эванс-Вентца и доктора Лоуренса Уодделла.

Великий йог родился в 1052 году «под благоприятной звездой» близ границы между Тибетом и Непалом. Начало жизни мудреца было омрачено многочисленными несчастьями. Его отец умер, когда ему было около семи лет, а дядя со стороны отца незаконно завладел большим наследством, предназначенным Миларепе, его матери и сестре.

Воодушевляемый ненавистью матери к её обидчикам, Миларепа на некоторое время целиком отдался чёрной магии и колдовству, направленных против жестоких и бесчестных собственных родственников. Впоследствии, однако, он отказался от привлечения всех злых сил, раскаялся в использовании чёрной магии и присоединился к святому учителю, гуру Марпе^[114], известному как «Переводчик».

Марпа, путешествуя по Индии, собирал редкие рукописи по тантрической йоге, которые он переводил на тибетский язык. Под мудрым и мягким руководством Марпы после некоторого умственного сопротивления Миларепа всецело посвятил себя святой дхарме — пути освобождения — и достиг нирваны. Он вошёл в свою последнюю самадхи и ушёл из этого мира на сорок восьмом году жизни, достигнув возраста Владыки Будды. Как утверждают, непосредственной причиной смерти был съеденный им отравленный творог. Миларепа оставил после себя большое количество гимнов и священных поэм, многократно изданных на тибетском языке.

Миларепа.

Миларепа удовлетворяет всем требованиям восточного адептства. Его рождение сопровождалось чрезвычайными обстоятельствами. Он упражнялся в дисциплинах тантрической йоги, приобретя множество оккультных способностей. Он прошёл посвящение у гуру Марпы с соблюдением эзотерических обрядов и заслужил себе место в апостолическом ряду Каргьюпты. Он добился внутреннего созерцания вечной истины, проповедовал, творил чудеса и собрал вокруг себя учеников. Он достиг освобождения, и его смерть сопровождалась доказательствами его божественного статуса. Во время кремации тела в дыму и пламени погребального костра появились небесные создания, и его останки приобрели чудотворные свойства.

История, рассказанная о Миларепе Саратом Чандрадасом^[115], и, вероятно, взятая им из «Лубум» — собрания тибетских религиозных трактатов, свидетельствует о приписываемых Миларепе сверхъестественных силах.

Однажды, когда мудрец направлялся в Лхасу в сопровождении самодовольного ученика, Миларепа решил сделать ему соответствующее внушение. Он приказал своему воспитаннику по имени Рачунг-па принести ему пару старых рогов яка, валявшихся на земле у дороги. Рачунг-па не подчинился, потому что не усмотрел никакой пользы в собирании рогов, и решил, что его Мастер впал в старческое слабоумие и переполнен детскими капризами. Миларепа сам подобрал рога, заявив, что они рано или поздно

пригодятся. Вскоре после этого путешественников застигла сильнейшая буря с градом, и им негде было укрыться от неё. Рачунг-па прикрыл голову краем одежды и сидел на земле, дрожа под жестокими ударами градин, пока буря не улеглась. Тогда он принялся искать своего ламу, но того нигде не было видно. Вскоре он услышал голос и, опустив глаза, увидел Миларепу, удобно сидящего в одном из рогов яка. «Если сын не уступает отцу, — сказал святой, — то пусть усядется в другом роге». Рачунг-па был основательно посрамлен, ибо рог был слишком мал, чтобы послужить ему даже в качестве шапки.

Эпическая поэма о Гэсэр-хане

Хотя тибетская литература и является преимущественно религиозной, но в ней есть несколько циклов героических мифов, которые весьма обстоятельно раскрывают культурную традицию народов алтайско-гималайской зоны. Эти полуисторические саги имеют большое значение не только как письменные свидетельства старых времён, но и как завуалированные описания эзотерических институтов, систем и ритуалов Северной Азии.

У жителей Тибета нет категории литературных произведений, аналогичной западной беллетристике; они на самом деле не признают идею рассказов, написанных просто для развлечения. Они относятся к западному роману как к чему-то надуманному: «Если это неправда, то и читать незачем».

В большинстве случаев тибетцы просто отказываются расплачиваться за западный прогресс. Они воспримут извне только те предметы потребления и удобства, которые можно приспособить, никоим образом не нарушив и не изменив традиционного образа жизни. Так они сочетают самые абстрактные метафизические доктрины с весьма материалистическим реализмом, но этот самый реализм легко и естественно переходит в сложную и запутанную фантазию.

Для тибетского ума Гэсэр из Линга — одновременно человек и персонификация. Нет никаких сомнений в том, что он действительно жил около тысячи двухсот лет назад, что он всё ещё живёт в райской стране и что снова явится, чтобы очистить Лхасу от морального разложения и продажности вконец испорченного жречества.

Неясно, где был создан цикл о Гэсэре — в Тибете или в Монголии. Барды обоих народов претендуют на него как на свою собственность. Сами же поэмы, кажется, говорят в пользу тибетцев, и попытки интерпретации вымышленной географии повествований подтверждают, по крайней мере частично, этот вывод. Такие великие эпосы как «Илиада», «Рамаана», «Сага о Сигурде»^[116] и «Гэсэр-хан» удивительно схожи по построению и последовательности развития сюжета и наводят на мысль о том, что сходство отнюдь не случайно. Некоторые высказывали предположение о том, что в цикле о Гэсэре можно обнаружить влияние древней Греции или Рима. Даже имя героя напоминает латинский титул цезаря.

Известно, что существуют две различные формы легенд о Гэсэр-хане:

тибетская и монгольская. Несмотря на то что основная сюжетная линия почти одна и та же, хватает и различий, главным образом психологических, свидетельствующих о том, что в основе каждого варианта лежит старинная традиция. К сожалению, весь цикл ещё не переведён на английский язык, и задача сбора материала из национальных источников сопряжена с почти непреодолимыми трудностями. Сомнительно, чтобы весь эпос принадлежал какому-нибудь одному тибетскому или монгольскому барду. Декламацию поэм о Гэсэре можно точнее всего охарактеризовать как бесконечную. Для пересказа одного коротенького эпизода может потребоваться несколько недель. Это объясняется в высшей степени традиционной манерой искусно включать мельчайший фрагмент сюжета в сложную структуру мистических, религиозных, философских и символических размышлений.

Госпожа Александра Дэвид-Нил при содействии ламы Йонгдена предоставила нам великолепное краткое изложение тибетской версии под названием «Сверхчеловеческое бытие Гэсэра из Линга». Готовя свой сборник легенд, она воспользовалась редкими рукописями и неделями слушала туземных поэтов. Насколько ей удалось узнать, никакого печатного варианта тибетской поэмы о легендарных событиях с участием Гэсэра не существует. Она отмечает, что расспросы образованных тибетцев, включая нынешнего царя Линга, не выявили никаких признаков того или указаний на то, что это произведение существует в напечатанном виде. Сэр Чарлз Белл, много лет бывший британским политическим представителем в Тибете, после тщательных расспросов в Лхасе утверждал со всей определённой уверенностью, что легенду о Гэсэр-хане никогда не печатали и что даже рукописи чрезвычайно редки.

Печатный вариант монгольской легенды о Гэсэре появился в Пекине в 1716 году во времена правления и по повелению императора Канси. В 1836 году один из членов Императорской академии наук в Санкт-Петербурге, Исаак Якоб Шмидт, был уполномочен подготовить новое издание более раннего текста на монгольском языке, а спустя три года вышел в свет немецкий перевод под заглавием «Die Thaten Bogoda Gesar Chan's». Анализируя текст, профессор Шмидт также полагал, что эта легенда была тибетского происхождения. В основу английского текста, опубликованного Идой Цейтлин в 1927 году под названием «Gessar Khan», был положен монгольский вариант героического сказания. В этой работе воздаётся должное и так называемому «Малому Гэсэру», переведённому с калмыцкого оригинала и изданному в Риге в 1804 году.

Хотя и принято считать Гэсэр-хана мифологическим героем, всё же

представляется правдоподобным, что он жил и действовал в VII или VIII веке христианской эры, вероятно, в то самое время, когда Тибет попытался добиться признания в качестве мировой державы. Народы этой ныне уединённой и слабой страны завоевали значительную часть Китая и даже послали экспедицию в Персию. Для наших целей историчность повествования не имеет существенного значения; нас занимает главным образом его место в литературе по традиции Адептов. Как и «Артуров цикл» и легенды о Карле Великом и Роланде, эпическая поэма о Гэсэре представляет собой слегка завуалированный рассказ о посвящённом царь-жреце. Он — воин-адепт, который должен покорить мир и поставить его под знамёна Шамбалы.

Как чародей Мерлин сыграл важнейшую роль в пришествии короля Артура и был его духовным наставником, так и в легенде о Гэсэре один из величайших азиатских адептов, гуру Ринпоче Угьен Пема Джунгнес, является руководителем и духовным советником. Этот Драгоценный Духовный Мастер уже знаком нам под своим санскритским именем Падмасамбхава. В нескольких частях легенды о Гэсэре царь-герой является лишь как тулпа (tulpa), то есть ментальный фантом, созданный «волей и йогой». В других местах Гэсэр приобретает атрибуты тулку (tulku). В тибетском трансцендентализме тулку — это эманация, или аватара, божества. Эта эманация может облекаться в плоть и рождаться, но сама духовная сущность пребывает отдельно от своей облёкшейся в материальную форму личности.

Нет необходимости далее продолжать рассуждения, чтобы метафизическое значение этой легенды стало очевидным. Как в тибетском, так и в монгольском вариантах Гэсэр являет собой олицетворение, проекцию или фантом одного из бодхисаттв, просветлённых Владык Сострадания, которые принимают на себя функции иллюзорной материи ради спасения человечества.

Оказывается, в тот период, когда создавалась сага о Гэсэре, Падмасамбхава уже уехал из Тибета и поселился на медно-красной горе Ланка (Цейлон). Он общался с героем-царём Линга посредством магической проекции, являясь ему в видениях и снах. Из этого обстоятельства можно сделать вывод, что Падмасамбхава был включён в легенду после VIII столетия. Ниоткуда не следует, что эпопея о Гэсэре из Линга относится к буддийскому периоду в Тибете. Предания могут быть гораздо старше и, возможно, принадлежат к псевдоисторическим фантазиям бон-по, местным религиозным таинствам этой Запретной земли.

Нет необходимости выяснять здесь различные подробности легенды о

Гэсэре. Достаточно указать, что и в монгольской и в тибетской версиях герой вырисовывается как защитник веры, покровитель слабых и мститель за обиженных. Он — трансгималайский Лоэнгрин, блестящий персонаж, личным символом которого была стрела. Как рыцарь Лебеда был посланцем мистического братства Монсальват и служителем священного Грааля, так и Гэсэр-хан выступает в роли эmissара тайного братства мистерий Калачакра^[117], прославленного в Чанг Шамбале. Подобно египетскому Гору, он является истребителем зла и в воображении почитающих его наций обладает многими из атрибутов Майтрейи Будды — грядущего Мессии.

Гэсэр-хан вступит в Лхасу во главе своих армий и очистит ламаистские доктрины и храмы. Он прогонит менял из святилищ и восстановит Блистательную Доктрину. Одновременно он изгонит чужеземцев из страны, и под его правлением Тибет победоносно возвысится и добьётся превосходства среди народов мира. Те, кто сражались с ним в былые времена, его доблестные генералы и преданные сторонники, ждут в Раю, чтобы снова родиться вместе с ним. Его возвращение обещано древними оракулами, пророчествами и предзнаменованиями; и сегодня по всей Северной Азии крепнет вера в то, что его пришествие близко.

Подобно большинству героев различных культур, Гэсэр-хан одерживал победы над своими противниками, многие из которых были демонами в различных обликах, при помощи магических сил, ассоциирующихся с эзотерическими ритуалами школ тантры и калачакры. Герой был непорочно зачат вследствие того, что его мать выпила святой воды из чаши жёлтого жадеита, украшенной восемью подходящими эмблемами буддизма. Благовещение сопровождалось чудесными знаменами и явлением представительного собрания божеств. Гэсэр родился с тремя глазами, но из-за того, что один из них — в центре лба — вызывал чрезвычайное изумление и толки, его мать закрыла его нажатием большого пальца. Однако осталась крошечная, похожая на веко, отметинка, по которой героя могли узнать те, кто умел внимательно смотреть.

Как обычно в таких историях, злобный и завистливый принц пытался убить младенца из страха, что божественный ребёнок когда-нибудь узурпирует его царство. Но, кроме того, в Гэсэре заключено и некоторое противоречие, почти всегда присутствующее в герое какой-либо культуры. Несмотря на своё божественное происхождение, на то, что ему суждено было исполнить миссию мирового масштаба, и то, что он был наделён замечательным магическим даром, он пережил множество несчастий,

предотвратить которые не мог и полагался лишь на мудрость гуру-колдуна Падмасамбхавы, в самых критических ситуациях следуя его указаниям. Как и у Зигфрида из «Дома Нибелунгов», его неверная жена забыла о нём на короткое время, и кое-какие из его дел прошли благополучно.

Народный герой всегда уязвим, но в конечном счёте побеждает, и Гэсэр не является исключением из общего правила. Он одолевает великанов, деспотов и сверхъестественных чудовищ, но его особый дар вызывать к жизни призраки, чтобы те исполняли его приказы, обнаруживает явно азиатский образец колдовских ритуалов. В камском варианте легенды Гэсэр умер не от руки смертного, а, исполнив своё предназначение, воспользовался высшими секретами калачакры, чтобы осуществить мгновенное растворение собственного тела. Во время медитации он и четверо его сподвижников, судьбы которых были связаны с его судьбой, произнесли тайные слова власти и исчезли, оставив после себя только мантии в кругах сияющего света.

Само собой разумеется, что Гэсэр-хан является типичным образцом царя-адепта. Его история — это «история власти»; даже рассказать её вслух значит вызвать призрак самого Гэсэра. Как Пифагор во время лечения декламировал больным строки из «Илиады», так и песни из эпической поэмы о Гэсэре превращаются в защитные стены. Путники, пробирающиеся через наводнённые разбойниками места, читают нараспев стихи, уверенные, что никакие враги не потревожат их, пока они поют о герое мира. В этот тибетский эпос включено множество глубочайших секретов азиатского эзотеризма. Прискорбно, что госпожа Дэвид-Нил не сочла целесообразным включить в свой перевод философские аспекты легенды, но, как она указала, это произведение в законченном виде было бы таким длинным и сложным, что обескуражило бы даже самого восторженного редактора.

Хотя было бы несправедливо утверждать, что в истории Гэсэр-хана заключён ключ к разгадке тайны Шамбалы, всё же не вызывает сомнения, что между двумя направлениями традиции существует внутренняя связь. Покойный Николай Рерих указывал, что легендарная личность Гэсэр-хана стоит в одном ряду с личностью Кулика Манджушри Кирти, адепта-правителя Чанг Шамбалы. Профессор Рерих пишет: «В Тибете нам представился случай убедиться в правдивости этой легенды. Нам рассказали о дворце Гэсэр-хана в Каме, где собраны мечи его воинства, служащие балками для его дворца... Гэсэр-хан вооружен стрелами грома, а предназначенная для этого армия готова вот-вот выступить из священной земли ради спасения человечества»^[118].

Чанг Шамбала, Священный Город

Никакое исследование эзотерической Иерархии не было бы завершённым без обсуждения той таинственной Страны Покоя, случайные упоминания о которой встречаются в книгах, описывающих Тибет.

Мы не можем полностью присоединиться к энтузиазму Николая Рериха, который ссылается на Чанг Шамбалу в своих книгах «Сердце Азии» и «Шамбала», как если бы название этого царства Адептов было на устах у всех лам и шаманов от Туркестана до Пекина.

Менее эмоциональные учёные высказываются в поддержку вывода о том, что Шамбала упоминается только в относительно редких случаях и вызывает некоторые затруднения даже у тибетского ума. Безусловно, её высоко чтут, как и тайные и священные места, упоминаемые в других восточных священных писаниях и комментариях.

Вполне возможно, что профессор Рерих сталкивался с учёными монахами, которые имели представление об эзотерической империи, но не менее вероятно и то, что он общался с другими, менее знающими ламами и мирянами, чьё воображение значительно превышало их эрудицию. Да простится нам также и предположение о том, что Чанг Шамбала оказалась очень полезной в политическом колдовстве, которым заслуженно славится тибетская дипломатия.

В стране, где господствует вера в чудесное и распространены предсказания, касающиеся грядущих воплощений небесных бодхисаттв, легенды создаются и разлетаются легко и быстро и приводят к заключениям, производящим глубокое впечатление на несведущих, особенно на тех жителей Запада, для которых Тибет является синонимом эзотеризма.

Мы не собираемся дискредитировать тайны Чанг Шамбалы, нам просто хотелось бы отметить, что большинство лам Лхасы так же мало знают о царстве Адептов и слабо представляют его себе, как и заморские белокожие скептики. В головы непосвящённых естественно приходит вопрос: является ли Шамбала реальной страной, расположенной в наши дни к северу от Тибета, или это место существовало в далёком прошлом и сохранилось только в виде легенды? Согласно Эмилю Шлагинтвайту, мистическая система йогических дисциплин, называемая *калачакрой* (санскр., «колесо времени»), по сообщениям, возникла в вымышленной стране Шамбале (Тибет, Деджунг), источнике и колыбели всяческого

счастья.

Более ста лет тому назад таинственный европейский учёный Ксомаде Кёрёши пытался вычислить местонахождение земной Шамбалы. Он считал, что эта страна лежит за Сырдарьёй (Яксартом) между 45° и 50° северной широты. В различных своих работах Ксома подчёркивал, что, согласно северным мистическим верованиям, следующее духовное откровение, которое должно прийти на смену современному буддизму, ожидается из Шамбалы. Николай Рерих кратко передаёт этот рассказ в своей книге «Алтай — Гималаи». Несмотря на то что Ксома де Кёрёши был безусловно убеждён в этом, у нас не слишком много доказательств из тибетских источников, говорящих в пользу многих из таких заключений.

Ринчен Лахмо в книге «Мы, тибетцы» предлагает краткое изложение традиции с точки зрения тибетского интеллектуала: «Чуждые религии будут постепенно побеждать буддизм, пока Шамбала, великое государство к северу от Тибета, не возьмётся за оружие и не восстановит Веру во всём мире. Это было открыто Опаме, медитировавшему во время своего второго воплощения, то есть около двух столетий назад. Насколько я понимаю из слов моих тибетских друзей, ниоткуда не следует, что неизвестная нашей географии Шамбала обязательно существует в виде некоего места в материальном мире, хоть она и опоясана стенами из чистой меди. Вот из таких мистических царств, недоступных пониманию обычного ума, но легко принимаемых на веру тибетским мистицизмом или нашим современным спиритуализмом, возможно, и являлись ангелы Монса^[119]».

Японский буддийский монах Экай Кавагути, проживший в Тибете около трёх лет и составивший захватывающий отчёт о своих приключениях, собрал некоторые мнения относительно Шамбалы. Преподобный Кавагути считал, что лама «жёлтой секты» придумал или переработал легенду о мифической Стране Севера. Тот же самый лама «поместил» Чанг Шамбалу в районе Кашмира и проповедовал о том, что в этих краях появится могущественный принц, который завоюет мир и обратит его в буддизм. Поговаривали также и о том, что сибирский лама Дорджиев с виртуозным мастерством воспользовался этим предсказанием как средством усиления российского влияния в Тибете. Он объявил, что Россия и является той самой Чанг Шамбалой из старинных пророчеств^[120].

Средний житель Запада не слишком сведущ в трансгималайской географии, но Кашмир находится к югу от Тибета, а Чанг Шамбала, как утверждают со всей определённойостью, лежит к северу от него, и слово *чанг* означает «север». Попытки переместить царство Адептов в какое-нибудь

глухое место в необъятных просторах Сибири успеха практически не имели. Несмотря на существование веры в то, что Гэсэр-хан, герой тибетской культуры, заново родится в Чанг Шамбале, было бы ошибкой считать, что упоминания о Шамбале составляют неотъемлемую часть эпической поэмы о Гэсэре. Многие указывают на более позднюю ассоциацию, возникшую в воображении народных масс^[121].

Хотя принято считать, что предание о Шамбале создано в Индии и представляет собой алтайско-гималайскую разновидность таинственной индусской Кайласы, эти предположения не строятся с полной достоверностью, как и не приводят ни к каким несомненным фактам. Равновероятно, что Чанг Шамбала была унаследована от бон-по наряду со многими другими тщательно выстроенными спекуляциями и доктринами. Возможно, этот Северный Рай был переделан, или преобразован, из материала, принадлежавшего примитивной вере диких горных племён.

Внешнюю сторону ортодоксального ламаизма возмущали различные религиозные движения почти так же, как ереси и секты усложняют разногласия западной теологии. Мы не вправе порицать азиата за мечты об утопии в переводе на язык его потребностей, в то время как сами, измученные собственными проблемами, черпаем утешение и вдохновение в грёзах о Шангрила^[122].

Сэр Томас Мор едва закончил свою «Утопию», а серьёзные люди уже обсуждали целесообразность снаряжения экспедиции на поиски призрачного государства лорда-канцлера. Пребывающие в состоянии сосредоточения ламы, размышляющие о тайнах своей веры, легко могли бы поверить, что перенеслись в некую эфирную сферу, где боги по-прежнему прогуливаются с людьми. Мы можем стать весьма педантичными в своих мистических спекуляциях, а многочисленные рассказы о Шамбале, передаваемые как фантастические, на самом деле остаются всего лишь тонкими субстанциями мечты. Шамбала эзотерической традиции столь же мало известна ламам, сколь и учёным Европы и Америки. Мы имеем дело с трудным случаем, подразумевающим внефизические измерения, как философские, так и географические.

Госпожа Блаватская настойчиво утверждает, что Западный Рай, или Западные Небеса, Амиабхи совсем не вымышленное место, находящееся в трансцендентальном пространстве; это реальная местность в горах Азии, точнее, место, окружённое пустыней в горах. Это резиденция тех Мастеров эзотерической мудрости, которые достигли уровня лоханов и *анагаминов* (адептов). Она называется западной просто из географических

соображений; и «великое кольцо Железных Гор», которое окружает *авичи* (ад), и семь *лок* (обитателей), опоясывающих Западный Рай, являются очень точными изображениями местностей и объектов, хорошо известных восточному человеку, изучающему оккультизм^[123].

Здесь, как и в различных текстах, Западный Рай и Северная Страна Покоя оказываются тождественными по смыслу. В «Китайском буддизме» преподобного Джозефа Эдкинса, цитирующего в свою очередь китайского автора Сянь Цзяня (San-Kian-yi-su), читаем следующее:

«Бодхидхарма принёс из Западного Царства Небесного (Шамбалы) "Печать Истины" (истинное доказательство) и открыл источник размышлений на Востоке. Он прямо указал на сердце и природу Будды, покончил с паразитическим и чуждым развитием на основе книжных представлений и основал таким образом Цзун-мэн, или эзотерическую ветвь системы, содержащую традицию сердца Будды».

Ходят упорные слухи, что Бодхидхарма, прославленный патриарх дзэн, достиг Шамбалы, но здесь эта страна адептов прямо отождествляется с Западным Раем школ махаяны.

Некоторые из современных писателей, упоминавших Шамбалу, не скрывают своего чувства благодарности книгам Николая Рериха. Несколько лет назад таши-лама, духовный глава тибетской теократии, бежал из Ташилхунпо и нашёл убежище в Китае. Его отъезд был вызван политическими волнениями в стране. «Согласно пророчеству, — утверждает Констанс Бридж, — это знак приближения эры Шамбалы. Для мистиков Центральной Азии таши-ламы священны и неприкосновенны. Они — великие представители Калачакры, йоги использования высших энергий. Существует убеждение, что таши-лама во время своего таинственного бегства посетил землю Шамбалы, в которую имеет доступ. Непосвящённым не может быть известно её точное местонахождение, но в трудах мистиков многих стран её координаты указываются символически»^[124].

Тот же автор высказала в общих чертах предположение о том, что в восточных письменных источниках содержится намёк на нахождение Шамбалы в районе Каракорума. Эти горы лежат к северу от Индии и к югу от озера Балхаш. Между этой областью и озером Байкал расположена Танну Тува, советская автономная республика. Рассматриваемая зона имеет колоссальные размеры, простираясь примерно от 70° до 110° восточной долготы и от 30° до 60° северной широты. Большая часть этого региона почти не исследована.

Хотя блистающая цитадель Шамбалы, возможно, и стоит на самом дальнем пике севера, истинный смысл священного города или философского государства, которым правит Кулика Манджушри Кирти (Ригден Джапо), адепт-повелитель Колеса Времени, заключается в том, что на самом деле это духовное «надгосударство», а Чанг Шамбала — прекрасная столица невидимого правительства Земли. Это невидимая страна, населённая расой героев, которые поднялись над повседневными делами смертных и отправились в путешествие по Красной Дороге Севера.

Тибетцы верят, что северное сияние излучается с бастаионов Шамбалы. Этим они хотят дать понять, что Страну Блаженных поймут те, кому известен истинный смысл полярного сияния и магнитных токов нашей планеты. Мастера тантрической школы йоги разбираются в том, какие нервы человеческого тела являются путями севера. Овладев эзотерическими доктринами калачакры, они знают, что Атман есть Совершенный Адепт. Именно Вечное «Я» правит сновидением о времени и пространстве со сверкающей башни Чанг Шамбалы.

Путь к трону Ригден Джапо, Адепта Шамбалы и будущего Царя Мира, проходит внутрь и вверх вдоль узкого проводящего пути внутреннего дыхания. Только мистик, знакомый с древней мудростью, может полностью постичь Шамбалу разума, открываемую путём внутреннего переживания сознания.

Мир связан планом и целью, недоступными суждению среднего человека. Адепты, посвящённые и ученики тайных школ, даже находящиеся в разных местах, — все составляют часть империи мудрецов, являющихся слугами Генералиссимуса Мира. Этот Генералиссимус, названный так примерно триста лет назад писателем-розенкрейцером Джоном Хейдоном, является иерофантом обрядов Шамбалы. Его долг — связывать воедино империю святых и мудрецов и готовить тот день, когда правитель Философской Империи станет царём всего мира.

Возможно, его пришествие не за горами, ибо говорят, что на знамёнах Шамбалы царь изображён спустившим одну ногу с трона-лотоса и твёрдо ступившим ею на высокую землю Химават. Всадники Шамбалы скачут по воздуху, неся послания Царя Царей. Внизу на широких равнинах армии света и тьмы сражаются за верховную власть. Доведённые до отчаяния люди устремляют свои взоры на холмы, откуда придёт к ним помощь. Человечество ждёт исполнения обещания Царя Царей. Милосердный, всеосстрадательный Майтрейя пристально смотрит вниз со своего позолоченного трона. Внезапно в воздухе проносится стрела, инкрустированная бирюзой и украшенная перьями небесных птиц. Эта

стрела — знак Гэсэр-хану, северному царю-воителю. Крылатые кони несут мольбы к престолу Ригдена Джапо. Знамёна Шамбалы развёрнуты. Огромные барабаны грохочут во всех семи цитаделях Азии.

Всё это символизм, миф и легенда, старинные предсказания и новые пророчества, но в каждой сказке есть доля правды. Адепты, посвящённые и эзотерические школы охраняют Колесо Времени. Колесо поворачивается; люди слушают Доктрину, и в день «Будь С Нами» великая школа вернётся в мир, восстановив преемственность священников-философов-царей, которые по праву помазанников божьих и по воле божьей являются естественными правителями человечества.

Книга третья: МУДРЕЦЫ КИТАЯ

Введение

Обширная территория Китая, его громадное население и долгая история культуры, соединившись, создали богатую и изменчивую традицию. Срединное Царство было миром для самого себя, и, хотя на него оказывали влияние иностранные идеи и доктрины, эта интересная и романтическая страна породила искусства и науки, религии и философии, профессии и ремёсла, присущие только ей одной. Китай впитал расовые и культурные системы и, как упорный алхимик, превратил всё, что было не китайским, в то, что останется китайским навечно. Поэтому было бы разумным допустить, что Великий Китай не испытывал недостатка в тех отраслях знаний, с помощью которых другие нации и народы развили свои познания относительно внутренней жизни человека. Мы знаем, что так называемые эзотерические^[208] искусства и науки были известны в Китае с древнейших времён. У этого народа были каббалистика^[209], астрология, нумерология, алхимия, френология^[210], спиритизм и демонология. Их древние писания полны советов и намёков, касающихся тайных упражнений души и тела, предназначенных для развития вневещного восприятия и духовного потенциала человека.

Было бы просто невероятно, если бы в этой стране не возникло то, что мы называем *традицией Адептов*, или она хоть сколько-нибудь расходилась по существу с аналогичными учениями, обнаруживаемыми в других уголках цивилизованного мира.

К сожалению, китайский язык был той преградой, преодолеть которую могли очень немногие западные учёные. Такие учёные по большей части не воспринимали мистические обертоны китайской мысли и игнорировали труды и памятники, относящиеся к предмету нашего исследования. Несмотря на это прискорбное обстоятельство, имеется достаточно данных, подтверждающих главное предположение о том, что китайцы действительно верили в реальность неких высших человеческих существ, усовершенствовавших человеческую природу благодаря знанию божественных искусств. Эти существа были способны общаться с созданиями небесных сфер. Они могли возвещать грядущие события, лечить больных, исцелять прокажённых и даже воскрешать мёртвых. Во всяком случае, они претендовали на причастность к тайной части знаний, доступной только тем, кто прошёл обучение у компетентных учителей и стал учеником мастеров или мудрецов, удалившихся от мира и

отказавшихся от собственности и честолюбия. Следовательно, мудрецы Китая по существу тождественны праведникам Индии, и их наставления соответствовали принципам и практике индийских гуру^[211] и других почитаемых аскетов.

В Китае, как и в других регионах, сложная символическая структура раскрывалась постепенно. Жизнеописания мудрецов были окутаны аллегориями и легендами, которые ясно указывали знатокам на наличие тайного учения, точно передаваемого из поколения в поколение. Как и у других наций, здесь существовало множество уровней и градаций учёных, учителей и философов, так что знания в Китае были в высшей степени разносторонними.

Мистические искусства привлекали лишь людей определённого класса или типа, а главных представителей китайской эзотерической традиции считали существами, отличными от обычных смертных. То же самое можно сказать и о Египте, Греции и Персии.

Одним из наиболее убедительных доказательств существования традиции Адептов в Китае является раннее возникновение тайных религиозных и философских обществ, напоминавших Элевсинию^[212] в Греции и ритуалы, связанные с культом Озириса^[213] в Египте. Эти китайские братства приняли основную символику даосизма, конфуцианства и буддизма и выткали из него роскошный гобелен обрядовых процедур.

Кандидаты проходили посвящение, принимая на себя обязательства и получая наставления образом, принятым в школах мистерий классической древности. Китайский посвящённый, как и его западный собрат, отдавал все силы совершенствованию не только своего внутреннего мира, но и внутреннего мира своего ближнего, а также реформированию общества и восстановлению Золотого Века.

Китайские адепты увековечены в летописях народа под названиями духов, «сказочного народца» и других мифических существ. В Китае нет недостатка в пьесах-мистериях, духовных постановках, метафизических драмах и магических зрелищах. Проникшие в сферу китайской мысли иностранные веяния — буддийские, христианские, мусульманские, персидские и еврейские — были приняты без серьёзной борьбы или несогласия. Основному источнику знания ничто не угрожало и ничто его не возмущало, а сложная мифология Китая продолжала маскировать древние науки. Близкое знакомство с китайскими памятниками литературы и искусства полностью подтверждает основную посылку. Этот народ

действительно знал таинственную науку наук, в совершенстве владея которой человек может преступить собственную смерть и занять место среди бессмертных.

У тайных обществ средневековой Европы, особенно у возникших после протестантской Реформации, были твёрдые социальные и политические программы. То же самое относится и к Китаю. Уже во времена Конфуция мудрецы представляли себе совершенную человеческую цивилизацию, философское государство. Они верили в то, что иерархия просвещённых человеческих существ, выступавших в качестве посредников между богами и обыкновенными смертными, непрерывно трудилась — с божественного разрешения и одобрения, чтобы добиться полного обновления общества.

Философские школы являли собой микрокосмы, или миниатюры, демонстрирующие достижимость блаженного состояния, которым в конце концов непременно будут наслаждаться все люди. Следовательно, китайские мудрецы принадлежат к ордену строителей, ибо они тоже возводили свой вечный дом не под аккомпанемент голосов рабочих и стук молотков.

Мы попытались указать на некоторые наиболее очевидные ориентиры этого китайского франкмасонства, этой ассоциации мудрецов, сходящихся на тайный совет и бывших некоронованными правителями философской империи. Мы искренне надеемся, что исходное предположение, высказанное нами в этом предисловии, будет достаточно подкреплено изложенным далее материалом.

Мэнли Палмер Холл

Лос-Анджелес, Калифорния. 1957 г.

Мудрецы Китая

У китайцев, как и у других высокоцивилизованных народов древности, существовала сложная и чрезвычайно многообразная религиозно-философская структура доктрин и идей. Их интеллектуалы были разделены на несколько строго определённых групп. Их моральные, этические и мистические убеждения покоились на великой триаде почитаемых наставников: Лао-цзы, Конфуция и Будды. Обычно они включаются в список учителей мира или величайших благодетелей человечества и почитаются далеко за пределами их наций и рас. Они были поистине божественными людьми, а их миссия и служение сопровождалось знаменьями и сверхъестественными явлениями. О каждом из них слагались замысловатые легенды и каждого считали основателем существенно важной религии или доктрины, с которой его имя оказывалось связанным навеки. Их поведение становилось примером для всех, кто стремился к самосовершенствованию. Их слова благоговейно хранили как откровения священного писания, а основанные ими ордена или секты расширялись, постепенно приобретая окраску и обертоны теологических [\[214\]](#) институтов. В течение веков признание этих учителей ширилось и крепло; и уважение народных масс возвело их в божественное или полубожественное достоинство.

Несмотря на то что все случайные высказывания, вероятно, весьма неадекватны, все же в общем можно сказать, что китайский философ или мудрец в самом традиционном смысле этих терминов следовал примеру Конфуция. Он был сдержанным человеком, целиком отдавшимся учению и глубоко заинтересованным в этическом улучшении общества. Питая, как и сам Конфуций, уважение к метафизическим рассуждениям, он всё же считал подобные абстракции выходящими за пределы логики и доказательств.

Эти мудрецы приобрели известность как основатели философских школ; с ними советовались свободомыслящие императоры и государственные деятели; им было доверено обучение молодёжи; они внесли неизмеримый вклад в искусства и науки своего времени. Их биографии во многом сравнимы с жизненными путями древнегреческих философов, таких, как Платон, Аристотель и Сократ. Часто их подозревали в том, что они владели более глубокими знаниями, чем считали необходимым обнаруживать, но они придавали особое значение тем

практическим знаниям, которые должны были способствовать общественному благу. Они читали проповеди о долге правителя, поощряли выработку демократических позиций, пропагандировали философские дисциплины, чтобы очистить и облагородить человеческий характер, и, вообще говоря, подавали хорошие советы, которые, как интуитивно понимали искренние люди, были верными и полезными.

И в буддизме и в даосизме были учёные того же толка, что и мудрецы, и их жизненный путь соответствовал жизненному пути учёных представителей конфуцианства. Но, кроме того, они создали совершенно разные ордена мистиков или трансценденталистов. И в буддизме и в даосизме теологические и метафизические рассуждения составляли неотъемлемую часть их доктрин. Таким образом, если у конфуцианства были его великие мудрецы, то у этих других групп имелись свои просвещённые святые, характерные черты и атрибуты которых были схожи с чертами и атрибутами святых христианских стран.

Китайские мудрецы

за беседой. *С керамики времён династии Цинь.*

В Китае буддийских святых называли лоханами, а даосские святые прямо именовались бессмертными. Буддийские лоханы, или архаты, были причисленными к лику святых людьми, являющимися либо личными

учениками Будды, либо первыми патриархами его доктрины. Однако эта группа постепенно увеличивалась в более поздние времена, включая влиятельных лидеров и обращённых, чья преданность учению Будды привела их к озарению и развитию трансцендентальных сил и способностей. Таким образом небольшой круг из шестнадцати или восемнадцати лоханов постепенно расширился, превратившись в более многочисленную группу, насчитывавшую пятьсот святых, и даже этот термин стал символизировать почти несметное количество просветлённых существ.

Неизвестно, была ли у Лао-цзы группа избранных близких единомышленников по даосизму. Он был одиноким человеком, который не ждал от других, чтобы они понимали его или преподаваемую им сложную доктрину. Однако с течением времени неясные намёки относительно удивительных и сверхъестественных явлений снискали благосклонное внимание, и в течение второго, или метафизического, периода развития его учений доктрине бессмертных стали придавать чрезвычайно большое значение. Эти мистики претендовали на получение наставлений от святых прошлого, которые удалились от мира и обитали в небесных краях. Они являлись любимым ученикам в снах и видениях и открывали секреты трансцендентальной магии. Под руководством какого-либо бессмертного преданным ученикам преподавались абстракции китайской каббалы, трансмутация металлов и тайны бессмертия. Так начиналось всенародное поклонение группе мифических созданий. Они обрастали легендами, и затейливые символические рассказы добросовестно сохранялись как часть даосской традиции.

Под изящной фантазией на тему китайских бессмертных смутно вырисовываются очертания строгой идейной структуры. Как и у западных святых, философский аспект разъясняется редко. И тем не менее эти бессмертные почти точно соответствуют сонмам греческих героев, таких, как Ахилл, Улисс и Эней^[215]. Те исторические факторы, которые, возможно, и существовали изначально, подчинились общей концепции, или идее, колыбелью которой, вероятно, была Индия. Высвободив божественные внутренние ресурсы, заключённые в его собственной природе, человеческое существо может переступить обычные ограничения, налагаемые человеческим состоянием, и подняться до середины пути между богами и смертными. Оно может стать заступником; к нему можно обращать молитвы; оно являет собой пример потенциальной силы и мудрости, скрытых в глубине души человека.

Многое из своего формального устройства даосизм позаимствовал у

буддистов, включая детально разработанную концепцию строения вселенной. Существовали небесные миры, где обитали высшие божества, существовали и низшие миры, населённые всевозможными тварями. Видимым был только мир смертных, остальные же сферы могли посещать только невоплощённые или освобождённые от телесной оболочки. В то же время в человеке были заключены силы, с помощью которых он мог перемещать собственное сознание, преодолевая все ограничения своей телесной формы, и во время медитации ему, возможно, выпадало счастье смешиваться с жителями какой-нибудь запредельной сферы.

Бессмертные не только составляли фантастическое племя, сотканное из основ и фантазий; они представляли собой проекцию представления человека о собственном потенциале. Человеческому существу всегда нравилось верить, что в нём скрыта способность к духовной и интеллектуальной свободе, к счастью и развитию до более совершенного состояния. Следовательно, бессмертные были проекцией самого человека. С этой точки зрения они не были полностью плодом воображения, потому что человек не считал свои мечты всего лишь иллюзиями. Учения даосизма и буддизма уверяли его в том, что он действительно является гражданином гораздо большей и прекрасной вселенной, чем представляет в своей повседневной борьбе за существование. Он не только верил, но и интуитивно знал, что есть существа, превосходящие его. Он знал, что они должны существовать, и был вполне готов признать, что они составляют ранги, или иерархии, богов и божков подобно престолом, владениям и чинам, о которых упоминает Св. Павел.

Любопытное сочетание высокого идеализма и чрезвычайно практического образа мыслей, характерное для китайского ума, естественно, привело к формализации концепции бессмертных. Эти создания не просто обладали почти беспредельными магическими силами, но и составляли компанию очень счастливых существ, не испытывавших ни голода, ни жажды, не знавших нищеты и боли, наслаждавшихся тесными дружескими отношениями и бывших бесконечно далёкими от жестокостей прогнивших политических систем. У них было собственное правительство, и поскольку они сочетали блаженное состояние с пронизательным умом, то могли, если их попросить надлежащим образом, способствовать улучшению человеческого поведения, как индивидуального так и коллективного. Мало-помалу характерные черты этих небожителей перемешались с чертами буддийских лоханов; они становились учителями тех, кто мог устанавливать с ними внутреннюю связь, и благожелательными слугами искавших истину смертных, которые

отвергали житейскую мудрость, посвящая себя эзотерической философии.

Столь сложная структура неизбежно расширялась и в конце концов поглотила любимых героев, учёных и лидеров культуры, которым отвели различные места в трансцендентальном мире китайской метафизики. Почти каждый почитаемый человек посмертно возводился в какое-нибудь достоинство, дававшее ему право на всенародное поклонение.

Естественно, это поклонение переходило в рамки религии и раздувало пантеон до невероятных размеров. Просвещённые императоры, победоносные генералы, выдающиеся поэты, известные учёные и прославленные предки получали свою долю всеобщего восхищения. Свои божества имелись даже у входных дверей, крепостных валов, стен, подвалов, садов, постоянных дворов, мостов и домашних очагов. В отличие от древнегреческих нимф, дриад и сатиров, большинство из них было не просто воображаемыми созданиями или элементами. Они восходили к живым людям, некогда чем-нибудь прославившимся или достигшим высокого положения и вспоминаемым с восхищением.

Таким образом, китайских иллюминатов можно разделить на три главных класса. Первый составляли добродушные учёные, общавшиеся друг с другом в какой-нибудь излюбленной бамбуковой роще, писавшие поэмы, обсуждавшие политику и спорившие о проблемах логики и разума. Были и странствующие монахи и священнослужители, которые в результате глубокого размышления над содержанием тайных книг и письменных свидетельств своих орденов обрели интуитивные способности и внутреннее видение и понимание, благодаря которым могли исследовать окружающую их невидимую вселенную. Следовательно, они обладали знанием, как правило, недоступным или недостижимым для профанов. Эти праведники более всего соответствуют западной концепции благочестия и были в должное время и вполне справедливо канонизированы. Третья группа — это великий «полиглот», в основе её воззрений лежит отчасти инстинктивное желание человека возвеличивать чудесное, отчасти фольклор и легенды, отчасти научно-религиозное убеждение в возможности качественного развития человеческого существа до тех пор, пока оно не выйдет за пределы постижимого и не превратится в создание уже не человеческое, но ещё и не вполне божественное. Оно, следовательно, становилось бессмертным. Смертным, жившим на границе, соединявшей видимое с невидимым. Всё было возможно для такого существа, и всё же оно не было изолировано от великого вселенского плана. Оно в большей или меньшей степени указывало путь, по которому должен следовать обычный человек, ибо в каждом человеческом существе

есть бессмертный Смертный, вечно старающийся вырваться из земных пределов и жить в более чистой атмосфере небесных сфер. Бессмертные не заменяли великих богов Китая, но жили, внутренне укрепленные плодом древа бессмертия, на склонах небесной горы.

Прежде чем продолжить разговор о даосских бессмертных, следует прерваться и обратить внимание на то, что типичный китайский учёный-философ сочетал весьма рациональные приёмы с большими интуитивными способностями к рефлексии^[216] и прозрению. Он был не только широко образованным, но и очень просвещённым человеком. Он чтит традицию, однако часто трактовал её мистически или символически. Он был идеалистическим реалистом, жившим по строгим моральным и этическим законам. В личной жизни он занимался упражнениями, приличествовавшими индусскому праведнику, но, когда говорил или писал, строго следил за логикой и давал слишком мало пищи для народных суеверий. Однако в глубине души мудрецу хватало мужества признать реальность сил и способностей, не объяснимых известными законами физики. Подобно Платону, он подтверждал существование богов и их управление человеческими делами, но также и допускал, что каждый человек несёт ответственность за свою судьбу и должен усердно заниматься исправлением и улучшением собственного характера. Таким образом, можно сказать, что в Китае в одно и то же время существовали искатели истины нескольких типов и, оставаясь при этом крайне индивидуалистическими, они имели много общего в своих взглядах.

Преподобный Обри Мур составил вступительную статью к переводу произведений Чжуан-цзы, подготовленному Гербертом А. Гейлзом. Упомянув о встрече императора Яо с отшельником, преподобный Мур говорит относительно мудрецов: «Однако более великим, чем Яо и отшельник, является божественное существо, которое обитает на таинственной горе в состоянии полного невозмутимого бездействия. Для мудреца жизнь, следовательно, означает смерть всего, что люди считают жизнью, жизнью *видимости* или репутации, *делания* или действия, *существа* или отдельной личности. Мудрец ничего не знает о разнице между субъективным и объективным... мудрец видит множество, исчезающее в Едином, в котором встречаются и сливаются субъективное и объективное, позитивное и негативное, здесь и там, где-то и нигде».

Чжуан-цзы жил в IV–III веках до н. э. Долгое время его причисляли к неортодоксальным мыслителям. Его произведения были направлены против того в конфуцианских учениях, что он считал материализмом. Его литературные произведения — главным образом аллегорического

характера — долго пользовались расположением интеллектуалов старшего поколения, потерпевших поражение или разочарование в общественной или личной жизни. По Чжуан-цзы, находившемуся под сильным влиянием даосизма, можно судить об отношениях учёных людей его времени к мудрецам. Как раз до наступления метафизического периода в даосизме школа всё ещё была философской по существу, а более поздние украшения не встретили поддержки. Несколько цитат из книг Чжуан-цзы свидетельствуют об уровне мышления, сравнимом с древнегреческим мировоззрением. Как считает этот эрудированный учёный:

Сказано: «Рождение мудреца есть воля божия; его смерть — всего лишь изменение существования. В покое он разделяет пассивность инь, в действии — энергию ян. Он не будет иметь никакого отношения ни к счастью, ни к несчастью».

Ещё одно утверждение тоже заслуживает упоминания: «Море не отвергает вод, впадающих в него в восточном направлении. Следовательно, оно безмерно велико. Истинный мудрец уместает вселенную в своём сердце. Его благотворное влияние приносит пользу всем по всей империи, невзирая на лица. Родившись без высокого положения, он умирает без титулов. Он не ставит себе в заслугу фактов». Обсуждение темы вновь представлено в виде диалога, и Чжуан-цзы пишет: «Руководство совершенного мудреца, — объяснял Цзи Чже, — заключается в воздействии на сердца людей с тем, чтобы побудить их завершить своё образование, улучшить манеры, усмирить непокорный разум и всем без исключения прилагать усилия ради общего блага. Это воздействие согласуется с естественной склонностью людей, которые поэтому не сознают этого воздействия»^[217].

После заката даосского трансцендентализма и его постепенного вырождения в теологическую секту началось решительное возрождение старинной китайской концепции мудреца как обладающего глубокими знаниями советника, мудрого философа и почитаемой личности, обогатившей свой внутренний мир путём переживания и рефлексии. На эту перемену указывает философия Ван Янмина (1473–1529). Он был монистическим^[218] идеалистом, утверждавшим, что в каждом индивидууме заключена способность к познанию, но он должен высвободить и совершенствовать эту способность путём углубления понимания и постоянного приложения философского принципа к повседневному поведению. Ван писал об истинных мудрецах: «Люди этого типа никогда не

перестают стремиться к знаниям. Быть мудрецом на практике значит быть человеком, который в радости от их обретения забывает связанные с этим горести. Люди этого типа никогда не тревожатся. Пожалуй, нет необходимости говорить, что это не зависит от того, преуспел он или нет в своих стремлениях».

Впоследствии он расширил это определение: «Мудреца можно сравнить с небом. Нет такого места, где бы не было неба... Хорошего человека, сохраняющего свою неприступную высоту, можно сравнить с очень высокой горной вершиной. Как бы то ни было, вершина в тысячу футов высотой не может вытянуться и стать высотой десять тысяч футов, а вершина десять тысяч футов высотой не может вытянуться и стать высотой сто тысяч футов. Хороший человек не выставляет себя напоказ и не превозносит себя». Это заявление напоминает приписываемый Мэн-цзы рассказ о человеке, который пытался заставить свою пшеницу расти быстрее, дёргая её каждый день.

В произведениях Вана разбросаны и другие довольно многочисленные упоминания о характере и достижениях истинно мудрого. Ниже приводятся наиболее типичные высказывания.

«Мудрец возвращается в исходное состояние интуитивного познания и таким образом тем более воздерживается от наложения собственных идей.

Созерцание (пустота) при интуитивном познании есть великая пустота неба, а отсутствие желания в интуиции есть отсутствие формы неба».

«Когда мудрец или добродетельный человек попадает в испорченный век, его обхождение с людьми и реакция на события порой уклончивы, но его образ действий всегда был только прямым».

«Всеведение мудреца имеет отношение только к естественному закону; его всемогущество связано исключительно с естественным законом. Ум мудреца пытлив и ясен, поэтому он во всех вещах осознает место естественного закона и полностью осуществляет его на практике».^[219]

Если резюмировать позицию китайцев по отношению к конфуцианским мудрецам, буддийским лоханам и даосским бессмертным, то становится достаточно очевидным, что эти три группы, каждая по-своему, подтверждали одну и ту же основную концепцию или исходное

положение. Все они считали, что существует два вида знания: первое — традиционное, а второе — эзотерическое, или мистическое. Далее, они учили тому, что второй вид превосходит первый, что он всегда существовал в мире и передавался через просвещённые ордена или иерархии достойных почитания учителей.

Эти учителя в свою очередь черпали вдохновение в тайных источниках. Следовательно, за внешней стороной учения для непосвящённых скрывались священные знания, которые открывались только в символической, или аллегорической, форме, причём эти знания составляли высшую науку или способ полного обновления человека. Судя по этим воззрениям, китайские мудрецы становятся восточными двойниками западных адептов, или знатоков науки наук. Полностью овладев этим знанием, человек может выйти за пределы земных ограничений и стать сознательным орудием исправления общества и реставрации Золотого Века.

Древние Мастера

Сильное влияние на культурную жизнь Китая оказывали три направления этической мысли. Первым был мистицизм Лао-цзы, вторым — этическое учение Конфуция, а третьим — идеалистический агностицизм^[220]. Эти системы смешивались, разделялись и снова смешивались, пока, наконец, не слились в триединство. Составные части уже невозможно полностью различить, но результатом этой тонкой алхимии является китайский образ жизни.

Религия и искусство всегда были тесно связаны. Различные школы китайской мысли в совершенстве отображены многими художниками, но лишь немногих из них помнят по именам, в то время как большинство живёт только в своих произведениях. Именно поэтому тот, кто первым создал восхитительную картину под названием «Дегустаторы уксуса», так навсегда и останется неизвестным. Однако эта идея столетиями увековечивалась многими талантливыми интерпретаторами.

На наиболее известном в наши дни рисунке изображены три важных старых господина, стоящих вокруг бочонка с уксусом. Двое из этих внушительных старцев изображены почтенными и с бородками в китайской манере, а у третьего вокруг головы нимб.

Дегустаторами уксуса являются Лао-цзы, Конфуций и Будда. Бочка — это жизнь. Каждый помещивал содержимое пальцем, а потом пробовал его на вкус. Каждый высказывает мнение о вкусе уксуса согласно главной концепции своей философии.

Будда, поднеся уксус к губам, объявил его горьким. Конфуций, проделав то же самое, важно заявил, что он кислый. А Лао-цзы, посмаковав его на языке и оценив напиток, категорически возвестил, что он сладкий. С этого момента интерпретация картины переходит в утончённую атмосферу высшей психологии.

Возможно, Будда находил существование чуть более горьким, чем оно было на самом деле, ибо китайский разум, жаждущий немедленного удовлетворения, склонен искать такой покой в видимых сферах. Называя уксус кислым, Конфуций констатировал факт. Он не вдавался в подробности и не морализировал относительно вкуса жизни. В убеждениях этого мудреца было мало сверхоптимизма и ещё меньше сверхпессимизма. Он почти ни на что не надеялся и, случалось, находил больше, чем ожидал. Тем более тонкое чувство юмора проявлял Лао-цзы. В даосизме

существовало убеждение, что алхимия сознания преобразует основную субстанцию мирской суетности. Поэтому Лао-цзы попробовал уксус и объявил его сладким. Кто-то сказал бы, что он сумасшедший, другие — что он лжец, а все прочие — что он утратил вкус. И все были бы неправы. Ибо лукавый старый учёный вполне сознавал мудрость своих убеждений.

Итак, среди исторических мудрецов Китая эти трое — Лао-цзы, Конфуций и Будда — составляют великую триаду. Думающий китаец не выбирает между ними. Он берёт от каждого сообразно с личной потребностью и обстоятельствами дела. Если одна вера — хорошо, то две — лучше, а три — просто замечательно. Так что разумно почитать трёх древних учителей, возвеличенных поклонением на протяжении веков, считающихся настоящими, пусть даже и не облечёнными царской властью суверенами, правящими империей реальности.

Лао-цзы

Всё, что связано с Лао-цзы, туманно и окутано тайной. Полагают, что он родился в 604 г. до н. э. и, следовательно, был современником Пифагора. Он происходил из простой семьи и, говорят, родился под персиковым деревом. О его рождении возвестили чудесные события, в особенности огромная комета, а схожая с ней косматая звезда предвестила его уход. С появлением в даосизме метафизических спекуляций^[221] этого непонятого мудреца наделили весьма пленительной индивидуальностью и стали верить, что он является смертным ученикам в снах и видениях, а также что он участвует в различных рискованных затеях, связанных с алхимией, и в деятельности Восьми Бессмертных.

В общем, картина складывается настолько запутанная, что некоторые осторожные писатели уже усомнились в историческом существовании Лао-цзы. Похоже, однако, есть все основания считать реальной личностью этого эксцентричного мудреца, который вёл себя так, что вскоре оказался окружённым легендами и мифами.

Профессор Р.К. Дуглас, например, цитируя некий ранний источник, делает ряд интересных замечаний по поводу различных названий мест, связанных с Лао-цзы. При переводе сложных китайских символических знаков оказывается, что Лао-цзы родился в деревушке, с названием «Удручённая доброта», в «Уезде жестокости» из «Округа горечи» и в «Государстве Страдания»^[222]. Странно, конечно, что из разных названий можно составить столь удачную и наводящую на размышления композицию, но некоторым кажется очевидным, что подобные сведения о рождении следует воспринимать как аллегорические. Это, однако, не неизбежный вывод, так как каждое из сложных сочетаний китайских иероглифов можно перевести по-разному.

На рис.: Лао-цзы, Будда и Конфуций — три великих учителя Китая со свитой.

Согласно одному даосскому преданию, появление Лао-цзы в конце правления династии Чжоу было его десятым воплощением. Возможно, идея

десятого воплощения имеет индусское происхождение и её следует связать с десятым воплощением Вишну, которое, как считали, произойдёт в будущем и ознаменует пришествие учителя мира, или аватары. В более позднем даосизме встречается совершенно иное описание предыдущих воплощений Лао-цзы. Примерно в 1230 г. от рождества Христова между буддистами и даосами возникли разногласия на почве ряда картин, изображавших восемьдесят одно воплощение Лао-цзы. На этих рисунках встречался и Будда как одно из олицетворений почтенного даосского адепта. Буддисты справедливо возмущались, но дело было в конце концов прекращено. Манихеи тоже попали в это курьёзное положение, когда дали понять, что основатель их секты Мани является воплощением Лао-цзы^[223].

По утверждению Э.А. Гордона, в надписи на Несторианском камне, христианском памятнике в Китае, датированном 781 годом, говорится о «всаднике на зелёной лошади, вознесшемся в Западный Рай, оставившем людей без нравственного руководства». Он считает это упоминанием о Лао-цзы^[224]. Воспроизведённая Кессоном версия этого памятника не содержит именно этого высказывания, но, как указывается со ссылкой на характер оригинала, он может существовать в нескольких вариантах. В 1909 г. профессор Пеллиот обнаружил в Чау-Чау книгу, озаглавленную «Сутры, объясняющие вознесение Лао-цзы в Западный Рай и его повторное воплощение в земле Ху». Гордон считает, что под этим подразумевается Персия и что из текста можно понять, что Лао-цзы перевоплотился в Иисуса Христа. Отмечалось, что несколько первых отцов церкви рассматривало доктрины Лао-цзы как примитивное христианское вероучение, относящееся к той чистой религии, необходимой для спасения, на которую ссылается Св. Августин и которая, по его словам, «существовала с сотворения человеческой расы, но более полно была изложена Господом нашим в его Евангелии».

Самому Лао-цзы приписывается утверждение, что учёные люди, как правило, не знают Дао и что оно открывается младенцам, простакам. Таким образом, Дао нужно искать с младенчески чистой душой в тайниках внутренней жизни:

«Оно открывается только спокойному возвышенному сердцу,
и тот, кто обретает его, не канет в вечность, даже если умрёт».

Заявления, подобные этим, напоминающие по форме высказывания Иисуса, вряд ли можно было полностью отрицать или игнорировать ввиду их широкого распространения среди китайских мистиков. Пожалуй,

единственный вопрос, который проясняется, это давняя внутренняя взаимосвязь религиозных учений. Невероятно, например, чтобы такое тесное взаимопонимание существовало на некоторых уровнях и в то же самое время отсутствовало в других относящихся к делу и в равной степени важных доктринах.

Продвижение раннего христианства в направлении Китая ни в коем случае не должно заставить забыть о ещё более древних контактах между Западом и Востоком. В Индии, например, после знаменитого путешествия Пифагора в VI веке до н. э. не могли не знать о греческих и египетских системах мистерий. Да и обмен культурными ценностями, как следствие походов Александра Великого на Дальний Восток, не мог ограничиваться только искусством и архитектурой. Любые важные доктрины, достигшие Индии, в конце концов проникли бы и в Китай, и наоборот, духовные и философские сокровища китайцев, как известно, дошли до таких далёких мест, как Персия.

Общеизвестные связи между Персией и средиземноморскими странами привели к возникновению эзотерических школ, процветавших в Антиохии, Эфесе, Тарсе и Александрии. Отсюда, при их сравнении, определяются следы общей мировой религиозной концепции, существовавшей задолго до того, как современный европеец узнал о широко распространённых основах мистицизма и эзотерической философии.

Из имеющихся письменных источников ясно, что Лао-цзы был мистиком и квиетистом^[225], преподававшим совершенно неофициальную доктрину, полагавшуюся исключительно на внутреннее созерцание. Человек обретает истину путём освобождения от всего ложного в самом себе. Мистическое переживание завершает поиски реальности. Лао-цзы писал: «Есть Бесконечное Существо, которое было прежде Неба и Земли. Как оно невозмутимо, как спокойно! Оно живёт в одиночестве и не меняется. Оно движет всем, но не волнуется. Мы можем считать его вселенской Матерью. Я не знаю его имени. Я называю его Дао».

Эти размышления не отличаются от сокровенных учений индийских мистиков, или древних еврейских каббалистов, или — в этом отношении — от наставлений Иисуса, который обещал своим ученикам, что чистый сердцем узрит Бога. Мастер пишет в «Дао дэ цзине» (с. 216)^[226]: «Поэтому мудрец действует недеянием и учит молчанием. Мириады созданий возникают из этого, а он не правит ими. Он порождает их и не обладает ими; действует, не имея воздаяния; достигая совершенства, не считает это

успехом; в силу того, что он никогда не стремится к успеху, тот никогда не покидает его».

В седьмом разделе Мастер пишет (с. 221): «Поэтому мудрец, становясь позади всех, оказывается впереди всех, пренебрегает собой и потому сберегает себя. Разве этим он не преследует личных целей? Поэтому он и может достичь их». Любопытный мистицизм Мастера нашёл своё выражение в двадцатом разделе (с. 234): «Лишь я один безразличен и не подаю знаков, будто младенец, который ещё не научился улыбаться; утомлённый, словно странник, не имеющий дома, куда бы мог возвратиться. Люди всё имеют с избытком, лишь я один подобен отказавшемуся ото всего. У меня сердце невежды — столь замутнено! Простые люди пресветло-светлы, лишь я один погружён во тьму. Простые люди пречисто-чисты, лишь я один невежественно-безыскусен, безграничен, словно море, неудержим, будто яростный ветер. Все люди знают об использовании, но я один глуп и ограничен. Лишь я один отличаюсь от других и ценю мать Благости».

Заключительный раздел «Дао дэ цзина» подводит итог философии, которую Мастер оставил своему миру (с. 298): «Искренние речи не изящны, изящные речи не искренни. Добрый не красноречив, красноречивый недобр. Мудрый не образован, образованный не мудр. Мудрец не накопительствует. Но чем больше он делает для других, тем больше прибавляется ему. Чем больше он даёт другим, тем богаче становится сам. Путь неба — в принесении пользы без причинения вреда. Путь мудреца — в деянии без противостояния».

Из этих и аналогичных учений явствует, что людям склонным к жизненным благам сложно понять Лао-цзы. Даже его сторонники постепенно отходили от его простого пути и пытались разьяснить его основные учения с помощью бесчисленных толкований. Именно эти комментарии делают неясным изначальный смысл, и мало-помалу его доктриной стали подкреплять позиции, совершенно несовместимые с исходной концепцией.

И всё же можно подтвердить, что даосизм был и по-прежнему остаётся главной школой врождённого мистицизма у китайцев. Для них он всегда был бегством от условностей китайского образа жизни. Он продолжает жить, например, в произведениях народного искусства, а в своё время оказывал мягкое, но настойчивое давление на китайскую культуру и традицию, заставляя людей повиноваться небесам и формировать своё поведение, следуя простому образу жизни природы.

Согласно Сыма Цяню, имевшему довольно солидную репутацию

историка, Лао-цзы был хранителем царской библиотеки в Лояне во время его знаменитой встречи с Конфуцием. В 417 г. до н. э. Конфуций, тогда ещё молодой человек 33-х лет, нанёс официальный визит 87-летнему патриарху Лао-цзы^[227].

Первоначально целью встречи было обсуждение этикета, но беседа очень скоро приобрела другое направление. Необходимо отметить, что подробности этого визита покоятся на очень ненадёжном фундаменте. Вполне возможно, что его описание, если и не было сочинено позднее, то носило заметный отпечаток разногласий, существовавших между двумя сектами. Фактически ничто не опровергает возможности подобной встречи, но затронутые этические и философские вопросы определённо говорят о том, что эта история — не что иное, как изложение доктрины, а не просто рассказ о личной встрече двух выдающихся учёных.

На рис.:

Конфуций, посетивший Лао-цзы для обсуждения правил поведения и слушающий музыку в исполнении почтенного Мастера.

Конфуций, всегда неукоснительно соблюдавший правила приличия, занял в высшей степени почтительную позицию, оказывая более старому

человеку всяческое уважение, как того требовали его возраст и известность.

Конфуций несомненно хотел учиться. Он рассказал Лао-цзы, что искал истину с самого начала своей карьеры, не имея никаких иных побудительных мотивов, кроме стремления быть полезным и государству и народу. Как утверждают, Лао-цзы встретил почтительное приветствие молодого человека довольно резко, заявив: «Те, о ком вы говорите, мертвы, и их кости превратились в прах — остались только их слова. Более того, когда у надменного человека появляется благоприятная возможность, он поднимается вверх; но если время против него, то его увлекает за собой сила обстоятельств. Я слышал, что хороший купец, глубоко запрятав свои богатства, прикидывается бедным, а надменный человек, полный всяческих достоинств, всё же на вид кажется глупым. Избавьтесь от самодовольного вида и множества желаний, от привычки втираться в доверие и необузданной воли. Они вам совершенно ни к чему — это всё, что я имею сообщить вам».

На самом же деле между этими двумя философами состоялось, оказывается, несколько дискуссий, но, к сожалению, их речи не сохранились. Говорят, что Лао-цзы заметил: «Если бы Дао можно было предложить для продажи людям, не нашлось бы ни одного, кто не предложил бы его с готовностью своему князю; если бы его можно было подарить людям, каждый захотел бы подарить его своим родителям; если бы можно было объявить о нём людям, то каждый человек с удовольствием объявил бы о нём своим братьям; если бы его можно было передавать людям, то кто бы не пожелал передать его своим детям?» Потом старый мудрец объяснил, что о Дао нельзя сообщать таким образом, равно как нельзя его передавать, используя глаза и уши или другие физические органы чувств. Его могут познать только те, кто способен принять это своим сердцем. Оно приходит с небес; оно даруется небесами. Оно принимается любящим небеса и известно понимающим их.

Рассказывают, что когда Конфуций собрался уходить, Лао-цзы сказал ему: «Я слышал, что богатые и знатные люди делают прощальные подарки; ну а небогатые и незнатные, но хорошие люди говорят на прощание искренние слова. Я не богат и не знатен, но считаюсь хорошим человеком, поэтому одарю вас на дорогу такими словами. Тонкие и умные люди всегда близки к смерти, так как любят критиковать и судить других. Те, кто хорошо разбираются в практических делах и действуют с большим размахом, подставляют себя под удар, так как своими поступками и своими знаниями они раскрывают ошибки человечества».

Впоследствии Конфуций с присущей ему искренностью рассказал о своей обескураживающей встрече со старым учителем даосизма, Он не сделал ни малейшей попытки преуменьшить направленную против него критику и не утверждал, что понял Лао-цзы. Он просто сказал: «Я знаю, как летают птицы, плавают рыбы и бегают животные. Но бегун может попасться в ловушку, пловец — на крючок, а того, кто летает, может настигнуть стрела. Но есть дракон; я не могу сказать, как он, оседлав ветер, поднимается сквозь облака в небо. Сегодня я видел Лао-цзы и могу сравнить его только с драконом».

Критика Лао-цзы, по-видимому, была направлена против того, что он считал приданием особого значения интеллекту, чем отличалась конфуцианская система. Конфуций действительно разъяснил во всех своих учениях, что не является их создателем и совершенно не претендует ни на какое исключительное и непостижимое знание. Он признавался, что лишён того природного характера или благоприобретённых знаний, которые позволяли бы ему проникать в таинственный субстрат человеческого сознания. Он признавал также, что существуют тайны вселенной, совершенно выходящие за пределы понимания, и, будь у него время, он мог бы полностью посвятить его изучению «И цзин»^[228] и других предметов, недоступных непосвящённым. Он считал, что существуют определённые ближайшие и необходимые идеи и концепции, которые следует понять и использовать. Если этими очевидными и естественными средствами пренебречь, то общество придёт в упадок, хорошее правительство канет в вечность, а народ дойдёт до ужасающих крайностей.

В повествованиях о последнем эпизоде из жизни Лао-цзы множество противоречий. Рассказ об окончательном уходе Лао-цзы через северо-западную пограничную заставу опирается на авторитет историка Ханя. Его трудно согласовать с повествованием, содержащимся в третьей книге Гуань-цзы, писавшего в IV столетии до н. э. Он описал смерть Лао-цзы и толпу плакальчиков, собравшихся по такому торжественному случаю. Однако история, сохранённая Ханем, получила самое широкое распространение и, независимо от того, является ли она скрупулезно точной или аллегорической, безусловно более содержательна. Красота изложения и предлагаемые ею драматические ситуации стали неотъемлемыми частями даосизма и, следовательно, имеют полное право быть включёнными в настоящий обзор.

Двадцать пять веков назад Инь Си, старый солдат и учёный, был стражем пограничной заставы Китая, известной под названием «Путь сострадания», который открывался на северо-запад в направлении великой

пустыни Гоби. Этот Инь Си, по слухам, был последователем учения Лао-цзы, прекрасно разбирался в знамениях и приметах, мог изобразить магические фигуры, знал секреты звёзд и обладал способностью мистического восприятия. Как гласит предание, этот старый страж ворот считал Лао-цзы небесным светом, движущимся по земле. Поэтому он испытал глубокое потрясение, наблюдая с того места, где бодрствовал в одиночестве, за появившейся в небе светящейся сферой, которая перемещалась над Китаем с юго-запада и в конце концов скрылась за горами, возвышающимися за пустыней.

Расценив это как предзнаменование величайшего значения, Инь Си обратился к старинным книгам, в которых обсуждались тайны бессмертных, и пришёл к выводу, что очень мудрое и благородное человеческое существо должно повторить движение таинственного света и, вполне возможно, прибудет к северо-западной заставе. Готовясь к этому событию, Инь Си соорудил хижину из травы и тростника, чтобы дожидаться пришествия великого мудреца, и, усевшись в дверях, следил за дорогой, уходящей в Китай.

В должное время бдение Инь Си было вознаграждено. Он увидел приближающегося к нему по извилистой пыльной тропинке огромного зеленовато-чёрного быка. На этом неуклюжем животном ехал верхом странный маленький старичок с длинными белыми волосами и бородой, съезжившийся в складках накидки из грубой ткани. Одарённый внутренним зрением Инь Си мгновенно понял сердцем, что это и был тот учёный, которого он ждал.

Когда Лао-цзы приблизился, страж ворот поспешил к нему и с почтительнейшими поклонами робко предложил мудрецу немного отдохнуть и выпить с ним чаю. Лао-цзы любезно согласился, и, когда они удобно расположились в хижине, Инь Си сказал: «Вы собираетесь совсем исчезнуть из виду. Позвольте же мне настоятельно просить вас сначала написать для меня книгу». После некоторых уговоров Лао-цзы согласился и оставался у стража ворот столько времени, сколько потребовала подготовка «Дао дэ цзина», единственного литературного произведения бессмертного китайского мистика. Труд состоял из восьмидесяти одной очень короткой главы и насчитывал пять тысяч иероглифов. Вся книга была разделена на две части: первая — «Книга о Дао» и вторая — «Книга о дэ». В данном случае употребление «Дао» означает «неявную природу абсолютного бытия» и «дэ» — «раскрытие этой вселенской силы через развёртывание объективного творения».

Как утверждает историк Сыма Цянь, Лао-цзы, изложив свои принципы

в «Дао дэ цзине», подарил этот труд стражу ворот, а затем ушёл своей дорогой, так что когда и где он умер неизвестно. Так закончились исторические записки о старом и уважаемом мудреце, «который любил оставаться неизвестным». Одни говорят, что, устав от тягот мира, он отправился дальше, чтобы умереть. Другие, склонные к мистическим рассуждениям, настаивают на том, что он искал город Адептов, приятный сад мудрых у горы Куньлунь.

В «Царстве Лу» Мориса Магра есть прекрасное и благоговейное описание последнего путешествия Лао-цзы. Этот рассказ — шедевр мистического понимания. Хотя и сомнительно, что некоторые утверждения можно подкрепить ссылками на историю или китайские летописи, но в самом повествовании нет ничего неприемлемого или невероятного.

По словам Мориса Магра, Лао-цзы постиг, мистически расширив свои способности, что в мире существовали и другие люди, владевшие вместе с ним секретом «Пути». Он узнал от ученика, что в Индии добрый и праведный учитель отказывался от богатства и царства, чтобы в полнейшем смирении удовлетворять духовные запросы своих собратьев. Был ещё и великий философ, живший в городе из белого мрамора на берегах синего моря. Его звали Пифагор, и он тоже служил Свету Мира.

Описывая явившееся Лао-цзы в видении благословенное место, лежащее по ту сторону пустыни, автор «Царства Лу» рассказывает: «По долине извилисто струилась тихая речка, на берегах которой росли цветы лотоса, крупнее которых он никогда не видел... Посреди долины стоял кедр, возвышавшийся над остальными деревьями. Он был окружён круглой скамьёй из резного камня, служившей единственным признаком того, что в этом месте живут. От этого тихого места исходило ощущение безопасности, которое навело Лао-цзы на мысль, что, должно быть, именно здесь обитают те совершенные люди, хранители утраченной мудрости и тайные руководители человеческой расы, о существовании которых он узнал из старинных преданий. «В эту долину придут два моих брата, — молил Лао-цзы, — человек из Индии и человек из страны, где мраморные храмы стоят у самого синего моря. Туда-то я и должен идти».

В VII веке н. э. Лао-цзы был канонизирован правящим императором из династии Тан. Его возвели в ранг божественных созданий с титулом «Великий Вседержитель, Бог-Император Туманной Первопричины». К этому позже добавили последнее почётное звание, звучавшее как «Древний Мастер».

Конфуций

Когда родители Конфуция поженились, его мать, Цзин-цай, была 17-летней девушкой, а её мужу шёл семидесятый год. В раннем легендарном повествовании рассказывается, что Цзин-цай, опасаясь, что не сможет родить сына из-за преклонного возраста своего супруга, регулярно ходила к соседнему холму просить небеса о помощи. Говорят также, что престарелый муж и его юная жена вместе совершали древние обряды, прося заступничества у богов в уединённом месте на склоне горы Ми. Когда Цзин-цай поднималась на холм, чтобы совершить священный обряд, листья на деревьях и растениях стояли прямо, а когда она возвращалась, они склонялись, свидетельствуя ей почтение. Ночью, вернувшись домой после совершения этих святых и древних ритуалов, она увидела сон, в котором ей явилось чёрное божество со словами: «У тебя будет сын, мудрец, и ты должна родить его в дуплистом тутовом дереве». Однажды, будучи беременной, Цзин-цай вошла в состояние транса и в видении узрела пятерых почтенных, убелённых сединами стариков в зале своего дома. Эти патриархи отрекомендовались духами пяти планет. Они привели с собой животное, напоминавшее небольшую корову с одним рогом, покрытую чешуёй, как дракон. Это странное создание опустилось на колени перед Цзин-цай и выронило из пасти нефритовую табличку с надписью: «Сын духа вод придёт на смену угасающей династии Чжоу и станет царём без трона». Во сне или грёзах Цзин-цай обвязала куском расшитой тесьмы единственный рог цилиня, или единорога, и видение исчезло.

Когда пришло время Цзин-цай произвести на свет ребёнка, она спросила мужа, есть ли поблизости место, называемое «дуплистым тутовым деревом». Он ответил, что на южном склоне холма есть маленькая сухая пещерка, известная под этим названием. Тогда она заявила, что хочет разрешиться от бремени в этой пещере. Её муж очень удивился, но она рассказала о своём сне, и он тотчас сделал все необходимые приготовления. Ночью, как только ребёнок родился, в воздухе появились два дракона, которые несли караул справа и слева от холма, а две феи парили над пещерой, разливая вокруг дивное благоухание и словно омывая в нём мать и дитя. Сразу же после родов из пола сухой пещеры забил ключом источник чистой воды, тёплой и душистой, но, как только младенца искупали, родник высох и никогда больше не появлялся.

Главные события в жизни Конфуция отображены знаменитой серией

картин. В их основу положены дощечки из храма Чжуфу (Chufu) в Шаньдуне. Три рисунка из этой серии посвящены чудесным явлениям, сопровождавшим рождение Конфуция. На первом из них изображены пятеро старцев и цилинь — как в видении Цзин-цай. На втором рисунке, скопированном притиранием, изображена крыша дома Шулянхэ^[229] в момент рождения мудреца. Два дракона в окружении облаков парят над коньком крыши, а рядом — пятеро почтенных старцев, нисходящих с неба, чтобы присутствовать при счастливом событии. В этой серии рисунков подразумевается, что Конфуций родился в доме, где жила семья, а не в горной пещере. Третья картина представляет пятерых небесных музыкантов, играющих в небе на своих инструментах над местом рождения некоронованного царя. Сразу после появления её сына на свет Цзин-цай услышала эту неземную музыку и раздавшийся из космоса голос, произнёсший: «Под влиянием небес родился святой младенец». Говорят, Конфуций родился с сорока девятью знаками благородства и совершенства на теле, а на груди у него появились слова: «Прелесть проведения церемоний и приведения мира в порядок».

Мифические существа, присутствовавшие при появлении Конфуция на свет, дают краткое представление об этом этапе развития китайского метафизического символизма. Цилинь представляет собой китайский аналог единорога. Самец называется «ци», самка — «линь». Сочетание этих двух терминов образует родовое название этого создания — цилинь, по-японски кириин. Как утверждают, у единорога было тело коровы или оленя, покрытое чешуёй пяти цветов. У него был бычий хвост и конские копыта, а из центра головы рос мягкий рог. В китайской мифологии важные роли играют несколько фантастических животных. Цилинь — властелин четвероногих животных, дракон главенствует среди рептилий и чешуйчатых тварей, а феникс — повелитель птиц. И снова китайский символизм смешивается с символизмом многих других наций.

Драконология распространена почти повсеместно; единорог возникает в легендах многих народов, а феникс, птица бессмертия, был хорошо известен египтянам и римлянам и встречается у североамериканских индейцев, майя и ацтеков.

Эти существа всегда ассоциируются с героическими личностями, а их появление как предзнаменование имело глубочайший смысл. Например, все три создания встречаются среди странных рисунков европейской алхимии. Их объяснение и интерпретацию на психологическом уровне дал Юнг в своей книге «Психология и алхимия». Он заметил, что феникс известен в раннехристианском искусстве как эквивалент голубя,

олицетворяющего третью ипостась троицы.

Цилинь не ест никакой пищи мира смертных и, говорят, избегает ходить по растущей траве. Феникс водится только в таинственной стране мудрецов, и китайцы верят, что он появился в далёких пустынных просторах Гоби. Дракон, долгое время воспринимавшийся как символ императорской власти Китая, обитал во всех стихиях и мог по желанию становиться невидимым. Несмотря на свирепый вид, в воображении китайцев он обычно ассоциировался со счастливой судьбой. Судя по отзыву Конфуция, который находил сходство между драконом и умом Лао-цзы, он очевидно выражал и истинную мудрость, и даже само Дао.

Полагаю, что древнееврейское слово «гееш» в том смысле, в каком оно встречается в Библии, следует переводить как «единорог». Аристотель упоминает единорога, а Плиний описывает свирепое животное, называвшееся «monoceros» — единорогом, которое почти идентично цилинню. В своих «Записках о галльской войне» Цезарь рассуждает о существе, на вид похожем на самца оленя, с одним рогом, торчащим из середины лба. С научной точки зрения выдвигалось предположение, что раз так много письменных упоминаний о единороге, то, возможно, подобные создания действительно существуют или существовали как результат гибридизации. В любом случае их всегда считали чрезвычайной редкостью, и смертные видели их тоже очень редко. Если единственный рог символизирует, как полагают алхимики, однонаправленность человеческой воли, то это неуловимое животное вполне можно было бы считать подходящим символом бессмертного, или Адепта. Единорога, как и этих легендарных мудрецов, да и как сами первоосновы истины, которые они преподавали, нельзя ни приручить, ни поймать, но он будет послушно следовать за тем, кто исполнен абсолютной веры и доброты. Цилинь отнюдь не дикое животное, но будет защищать свою свободу ценой жизни.

Каков бы ни был их изначальный смысл, единорог, феникс и дракон представлены на большинстве памятников, связанных с эзотерической традицией. Следовательно, эти символические создания стали печатями или опознавательными знаками тайных обществ, которые преподавали традицию Адептов, и упоминания о них, рисуночные либо буквенные, встречаются во всех местах, где, как известно, находились храмы для отправления обрядов старинных мистерий. Они являются защитниками боголюдей и сопровождают посланцев небес.

Примерно за год до смерти Конфуций узнал, что охотники убили в лесу странное существо. Мудрец немедленно проверил слухи и, увидев животное, объявил, что это цилинь. Он был глубоко взволнован, потому что

сказал, что смерть этого создания предвещала его собственный уход и возвещала упадок нравственности среди людей.

В аспекте исторической ориентации Конфуций родился почти одновременно со смертью Навуходоносора, когда Кир стал царём Персии. Это событие считалось важным, и правитель Лу прислал свои подозрения. Существовали предсказания о том, что должен родиться великий мудрец, и точная дата его появления была объявлена пророками и мудрецами предыдущих поколений. Вернер упоминает легенду о том, что Конфуций был перевоплощением Вэнь Чжуна, жившего во время правления династии Чжоу (1154–1122 гг. до н. э.); Вэнь пользовался высочайшим уважением как учитель и в конце концов был канонизирован под впечатляющим титулом «Божественный и Высокочтимый Глава Девяти Сфер Небес, Глас Грома и Упорядочиватель Вселенной»^[230].

Конфуцию едва исполнилось три года, когда умер его отец, и его воспитанием в раннем детстве занималась мать. Неизменный дух почтительности, которым отмечен весь жизненный путь этого мудреца, в значительной мере обусловлен материнским руководством, направляющим его первые шаги в жизни. Ещё будучи совсем юным, он проявлял необыкновенную любовь к учению и глубокое уважение к древним законам своего народа. В возрасте семнадцати лет он был поставлен инспектором зерновых рынков, где энергично боролся с нечестностью и мошенничеством. Позднее его назначили главным инспектором пастбищ и стад, и он проявил на этом посту такую мудрость и мастерство, что положение его народа незамедлительно и заметно улучшилось.

Мать Конфуция умерла, когда ему было двадцать три года, и это обстоятельство утвердило его в выборе жизненного пути философа. У китайцев существовал древний, но почти забытый в то время закон, обязывавший человека, занимавшего государственную должность, слагать с себя все служебные обязанности в случае смерти любого из родителей. Имелись также и установления, восходившие к глубокой древности, касавшиеся торжественности и пышности заупокойных служб по отцу или матери. Конфуций старательно выполнил все эти традиционные требования и возродил обычаи, которые продолжают существовать до настоящего времени. После похорон Конфуций вернулся домой и провёл предписанные три года в одиночестве. Это время было для него периодом траура, но, в духе высочайшего восхваления своей матери, он посвятил все свои силы размышлениям и занятием философией, возводя нетленный монумент в память о ней.

Завершив свой ритуал в честь покойной, Конфуций тотчас же изыскал

возможность заняться наставлением своих соотечественников. Он путешествовал по разным государствам империи и приобрёл солидную репутацию как учитель и реформатор. Одно время к числу его сторонников принадлежали пятьсот мандаринов, и он, как подчёркивалось, обращался главным образом к людям, на которых лежала большая ответственность и которые были искренне заинтересованы в усовершенствовании государства. Говорили, что его философия была скорее этической, чем религиозной, но столь общее утверждение следует принимать с оговорками. Живя в Лу, Конфуций усердно трудился, готовя переработанные и сокращённые издания древней литературы своей страны. Поэтому нельзя сказать, что он выступал против духовных убеждений древних китайцев или был склонен игнорировать их.

Доктор Легг, столь мастерски проведший исследование конфуцианской литературы, похоже, имел предвзятое мнение относительно позиции Конфуция в религиозных вопросах. Доктор Легг зашёл так далеко, что заявил, будто Конфуций был нерелигиозным человеком, если не атеистом. Однако подобное утверждение трудно согласовать со словами Мастера, сказавшего (см. 3:13 и 14:13)^[231]: «Провинившемуся перед Небом уже некому молиться».

Использование слова «Небо» в качестве синонима «божества» всегда было широко распространено в Китае и может лишь косвенно выражать философскую концепцию божества — вполне почтительную, но философскую, а не теологическую. К тому же доктор Легг обвинил Конфуция в недостаточной вере в будущую жизнь. Это было бы практически невозможно для человека, посвятившего свою жизнь восстановлению и сохранению древней культуры Китая. В одном месте Мастер сказал, что духи не внемлют клятвам или обязательствам, не являющимся добровольными. Его преданность «И цзин» должна избавить память о нём от позорного клейма материализма. Он тщательно исполнял все обряды поклонения богам и почившим предкам, считая, что они присутствуют на подобных церемониях.

Верно также и то, что, хотя Конфуций и был последовательным теистом и верил в бессмертие человека, его главной целью было достижение совершенной добродетели в нынешней жизни. Он полагал, что такая линия поведения обеспечивает будущее положение и является насущно необходимой. Более чем за пятьсот лет до рождения Иисуса Конфуций вывел золотое правило (15:23): «Я не хочу поступать по отношению к людям так, как не хотел бы, чтобы они поступали по отношению ко мне».

На рис.: Конфуций, принимающий отчёт о мудром управлении делами государства Вэй.

Конфуций разговаривал не только с принцами и правителями, но и с самыми простыми и скромными из людей. Развивая великое учение, он пропагандировал семь ступеней, по которым человек может подняться до высшего состояния. Вот эти ступени: исследование вещей, завершённость знаний, искренность помыслов, очищение сердца, воспитание личности, упорядочение семьи и управление государством. Такой кодекс, хотя он, возможно, и не является теологическим, вряд ли можно критиковать за недостаток религиозного смысла.

Мастер говорил (1:6): «Юноша должен дома быть сыном, а вне дома — почтительным к старшим. Он должен быть серьёзен и правдив. Он должен быть переполнен любовью ко всем и искать дружбы с хорошими людьми. Когда у него есть время и возможность — после исполнения всего того — он должен употреблять их на благопристойные занятия».

Мастер говорил (2:1): «Тот, кто осуществляет управление, руководствуясь своей добродетелью, сравним с северной полярной звездой, которая занимает своё место, а все звезды поворачиваются к ней».

Мастер сказал (2:4): «В пятнадцать лет я посвятил себя учению. В

тридцать я твёрдо стоял на ногах. В сорок у меня не было сомнений. В пятьдесят я знал предопределение Неба. В шестьдесят моё ухо было послушным органом для восприятия истины. В семьдесят я мог следовать желаниям своего сердца, не переходя границы правильного». Мастер сказал (2:14): «Высший человек широко мыслит и не фанатичен. Жалкий человек — фанатик и не вольнодумен». Мастер говорил (2:15): «Учение без мышления — напрасный труд; мышление без учения опасно».

Несмотря на то что многие князья почитали Конфуция, ему становилось всё более очевидным, что основные принципы его доктрины не будут общеприняты в его время. По этой причине на шестьдесят седьмом году жизни он окончательно удалился в своё государство Лу, где основал школу, завоевавшую большую известность. Он сделал такой выбор, а не последовал совету некоторых своих учеников, которые рекомендовали ему уединиться в каком-нибудь далёком горном местечке и стать отшельником. Он решил оставаться учителем в миру и создал официальную систему обучения, заявив в защиту своего решения следующее.

«Но я — человек и не могу исключить себя из общества людей ради общения с дикими зверями. Какими тяжёлыми ни были бы времена, я сделаю всё, что смогу, чтобы склонить людей вернуться к разумным и добродетельным обычаям, ибо, только следуя этим главным принципам нашей природы, мы сможем обрести личное счастье, национальную удовлетворённость и гармонию.

Если бы все люди горячо утверждали величие разума и следовали стезёй добродетели, им не потребовались бы никакие указания ни от меня, ни от других, чтобы помочь отыскать щит мудрости или обрести то блаженство в жизни, которого они так домогаются. Долг каждого человека — прежде всего усовершенствовать самого себя, а потом помочь совершенствованию других.

Человеческая природа есть наше наследство, оно является нам как божественный дар, и всё же только полное покорение его компрометирующих качеств даёт нам возможность обрести душевный покой, радость в обществе и свободу»^[232].

Число учившихся у Конфуция превышало три тысячи человек, и из них семьдесят два оказались столь выдающимися, что он считал их своими личными учениками.

Жизнь Мастера была омрачена смертью двух учеников. В 481 г. до н. э. произошёл известный случай с цилинем. По некоторым рассказам, это странное животное было поймано во время охоты, другие же сообщают,

что его обнаружили сборщики хвороста. Его никак не могли опознать и попросили Конфуция осмотреть его. Он тотчас же признал в нём цилиня, и, как утверждают легенды, на его роге всё ещё сохранилась лента, завязанная на нём матерью мудреца перед его рождением. Конфуций был глубоко тронут и воскликнул: «За кем ты пришёл?» И тихо добавил: «Всё идёт согласно моим доктринам».

В самом начале 479 г. до н. э. Конфуций стоял у дверей своего дома, тихонько произнося нараспев: «Огромная гора должна разрушиться, крепкая балка должна сломаться, а мудрый человек — увянуть, как растение». Среди его последних высказываний есть и это, записанное в «Ли Цзи»^[233], (раздел I, И. 20). «Я — человек инь и прошлой ночью видел сон, будто сажу меж двух колонн, а передо мной — подношения. Не появляется ни одного умного монарха; в царстве нет никого, кто сделает меня учителем. Пришло время умирать». Тут он ушёл в дом и через семь дней скончался.

Перед самым концом Мастер вошёл в состояние полного спокойствия. Он не выказывал никакого страха и не требовал утешения. И в смерти выражение его лица не изменилось. Он просто казался спящим. Считают, однако, что его сердце было опечалено убеждённостью в том, что он потерпел неудачу. В таком случае он и это принял как происходящее согласно Пути Неба.

МЭН-ЦЗЫ

В течение столетий, прошедших между смертью Конфуция и рождением Мэн-цзы, конфликт между честолюбивыми князьями лёг на Китай тяжким бременем разногласий и вражды. Даже учёные и интеллектуалы примкнули к разным сторонам и, забросив свои книги и красочные плиты, связывали свои судьбы с преуспевающими тиранами. В таких нестабильных условиях перестали появляться монархи, увлечённые научными занятиями, а интеллигенция погрязла в спорах и бесполезных дискуссиях. Возникла тенденция игнорировать пути истины и добродетели и считать, что древние принципы, которыми руководствовалась нация, более не действительны. Появилось нечто вроде гуманистической философии, обременённой разочарованностью и скептицизмом. Даже учения Конфуция игнорировали, а иногда и осуждали. Именно ради спасения основного учения от господствовавших скептических и циничных установок Мэн-цзы и представил собственную интерпретацию более древней доктрины.

Мудрец Мэн-цзы (латинизированное имя Менций) родился в 371 г. и умер в 288 г. до н. э. Таким образом, он был современником Аристотеля, Платона, Зенона, Эпикура и Демосфена. Подобно Конфуцию лишившись отца в раннем детстве, он находился под сильным влиянием добродетельной и мудрой матери, ставшей образцом китайской женщины.

О частной жизни Мэн-цзы известно очень мало. Никаких чудесных событий не отмечалось, но китайское воображение не могло не приукрасить сухое изложение фактов. Доктор Легг собрал большую часть переведённых на английский язык рассказов о жизни и пастырстве Мэн-цзы [\[234\]](#).

В юношеском возрасте Мэн-цзы, похоже, подавал мало надежд. Он очень легко поддавался влияниям окружающих, и мать, заинтересованная в правильном формировании его характера, три раза меняла место жительства, стремясь изменить к лучшему его привычки. Сначала, по слухам, вдова с сыном жила рядом с кладбищем и Мэн-цзы внимательно рассматривал резные орнаменты и сцены, связанные с похоронами. Потом он, бывало, занимал своё время тем, что разыгрывал обряды и церемонии, изображённые на гробницах. Решив, что это оказывает не самое подходящее влияние на психику её сына, добрая женщина сняла дом на базарной площади города. Мэн-цзы тут же подпал под магическое

очарование торговли, воображая себя продавцом, предлагающим свои товары и болтающим с покупателями. Его матери, убедившейся к тому времени, что её сын чрезвычайно впечатлителен, пришла в голову блестящая мысль. Она снова переехала, поселившись поблизости от знаменитой школы.

Мэн-цзы, верный своим природным особенностям и прежним привычкам, незамедлительно начал копировать манеры, учтивость и научные интересы учащихся и профессоров. Так он в конце концов пришёл к образу жизни и мышлению взрослого человека. Однако, даже остепенившись и благополучно занявшись выполнением программы обучения, Мэн-цзы обнаружил склонность пренебрегать занятиями. Поняв это, мать взяла нож и в присутствии сына рассекла материю, которую ткала на станке, объяснив, что её поступок равноценен пренебрежительному отношению к урокам. Это произвело на Мэн-цзы глубокое впечатление, и с того времени он не позволял себе отступать от стези учёного.

Мэн-цзы приобщился к общественной жизни в возрасте примерно сорока лет и посвящал всего себя заботам о благоденствии государства, пока ему не исполнилось шестьдесят. Он удалился от дел и до конца жизни частным образом занимался преподавательской деятельностью. Он был до конца предан учениям Конфуция, но если Конфуция считали философом-практиком, то Мэн-цзы приобрёл известность как метафизик. Иногда его называют «Вторым совершенномудрым».

Обстоятельства того времени объясняли в большой мере то особое значение, которое Мэн-цзы придавал социально-политическим проблемам и их этичному разрешению. Он стремился восстановить благородство человека, насколько это применимо и к управляющим и к управляемым. Его план был прост. Он обращался к правителям — одному за другим, решив продолжать свои поиски до тех пор, пока не найдёт среди них князя, который последует его совету и поручит ему руководство правительством.

Он путешествовал около двадцати лет, преподавая воззрения старых мудрецов и пытаясь облагородить поведение людей. Однако ему не удалось достичь цели. Возможно, неудача объяснялась отчасти его собственным характером. Разоблачая общественные и личные злоупотребления, он высказывался смело, даже резко. Он многих оскорблял и отталкивал от себя даже тех, кто мог бы стать его самой надёжной опорой. Его крайне революционные идеи пугали правителей и государственных деятелей, и они были убеждены, что безопаснее всего не обращать на него внимания.

О независимости Мэн-цзы свидетельствуют два эпизода, упомянутые доктором Леггом. Некая важная особа посещала школу Мастера, но когда

этот человек начал задавать Мэн-цзы вопросы, философ отказался отвечать. Получив упрёк в недостатке вежливости, он сказал: «Я не отвечаю ни тому, кто спрашивает меня, злоупотребляя своими возможностями, ни тому, кто полагается на свои таланты, ни тому, кто пользуется своим возрастом, ни тому, кто полагается на услуги, оказанные мне, ни тому, кто пользуется старым знакомством».

Когда учащийся пояснил Мэн-цзы, что он хлопочет о покупке дома поблизости, чтобы иметь возможность получать наставления, философ ответил: «Путь истины подобен большой дороге. Узнать его нетрудно. Беда только в том, что люди его не ищут. Иди-ка ты домой и ищи его, и у тебя будет множество учителей».

Несмотря на то, что Мэн-цзы часто бывал связан с людьми, занимавшими высокое положение в обществе, он никогда не получал жалованья, а посему волен был высказываться откровенно и уходить, когда считал нужным. Хань Юй выразил признание мудрости Мэн-цзы любопытным высказыванием: «Ну разве не из-за него нам пришлось застёгивать полы одежды на левую сторону и наши рассуждения стали совершенно запутанными и невнятными, и именно поэтому я почитал Мэн-цзы и считаю его заслуги ничуть не уступающими заслугам Юя».

Мэн-цзы неизбежно должен был испытывать разочарование и уныние, и философ переносил эти муки с глубоким внутренним терпением и

покорностью, даже если иногда он, по-видимому, и занимал бунтарскую позицию. Сделав всё возможное, чтобы помочь вождям Китая осознать возложенные на них небом обязанности, присущие их высокому положению, и всегда встречая одно и то же — отсутствие честности, он в конечном итоге пришёл к заключению, что «небо пока что не желает, чтобы царство наслаждалось спокойствием и безупречным порядком, если бы оно этого хотело, то кому же как не мне добиваться этого?» Его главные рекомендации в отношении преуспевающего государства сводились к следующему: сделать людей состоятельными и следить за тем, чтобы они были хорошо образованными.

Мэн-цзы, видимо, полагал, что влияние Конфуция распространится на пять поколений и что он, живя именно в этот период, находится в выигрышном положении, потому что может учиться у мастеров, непосредственно через которых передавались конфуцианские учения. Поэтому он говорит: «Хотя сам я и не мог быть учеником Конфуция, я старался совершенствовать свой характер и знания с помощью тех, кто ими были».

Несмотря на то что слава Конфуция в общем затмила доктрину Мэн-цзы, нельзя сказать, что Мэн-цзы был всего лишь толкователем конфуцианства. Он и сам по себе был выдающимся философом.

Первым учебником каждого китайского школьника является «Канон из трёх священных писаний», открывающийся утверждением:

"Человеческая природа изначально добра".

В его основе лежит философия Мэн-цзы. Он был странным оптимистом, ибо заявлял, что нет ничего хорошего, чего человек не смог бы сделать, только он этого не делает. Его самое знаменитое высказывание гласит: «Великий человек — это тот, кто не теряет сердца ребёнка».

Буддизм в Китае

После проникновения буддизма в Китай, произошедшего примерно в 67 г. н. э. во время правления императора Мин-ди, индийская философия начала оказывать влияние на формирование китайской религиозной мысли. Уже прочно укоренились даосизм и конфуцианство, причём первый из них делал упор на поклонение духам, а второе — на почитание предков. Поэтому у системы мышления, концентрирующейся вокруг индивидуума, на его личных проблемах и потребностях, было вполне достаточно оснований понравиться новообращённым и привлечь их.

Некоторое время буддизм оставался в стороне как чужеземная доктрина. Однако мало-помалу он впитался в китайский образ жизни, обогатив местную веру и приобретя, в свою очередь, ярко выраженный китайский характер. При таком алхимическом смешении очевидно противоречивых верований менее всего пострадало конфуцианство, вероятно, благодаря тому интеллектуальному уровню, на котором оно процветало.

Ранние китайские драмы и театральные постановки на религиозные темы определённо указывают на глубокую внутреннюю связь, возникшую между даосизмом и буддизмом. В даосизме излюбленным сюжетом драматических произведений была посмертная судьба человеческих душ. В течение многих столетий Храм Вселенной в Пекине славился своими сложными скульптурными композициями, каждая из которых изображает несчастья и наказания, которым непременно подвергнутся злодеи после смерти. Каждая группа фигур олицетворяла конкретную форму наказания, а в результате получалась страшная панорама мучений и пыток. Между прочим, во внутреннем дворе храма имели обыкновение собираться прокажённые, что отнюдь не смягчало обстановку.

В цикле буддийских религиозных пьес трактовался главным образом закон повторного рождения. В них были включены и наказания, но всегда с оптимистическим намёком на то, что человек непременно достигает освобождения благодаря собственной добродетели или заступничеству бодхисаттв^[235] школы махаяны^[236], возникшей на основе популярной буддийской метафизики. Цикл перевоплощений с его двенадцатью *ниданами* (санскр., «звенья цепи, связующие»), или состояниями повторного воплощения, традиционно представляется в тоскливой и причудливой манере.

Эта концепция насквозь пропитана атмосферой утешения. Каждый наказывается для его же блага и для того, чтобы его будущее поведение принесло соответствующие воздаяния и счастливые дары. Буддизм в целом придаёт особое значение развитию и раскрытию. Конечной целью жизненного пути с его периодическими повторными рожденьями является просвещение и освобождение. Будды-хранители в своих позолоченных масках и мягкие учителя с бритыми головами всегда присутствуют подобно добрым родителям. Они внушают необходимость терпеливого признания кармы и воодушевляют страдальцев на подготовку к будущему покою и беззаботности. Милосердная Гуаньинь^[237] вступает за тех, кто страдает, а просвещённый Майтрея ждёт всех преодолевших свои слабости и недостатки, чтобы принять их в царство блаженных. Рассказы, легенды и темы, естественно, включают жизнеописания добродетельных людей и подчёркивают замечательные качества, которые они проявляли и за которые получили соответствующее вознаграждение.

Что же касается китайцев, то у них, подвластных строгим традиционным формам, все наказания и вознаграждения после смерти регулируются жёстким сводом законов. Во всех чистилищах имеются облечённые надлежащей властью суды под председательством судей и законоведов. Все свидетельства тщательно взвешиваются, и никаких судебных ошибок быть не может. Есть ещё и правоведы, наблюдающие за применением вознаграждения и наказания. Всё абсолютно правильно, но это никоим образом не смягчает господствующий кодекс.

В даосских пьесах особое значение придаётся справедливости — абсолютной и окончательной, тогда как буддийское представление мистерий делает акцент на милосердии — безотлагательном и доступном.

Таким образом, китайцы живут в мире, в котором справедливость и милосердие параллельны друг другу, но не всегда пересекаются. Напрашивается неизбежный вывод о том, что при такой системе действительные взгляды Конфуция должны были бы привлекать тех интеллектуалов, которые, считая себя свободными от всяческих предрассудков, предпочитали придерживаться официальной системы этики и вести себя соответственно.

Говорят, что прибывшие в Китай первые буддийские монахи вначале строили свои храмы в строгом соответствии с китайской архитектурой и сменили индусские ряссы на китайские одежды. Отец Фавье в своём детально разработанном труде «Пекин» отводит значительное место учреждению христианских миссий в Китае. Опять же, примечательно, что первые миссии возводились по образцу местных зданий и миссионеры —

священники и святые отцы — носили принятое у китайских учёных и мандаринов платье. На более раннем этапе распространения буддизма китайский образ жизни и обычаи мощно наступали на ввезённую доктрину, и на всех последующих этапах она претерпевала постепенные видоизменения.

Исторический Будда сохранил свою индийскую индивидуальность, но так никогда и не добился заметного расположения народа. Его признавали как основателя системы, но многие поколения новообращённых отдавали явное предпочтение двум бодхисаттвам — Авалокитешваре и Майтрейе. В своё время циклы китайских легенд настолько основательно трансформировали этих бодхисаттв, что теперь они кажутся почти совсем китайскими.

Авалокитешвара, главный министр в раю Амиабхи, в самых ранних буддийских писаниях прямо не упоминается. Некоторые полагают, что изначально он был божеством Солнца в центральной Азии. В системе махаяны он представляет собой эманацию, или расширение сил, Будды Амиабхи. Долгое время его считали персонификацией атрибутов милосердия. Постепенно этот бодхисаттва присоединил индусские атрибуты Брахмы и Ишвары^[238] и стал символом духовного тела вселенной. Число его глаз и рук бесконечно увеличивалось, и он подарил миру формулу: «Ом мани падме хум», дарующую освобождение способным раскрыть её истинный смысл и правильно интонировать^[239].

В ранних произведениях Авалокитешвара представлен как существо мужского пола или как андрогин, однако, попав в сферу китайского влияния, этот бодхисаттва утратил почти все свои индусские атрибуты. Он превратился в милосердную царицу небесную по имени Гуань-ши-инь — «Ту, что слышит, сознает и понимает мольбы всех смертных».

Э.Т.К. Вернер пишет: «Мария является вдохновляющим духом римско-католической церкви, а Гуаньинь — буддийской веры!» Полное превращение Авалокитешвары в Гуаньинь, похоже, завершилось уже в эпоху танской династии, но в соответствии с доктриной определённых школ имеются и некоторые исключения. В Китае Гуаньинь как богине милосердия, а точнее, бодхисаттве Сострадания поклоняются и обращаются к ней с просьбами повсюду, где укоренилось буддийское влияние.

Эта милостивая владычица в качестве «прогоняющего страх Будды» проникает в сокровенную жизнь родителей и ребёнка. Она защищает тех, кто отправляется в дальние края; она утешает умирающих и указывает

душам усопших дорогу в Западный Рай Амитабхи. Она ассоциируется с материнством и изображается беременной или с новорождённым младенцем на руках. Ей приписываются многочисленные чудеса, а её чудотворное заступничество качественно тождественно заступничеству Девы Марии. Даже в недавние годы книги, свидетельствующие о её великодушной защите, были широко распространены среди китайцев^[240].

Рис. ниже: Гуаньинь в образе доброй матери.

Китайская легенда о Гуаньинь лишена каких бы то ни было ассоциаций с индусами. Согласно этой версии, она была младшей из трёх дочерей Мяо Чжуана, жившего в VII в. до н. э. Её настоящее имя было Мяошань; она с самого раннего детства отличалась добродетельностью, скромностью и кротостью духа. Её честолюбивый отец, захвативший своё

царство силой, твёрдо решил, что три его дочери должны заключить богатые и могущественные брачные союзы. Не имея сыновей, царь, прислушавшись к мнению своих советников, вознамерился назначить самого подходящего из своих зятьёв своим преемником. Двум старшим дочерям подходящие мужья были найдены, а вот младшая отказалась выходить замуж, решив посвятить свою жизнь благочестивым деяниям. Это привело её царственного отца в такую ярость, что он наложил на неё множество наказаний, силясь преодолеть её упрямство. Потерпев полную неудачу, он приказал в конце концов казнить её, и она обрела бессмертие путём мученичества.

Однако на самом деле в жертву было принесено только тело Мяошань. Бессмертные, помнившие о её благородном стремлении, постановили, что она должна достичь состояния блаженства. Они отрядили стража провинции Сяншань перевезти кроткую девушку в безопасное место. Это божественное существо приняло обличье тигра, и, когда Мяо Шань уселась тигру на спину, он в мгновение ока перенёс её к подножию скалистых склонов острова Путо. Там она пробыла девять лет и достигла совершенства. О её жизни и приключениях среди бессмертных известно очень много. В должное время многие милосердные и добродетельные деяния Мяо Шань привели к её канонизации, пожалованной самими бессмертными. В официальном объявлении говорилось, в частности, следующее: «Мяошань будет носить титул "Самая Милосердная и Самая Сострадательная Пуса, Спасительница попавших в беду, чудотворная и всегда готовая прийти на помощь Защитница смертных". Восседающая на своём величественном драгоценном троне-цветке лотоса, Ты будешь Владычицей северных морей и острова Путо»^[241].

К.А. Уильямс пишет в своей книге «Обзор китайского символизма и основных тем в искусстве», что остров Путо в архипелаге Чусань — святыня для буддистов, а его главная достопримечательность — культ Гуаньинь, связанный с тем, что богиня, по слухам, прожила там девять лет. Полное название острова — Путолока, от названия горы Паталока, откуда богиня, превратившись в Авалокиту, взирает вниз на человечество. На острове почти сто монастырей и храмов и свыше тысячи монахов. Отмечалось также, что у Гуаньинь три даты рождения, и дары ей приносятся в девятнадцатый день второго, шестого и девятого месяцев. Очевидно, что эту легенду нельзя полностью согласовать с более древней индусской версией, однако это мало волнует китайское воображение, воспринимающее её как полностью китайскую, хотя основные функции Гуаньинь сохраняют смысл, придаваемый им в Индии. Изображаемая в

виде стоящей фигуры, она держит зелёную ветку или похожую на вазу бутылку, из которой льёт воды жизни. Она появляется также, правда, часто с некоторыми индийскими атрибутами, в буддийском учении Японии под именем Каннон.

Будду Майтрею (по-китайски Милэ) часто считают одним из первых архатов буддизма, хотя и не личным учеником Будды, и утверждают, что он был основателем эзотерической философской школы. В его честь создавались статуи и надписи уже в 350 г. до н. э. В китайском религиозном искусстве он обычно изображается в виде чрезвычайно полной улыбающейся фигуры с чётками в одной руке. Его имя означает «мягкость, доброту», но в народе его называют «смеющимся Буддой».

Как описывают, Майтрея — Грядущий Будда и в этой вере ближайший по смыслу эквивалент понятия Мессии — пребывает в небесах Тушита. Именно там Гаутама назначил его своим преемником, который должен явиться на землю через пять тысяч лет после погружения великого Будды в нирвану. Небеса Тушита — это небесный мир в процессе создания. Он существовал много веков, но всё ещё несовершенен. В будущем, когда Майтрея станет назначенным учителем рода человеческого, он превратится в райскую сферу.

Существует предание о том, что Майтрея-будда воплотился среди восемнадцати лоханов, где он известен как Достопочтенный Пу. В списках архатов, или лоханов, он занимает семнадцатое место и называется Аджитой, хотя китайцы предпочитают имя Пу Тай Хо Шан и знают его как «Монаха с ситцевой сумой», так как он часто ассоциируется с большим мешком. Иногда вокруг него играют дети. Существуют различные толкования смысла, заключённого в этих детях. Изредка их называют «шестью маленькими воришками», олицетворяющими смертные грехи, а в других случаях их сравнивают с архатами или учениками, ещё не достигшими духовной зрелости.

В храме Ламы в Пекине — дворце, переданном жрецам в 1740 г., есть колоссальная статуя Владыки Майтреи. Фигура из сандалового дерева, покрытая тонким слоем золота, имеет высоту в семьдесят пять футов (22,9 м). Чтобы близко рассмотреть её, необходимо подняться на многочисленные балконы храма. Несмотря на то, что это божество изображено в художественном стиле танской династии и целиком и полностью вписалось в религиозную психологию китайцев, оно сохраняет свой по сути индусский смысл. В ритуале Хун упоминание о человеке, которого ждут, вероятно, относится к Майтрее.

Буддийский круг восемнадцати Архатов, или лоханов, является по

существо индусским. Святые были учениками Будды или знаменитых мудрецов, появившихся в рамках секты. Основной вклад китайцев в эту историю сводился к разработке традиционных образов этих святых личностей, изображаемых ныне китайскими художниками. Создание этих образов было делом рук живописцев танской династии, и в результате святые Архаты приобрели отчётливо китайские черты и манеры.

К числу восемнадцати Архатов относятся Пиндола Бахраддаджа (Pindola, the Bahraddaja); Канака Васта (Kanaka, the Vasta); Пиндола Второй; Нандимитра; Вакула (Vakula); Тамра Бхадра (Tamara Bhadra), двоюродный брат Будды; Калика (Kalika); Ваджрапутра; Гобака Защитник (Gobaka, the Protector); Пантха Старший; Рахула, сын Будды; Нагасена; Ангида; Ванаваса; Аджита (Майтрейя); Пантха Младший; Асита (также связанный с Майтрейей) и Поло-то шэ (Polo-t'o she) — вероятно, форма Пиндолы. У каждого из лоханов характерная внешность, и ему сопутствуют отличительные символы. Более подробную информацию можно получить в книге «Обзор китайского символизма и основных тем в искусстве» К.А. Уильямса.

В официальной части китайского буддизма каждому лохану отводится положение или место в мире и назначается свита из менее важных святых числом от 500 до 1600. Их считают выходцами из всех слоёв общества; но, благодаря своей преданности благородному восьмеричному пути, они достигли освобождения от колеса повторных рождений и принимают человеческий облик только для того, чтобы совершать благотворительные дела в качестве слуг рода человеческого.

В буддийской иерархии достижений существует десять уровней, представляющих степени внутреннего раскрытия. Ордена архатов располагаются на третьем — пятом уровнях по восходящей линии от состояния простых смертных. Высочайший, называемый Великим Архатом, достиг пятой ступени лестницы просветления. Большинство архатов относится к третьему уровню; в их число входят патриархи или главы различных школ, назначенные в силу своего рода апостолической преемственности. В Китае список патриархов открывает Бодхидхарма, признанный 28-м патриархом после Будды. После Бодхидхармы упоминаются ещё пять других патриархов, завершающих таким образом цикл с мистическим числом тридцать три.

Кратко подытоживая описание структуры китайского буддизма, приходится признать существование субъективной модели с определёнными формальными границами и ярко выраженными признаками внутренней организации. Ученики продвигаются сообразно своим

достоинствам и достижениям, проходя уровни, или степени, своих орденов. Достигнув степени архата, они переходят в субъективный мир, где их развитие продолжается до тех пор, пока они не добьются полного освобождения путём переживания нирваны.

Как свидетельствует распределение архатов и их школ, они образуют невидимую империю медитирующих монахов, связанных друг с другом обязательствами, а также степенью понимания, которой они достигли. Даже будучи перенесёнными с их родной индийской почвы, эти посвящённые буддийских мистерий являются гражданами философской империи и слугами Царя Мира, который правит со своего престола, находящегося за снежными горами.

Те китайские буддисты, которые заявляют о своей преданности первоначальной индусской системе, лучше осведомлены о сокровенном смысле символизма и признают, что буддийские архаты по сути совершенно не отличаются от индусских Махатм и Риши. Они — великие души, справедливо назначенные защитники пребывающего в младенчестве человечества, и волей неба — учителя расы.

Адепты даосизма

Во времена мистических спекуляций даосы разделили своих божественных мудрецов на три категории сообразно с достигнутым каждым из них уровнем развития. К наиболее прославленным из бессмертных Смертных, названных «святыми», отнесли тех существ, чьи выдающиеся моральные и этические достоинства принесли им в награду полное внутреннее просветление, достигнутое путём учения и медитации, равно как и способность в значительной мере управлять природными явлениями, а значит и творить великие и поражающие воображение чудеса.

Вторая ступень, или степень, стала известной как «совершенные». Мудрецы этого уровня овладели знанием Дао, или Пути. Они настолько облагородили свою натуру и обновили тела, что, казалось, переступили все границы естественного закона. Их физические формы стали столь эфирными, что они могли по желанию появляться или исчезать и силой воображения переносить по воздуху свои трансцендентные естества. Для них не составляло труда путешествовать в другие миры, подниматься к звёздам и жить, по крайней мере временно, на луне.

В третий круг мудрецов входили «бессмертные». В произведениях искусства их отображали в образе древних учёных или святых с бритой головой. Тела их могли стареть, но дух оставался вечно юным, ибо они владели бесценным ключом к тайне долголетия. Бессмертные не знали, что такое болезнь, неведом им был и страх смерти. Они наслаждались неким абстрактным состоянием счастья, совершенно недоступным пониманию простых смертных.

Рассказывая о китайских бессмертных, Фергюсон отмечает, что они «...внешне походят на людей и носят обычную одежду. Они доживают до глубокой старости, а когда умирают, их физическое тело рассеивается, а душа возносится в нетленный эфир. Согласно другим легендам, их тела никогда не стареют и даже через тысячу лет они по-прежнему выглядят молодыми. Имея постоянное обиталище в известной вселенной, они, если пожелают, способны перемещаться с места на место»^[242].

В должное время этим бессмертным отводилось надлежащее жилище, причём, как полагали, у них были специально отведённые места для встреч и общения, но не на земле, а в тонкой атмосфере, окружающей планету. Считалось также, что они знают друг о друге и могут общаться способом, который современные мыслители Запада называют сверхчувственным

восприятием. Они были гражданами сверхгосударства, невидимой империи просветлённых. Они проявляют послушание собственным правителям и принимают в свой избранный круг лишь ограниченное число надлежащим образом подготовленных учеников.

Китайцы ещё в древности соприкоснулись с философскими учениями Индии, и уже тогда им стало известно, что индусы верят в лесных мудрецов, называемых риши, и других сверхчеловеческих существ. Так китайцы узнали и о мифической Меру, или Сумеру, горе богов, на склонах которой разместились уединённые жилища и ашрамы великих учёных и праведников, которым было позволено, по крайней мере иногда, присутствовать на советах божеств. И хотя легенды и предания во многом затемнили и запутали истинные события, заставляя считать этих бессмертных чуть ли не плодом воображения китайцев, всё же там со всей очевидностью просматривается заложенный ещё в прошлом и более глубокий смысл. Даосские мудрецы первоначально считались адептами разных рангов, которые добились самосовершенства, практикуя мистические дисциплины своих орденов и школ, и постепенно настолько отождествились с собственными доктринами, что их стали воспринимать исключительно как персонификации метафизических идей.

У греков бытовало представление, что их эпические учителя обитали в храмах на вершинах гор, окружённых плотной завесой облаков, так что простые смертные не могли их ни видеть, ни отыскать. Китайские бессмертные, как полагали, жили в странах, которым давали мистические названия, хотя это вовсе не означало, что они были абсолютно нереальными. Согласно даосизму, у волшебников и волшебниц (мистиков) были свои отдельные и вполне официальные места обитания, наряду с которыми якобы существовали и специально отведённые для них области, например «Горы бессмертных» и «Земля бессмертных», причём такую страну мудрецов всегда изображали как некое райское место, где царили тишина и покой, не нарушаемые суматохой земных дел. Там в мире и согласии обитали посвящённые, достойно и мудро управляя своим царством. Самой романтической из всех этих сказочных стран духов и волшебников считается земля под названием «Три острова блаженных». Острова эти в действительности были горами и, по слухам, находились в Восточном Море. Обычным людям, которые много раз пытались добраться до уединённых жилищ мудрецов, подобное предприятие удавалось только с великодушного согласия и с помощью этих исключительных в своём роде существ. Те же, кто занимался поисками без провожатого или без приглашения приближался к святым местам, либо сбивался с пути. либо

погибал.

Фергюсон по сути даёт философское толкование даосской легенде о так называемых возвышенных существах, утверждая: «Под этими бессмертными, или волшебниками, обычно подразумеваются личности, удалившиеся в горы с целью обучения и медитации». Говорили, что архиепископ Пекина, наслушавшись бесчисленных рассказов миссионеров и христианских новообращённых, направил в Рим письмо, где изложил историю, которую в том или ином виде можно было встретить практически во всей духовной литературе. В этой легенде рассказывалось о том, как однажды в опасные для страны времена император и высшие чиновники государства направили к Шэ и Цзюаю некую секретную официальную депутацию. Существа те якобы были духами гор, наделёнными в высшей степени чудотворными силами, которых невежественные массы считали покровителями Китая, а добропорядочные и учёные миссионеры — воплощениями сатанинских сил. Как сообщает монсеньор Деляплас, епископ в Китае, в своей «Летописи распространения веры»: «Шэ и Цзюай — это люди в состоянии бытия, отличном от того, в каком пребывает обычный человек, или в том состоянии, которое они имели, когда были воплощены в собственном теле. Это развоплощённые духи, призраки и лярвы, но тем не менее в объективной форме живущие на земле и обитающие в сокрытых в горах цитаделях, куда закрыт доступ всем кроме тех, кому позволено бывать у них»^[243].

Из-за близости Тибета китайская метафизика вполне могла испытать на себе влияние распространённой в этой области буддийской традиции. Среди тибетцев есть аскеты, которые, будучи привержены своим дисциплинам, воздерживаются от общения с мирянами. Некоторые называют их *лха*, или духами, что объясняется их непонятным для обычных людей поведением и отстранённостью от земных дел.

По мнению Е.П. Блаватской, Шэ и Цзюай, с которыми поддерживали общение китайские императоры и учёные, были, по всей вероятности, лоханами, или Адептами буддизма или даосизма, в крайнем уединении обитавшими в этих удалённых местах.

В книге «Шу цзин»^[244], самом древнем из литературных памятников Китая, содержатся сведения о том, что во времена правления великого Яо происходило немало удивительных и непостижимых явлений. Император Яо следовал во всём стезёй добродетели, и посему небеса были к нему благосклонны. В эти дни многие видели пятерых почтенных старцев, прогуливавшихся по острову Хо, но только мудрецы знали, что это были

духи пяти планет. Яо понимал эти тайные знаки, ибо в каждом глазу у него было по два зрачка, и поэтому он мог видеть в двух мирах. Высказав несколько пророчеств, таинственные старцы поднялись в воздух и улетели, подобно блуждающим звёздам, чтобы занять свои места в плеядах. Древние китайские писания изобилуют подобного рода легендами, и доступными для понимания их можно сделать лишь на основании традиций Адептов.

Как и следовало ожидать, первые европейцы, совершившие путешествие в Азию, наслушавшись фантастических историй о восточном мистицизме и насмотревшись на удивительные деяния восточных чудотворцев, пришли к выводу, что и Индия и Китай буквально кишат магами и чародеями, да к тому же ещё теми, кто показывает фокусы и занимается некромантией. Упоминания о всякого рода чудесах встречаются в принадлежащем перу Филострата описании путешествия Аполлония Тианского^[245] ещё в первом веке н. э. Распространению подобных историй во многом способствовали рассказы, безусловно, самого прославленного из всех путешественников — Марко Поло^[246]. По его словам, чародеи из «Татарии» обладали способностью воплощения, воскрешая образы древних мудрецов и божеств. Повествование о пережитых им приключениях и увиденных чудесах было столь захватывающим, что реакция на изданную им книгу оказалась весьма бурной и противоречивой. Его, естественно, обвинили в преувеличениях и представлении событий в ложном свете и вынуждали хотя бы на смертном одре, признать, что все истории о восточных чудесах он выдумал от начала и до конца. Он же вместо этого дал торжественную клятву в истинности всего им сказанного и добавил, что не сообщил и половины из того, что ему в действительности удалось наблюдать. Более подробные сведения можно найти в «Книге сэра Марко Поло», издания Юла или Марсдона. В XIX столетии у аббата Ука, лазаристского миссионера, возникли серьёзные затруднения с распространением вероисповедания, к которому он принадлежал, и всё из-за его рассказов об искусности в трансцендентальной сфере монгольских и тибетских жрецов и мистиков.

По мнению достойных уважения и беспристрастных очевидцев, даосский бессмертный — это не просто мифологическое существо, а реальная личность, сведущая в высших дисциплинах, ныне известных как йогическая, ведическая и тантрическая философии. Даосский мистицизм смешался с мудростью лоханов из Кашмира, которые первыми достигли Китая, преподавая «Доктрину Сердца», что по времени совпало с началом

христианской эры. В своё время лоханы также удалились в горы, где, как многие полагают, обитают и поныне. Почти у всех азиатских народов бытует общее представление, что святые аскеты, добившиеся полной победы над свойственными плоти ограничениями, не только существуют реально и даже иногда занимаются проблемами общества, но и формируют своего рода расу бессмертных, намного превосходящую обычных людей.

Как уже было сказано, китайский ум по своему складу обладает замечательной способностью почитать и обожествлять любых своих героев. В сложившейся, согласно даосизму, структуре вещей присутствует бесчисленное множество бессмертных, точно так же, как и в христианской агиографии^[247] содержится описание гораздо большего числа святых, чем способен вообразить даже самый религиозный из людей.

Учение о занятых и эксцентричных даосских мудрецах свелось в итоге к особой группе, которую можно назвать типичной в господствующей концепции. Эта группа получила название *Ба-сянь*, состоящее из двух китайских иероглифов, первый из которых обозначает человека, а второй — холм. Таким образом, *Ба-сянь* значит «люди гор», или духи, обитающие в удалённых гористых местностях и ставшие широко известными как «Восемь Бессмертных». Все они традиционно считаются реально существующими личностями, которые давным-давно, путём различных мистических переживаний, открыли заключённые в даосизме эзотерические доктрины, и поэтому в значительной мере являют собой персонификацию или пример этой доктрины. Эти Восемь Бессмертных становятся излюбленной темой китайского искусства, а их изображения украшают керамику, вышивку, веера, свитки и изделия из бронзы.

Ба-сянь обладают способностью воскрешать мёртвых, по желанию становятся видимыми или невидимыми, совершают алхимические превращения металлов, составляют магически действующие лекарства и защищают своих приверженцев, но при всём этом они так и не обзавелись посвящёнными им храмами. По мнению Гарри Т. Моргана: «В даосизме они являются тем же, что и святые в католицизме, и соответствуют восемнадцати лоханам буддизма»^[248]. Кстати сказать, Восемь Бессмертных играют определённую роль в обрядности Общества Хун, где от кандидатов в посвящённые требовалось назвать их по именам и описать их атрибуты.

Нынешний облик общество Восьми Бессмертных приобрело или в конце периода сунской, или в начале юаньской династии, то есть примерно в году 1200-м нашей эры. Известно, однако, что некоторые из них в отдельности уже фигурировали в гораздо более ранних традициях. Их

биографии принято строить в соответствии с официальными приоритетами или старшинством по возрасту, хотя имеющийся список весьма далёк от того, чтобы называться последовательным.

Существует любопытная легенда об одной экспедиции, в которую отправились Восемь Бессмертных, решившись совершить путешествие по морю на волшебном корабле, чтобы побывать в незнакомых и удивительных странах. Обычно эти небесные создания предпочитали передвигаться плывая на облаках, однако в этот раз они воспользовались не только кораблём, но также и различными приписываемыми им символами, как способами и средствами передвижения. В народном искусстве символические принадлежности, которые имели при себе бессмертные, трансформировались в подходящие к случаю морские чудища. Во время этого опасного путешествия они объявили войну царю драконов в Восточном Море. Одержав над этим монстром достойную победу, они продолжили своё плавание в царства, оказавшиеся достаточно романтическими, чтобы вдохновить китайское литературное воображение уже высшего порядка.

Восемью Бессмертными, как и природными духами европейских мистиков, правили надлежащие царь и царица, и в символике этих правителей, вероятно, содержится скрытый намёк на иерофантов или Адептов-князей тайных школ. И было бы правильнее сказать, что ими управляли царица и царь, поскольку, согласно общему мнению, предпочтением всегда пользовалась «Мать-Царица Запада» — Си-ванму, родившаяся из чистой квинтэссенции западного воздуха. Иногда её также называют «Золотой Матерью Черепахи». Её дворец, имевший в окружности триста тридцать три мили, был опоясан крепостным валом из чистого золота и стеной с бойницами и зубцами из драгоценных камней. Бессмертные, имевшие привилегию жить в этом великолепном дворце, были разделены согласно цвету их одежды на семь категорий. Именно в саду Си-ванму росли волшебные персиковые деревья, плоды на которых созревали только раз в три тысячи лет. Царице прислуживали пять девушек, но обычно её изображали в сопровождении феникса или журавля. У неё было девять сыновей и двадцать четыре дочери. Первые иезуитские миссионеры пытались отождествлять её с царицей Савской, а профессор Джилес отмечает явное её сходство с римской богиней Юноной.

Царство, где правит Царица Запада, находится на горе Куньлунь, стоящей в центре мира, а вокруг неё вращаются солнце и луна. Первоначально она была богиней эпидемий и повелевала демонами чумы. Однако во времена династии Хань она превратилась в богиню, которая

предотвращает или излечивает эпидемические болезни, а посему её стали связывать с долголетием, полагая к тому же, что она выращивает и оберегает персики бессмертия в саду Небесного Владыки. Если бессмертный оказывался виновен в каком-то, хотя бы и мелком, преступлении, повелители этого края могли потребовать, чтобы он возвратился на землю для повторного рождения в земных условиях. Отбыв наказание, он мог вернуться в рай и вновь занять прежнее высокое положение.

Дун-вангун, хотя и называемый царём бессмертных, обычно воспринимался всеми исключительно как супруг царицы Си-ванму. В начале сотворения мира первозданные пары застывали, оставаясь некоторое время во взвешенном состоянии, а затем начинали производить живых существ.

Первым из них был Дун-вангун, «вылепленный» из чистой субстанции восточного воздуха и ставший номинальным повелителем активного мужского принципа, или *ян*, и всех стран Востока. Купол его дворца, теряющегося в туманных небесах, был из фиолетовых облаков, а стены — из голубых. Он являлся архивариусом всех бессмертных и всегда был в курсе их дел. В китайской литературе, однако, о нём содержится очень мало сведений.

Преподобный Хэмпдон К. Дю Боз сравнивает гору «Матери-Царицы Запада» с горой Сумеру буддистов и полагает, что описание дворца, окружавших его садов и обитателей заимствовано из древней индусской мифологии. Си-ванму праздновала день рождения раз в три тысячи лет, когда распускало листья персиковое дерево бессмертных. По этому поводу всегда устраивали собрание под названием «Персиковая ассамблея», которую доктор Дю Боз описывает как «Великий вселенский собор богов». Выбор терминов в данном случае представляется весьма странным, если только автору не было известно, что в них сокрыт больший, нежели просто мифологический, смысл ^[249].

На рис.: Си-ванму со служанками и фениксом.

Подобно даосским мудрецам, герои Хун в легендах, связанных с этим тайным обществом, отправляются в морское путешествие на корабле,

держа курс на запад, достигают Западного Рая Си-ванму и, пройдя по мосту, попадают в город ивовых деревьев, представляющий Восточный Рай Дун-вангуна^[250]. В китайском буддизме Западный Рай в точности соответствует небесному жилищу Си-ванму. В буддийской интерпретации эта страна, которой правили Амитабха и его лучезарная дочь Гуаньинь, находится на полпути между иллюзорными сферами смертных и непостижимой тайной нирваны. Ко всему прочему, согласно этой версии, Гуаньинь, которая обычно служила олицетворением женского начала, всегда в глазах народа занимала более высокое положение. Именно её неизменная и вселенская доброта, выражающая способность к состраданию, ведёт все существа в царство света и истины. Она являет собой некий вариант Матери из мистерий, отображая тем самым великую школу, или коллегия, архатов. Употребление термина, означающего женственность, для определения законченной структуры институционального обучения сохраняется и в названии «альма-матер», или «кормящая мать». Общество Хун говорит о своём «прародителе» как о Материнской Ложе, а в европейском массонстве тот же смысл заключён в шотландском обществе «Победа Матери над разрушением».

Легенды о Восьми Бессмертных живо перекликаются с китайскими сказками о героях, по своему содержанию созвучными с героическими преданиями, сохранившимися в европейском эпосе. Ордена Искателей Приключений, существовавшие в тот период, когда в обществе царил дух рыцарства, создали своих героев, чьи подвиги были неотделимы от магии и мистицизма. Невозможно отрицать, что в легендах о Роланде, короле Артуре, сэре Галахаде, Парсифале и Лоэнгрине^[251] за незатейливым на первый взгляд содержанием сокрыт глубокий смысл. Даосские бессмертные описаны как представители практически всех слоёв общества и профессий и олицетворяют собой бесчисленные черты людских характеров. Каждый из них в конце концов достигал объекта своих устремлений, а читателям предоставлялась возможность толковать сохранившиеся о них предания согласно собственному разумению. Их жизнь и деятельность, безусловно, неотделима от определённых мест и времени, и с течением веков присущий им образ действий становится всё более непонятным. Однако невозможно ощутить дух даосской метафизики, не проявив искреннего интереса к этим восьми в полном смысле слова исключительным личностям и выпавшим на их долю событиям.

Согласно воззрениям египтян и греков, человеческая душа образована восемью принципами, или энергиями, и вполне понятно отображение их в

китайском искусстве в виде магического восьмиугольника, составленного из инь и ян, троих их сыновей и трёх дочерей, что весьма напоминает семейство Ноя. Душа, как и Западный Рай, — это источник эмоций с их положительными и отрицательными противоположностями. Путешествие в поисках души, вдохновлённое красотой и состраданием, и отыскание наконец её золотого дворца может послужить неплохим толкованием концепции даосизма. По счастью, вполне возможно по портретным изображениям Восьми Бессмертных и их прихотливым путям достижения цели восстановить атрибуты душевных сил человека.

Ли Тайэ-куай

Давным-давно, в ту славную эпоху, когда люди занимались поиском эликсира бессмертия, в VI веке жил замечательный и благородный учёный по имени Ли Тайэ-куай (Li T'iehkuai), который обычно стоит во главе списка Ба-сянь.

Ещё в молодые годы Ли принял решение удалиться от мирской суеты и посвятить себя размышлениям о таинственных искусствах возрождения. Затем, как это было принято в подобных случаях, он, отойдя от образа жизни простых смертных, поселился далеко в горах в уединённом жилище, где и прожил более сорока лет.

Дни свои Ли проводил в медитации, сидя в ничем не нарушаемом спокойствии на тростниковой циновке, и, как говорят, был настолько погружён в свои метафизические спекуляции, что забывал и есть и спать. Имея то же прозвище, что и Лао-цзы, он, казалось, более всех других подходил для вызывания духа славного даосского Мастера, который уже давно удалился от мира и в покое и счастье жил в благородной тени персикового дерева долголетия. С мольбой обратился Ли к почтенному Лао-цзы, упрашивая его принять земной облик, взять его к себе в ученики и раскрыть тайное учение о великом Дао.

По достоверным сведениям, Лао-цзы действительно явился преданному Ли, хотя и не указывалось точно, как это произошло: то ли лично, а может, в снах или видениях. Но так или иначе, Ли испытал истинное озарение и познал туманную философию полного отъединения. Время от времени Лао-цзы приглашал Ли отправиться с ним в путешествие в невидимый мир и побывать в сферах, где обитают небожители. Ли для этого приходилось покидать своё физическое тело и путешествовать в трансцендентном носителе. Именно в этот период возросшая слава Ли принесла ему множество учеников и приверженцев.

Однажды случилось так, что Ли, решив в очередной раз совершить путешествие в заоблачную страну, оставил свою материальную оболочку под надзором одного из учеников, строго-настрого наказав тому кремировать его останки, если сам он не вернётся через семь дней, ни днём раньше, ни днём позже^[252], что в итоге явилось причиной рокового осложнения. Неожиданно ученика, шесть дней неотступно охранявшего тело Ли, вызвали к постели умирающей матери. Ученик как только мог тщательно осмотрел тело учителя и, решив, что Ли и в самом деле мёртв,

велел сжечь его тело на день раньше указанного срока. Когда же на седьмой день Ли возвратился с восхитительных Холмов Долголетия, его ожидало, мягко говоря, неприятное открытие, а именно, что его физического носителя более, так сказать, не имелось в наличии.

Решив, что для него ещё не пробил час навсегда отбыть в сферы бессмертия. Ли поискал поблизости какое-нибудь другое тело, в котором он смог бы поселиться. Единственное, показавшееся ему подходящим, принадлежало недавно умершему хромому нищему. Понимая, в каком критическом положении он находится, Ли приказал своему астральному двойнику войти через виски в труп нищего и, обосновавшись в этой оказавшейся под рукой, хотя, по правде говоря, и неподходящей для него форме, с величайшим вниманием обследовал свою новую среду обитания.

Тело нищего явно оставляло желать много лучшего. Грубо вылепленная, уродливой, продолговатой формы голова, смуглое свирепого вида лицо в обрамлении производящих жуткое впечатление всклокоченных волос и бороды. Однако более всего, с практической точки зрения, его, видимо, обеспокоило открытие, что нищий этот был калекой, одна нога которого ему почти не повиновалась.

Оценив по достоинству окружавшую его обстановку, Ли испытал сильнейшее искушение вырваться из этой омерзительной оболочки, однако Лао-цзы, к которому он обратился за советом, убедил его остаться и совершенствовать своё отношение до полного безразличия. В конце концов, одно тело столь же скверно, как и любое другое.

В качестве компенсации Лао-цзы подарил Ли головную повязку из золота, дабы помочь тому хоть как-то справиться с непокорными волосами, и железный костыль, чтобы он смог, опираясь на него, ковылять, если того потребуют обстоятельства. Рассказывают, что Ли, смирившись-таки со своим новым телом, первым делом отправился в дом своего нерадивого ученика и вернул к жизни его мать с помощью драгоценных лекарств, содержащихся в бутылке из тыквы, которую всегда носил с собой.

Символами Ли стали его железный костыль и тыквенная бутылка. Его, сотворившего множество чудес, следовало бы причислить к адептам-алхимикам. Он готовил удивительные снадобья, помогавшие от всех болезней и бережно хранимые всё в той же бутылке из тыквы. Ночью, когда заканчивался день, переполненный заботами обо всех нуждающихся в его помощи, он вешал бутылку на стену своего дома, входил внутрь и спокойно спал до следующего утра. Друзей и сторонников он выбирал себе из людей бедных и лишённых каких бы то ни было привилегий и заслужил всеобщее уважение безграничной щедростью и добротой. Говорят, что он с

благотворительной целью много раз путешествовал в материальный мир. Однако со временем бремя общения с родом человеческим стало для него слишком тягостным, и тогда Ли ступил на плавающий по воде огромный лист, который унёс его в страну бессмертных.

Рассказывают также, что он исчез, подхваченный смерчем, перенёсшим его в потусторонний мир. В области изобразительных искусств его, помимо обычных атрибутов в виде железного костыля и бутылки, изображают стоящим на крабе или в сопровождении оленя. Из горлышка бутылки, что всегда была с ним, выходит спиральное облачко пара, означающее, что дух его свободен от тела. С течением времени Ли из-за крайне необычного рода занятий стали считать покровителем астрологов и чародеев.

Чжун-ли Чжуань

Жизненный путь Чжун-ли Чжуаня (Chung-li Ch'uan) окутан множеством легенд. Период его жизни, предположительно, относят ко времени правления династии Хань (206 до н. э. — 220 н. э.) и поэтому его называют Хань Чжун-ли. Согласно другому источнику, хотя и не получившему всеобщего признания как достоверный, он жил в эпоху династии Чжоу, то есть в гораздо более ранний период.

Как утверждают его биографы, Чжун-ли родился в Шэньси и стал весьма влиятельным лицом, достигнув ранга маршала империи. Его необычным образом сложившаяся карьера и замечательные достижения принесли ему славу Царя-Императора Истинного Действующего Принципа. Другие авторы, более склонные к сомнению и высказыванию пренебрежительной оценки событий, считают его всего лишь вице-маршалом и рассказывают, что в действительности он, потерпев поражение в одном из сражений, бежал и скрылся в некоем удалённом месте, где и началась его философская карьера. Там, ведя жизнь изгнанника, он познакомился с пятью таинственными героями (мудрецами), называемыми «Цветами Востока», и именно они рассказали ему об эзотерической доктрине бессмертия.

В другой легенде об этом странном человеке рассказывается, что на самом деле он был даосским жрецом, который, достигнув совершенства в знании алхимии, овладел искусством превращения неблагородных металлов в серебро. Накопленное благодаря своему мастерству богатство он в голодные годы раздал беднякам, став спасителем не одной тысячи жизней и заслужив себе этим вечную славу.

Но так или иначе, все легенды сходятся на том, что Чжун-ли всё своё время посвящал глубоким исследованиям, настойчиво пытаясь проникнуть в тайны Дао, а имя его всегда было тесно связано с обрядами и дисциплинами духовных наук. Подобно всем удалившимся в горы мудрецам, местом своего обитания он избрал уединённую гористую местность, поселившись в небольшом каменном доме. И вот однажды, когда он сидел, погружённый в глубокое раздумье, стена дома вдруг треснула и разошлась, обнажив сокрытый в каменной кладке тайник, где стоял нефритовый ларец. В ларце лежали свитки, на которых было записано всё, что необходимо для удачливого смертного, пожелавшего стать бессмертным.

Чжун-ли настолько успешно следовал наставлениям чудесным образом раскрытого ему учения, что его маленькое жилище постоянно было наполнено разноцветными огнями и светящимися облаками и звучала сладостная божественная музыка. В должное время ему в образе аиста явилась птица-дух и, усадив мудреца себе на спину, унесла его в царство бессмертия.

Чжун-ли обычно изображают как важного вида учёного со счастливым лицом и длинной бородой. В руках он держит веер, украшенный кисточкой из конского волоса, которым он якобы может воскрешать мёртвых. Иногда он предстаёт держащим персик бессмертия — символ, соответствующий его алхимическим достижениям. Но даже будучи принятым в общество небожителей, Чжун-ли счёл для себя необходимым время от времени появляться на земле в разных обличьях, что сопровождалось чудесными проявлениями его силы. Его статус вполне допускал подобные визиты, поскольку он был посланцем невидимых существ, обитавших в волшебном саду мудрых. Необычайные успехи в превращении неблагородных металлов принесли ему славу как покровителя алхимиков и химиков.

Люй Дунбинь

К интеллигенции, отказавшейся от славы и почестей этого мира ради поисков тайной мудрости, принадлежал и Люй Дунбинь, выходец из добропорядочной семьи и учёный, успешно сдавший государственные экзамены на высшую должность. В отношении Люя его биографы несравнимо более великодушны и высказываются с большей искренностью.

Сообщается, что он родился в Цзянси в 798 г. Его знаменитый дед был главой Министерства церемоний, а достойный отец — префектом Хай Чжоу. Характер Люя определяется курьёзным рифмованным двустишием, сложенным, возможно, и из связанных между собой деталей, в котором говорится, что он был ростом в пять футов два дюйма (около 1 м 57 см) и в возрасте двадцати лет всё ещё не женился. Возможно, что под влиянием этих обстоятельств он и принял решение стать путешественником.

Незадолго до своего двадцатилетия Люй отправился в поездку по провинции Цзянси, где повстречался с огненным драконом, от которого получил волшебный меч. Пользуясь этим мечом, он совершил множество удивительных подвигов и даже смог скрыться на небесах, когда тяготы земной жизни стали для него невыносимы.

В этой легенде, видимо, косвенно выражен тот факт, что Люй или проходил обучение у некоего Адепта-учителя, личность которого скрыта под образом дракона, или был посвящён в тайное мистическое общество, использовавшее дракона в качестве символа. Люй, как и все люди подобных взглядов, стал отшельником, избрав местом своего жилья склон Пика Аиста в горах Лу.

В период ученичества мудрец удостоился чести встретиться с одним из бессмертных, Чжун-ли, который раскрыл ему тайны алхимии и научил готовить эликсир долголетия. После непосредственного общения с бессмертными мудрецами Люй объявил о своём решении посвятить жизнь обучению людей и служению подлинной доктрине. Чтобы проверить его достоинство, Люя подвергли десяти искушениям, в чём, вероятно, содержится намёк на процесс посвящения. Успешно пройдя трудные испытания, он приобрёл сверхъестественные способности и стал обладателем имеющего волшебную силу оружия.

Проводя дни в уединённом убежище на Пике Аиста, он собрал вокруг

себя учеников и вёл с ними пространные беседы о семи рангах духов, трёх категориях качеств и на другие увлекательные темы. Имеются также сведения о том, что он, подобно благородному герою рыцарских времён в Европе, путешествуя убивал жестоких великанов-людоедов и отвратительных чудовищ, защищал обездоленных и творил всякого рода замечательные, добрые дела. Хотя Люй уже в возрасте пятидесяти лет достиг бессмертия, жизнь его, как говорят, длилась почти четыре столетия, а деятельность принесла бессмертную славу. И, как свидетельствует история, Люй «был посвящён в божественные таинства...»^[253].

Из «авторитетного источника» известно, что Люй, пообещав своему бессмертному учителю Чжун-ли распространить доктрину мудрецов, принял облик торговца маслом и решил наградить бессмертием любого покупателя, который не станет спорить о цене или пытаться ухватить себе больше масла, чем ему положено. Целый год бродил Люй по разным местам, но встречал только бесчестных или корыстных покупателей. Единственным исключением стала одна старая дама, оставшаяся вполне довольной причитавшейся ей долей масла. Люй был до такой степени потрясён её поведением, что пошёл за ней до самого дома и, увидев во дворе колодец, бросил туда несколько зёрен волшебного риса. Вода в колодце тут же превратилась в вино, продавая которое она разбогатела.

Символами Люй считаются волшебный меч (китайский вариант Экскалибура^[254]) и мухогонка в виде конского хвоста на ручке, названная «облакочисткой», служащая указанием, что он мог путешествовать по воздуху. Иногда его изображают с маленьким мальчиком на руках.

За свою учёность и разного рода достижения Люй был в особой чести у литераторов и интеллигенции. Позднее он снискал всеобщее расположение как святой покровитель цирюльников и глубоко почитался больными.

Лань Цзай-хо

Согласно общему мнению, только в отношении одного из бессмертных не существует определённого указания, что он — это женщина по имени Лань Цзай-хо (Lan Ts'ai-ho), и поэтому именно он становится источником необычных затруднений. Этого бессмертного обычно представляют как некое юное существо с корзиной фруктов, играющее на музыкальном инструменте, внешне похожем на свирель. По сей день ведутся ожесточённые споры по поводу пола этого существа, которое в одних случаях фигурирует как мужчина, в других предстаёт как женщина, а иногда становится вдруг явным гермафродитом.

В китайском театре Лань, хотя и одетая в женское платье, всегда говорит мужским голосом. До сих пор неизменной популярностью пользуются многочисленные обожаемые Лань баллады, часть которых якобы сочинила она сама. Согласно некоторым источникам, период его или её жизни относится ко времени правления династии Тан (618–907 гг.), а наиболее полному о нём или о ней представлению отвечает образ трубадура бессмертных.

Лань — это, без сомнения, личность в высшей степени экстравагантная, странствующая по земле в драной голубой мантии, подпоясанная тёмным деревянным ремнём трёх дюймов ширины. Этот бессмертный ходил в одном башмаке и в зимние холода спал на снегу, защищаясь от стужи войлочной накидкой.

В одной из легенд рассказывается, как Лань зарабатывал на жизнь тем, что пел на улицах деревень, но проявлял такое равнодушие ко всему мирскому, что часто, получая плату за своё пение, с презрением швырял монеты на землю, где их тут же могли подобрать нищие. И хотя певца этого все считали помешанным, его песни, удивительным образом наполненные тонким философским смыслом, порицали мимолётные наслаждения суетного мира и иллюзорное величие смертного бытия. В этом безусловно просматривается определённое соответствие между китайским менестрелем и европейскими труверами^[255], в чьих на первый взгляд легкомысленных балладах было сокрыто эзотерическое учение древних мистерий.

Однажды, пребывая в состоянии транса, или, что признаётся менее охотно, опьянённый волшебным ликёром, Лань уплыл на облаке в небесные сферы и, покидая этот бренный мир, сбросил на землю драную

мантию, деревянный ремень, музыкальные инструменты и свой единственный башмак.

Со временем Лань превратился в святого покровителя цветоводов, что, вероятно, связано с корзиной цветов и фруктов, которую этот бессмертный всегда носил с собой.

Чан-куо

Одной из самых занятных фигур в избранной группе даосских бессмертных был Чан-куо, который, как утверждают, жил в VII или VIII веке и приобрёл громкую известность как отшельник. Уйдя от мира, он поселился на склоне горы Чжун-тяо в провинции Шанси, хотя и был заядлым путешественником, которого часто видели в нескольких местах одновременно. Два императора династии Тан приглашали знаменитого чудака ко двору, но он от этого предложения отказался. Однако после обращённых к нему настойчивых просьб императрицы У-хоу (685–704 гг.) Чан-куо согласился нанести ей визит, но, как говорят, по дороге во дворец внезапно умер в воротах храма Женщины-Ревнительницы. Рассказывают, что даже после смерти, когда его тело уже начало разлагаться, его видели в другом месте живым и здоровым.

Среди прочих присущих этому бессмертному странностей было и то, что он обычно ездил верхом, сидя задом наперёд на белом муле, сделанном из бумаги. Волшебное животное могло, не испытывая даже малейшей усталости, везти своего господина, проходя ежедневно по несколько тысяч миль, а когда в нём больше не было нужды, Чан-куо просто складывал его и прятал в большую и вместительную сумку, а посему ничего удивительного не было в том, что Чан-куо прослыл чародеем, а по распространённому в народе мнению, в своём предыдущем воплощении он был первым министром божественно просветлённого императора Яо. И хотя имеются сведения, что жить он предпочитал в крайнем уединении своего отшельнического приюта, в 735 г. его вызвали в Хэнань, где избрали главой императорской Академии с цветистым титулом «Проницательнейший учитель». К сожалению, не сохранилось сведений о его деятельности в стенах Академии.

Примерно в это же время при императорском дворе находился знаменитый даосский чародей по имени Е Фашань (Yeh Fashan). Поскольку действия Чан-куо всегда были таинственны и непонятны, а причины столь странного поведения он отказывался объяснять, император повелел придворному чародею узнать наконец, кем же в действительности является этот отшельник. Е Фашань на это ответил, что если он расскажет всё известное ему о Чан-куо, то мгновенно умрёт и останется мёртвым, если сразу же после его кончины император, босой и с обнажённой головой, лично не пойдёт и не вымолит ему прощение у Чан-куо. Однако при

точном исполнении этих условий чародей может воскреснуть. Император, ни секунды не медля, пообещал ему сделать всё, что нужно, и Е Фашань объявил: «Чан-куо — это белая летучая мышь-дух, которая вышла из первозданного хаоса». Произнеся последнее слово, чародей упал замертво у ног императора. Его величество в точности выполнил обещание и, добившись прощения у Чан-куо, вернул чародея к жизни. Говорят, что вскоре за этим Чан-куо заболел и в должное время отошёл в мир иной. Однако, когда через некоторое время после его смерти несколько учеников раскрыли его гроб, оказалось, что он пуст. Так сложилась легенда, что он счёл нужным просто притвориться мёртвым и перенёсся в царство бессмертных, не испытав перехода от жизни к смерти.

Ещё находясь при дворе императора, Чан-куо совершил немало чудес, и ему в знак уважения предложили в жены принцессу из императорской семьи. Он, однако, отклонил эту честь и не дал согласия поместить свой портрет в Зале Достойных.

Этого бессмертного часто представляют едущим на белом муле, изображённом в довольно-таки гротескной манере, вероятно, подчёркивая этим, что сделан он из бумаги. Его портрет бережно хранили у себя новобрачные, несмотря на то что сам он, будучи аскетом, соблюдал обет безбрачия. Иногда он предстал держащим перо феникса или персик бессмертия, но чаще всего в руках у него был музыкальный инструмент в форме бамбуковой трубки или барабан с двумя прутиками, которые служили ему барабанными палочками. Этим инструментом он пользовался для привлечения простого люда, а когда вокруг собиралась изрядная толпа, он с удовольствием исчезал, становясь невидимым. Создаётся впечатление, что по пути мудрости его вели благосклонные к нему мудрецы и даосские духи, посещавшие Чан-куо в его уединённом жилище. Наибольшую известность он приобрёл как покровитель писателей и художников.

Хань Сян-цзы

В счастливые времена правления династии Тан жил выдающийся учёный, государственный деятель, философ и поэт по имени Хань Юй. Этот великий человек нёс на себе тяжкое бремя воспитания своего племянника — по другим сведениям, внучатого племянника — смышлёного и подающего большие надежды мальчика, которого звали Хань Сян-цзы, которому предопределено было стать бессмертным. Мальчика отдали на попечение старшего родственника, чтобы он смог получить достойное образование и подготовиться к государственным экзаменам по классическим дисциплинам. Хань Юй был ярким противником магических и мистических спекуляций даосизма, тогда как его юный подопечный, напротив, достаточно рано проявил глубокий интерес к алхимическим и трансцендентным размышлениям. Особенно ему хотелось приготовить вино, не используя зерна, и заставить спонтанно расцветать цветы. Хань Юй считал своим долгом настойчиво доказывать, что подобные задачи неосуществимы и противоречат всем законам здравого мышления.

Желая переубедить дядю, или двоюродного дедушку, Хань Сян взял немного земли и накрыл её цветочным горшком, а когда по истечении буквально нескольких минут он поднял горшок, их взорам предстали два цветка (пионы), на лепестках которых золотом были написаны строки поэмы, оказавшейся для Хань Юя пророческой, поскольку в ней содержалось предупреждение, что он попадёт в опалу и будет осуждён на изгнание. Всё именно так и случилось, и старому учёному оставалось лишь горько сетовать на злой рок и сокрушаться по поводу физических недугов, ставших его постоянными спутниками в нездоровом климате места, где ему в изгнании приходилось коротать свои дни.

Хань Сян, к тому времени уже достигший определённых успехов в занятиях магией, передал дяде лекарство, которое должно было сохранить ему здоровье, и объявил, что преклонных лет политик не только вернётся в свой дом и семью, но и получит обратно все прежние титулы. Слова его, ставшие предсказанием, сбылись, и долее уже нельзя было отрицать, что Хань Сян обладал удивительными способностями и мог предвидеть грядущие события.

Рассказывают, что Хань Сян стал любимым учеником бессмертного Люй Дунбиня, что, видимо, имеет целью подчеркнуть существенную

взаимосвязь между этими учёными. В этом месте повествования дело, однако, принимает довольно занятный оборот. Достигнув значительных успехов в эзотерических дисциплинах, Хань Сян уплыл на облаке, опустившемся поблизости от чудесного персикового дерева духов, на ветвях которого росли плоды бессмертия. К несчастью, Хань Сян, не удержавшись на ветвях дерева, упал вниз, стараясь никоим образом не повредить висящих на ветках плодов. Пройдя при падении несколько сфер невидимого мира, он путём внутреннего осознания достиг состояния бессмертия. Более прозаическая история гласит, что, упав с дерева, он умер и, превратившись в духовное существо, посещал землю в нематериальном теле, испытав множество приключений.

Художники обычно изображали его держащим в обеих руках корзину в форме тыквы, наполненную персиками бессмертия. Иногда его рисуют только с букетом цветов. Хань Сян прославился также и как превосходный музыкант. Звери и птицы собирались вокруг, чтобы послушать его игру на флейте, благодаря которой он заслужил сравнение с греческим Орфеем, будучи к тому же наделённым некоторыми атрибутами буддийских лоханов. В народе его считали покровителем музыкантов.

Цао Куо-цзю

Некоторым людям суждено добиваться признания своих достоинств, совершая добрые дела, но лишь немногим удача сама идёт в руки. Цао Куо-цзю (Ts'ao Kuo-chiu), по всей видимости, принадлежал к последним. Согласно одному из источников, он был младшим братом императрицы Жэнь Цун (1023–1064 гг.), у которой было два брата, но старший вёл разгульную и недостойную его положения жизнь. Хорошо понимая, к чему может привести столь неподобающее поведение старшего брата, Цао, пытаясь его предостеречь, часто говорил: «Ты можешь избежать наказания по закону, но тебе никогда не удастся спастись от сетей неба, всегда присутствующих, хотя и незримых».

Однако, несмотря на все усилия, Цао не смог вразумить своего беспутного брата. И в конце концов, разочаровавшись в суете дворцовой жизни и тяжело переживая позор, навлечённый братом на семью, Цао удалился в горы, где облачился в одежду из листьев и решил стать отшельником. В этой легенде, однако, содержится немалый вымысел, поскольку в исторических источниках ни слова не сказано о том, что у императрицы был брат, решивший стать аскетом.

В один прекрасный день Цао в его жилище посетили бессмертные Хань, Чжуан-ли и Люй Дунбинь и учтиво осведомились о целях и намерениях юноши. Цао рассказал, что решил посвятить себя изучению Дао, или Пути, а когда его спросили, какого Пути, он указал на небо. Бессмертные остались весьма довольны его ответом и в награду раскрыли ему тайную формулу совершенства. Здесь следует заметить, что в верхних сферах, где обитали бессмертные, было восемь пещер, но к тому времени в них жили только семь мудрецов. Однажды они собрались на серьёзное совещание с намерением выбрать ещё одного мастера, чтобы довести их число до восьми. Собравшиеся на совет все как один назвали Цао, поскольку в нём наблюдалась явная предрасположенность к тому, чтобы стать духом. Вот так и случилось, что он занял своё место среди бессмертных и разделил с ними блаженство небесных сфер.

Об этом бессмертном рассказывают множество других, более длинных и запутанных историй, однако приведённую здесь легенду можно считать одной из наиболее распространённых. Вполне допустимо, что отдельные авторы, столкнувшись с достаточно путаными сведениями, пришли в некоторое замешательство, что и стало причиной появления

противоречивых сообщений. Цао носил головной убор императорского двора и положенную по этикету длинную, ниспадающую свободными складками одежду. Говорят, что он ходил с придворными дощечками^[256], которые по причине его императорского происхождения давали ему свободный доступ во дворец. С течением времени он заслужил известность как святой покровитель людей театральных профессий.

Хо Сянь-ку

Единственной женщиной среди восьми бессмертных была Хо Сянь-ку (Но Нсиенку), уроженка провинции Кантон, жившая во времена правления императрицы У-хоу. Согласно некоторым источникам, её отец был лавочником. Она родилась с шестью длинными волосами, росшими на её темени, однако на портретах её изображают с копной густых волос, убранных в традиционном стиле. На горе поблизости от её дома было множество камней, называемых «перламутром», которые не имели ничего общего с перламутром в западном его понимании. Однажды Хо Сянь-ку в сновидениях посетил дух, который велел ей растереть в порошок и съесть один из этих камней, и тогда она овладеет великим искусством передвижения и раскроет для себя тайну бессмертия.

Хо Сянь-ку последовала совету духа и, дав обет целомудрия, удалилась в горы, где устроила себе уединённое жилище. С тех пор она проводила дни, плавая с одной горной вершины на другую и принося себе по ночам и складывая в доме самые разные фрукты. В один прекрасный день она обнаружила, что более не нуждается в пище, и долгое время жила без еды. Слухи об этом удивительном свойстве дошли до ушей императора, и он пригласил девушку побывать у него при дворе. По пути во дворец Хо Сянь-ку вдруг исчезла и объявилась среди бессмертных. Весьма часто по разным поводам она являлась в видимом обличье, и много раз её видели парящей в облаках у храма Ма Ку. В одной популярной китайской пьесе достаточно ярко отобразено величие этой царицы фей. В её дворцовом саду в изобилии росли необычные цветы и редкие травы. Повсюду порхали прекрасные птицы и бродили удивительные животные, совсем непохожие на тех, что живут на земле, а в беседке среди персиковых деревьев сидели музыканты, извлекавшие из своих инструментов божественные мелодии.

В произведениях искусства Хо Сянь-ку предстаёт в образе прекрасной женщины, держащей в руке цветок лотоса или персик бессмертия, подаренный ей мудрецом Люй Дунбинем, что ещё более подчёркивает единение бессмертных и показывает, как они посвящали учеников в свои таинства.

Однажды, когда Хо Сянь-ку грозила смертельная опасность, ей на помощь пришёл Люй Дунбинь, явившийся со своим волшебным мечом в самый критический момент. Перед преданными ей людьми она появлялась стоящей на плавающем по воде лепестке лотоса или держащей в руке

мухогонку в виде конского хвоста на ручке. В то время не существовало развитой системы женского аскетизма, что послужило основой непрекращающихся дебатов на тему, как Хо Сянь-ку удалось занять столь высокое положение в китайской концепции жизни. Выходило так, что даже сами бессмертные попадали в весьма щекотливое положение, ибо при условии, что на каждого из них возлагалась определённая задача или обязанность, возникала необходимость подобрать работу, подходящую для такой очаровательной и чистой девы. В конце концов ей поручили довольно приятную работу, а именно сгребать опавшие цветы в Южных Вратах Неба. Не являясь покровительницей домашнего очага, она оказывает помощь в ведении хозяйства.

Влияние раннего христианства в Китае

Согласно Хекеторну, за несколько лет до христианской эры системы мистерий и посвящения отнюдь не были частью китайского образа жизни^[257]. Тогда как столь обобщающее заявление следовало бы принять лишь с некоторыми оговорками, в самой структуре китайской философии имеются указания на то, что примерно во времена Христа под влиянием сильного импульса началось проникновение эзотерических обществ в среду китайцев. Здесь, однако, необходимо заметить, что «И цзин», древнее произведение, которое приписывают жившему в доисторическое время императору, содержит большую часть основ, необходимых для развития в высшей степени запутанной эзотерической философии. По мнению некоторых авторов, примерно к тому же периоду относится и введение в Китае буддизма и христианства. В той и другой системах получили признание и отправлялись особого рода мистерии, принятые на практике ритуалы посвящения, причём обе системы претендовали на обладание неким знанием, которое можно доверить только ученикам и достойным приверженцам, взявшим на себя определённые обязательства и проявлявшим различные степени аскетизма.

Евсевий, историк и секретарь Константина Великого, с полным знанием дела утверждает, что после падения Иерусалима апостолы и ученики Иисуса Христа оказались рассеянными по всему миру. Апостолу Фоме в это время для его миссионерской деятельности было выделено Парфянское царство, которое, похоже, занимало огромную территорию с находящимися на ней Персией, Афганистаном и Северо-Западной Индией. В тот же самый период границы Китая были более или менее гипотетическими и охватывали значительные области, которые ныне принадлежат другим азиатским государствам. В требнике малабарской церкви сказано: «Святым Фомой расширено было царство небесное вплоть до самого Китая». Григорий, сын Аарона, названный коленом израилевым, яковитский примас Востока, восхваляемый историком Гиббоном, заявлял, что Фома был первосвященником и возвестил христианское откровение во второй год после вознесения нашего Владыки. Св. Фома прошёл всю Индию и посетил самые отдалённые части Азии, расположенные на «дальних рубежах Востока».

Джон Кессон в научном трактате, посвящённом судьбе христианства в Китае, утверждает: «В халдейском ритуале всё ещё находится место для

апостолов из Индии — "Блаженный Св. Фома обратил китайцев и кушитов на путь истинный. Блаженный Св. Фома разрушил индийское идолопоклонство. Благодаря Св. Фоме они познали благо крещения и усыновления детей. Благодаря ему царство небесное проникло в Китай"»^[258]. Тот же автор добавляет, что сирийские христиане, всё ещё встречающиеся на Малабарском и Коромандельском берегах (п-ов Индостан), пребывают в твёрдой уверенности, что Св. Фома был основателем их церквей, и заявляют вдобавок, что он проповедовал евангелие в городе великого хана (Пекине) и построил там церковь. Позднее Св. Фома был предан мученической смерти из-за того, что навлек на себя неприязнь некоего индуса. Умер он, как утверждают, в 68 г. Апостола похоронили в Индии, однако в 380 г. его останки для перезахоронения перевезли из Индии в Эдессу (Византия). Труд под названием «Деяния Фомы», впервые изданный на сирийском языке, содержит подробности его миссионерской деятельности.

Считалось, что Св. Фома трудился в Китае как раз в то время, когда императору Мин-ди предстала как видение золотая фигура, внушившая ему высказывание Конфуция:

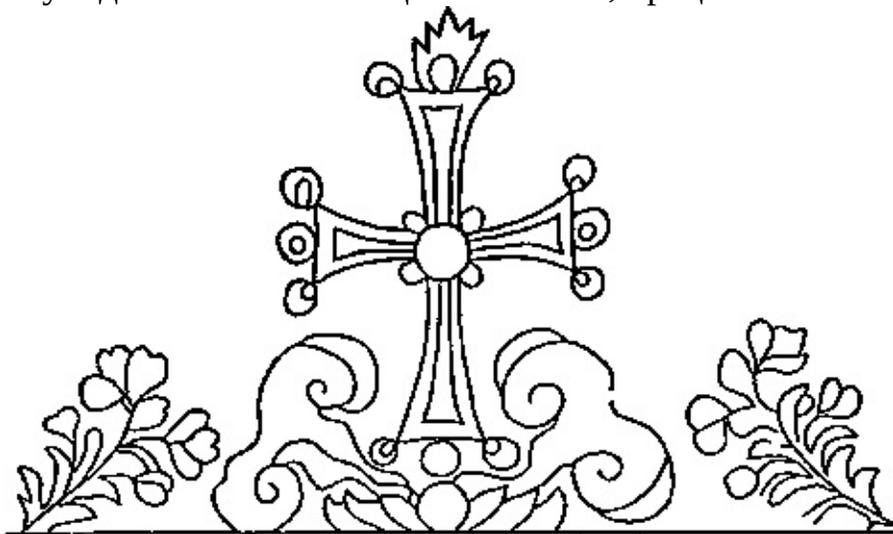
«Всевышний пребывает на Западе».

Следуя совету, он направил в Индию послов. Следствием стало прибытие буддийских миссионеров и установление первого важного контакта с китайцами. Кессон полагает вполне возможным, что в группу, посетившую Китай по приглашению императора, входили и буддийские и христианские учителя. Всё это имело определённое отношение к традиции Адептов в Китае. Сирийская церковь оказалась причастной к так называемым еретическим доктринам, и уже в IV веке «Деяния Фомы» получили клеймо еретического произведения. Причиной тому послужило обнаруженное в этом труде сильное влияние манихейства и гностицизма, на которое обратил внимание Св. Августин.

И вновь процитируем Кессона: «Учитывая, что вначале Центральная Азия была к тому же оплотом гностиков и манихеев, становится вполне возможным знакомство с их доктриной коренных жителей Китая, предпринимавших далёкие путешествия».

Дю Альд на свой страх и риск заявлял, что знаменитый китайский император, живший примерно в начале второго столетия, повелел воздвигнуть монументы, подтверждающие такие события, как рождение Иисуса в пещере, его воскресение, вознесение и следы его святых ног.

Возможно, конечно, что несторианство, равно как и еретическое направление в христианстве, проникшее, как известно, в Китай в VI или VII веках, явилось стимулом к созданию древних монументов, например таких, какие сохранились в подробном описании святого отца Фавье. Немаловажным является и тот факт, что влияние раннего христианства, согласно западным источникам, достигло Китая примерно в то же время, когда мистические, магические и эзотерические доктрины впервые привлекли к себе всеобщее внимание. У гностиков и манихеев были вполне сформировавшиеся эзотерические школы, посвящавшие кандидатов в свои мистерии и придававшие особое значение существующему внутри структуры священного знания делению его на две части, хотя в основе их лежит одно учение о том, что глубокие духовные истины сокрыты в древних традициях, философиях и символических системах в аллегорической форме, а посему, не подобрав подходящих ключей, окажется невозможным раскрыть эти тайные доктрины древности. Как раз в это время, и особенно в Китае, стала приобретать влияние буддийская школа махаяны со всеми присущими ей мистическими обертонами, что практически полностью совпадало со вторым, или трансцендентальным, периодом развития философии даосизма. К этому же времени китайцы относят возникновение своих тайных обществ, целью которых, по мнению Уорда, было отделение собственной символики от заимствованной за пределами Китая и возрождение уже приходящих в ту пору в упадок систем посвящения Египта, Греции и Ближнего Востока.

На рис.:
Фрагмент христианского украшения с дощечки Си-Нань-Фу (Si-Nan-Fu).

Само собой разумеется, что из-за недостатка необходимых

исторических данных было бы нереально ожидать каких-то категорических высказываний. И всё же на основании ряда совпадений можно сделать некоторые выводы. Согласно достоверным сведениям, в первом или втором веке н. э. в китайской религии произошли глубокие изменения. Уже давно сложившиеся в Индии системы посвящения могли, по крайней мере частично, инициировать подобные изменения, хотя и не следует полностью игнорировать возможность влияния и других факторов.

Не вызывает сомнения факт, что гностицизм, неоплатонизм и манихейство были надёжными хранителями мистерий в Средиземноморье до тех пор, пока учения эти не оказались фактически уничтоженными возвышением ортодоксального христианства. Главные лидеры и ученики всех этих школ, как известно, переселились на восток, найдя себе убежище за пределами христианского мира. Там они открыли для себя соответствующий уровень образованности и интеллектуальную свободу, располагавшие к обмену идеями и концепциями. В VI и VII веках несторианство и остатки старых культов мистерий внесли свой вклад в усиление ислама, и нет никаких оснований отрицать, что эти так называемые еретики посеяли, хотя и с меньшими театральными эффектами, семена своих учений на Дальнем Востоке, а созревшие плоды обнаруживались впоследствии в школах индийского, китайского, японского и тибетского мистицизма.

Допуская, что полуисторические письмена древних тайных обществ Китая хотя бы частично содержат достоверные данные, их все можно уложить в хорошо узнаваемую схему. В своё время эта схема неизбежно приобрела столь характерные для Китая черты, что более уже не подвергалась критическому исследованию по поводу её происхождения и первоначального замысла. Крушение европейской цивилизации и постоянная смута средневековья воздвигали интеллектуальные границы и заставили умы европейцев, обратившись внутрь, настолько сосредоточиться на своих внутренних переживаниях, что они перестали обращать внимание на древние культурные связи между Западом и Востоком и в конце концов попросту забыли о них. И лишь в прошлом столетии возобновились дискуссии вокруг этой грандиозной проблемы.

Тайные общества Китая

В Китае, как и в других частях света, в традиции адепства всегда угадывалась внутренняя связь с обществами, братствами и эзотерическими орденами, большинство которых признавало существование бессмертных или героических личностей, почитаемых как олицетворения выдающейся мудрости или силы.

Буддизм с его доктринами бодхисаттв, архатов и лоханов и даосизм с характерным для него акцентированием мудрецов, алхимиков и сверхъестественных существ не только усиливали прежние верования, но и способствовали формированию концепции иерархии полубожественных учителей и интеллектуалов. Образы этих выдающихся, достойных почитания людей обрастали множеством легенд с присущим им замысловатым сюжетом, что в свою очередь содействовало появлению мистических братств и философских обществ.

Тайные общества существовали в Китае с незапамятных времён, причём в каждый период истории империи эти группы избранных играли множество разных ролей. В одном столетии их главной заботой была в основном сфера духовного, а в другом всё их внимание сосредоточивалось исключительно на политике. Членами обществ становились представители разных слоёв общества, но все они, насколько известно, всегда вставали на защиту чести, истины и чистоты.

Среди историков, однако, существует некоторое расхождение во мнениях относительно такого рода братств. Одни полагают, что это были изолированные и несхожие между собой общества, в большинстве случаев весьма недолговечные и возникавшие под влиянием сложившихся в то время обстоятельств. Другие, напротив, уверены, что практически бесчисленные организации — от некоторых в памяти остались только названия — по сути были отделениями или ответвлениями одного братства, которое, принимая самые разные формы, в любой ситуации выживало и даже процветало под внешней, стоической, стороной китайской культуры.

Самым знаменитым тайным братством в Китае считается Общество Хун, которое существует и по сей день и, согласно недавнему сообщению, приобретает всё большую популярность как антикоммунистическая сила в Китае. Не существует общего мнения и по поводу происхождения Общества Хун. Согласно традиционному сюжету, братство это возникло в третьем столетии н. э., когда дела в сфере политики приняли для династии

Хань угрожающий оборот. Из одного этого можно заключить, что до реорганизации и возрождения при маньчжурах Лига Хун на протяжении более 1400 лет имела довольно-таки бурную историю.

Общество оказалось вовлечённым в многочисленные политические интриги и восстания по причине своих решительных выступлений в защиту прав обездоленных масс и стремления объединить — через ритуалы и церемонии — своих членов, прикрываясь убедительными и уместными доводами. Его бесконечные нападки на имперскую коррупцию привели к энергичным ответным мерам. Не брезгуя ничем, власти пользовались любыми средствами, чтобы уничтожить Общество: посвящённых Лиги разыскивали, а поймав, казнили; неоднократно сообщалось, что орден уже более не существует. Но он, подобно сказочному фениксу, вновь возродился из пепла и несомненно способствовал укреплению Китайской Республики.

Традиционно признанное мнение, что Общество Хун было основано во второй половине XVII века, явно требует пересмотра, поскольку кандидату во время посвящения сообщают совсем другие сведения. Получая наставления, он убеждается, что Лига существует уже по крайней мере 1800 лет. Во всем этом неизбежно присутствует скрытый смысл, поддерживающий убеждённость в том, что она является преемником более древних групп, которые обычно считают канувшими в безвестность. Дополнительным тому подтверждением может послужить символика и ритуалы Общества, которые не только восходят к глубокой древности, но и отличаются чрезвычайным многообразием.

Наилучшим из всех доступных трудов, посвящённых Обществу Хун, или *триады*, считается сочинение Дж. С. Уорда и У. Г. Стирлинга. Предисловие к книге начинается словами: «Создаётся впечатление, что, подобно франкмасонству на Западе, Общество Хун, или триада, имеет полное право заявить о себе как о прямом потомке древних мистерий. Его символы восходят к первобытным временам, но само оно представляет высшие ступени франкмасонства, а не ремесленного союза, в той главной части ритуала, где отражено всё то, что происходит с человеком после смерти. В нём обнаруживается поразительное сходство с древним Египтом, в частности, Лодка Хун очень напоминает Солнечную Ладью Ра, и точно так же, в полном соответствии с приведённым в египетской «Книге Мертвых» описанием символического взвешивания души умершего, совершается похожий ритуал в церемониях Хун^[259].

Общество Хун фактически считалось франкмасонской организацией Китая; между ними и в самом деле имеются явные соответствия,

заслуживающие самого пристального внимания. И хотя франкмасонство в его нынешнем виде возникло, как полагают, в XVII веке, есть свидетельства его существования и в гораздо более раннее время. Традиционная легенда относит появление ордена к периоду сооружения Храма Соломона, однако есть также и серьёзные основания считать, что орден этот является выходцем из школ мистерий Греции, Египта и Индии. В легендах о франкмасонстве подробно излагается история передачи главных его символов по неразрывной цепи, начиная с Дионисийских Мастеров, через Римские Коллегии, Строителей Комачини, Европейские Гильдии и кончая тайными обществами XVI и начала XVII веков, что в равной степени относится и к Обществу Хун.

Допуская, что магистры и высшие чиновники этого братства были в курсе всех дел, принятые ими решения, конечно, имеют некоторый авторитет. В прежние времена почти полное отсутствие государственных программ коллективной безопасности и абсолютное пренебрежение к жизни и правам рядовых китайцев привели к основанию нескольких могущественных братств, которые, видимо, прекратили своё существование, когда утратили значение причины, ставшие стимулом к их созданию, и цели, к которым они стремились. Однако фактически поставленная ими благородная цель в их время не была достигнута, и дальнейший тяжкий труд перешёл в наследство будущим поколениям. Эта великая цель заключалась в избавлении человеческого разума от тирании невежества и установлении надлежащего правительства и социальной политики, способных обеспечить человечеству счастливое и безопасное существование. Поэтому стоит отдельно остановиться, по крайней мере, на некоторых китайских братствах.

В анналах династии Поздняя Хань сохранилось первое упоминание о некоем тайном обществе. Примерно в 185 г. н. э. организация, называвшаяся «Бунтари в Красных Шапках» и состоявшая исключительно из учёных мужей и интеллектуалов, предприняла попытку тайного сопротивления монаршей власти. С подобной целью и примерно в то же время выступило «Общество Краснобровых», названное так потому, что его члены окрашивали брови в ярко-красный цвет. Известно немало других удивительных и курьёзных названий, свидетельствующих о склонности китайцев к «взрачиванию» такого рода обществ и братств, например: «Общество Триады», «Семейство Царицы Неба», «Общество Неба и Земли», «Семейство Потопа», «Белая Лилия», «Водяная Лилия», «Общество Небесных Сфер», «Возжигатели Благовоний», «Исток Дракона», «Чудесное Сообщество», «Зал Синего Лотоса», «Округ Золотой

Орхидеи», «Сообщество Справедливости и Процветания», «Безупречный Интеллект», «Недеяние», «Преднебесное», «Пиллюля бессмертия», «Общество Славы и Великолепия», «Общество Моря и Суши» и «Общество Трёх Рек».

Судя по одним только названиям этих обществ, можно с полным основанием утверждать, что их символы и ритуалы заимствованы из легенд и религиозных писаний и согласуются с концепциями буддизма, даосизма и конфуцианства, причём в каждом отдельном случае они употреблялись в совершенно особом смысле или имели различное толкование. Часто в них заметен социальный или политический акцент, подкрепляемый ссылкой на какое-нибудь древнее учение или заповедь.

Тибетский религиозный театр с его актёрами в масках и длинных мантиях, разыгрывающими такие героические саги, как сказание о Гэсэрхане, совершенно очевидно раскрывает модель, или ритуал, представляемый в драматической форме и имеющий целью наглядно отобразить такие абстрактные истины и верования, как путешествие души по дороге переселений и участие будд и бодхисаттв, архатов и мудрецов в правительстве мира. В своей деятельности подобные общества преследовали исключительно этические и образовательные цели, хотя некоторые из них обнаруживали явные черты вырождения и были замечены в применении насилия.

Целью создания Общества Триады, или Сообщества Неба и Земли, использующего множество буддийских и даосских символов, послужило стремление свергнуть династию маньчжуров и восстановить величие династии Мин. Такого рода проблемы ничуть не беспокоили Общество Золотой Орхидеи, состоявшее из молодых девушек, поклявшихся никогда не выходить замуж. Члены этой организации выражали тайный протест против господствующих в Китае традиций, связанных с бракосочетанием. В начале XVIII века пятеро монахов и семеро мирян принесли клятву восстановить на троне династию Мин, связав себя при этом узами кровного братства. Они основали Общество Белой Лилии, достигшее со временем значительной власти, основой чему послужило пророчество, что один из его членов станет императором Китая. Деятельность организации завершилась тем, что её руководителей в конце концов поймали и казнили, однако в 1777 г. Общество возродилось, но вновь было разгромлено, а его вдохновителей, включая двух женщин, приговорили к смертной казни.

Во времена правления императора Кай Цзина (1799–1820 гг.) возникло общество с названием Царица Неба, со штаб-квартирой в южной провинции китайской империи, быстро распространившееся по всей

Кохинзине, Сиаму и Корее. Общество это, якобы в своё время уничтоженное, явилось источником, из которого, согласно общему мнению, впоследствии развилась великая Лига Хун. Хун дословно означает «наводнение», что вполне согласуется с планом организации наводнить собой всю землю. Руководящей и вдохновляющей силой лиги стали её глава, известный как старший брат, и двое его помощников — младших братьев. С намерением как можно лучше скрыть размах и конечную цель деятельности общества было решено организовать несколько отделений и присвоить им разные названия, например Общество Триады, Зал Синего Лотоса и Округ Золотой Орхидеи.

Примерно в 1895 г. мусульмане подняли восстание против китайского правительства и захватили главный центр — город Ганьсу. Сделав однозначный выбор, тайные общества связали свою судьбу с мусульманскими бунтовщиками, однако несколько месяцев спустя восстание было подавлено, пятнадцать его главарей схватили и обезглавили. Среди немногих, кому удалось спастись, был доктор Сунь Ятсен, позднее ставший душой китайской демократии.

Хотя у людей информированных сложилось мнение об этом обществе как о сугубо политической организации, всё же символика и доктрина Общества Хун несомненно представляет немалый интерес для изучающих сравнительную религию и восточную философию. После избрания на пост президента Китайской Республики (в 1912 г.) доктор Сунь Ятсен отошёл от Общества Хун. Будучи человеком передовых идей и открытых действий, доктор Сунь прославился уважительным отношением к древним установлениям своего народа. Особого упоминания требует тот факт, что он состоял членом организации, возвращённой на почву, глубоко пропитанной древними религиозными обычаями и обрядами Китая, хотя сам он при этом был христианином.

В Европе существовало множество на первый взгляд не имеющих совсем ничего общего групп, в отношении которых так и не удалось точно установить, деятельностью какого рода они занимались. В частности, нет оснований сомневаться в существовании связи между трубадурами и альбигойскими еретиками^[260]. В какое-то время обе эти группы, видимо, слились с Орденом Храма. У каббалистов — и иудейских, и христианских — было много общего с алхимиками и членами других орденов герметического толка. У розенкрейцеров обнаружились связи с алхимией, арабской философией, христианским мистицизмом и Реформацией Мартина Лютера. Пережив в XVIII веке возрождение, иллюминаты Баварии повторили судьбу арабских, греческих, египетских и персидских

мистиков.

Из странного смешения древних традиций и на редкость действенных секретов возникло современное франкмасонство. Завершённая разработка высших ступеней того, что ныне составляет Шотландский Ритуал, дополнила широкий обзор всех тайных ритуалов древности, нашедших яркое отображение в сочинениях генерала Альберта Пайка.

Сопоставим эту модель с общими выводами Уорда: «К этому можно добавить, что в ритуале Хун используется много коротких фраз, возможно, имеющих мистический, или даже оккультный, смысл, как например словосочетание "старшие братья", которое, хотя и обозначает в прозаическом толковании магистров и бывших магистров ложи Хун, некогда, вероятно, служило определением существ, поднявшихся гораздо выше по ступеням лестницы духовной эволюции. Не следует при этом забывать, что ритуал Хун пропитан верованиями буддизма и даосизма, и к тому же в обеих религиях фигурируют люди, которые, достигнув в процессе духовного развития почти полубожественной природы, участвуют, как полагают, в упорядочении этого материального мира и ведут себя как своего рода *надзиратели*, вдохновляя своих менее развитых, живущих на земле братьев и помогая им двигаться вперёд по пути к Свету»^[261].

Ложами Лиги Хун руководят пятеро магистров, принадлежащих к пяти главным ложам. Достоин упоминания тот факт, что к числу пять к Китае всегда относились с высочайшим почтением. Кандидат в посвящённые вступал в Зал Преданности, проходя под сводом, образованным из скрещённых мечей. После принесения клятвы ему отрезали косичку, если только он не жил в квартале, где преобладающее влияние имели татары. Посвящаемый взамен своего прежнего платья облачался в длинное белое одеяние, предпочтительно новое, но в любом случае безукоризненно чистое и возносил молитвы некоторым божествам. Затем вновь посвящённый получал жалованную грамоту, книгу, где была записана клятва, и наставление с описанием тайных опознавательных знаков, которых было бесчисленное множество. Братья могли узнать друг друга, например, по манере входить в дом, носить зонт, подносить ко рту чашку с чаем или по тому, как сидит на них шляпа. Оправданием столь сложных мер предосторожности служили сложившиеся к тому времени условия.

Для того чтобы составить себе представление о невидимой империи из посвящённых смертных, связанных между собой тайным знанием, необходимо проникнуться идеей о скрытом правительстве, управляющем делами суетного мира. В данном случае нет оснований сомневаться в том,

что китайцы пользовались теми же методами, которые подтвердили свою действенность в других областях. Немало легенд, внёсших свою лепту в героический эпос Китая, включая духовные и философские аспекты, подтверждалось, а возможно, и инспирировалось тайными обществами. В них, как известно, фигурировали исторические личности, такие, как Конфуций и Лао-цзы, наделяемые атрибутами сверхъестественных существ, благодаря которым их жизнеописания превратились в символы эзотерических доктрин.

Однако под покровом столь многочисленных и многообразных процедур чётко вырисовывается концепция китайского Адепта, заслугой которого стала укоренившаяся во всём мире вера в то, что естественное развитие человеческого существа можно стимулировать, овладев неким «искусством» или методом, и что действительно существуют точные формулы, нужные для достижения адептства, сокрытые в разных ритуалах или символах, которые можно узнать и научиться ими пользоваться. Те, кто усвоили подобное знание становились просвещёнными мудрецами, а те, кто, достигнув в своём развитии ещё большего совершенства, могли полностью реализовать на практике тайное действие этого знания, были истинными Адептами, или бессмертными. Само собой разумеется, считалось, что все великие учителя мира на самом деле были такого рода Адептами и что наставления их, на первый взгляд имеющие исключительно духовную или нравственную ценность, в своей формулировке содержали скрытый смысл, понятный только мудрым и посвящённым. Ложа Хун, таким образом, демонстрировала некий островок чистоты в мире грешных смертных. Она была моделью или образцом несравнимо лучшего образа жизни и как таковая сравнима с «Утопией» Мора, «Городом Солнца» Кампанеллы и «Коллегией шестидневной работы» Бэкона.

Восточная алхимия

Даосизм развивался в определённой исторической системе координат, пережив три различных периода. Первый этап, продолжавшийся со времени жизни Лао-цзы до начала христианской эры, определяется как «этическая эпоха». В это время учения Мастера не выходили за жёсткие рамки философии. Даосские мудрецы посвящали жизнь размышлениям о вселенском замысле и применении естественных законов к человеческому поведению. Это были учёные своего времени, и именно им в значительной степени обязаны своим возникновением китайские институты культуры. Сочтя свой образ жизни слишком абстрактным для всеобщего понимания, даосские философы в тихих, уединённых местах организовали собственные школы, где наставляли учеников и приобретали прочную славу благодаря чистоте и способности проникновения в сущность вещей.

Второй период раскрытия даосизма длился с I столетия христианской эры по VII век включительно и получил название «магического этапа». Следует заметить, что развитие этой стороны учения полного завершения не получило, а перешло от широкого признания к сохранению или поддержанию отдельными мистиками и небольшими группами.

В этот второй период установки и программы даосизма стал определять метафизик нового типа. В даосизм были привнесены трансцендентальные искусства, включая каббалистические спекуляции и алхимию. Китайский алхимик заявлял о тех же целях, что и его европейский собрат. Достаточно очевидно, что даос, как и герметист^[262], стремился осуществить трансмутацию не только в царствах минералов и металлов, но и в социологической сфере.

Китайского алхимика занимала тайна долгой жизни, и, если можно верить весьма цветистым хроникам того времени, многие сумели продлить свою физическую жизнь, намного превысив обычные сроки. Считалось, что магические лекарства, снадобья и лекарственные растения, открытые этими химиками-экспериментаторами, обладают необычайными достоинствами и наделяют многочисленными благами тех, кто способен заставить действовать секретные формулы. Во время третьего периода даосизм приобрёл в значительной степени теологический характер, а это уже выходит за рамки наших нынешних интересов.

Второй период развития даосизма тесно связан с Чжан Даолином, которого часто называют «первым даосским патриархом». Этот

прославленный человек родился в 35 г. н. э., вероятно, в провинции, называемой в настоящее время Чжэцзян. Как утверждают, он был не по годам развитым ребёнком и к семилетнему возрасту уже постиг сокровенные тайны произведений Лао-цзы и был знаком с серьёзнейшими философскими и магическими книгами. Император Чжан-ди возвёл его в дворянское достоинство, но он отказался от всяческих мирских почестей и удалился в уединённое местечко в горах западного Китая.

Там он целиком посвятил себя метафизическому аспекту алхимии и совершенствованию личных добродетелей. Его погружённость в мысли была столь глубокой, что бессмертные сочли его достойным достижения успеха в исследованиях, и он, хоть и с посторонней помощью, сумел приготовить эликсир бессмертия. Точные указания по составлению этой сложной формулы были переданы ему в видении, в котором Лао-цзы явился своему преданному ученику и вручил ему сокровище.

Во время экспериментов с «эликсиром дракона-тигра» ему явился дух, поведавший о том, что на горе Посун есть каменный дом, а в этом доме сокрыты магические манускрипты трёх древних императоров, а также священная книга, в которой трактуются тайны доктрины. Если бы Чжан Даолин достал эти книги, он смог бы вознестись на небеса, не умирая, при условии точного следования содержащимся в них дисциплинам. Чжан добыл писания и, овладев содержащимися в них знаниями, приобрёл способность передвигаться по воздуху, постигать события, происходящие на расстоянии, и покидать своё тело по желанию. Он тренировался тысячу дней, мог «гулять среди звёзд» и повелевать громами и ветрами. И именно благодаря множеству открытых или изобретённых им рецептов и средств для лечения даосизм начал придавать особое значение различным аспектам целительства.

Ещё о Чжан Даолине сообщают, что, сумев с помощью алхимии приготовить пилюлю бессмертия, он принял только половину этого лекарства, потому что не хотел покидать этот мир и возноситься в страну бессмертных до тех пор, пока его учения не укоренятся достаточно прочно и ученики не будут обучены должным образом. Полагают, что его окончательное отбытие в небесный мир состоялось, когда он достиг 123-летнего возраста. Перед своим переходом этот даосский мудрец завершил работу над великим эликсиром и передал тончайшие секреты своему сыну, который тоже стяжал значительную славу. В 748 г. император тайской династии подтвердил наследственные привилегии семьи Чжан Даолина и его потомков. Впоследствии монгольские императоры тоже занимали по отношению к ним дружественную позицию и становились покровителями

этого семейства.

Когда тибетская доктрина перевоплощающихся лам приобрела популярность в Китае, её применили к потомкам Чжана. Каждый из его преемников, умирая, заставлял свою душу переселяться в какого-нибудь младенца из этого же семейства. Когда такое происходило, это событие сопровождалось чудесами и сверхъестественными явлениями, благодаря которым можно было безошибочно опознать этого ребёнка. Этот короткий рассказ основан на «Справочнике для любителей китайской литературы» Майерса.

Преподобный Дю Боз, сообщая о даосском патриархе, пишет: «В Китае имя Чжана, Небесного Наставника, у всех на устах; на земле он — вице-регент Жемчужного Небесного Императора и главнокомандующий войском даосизма. Какие бы сомнения ни возникали относительно апостолических преемников Петра, нынешний патриарх Чжан LX гордится непрерывной линией шестидесяти поколений. Он — вождь магов, «истинный муж» (то есть идеальный человек), как его называют, и держит в своих руках духовную власть над всей страной»^[263].

Современные авторы, говоря о Чжан Даолине, придерживаются того мнения, «что он, в конечном счёте, обманывал народ». Это суждение основывается на множестве запутанных подробностей, которыми приукрасили его личность. На самом же деле о нём не сохранилось никаких сведений, которые противоречат преданиям, связанным с прославленными адептами индийского, персидского, египетского и греческого трансцендентализма. В основе самых пренебрежительных замечаний лежит простая исходная мысль о том, что чудеса невозможны и те, кто претендуют на их совершение, должны быть обманщиками и самозванцами. Такая позиция подразумевает открытые нападки на все религии и отрицание традиций, существующих с начала исторических времён.

Возможно, было бы разумнее более внимательно изучить эти рассказы в свете расширения границ знания, большая часть которого свидетельствует о неизведанном духовном мире человека и потенциальных силах и способностях, скрытых в нём и поддающихся высвобождению и развитию.

Хотя есть все основания считать, что китайская алхимическая традиция не была заимствована и её авторитет зиждется на общей вдохновляющей идее, заимствованной из древних писаний, кажется отнюдь не случайным, что практические аспекты этой дисциплины получили развитие в двух столь удалённых друг от друга регионах примерно в одно и

то же время. Дж. М. Стиллен отмечает, что самые ранние письменные свидетельства существования у жителей Запада философской алхимии связаны с Зосимом, Синезием и Олимпиодором, жившим между III и V веками н. э. Известно, что во втором веке, во времена правления Антония Марка Аврелия, в Китае побывало посольство Рима. О.С. Джонсон пишет: «Таким образом, есть основания считать, что в эти ранние века основные идеи китайской алхимии проникли на запад, дойдя до берегов Средиземноморья, а в последующие столетия — дальше, в регионы, лежащие за ним».

Допустив, что мистические химики Китая почти две тысячи лет тому назад искали разгадку тайны научно обоснованного бессмертия, вполне можно было бы логически продолжить, что их исследования, возможно, распространялись по караванным путям и с течением времени достигли Ближнего Востока и Северной Африки. Этот предмет, безусловно, пустил глубокие корни в сознании арабов, о чем свидетельствовали сказки «Тысячи и одной ночи» и другие аналогичные произведения, некоторые из которых теперь встречаются чрезвычайно редко. Расцвет мусульманской культуры в Испании оживил интерес Европы к эзотерической химии и способствовал открытию великой эры алхимии, продолжавшейся примерно с XIV по XVIII столетия. В Европе, как и в Китае, писатели любят относить законы этого искусства к глубокой древности и приписывать их легендарным или полуполулегендарным источникам.

В самых ранних рассуждениях даосских философов относительно продления человеческой жизни упор делается главным образом на режим умеренности и очищения, не отличающийся по существу от современных взглядов на сохранение здоровья. Затем появились и метафизические обертоны, включавшие контроль дыхания, медитативные дисциплины и использование снадобий, пригодных для прояснения ума или очищения тела. Гораздо позднее возник как заметный составной элемент трансцендентализм и вошло в моду приготовление эликсиров и магических лекарств.

Второй этап китайских алхимических поисков почти в точности следовал европейскому образцу. Сюда входили трансмутация металлов, изготовление искусственных драгоценных камней и другие задачи, решение которых, вероятно, должно было способствовать достижению богатства и процветания. Первые даосы были философами и учёными, так что сомнительно, чтобы у них была насущная потребность изготавливать золото. Они были убеждены, что Лао-цзы открыл модель всех вселенских процессов, и их воодушевляло величие грандиозного эксперимента по

возрождению человеческого сознания.

В своё время появились так называемые алхимики-практики, которые обрели престиж, вполне соответствующий их усилиям. Это привело к тому, что их стали считать исключительно учёными или одарёнными личностями и часто предоставляли им доступ даже к императорскому двору. Они составляли разные лекарства и давали бесчисленные обещания и, наделённые даром убеждения, ухитрялись сохранить за собой сферы влияния в течение долгих лет. Некоторые из них несомненно обладали мастерством, очень немногим была известна какая-то часть эзотерической традиции, но их мотивы не всегда бывали безупречны, и о том, чего они достигали, остаётся только догадываться.

Постепенно алхимия просто свелась к поискам научного метода изготовления золота и достижения физического бессмертия. В результате возникло странное и непонятное занятие, обычно кончавшееся нищетой и смертью.

На рис.: *Китайский алхимик, раздувающий свою печь.*

Побочным результатом этого ограниченного интереса стал общий

упадок даосизма. Появилась детально разработанная литература, в которой самые свежие верования и научная практика были перемешаны и запутаны до полной неразберихи.

Совершенно очевидно, что по-настоящему просвещённые учёные не хотели, чтобы их отождествляли с имеющими «идеи фикс»^[264] изготовителями золота. Хотя истинные мудрецы и допускали, что принцип образования золота универсален, и признавали, что семена золота существуют во всех вещах, они не были заинтересованы в выращивании этого растения в промышленных масштабах. Так постепенно среди этих химиков произошло разделение.

Те, кто обладал действительным знанием, не желали делиться им с бессовестными охотниками за богатством. В своё время почтенный даосский Адепт отказался от какой бы то ни было причастности к общедоступному даосизму, и доктрина как эзотерическая философская система тотчас же начала приходить в упадок. К VIII веку н. э. философский даосизм практически исчез, а секта скатилась на свои нынешние религиозные позиции. Он превратился в вероисповедание, позаимствовавшее многие ритуалы, церемонии и формальные структуры у буддизма. Остались только легенды, содержащие намёки на более древние концепции учения.

Буддизм оказал неуловимое, но глубокое влияние на китайскую алхимию. Следует напомнить, что китайский буддизм — это не просто этическая доктрина, преподанная Гаутамой. Когда она достигла Китая, она уже была включена в детально разработанный пантеон божеств и святых. Буддийские архаты обладали большей частью магических способностей, которые даосские алхимики стремились развить. Доктрина повторного рождения в том виде, в каком она преподносилась в буддизме, составляла полную противоположность китайской вере в возможность физического бессмертия. Как прямое следствие этого противоречия возник мощный стимул к открытию каких-нибудь средств продления жизни человека в этом мире. Хоть и казалось, что даосские бессмертные просто облачились в буддийские наряды, это было не совсем так. Даосизм глубоко погрузился в материализм, и несмотря на то, что люди с удовольствием рисовали в воображении небесные края, в которые им предстояло отбыть, они предпочитали откладывать это путешествие как можно на более поздний срок.

Конечно, было несколько высших даосских посвящённых — истинных архатов секты, уже давно погрузившихся в молчание и уединение, которые пришли в полное согласие с архатами и лоханами буддизма. Обе группы

признавали йогический смысл трансмутации. Они знали, что человек представляет собой лабораторию, в которой должен быть выполнен эксперимент по трансмутации, или перерождению.

Мудрые могли примирить доктрину Дао, принадлежавшую Лао-цзы, и путь к нирване, открытый Буддой, поскольку обе концепции представляли однозначное достижение слияния с вечной ценностью. В обеих школах практиковались во многом схожие медитативные дисциплины, и настоящие архаты выбирали места уединения и строили приюты в окрестностях, долгое время ассоциировавшихся с даосскими мудрецами.

Просветлённые буддисты и даосы полностью сознавали, что общедоступные формы их учений отступали от исходных идей. Искатели истины, утратившие иллюзии из-за борьбы культов, во многих случаях обращались к прямому мистицизму, видя в нём единственное решение. Личное переживание Бога или реальности культивировалось под различными названиями. В разное время мудрецы и архаты пытались восстановить древнюю мудрость, реформируя или переориентируя массовую религию. Они посылали учеников предостеречь людей от ошибок в их поведении и вновь придать ритуалам и формулам давно утраченный или игнорируемый смысл. Как и в Европе, это привело к постепенному разделению структуры религии на тайную, мистическую часть и богооткровенную теологическую форму. Первая стремилась вдохнуть душу во вторую и стала таким образом её руководящим принципом, вновь открывшим дверь между истиной и ошибкой.

Это всегда приводило к возникновению эзотерических обществ, или тайных групп, обладавших неотразимой привлекательностью для наиболее вдумчивых людей. Таким образом, с течением времени широко распространилась вера в существование тайной мировой религии, и те, кто испытывали неудовлетворённость внешней стороной культа, стремились проникнуть в неземное царство мистического созерцания.

Говорили, что в старые времена архаты и мудрецы смешивались с людьми и учили их открыто, но постепенно эта практика сошла на нет, потому что люди стали честолюбивыми, жёсткими и не гнушались ничем, делая карьеру в материальном мире. Мудрые же вернулись в свои сферы, исчезнув из традиционно связанных с ними мест, которые вскоре заняли профессора лжеучения.

Основы алхимии в Китае были заложены в рамках общей концепции бытия в том виде, в каком она раскрывалась в древних книгах и легендах. В первичной жизни присутствует потенциальная двойственность, являющаяся источником пермутаций, или изменений, которые постоянно

разворачиваются, перемещаются, разделяются, соединяются и, благодаря этим явлениям, поддерживают многообразие творения. Философия, связанная с этой концепцией, раскрывается в «И цзине», или «Каноне перемен». Китайцы относятся к этому труду и знаменитым комментариям к нему, сделанным Конфуцием, с глубочайшим почтением. Доктор Пол Кейрус пишет об этой книге: «И цзин, — один из самых древних, самых любопытных и самых таинственных документов в мире. Он более непостижимый, чем пирамиды в Египте, более древний, чем Веды в Индии, более странный, чем клинопись в Вавилоне».^[265]

Китайцы в своей древней символике изображали положительный принцип вселенной в виде непрерывной линии, олицетворявшей *ян*, а отрицательный — в виде прерывистой, представлявшей *инь*. Когда они соединяли эти два символа, то соединение называлось «инь-ян» и выражало взаимодействие отрицательного и положительного энергетических полей.

Инь-ян представляет собой центральный вихрь, существующий во вселенной и в глубочайших и таинственных уголках всех живых существ. В основе всего, что существует, лежит замысел инь-ян, ибо творение подразумевает смешение отрицательного и положительного принципов. Непрерывная линия символизирует силу, а прерывистая — слабость. Однако в данном случае слабость в действительности означает восприимчивость или ёмкость, которая наполняется или обогащается положительным принципом. Отсюда, естественно, следует, что в философской стенографии *ян* есть принцип неба, и *инь* — земли. *Ян* становится солнцем, *инь* — луной, и эти слова означают яркость и тьму. *Ян* всегда агрессивен, а *инь* покорна. Таким образом, все создания наделены обоими качествами.

Агрессивный принцип — это нечто вроде воздуха, или дух воздуха, пребывающий в постоянном движении. Значит, было бы правильно символически изобразить это беспрестанное ритмическое волновое движение в виде дракона мужского пола, извивающегося в пространстве. Предполагалось, естественно, что дракон обитает в воздухе. Когда он изображался с пятью лапами (элементами), то становился императорским символом. Когда *ян* показывался как дракон мужского пола, *инь* одновременно являлась как дракон женского пола. Так же и у всех форм в природе: самец пробуждает самку из состояния пассивного принципа, и ни одно создание не могло бы существовать в одиночестве. Агрессивность нельзя отделить от покорности, она не может реально существовать без своей полярной противоположности. Свет и тьма взаимозависимы, так как

представление об одном не может существовать без представления о другой.

Первое соединение инь и ян закончилось сотворением великой монады — «верховного неба». Великая монада — это бесконечная сфера положительного разумного принципа. Сразу же после её создания принцип инь облекает её в эфирное тело. Следовательно, в этом проявлении ян становится мыслящей душой, а инь — чувствующей душой мира и человека. Чувствующая душа есть *anima*, действующая через тонкий носитель *animus*^[266]. Все формы представляют собой соединения, и только лишённые формы сохраняют простую, или недифференцированную, природу.

Как указывается в алхимических рассуждениях — либо философское золото, либо камень мудреца следует готовить, стимулируя внутреннее взаимодействие между двумя главными принципами в элементарных, или металлических, формах. Искусство или знание делают возможным осуществление принудительного слияния инь и ян в лаборатории. Следует напомнить, что европейские алхимики описывали этот процесс как свадьбу солнца и луны. У китайцев сложилась почти такая же терминология, потому что они ассоциируют свинец с солнцем, а ртуть — с луной и скрывают эти элементы под символами дракона и тигра соответственно.

Как и следовало ожидать, формулы трансмутации чрезвычайно сложны и таинственны. Как и на Западе, в них введены диаграммы и символы, но без соответствующих ключей они совершенно бессмысленны. Алхимик пытался воспроизвести в своих сосудах величайший процесс вселенского творения, надеясь таким образом добиться господства над очищенными субстанциями, через которые все живые существа получают главное питание. Стих 17 алхимического трактата Чжан Потуаня «Четыреста слов» явно свидетельствует об использовании оборотов речи того же типа, что встречались в трудах западных алхимиков: «Дракон приходит из восточного моря. Тигр встаёт в западных горах. Два создания ведут сражения и превращаются в жизненную силу неба и земли». В данном случае эксперимент явно связан с соединением свинца и ртути.

Нужно, однако, понимать, что в данном случае не подразумеваются обычные, общеизвестные неблагородные вещества, так как алхимик имеет дело с духами свинца и ртути. Он использовал феникса для отображения изменчивого принципа, жаба или черепаха представляла настоящую землю, или первичную материю, ворона появлялась как символ солнца, кролик — луны, и единорог был мировым духом, которого стремился поймать алхимик. Это ключ к мифам, в которых фигурируют все эти существа,

являющиеся фактически составляющими сложной формулы.

Постоянные ссылки на очищенные формы свинца, ртути и киновари, вероятно, призваны напоминать химику-мистику, что он занимается духовным искусством, а не просто физической наукой. Сами китайцы утверждают, что философским садом, в котором эти элементы можно найти в самых естественных, природных формах, является собственное тело человека, в котором много настоящего свинца и настоящей ртути, если знать, как их собрать, и распознать их признаки.

Чем дальше продвигаешься в изучении китайской алхимии, тем больше убеждаешься, что все стадии искусства трансмутации входили в тайную науку полного обновления человека. Мастер-алхимик был бессмертным смертным, ибо мог совершить любое чудо, какое желал, не навязывая свою волю природе, а понимая естественные законы и помогая им выполнять их работу.

По словам Артура Уэйлли, «часто при чтении алхимической литературы эпохи Возрождения и более поздней у нас возникает подозрение, что мы читаем не о материальных экспериментах, а о духовных поисках, описанных в аллегорической форме принятым в лабораториях языком. В Китае это подозрение переходит в уверенность.

Начиная с X века экзотерическая алхимия, *вай дань*, уступает место эзотерической, *нэй дань*, которая использует в качестве ингредиентов вместо осязаемых и материальных субстанций их «души», или «сущности». Эти «души» и являются «истинными», или очищенными, ртутью, серой, свинцом и так далее и имеют такое же отношение к обычным металлам, как даосский адепт, или *чэнь-жэнь* (чистый, совершенный человек) к простым смертным.

К концу XI столетия был сделан новый шаг. Эти трансцендентальные металлы отождествляются с различными частями человеческого тела, и алхимия в Китае перестает быть экспериментированием с химическими реактивами, паяльными трубками, печами и тому подобным (хотя всё это и сохраняется в общедоступной алхимии странствующих шарлатанов), но превращается в систему умственного и физического перевоспитания»^[267].

Лу-цзы писал: «Я должен прилежно засеять своё собственное поле. Именно в нём есть духовный зародыш, который, возможно, проживет тысячу лет. Его цветок подобен жёлтому золоту. Его бутон невелик, но семена округлы и похожи на безупречный драгоценный камень. Его рост зависит от почвы центрального дворца, но орошение должно производиться из высочайшего фонтана. По истечении девяти лет

взрачивания его можно насовсем пересадить на небеса высших духов»^[268]. Хотя упоминавшийся здесь Джонсон и считает, что это заявление не поддаётся разумной интерпретации, оно фактически раскрывает всю тайну. Поле — это физическое тело алхимика; золотой зародыш есть семя души; центральный дворец — сердце, а почва — качество добродетели; высочайший фонтан — это Дао, или истинный дух; девять лет символизируют ступени, или степени, эзотерической дисциплины, а небеса духов — состояние озарения. Весь рассказ должен быть ясен изучающему йогу.

В Китае, как и во всех остальных уголках мира, алхимическая традиция исходила из того, что очень небольшое число просвещённых или искусных мастеров действительно достигло совершенства в этом искусстве. Их немедленно наделили исключительными добродетелями и силами и стали считать истинными адептами-учёными. Об их богатстве и щедрости ходит множество легенд. Они оказывали помощь нуждающимся, поддерживали справедливых правителей, финансировали учебные заведения и способствовали развитию образования.

Хотя они и презирали суетность, но во все времена, похоже, были обеспечены более чем достаточными средствами. В отдельных поколениях их преследовали, в более же просвещённые времена ими восхищались. Каждый старался выбрать соответствующего преемника, которому сообщал свои самые глубокие секреты. Мистики, однако, настойчиво утверждали, что эти алхимические мудрецы посвящали себя исключительно делам небесным. Они одни понимали, что создание идеального правительства или счастливого человеческого общества зависит от тех же самых формул, которыми они пользовались при трансмутации металла.

Целью алхимии являлось претворение в жизнь Золотого Века, когда все живые существа будут жить в мире друг с другом, поклоняясь богам, почитая предков и любя друг друга. В этом расширенном смысле алхимия превратилась лишь в ещё одну формулировку широко распространённого мнения, что некий орден человеческих существ постоянно работает над улучшением рода человеческого. Подобно тому как только мудрые были достойны стать вождями своих собратьев, так и Адепт-мастер алхимии был справедливым монархом, Великим Магистром философской империи.

Книга четвёртая: МИСТИКИ ИСЛАМА

Введение

Целью настоящего труда является описание самобытной традиции Адептов в мусульманском мире, сохранившейся до наших дней. Следовательно, нам предстоит наглядно показать, что это верование издревле сохранялось у этих народов и к тому же дожило до нынешних времён в виде мистического, или тайного, убеждения. Нет ни малейшего сомнения относительно того, что вера в Адептов — посвящённых учителей и мудрецов-мистиков, обладающих сверхъестественными силами — составляет «разум» ислама, хотя, по правде говоря, и не канонического. Благочестивых верующих не порицали за подобные представления. Мусульманский мир всегда признавал важность мистицизма и удостоивал высшей похвалы его поэтов, духовидцев и мыслителей-метафизиков. В соответствии с мировым обычаем, он тоже окружил своих святых легендами и приписал им сотворение чудес. Он тоже признавал существование эзотерических дисциплин, предназначенных для раскрытия потенциальных духовных ресурсов человеческого существа.

Мусульманские учёные в своих произведениях часто намекали, что тайные школы возникли на заре становления мусульманской веры. Некоторые из них были основаны философами и учёными. Другие же, как представляется, возникли среди мистиков, дабы увековечить сокровенный смысл мусульманской веры. Главные секреты этих коллегий или собраний касались систем медитации, концентрации и йогических практик подобных индусским. Такие духовные занятия приводили к развитию внутренних возможностей и способности управлять природными явлениями. Писатели отмечали, что учения тайных мусульманских сект тоже заимствовали важные философские и теургические элементы у гностицизма, неоплатонизма, иудаизма и христианства.

При постепенном проникновении в суть мусульманской эзотерической традиции становится легче установить связь между верованиями мусульман и универсальной моделью сравнительного мистицизма. То, что на первый взгляд может показаться фантастической и экстравагантной литературой, открывает людям, готовым признать мистицизм как таковой и с рациональным подходом к разгадке тайны жизни, важную философскую систему. Становится ясным, что религия, основанная Мухаммедом, всегда подразделялась на два совершенно определённых направления — эзотерическое и экзотерическое.

Как и в греческой философии, эзотерическая часть намеренно утаивалась и настоящие ключи к ней передавались изустно. Тем не менее в произведениях посвящённых встречаются ясные намёки и знаки. Верные своим обязательствам сохранять тайну, эти люди придерживались обычного порядка. Они скрывали глубочайшие секреты под детально разработанными символическими изображениями, совершенно лишёнными смысла для непосвящённых.

Джафар Шариф описывает ритуалы посвящения истово верующего, принятые у мусульман Индии. Он пишет: «Затем муршид^[125] шёпотом (буквально прижавшись друг к другу, рука в руке и касаясь губами уха) открывает ученику все сокровенные таинства благочестия»^[126]. Упомянутый здесь ритуал Голубой Ложи масонов описывали многие масонские писатели.

В работе «Знаки индийских масонов из династии Великих Моголов» («Indian Masons' Marks of the Mogul Dynasty») А. Горхэм приходит к заключению, что действующие организации масонов использовались императорами-моголами со времён Акбара до падения империи. Таким образом, он допускает, что гильдии строителей, с их обычными философскими стремлениями, процветали в этом регионе, сохраняя древнюю таинственную религию, увековеченную различными сообществами со времён учредителей греческих дионисий^[127]. Мастера этих гильдий и их признанные подмастерья метили камни великих мусульманских памятников отличительными знаками, что впоследствии вошло в практику строительства соборов Европы.

Столкновение ислама и христианского мира во время трагического цикла крестовых походов и после него открыло европейским народам исламскую философию. Парацельс, побывав в Константинополе, обнаружил, что мусульманские врачи намного опередили европейских докторов в диагностике и лечении болезней.

Первые алхимики, включая Роджера Бэкона и Базиля Валентина, ссылались на арабов как на знатоков алхимической философии. Гебер (Джабир ибн Хайян) и Авиценна почитались «адептами камня», и многочисленные искатели истины совершали путешествия на Ближний Восток и в Северную Африку, чтобы поучиться у знаменитых мастеров исламского Закона. По-видимому, эти известные учёные мужи не были отягощены предрассудками, и, вернувшись домой, в Европу, они поведали о чрезвычайной мудрости и широте взглядов, которые они встретили в школах и университетах Каира, Багдада и Дамаска.

Мусульманский мистицизм можно рассматривать как традицию духовного озарения, развивавшуюся и сохранявшуюся небольшой группой приверженцев пророка Мухаммеда. Эдвард Уильям Лэйн-Пул в примечании к своему переводу сказок «Тысяча и одна ночь» рассматривает жизнеописания и чудеса мусульманских святых. Он украшает своё повествование рассказами о чудесах, которые они творили, и других примечательных доказательствах их святости. Он пишет: «Вышеупомянутые выдающиеся личности известны под общепринятым названием «вилайа» — особые избранники Бога. Самые выдающиеся из них составляют таинственное иерархическое общество, правительство которого уважает всё человечество — и безбожники, и верующие; однако власть его зачастую проявляется так, что подверженные её влиянию не знают, от кого оно исходит...

Полагают, что свои сверхъестественные способности они получили по праву самого возвышенного благочестия и особенно благодаря постоянному самоотречению и безоговорочной уверенности в Боге, а также с помощью добрых духов и, как считают многие, посредством знания и произнесения "самого великого имени" Бога».

Эта классическая формулировка применима ко всем системам, утверждающим существование Адептов и посвящённых мудрецов. Она принадлежит учёному, который большую часть жизни посвятил изучению религии, философии и литературы ислама. Он прожил очень много лет среди мусульман и сочувственно относился к их идеям и доктринам. Его слова не оставляют места сомнениям относительно того, что эти люди не только знали доктрину Адептов, но и воспринимали её как неотъемлемую часть своего главного представления о действии Божественной Силы в материальном мире.

Мэнли П. Холл

Лос-Анджелес, Калифорния. 1975 г.

«Во имя Господа, Сострадательного и Милосердного»^[128]

Господствовавший на протяжении V и VI веков дух средиземноморского христианства вызвал безжалостное преследование раскольников в рамках самой веры, а также тех язычников, которые отказывались от обращения. Чтобы избежать опасности и помех, греческие учителя вместе с предводителями и членами еретических христианских групп искали убежища за пределами мест, подпадавших под светскую юрисдикцию расширявшейся и набиравшей силу церкви. Многие из них, включая еврейских и сирийских мистиков, нашли арабскую среду благоприятной для учения и медитации. Их приняли с почётом и отнеслись к их доктринам благожелательно. Дух сдержанности относительно знаний способствовал тому, что в этих краях собралось блестящее созвездие учёных мужей, принёсших громкую славу Багдаду, Александрии и другим мусульманским городам.

Однако сдержанная атмосфера арабской культуры привела к ужасной путанице. Фанатики всех мастей тоже нашли прибежище в городах и деревнях Аравийской пустыни. Большинство этих экстремистов пострадало в своих странах, и к их изначальному напряжению прибавилось психологическое давление и сильнейшая личная враждебность. Величественное течение жизни Ближнего Востока постепенно серьёзно нарушалось.

Дерменгем^[129] подводит итог духовному замешательству среди арабов, несомненно вдохновившему Мухаммеда — искреннего и истинно религиозного человека — выдвинуть широкую программу теологической реформы. «Аравия была перекрёстком ересей, *haeresium ferax*^[130]», — говорил один из духовных отцов в пятом веке. Нелегко было разобраться, кто есть кто среди сабиев^[131], докетов, отрицавших человеческое существование Христа и считавших его тело фантомом, ариан, отрицавших его божественность, евтихиан, яковитов и монофиситов, отрицавших его двоякое естество, несториан, видевших в нём две ипостаси, мариамитов и коллиридийцев, поклонявшихся деве Марии, антидикомариамитов, отрицавших её вечную непорочность, иудео-христианских назореев и эбионитов^[132], антиеврейски настроенных маркионитов^[133], гностиков: валентинианцев, василидиан, карпократиан, ракузиан^[134] и прочих...

Абиссинская пословица утверждает, что христиане ни в чём не согласны, кроме одного — рождества Христова.

Исламская вера никак не могла зародиться в стране с низким уровнем культуры или образованности. Этот народ принадлежал, по-видимому, к семитскому роду, а земля, как полагали, была выделена Симу, сыну Ноя. Её жители в физическом отношении принадлежат к превосходному типу, отличающемуся добродетельными, простыми и умеренными обычаями; им почти неведомы болезни западной цивилизации. На это особо указывает Д.Ф. Вейрин, посетивший эти края во время конфликта между королём Хусейном и ваххабитами^[135] под предводительством Ибн Сауда, султана Неджда (1916–1924 гг.). Ещё раньше сэр Уильям Уиллкокс, инженер-консультант турецкого правительства в Месопотамии, счёл нужным сообщить следующее о счастливом положении дел, которым наслаждались коренные жители Аравии: «Желаю арабам ещё долго придерживаться простого и естественного образа жизни в своих родных пустынях и сохранять мужчин и женщин того типа, который делает честь миру. Очень немногие люди могли бы сказать, — а я это слышал своими ушами, — что они не знают никаких болезней кроме смерти»^[136].

Хотя эти люди столь счастливы от природы, их всё же не обходят стороной некоторые несчастья. Долгое время их образ жизни был сопряжён с тяжкими проблемами физического выживания. Будучи пастухами и земледельцами, из-за потребности в воде они были втянуты в драматический конфликт, ставший типичным благодаря трагедии Каина и Авеля. Мудрецы пустыни говорят, что если бы можно было обеспечить водой землю и овец, то в Хиджазе наступило бы всеобщее братство. Правительство тоже тяжело давило на этих арабов, пусть даже правление редко бывало тираническим или жестоким. Граждане просто устают от вождей, хороших или дурных, и большинство администраций оказывается недолговечным.

Благочестивый мусульманин считает, что столетия, предшествовавшие рождению Пророка, были временем отсталости и невежества. Однако, как уже отмечалось, это строго соответствует действительности только в том смысле, что отсутствовало сильное централизованное духовное руководство. Заметим, что в стародавние времена поощрялись такие изящные искусства, как писательство и поэзия, особое восхищение вызывало ораторское искусство, проводились ежегодные собрания и состязания в поэтическом и ораторском мастерстве. Религия являла собой культ небесных тел и совершенно примитивное идолопоклонство. Во время

появления на свет Пророка Аравия вовсе не была отсталой в культурном отношении страной, но, как ни странно, сгибалась под тяжестью философских спекуляций.

Дерменгем живописует любопытную картину интеллектуальной среды, в которой зарождалась вера Мухаммеда. «В городе на каждом углу, — писал отец церкви, — разворачивается дискуссия: на базарах, у прилавков с тканями, у менял и торговцев провизией. Вы хотите разменять золотой? Они пускаются в философские рассуждения о том, что из этого следует и что не следует. Вы хотите узнать, сколько стоит хлеб? Они отвечают: Отец более велик, чем Сын. Вы спрашиваете, горячая ли вода в вашей ванне? Слуга сообщает вам: Сын был сотворён из ничего».

Очевидно, что Аравия вобрала в себя доктрины и верования многих народов. По крайней мере несколько процветавших там сект, как известно, создавали тайные школы и общины, собирали учеников, посвящали достигших наибольших успехов учащихся и действительно претендовали на причастность к традиции Адептов. Это ясно не только из исторического курса, но подтверждается и более поздним возникновением у самих мусульман мистических догадок. Они ясно указывают на те же основные источники знания, что обогатили Грецию, Египет и долину Евфрата.

Введение Мухаммедом его веры вовсе не было направлено против демократичности действующего образования. Несомненно, он глубоко прочувствовал необходимость простой и естественной религии, которая освободила бы верующих от тяжести раздирающих душу сомнений. То, как всё обстояло на самом деле, можно понять из заявления, сделанного негусу^[137] Эфиопии первым двоюродным братом Мухаммеда, Джафаром бен Аби Талибом. Он сообщил великому монарху, что жители Аравии пребывали во мраке какого-то странного невежества, поклоняясь идолам и ведя себя соответственно принципу выживания наиболее приспособленных. В этой критической ситуации Бог, сострадательный и милосердный, поставил среди них человека их же расы, который приказал им поклоняться единому Господу, отбросить суеверия, не предаваться пороку, быть добродетельными и искренними во всём, преданными, милосердными и скромными. Он заставил их также признать величие молитвы, добродетель делиться с нуждающимися и самодисциплину постов. И так как человек сей был добр и добродетелен, народ принял его и поверил в его миссию.

Мухаммед, пророк ислама

Ту часть плодородной Аравии, которая известна как Хиджаз, провинция, протянувшаяся вдоль побережья Красного моря от залива Акаба до Таифа, можно справедливо назвать святой землёй ислама. В пределах этого региона расположены два священных города — славная Мекка, где родился Пророк, и любезная Медина, где Мухаммед умер. В этом краю странных контрастов бесплодных пустынь и цветущих садов возникла одна из величайших религий мира, и отсюда, с этой бедной и далёкой земли, она распространила своё влияние на многие нации и самые отдалённые уголки мира. Сегодня исламская вера насчитывает около четырёхсот семидесяти пяти миллионов приверженцев^[138]. Пять раз в день правоверные обращаются лицом в сторону Мекки и благодарят за духовные истины, которые снизошли на них со страниц славного Корана.

Человек, прогуливавшийся по улицам Мекки в первые годы VII века н. э., мог бы заметить спокойного, задумчивого араба средних лет с накидкой на плечах и натянутым на лицо головным платком. В своей книге «The Procession of the Gods» Г.Г. Эткинс приводит впечатляющее описание этого исполненного величия аравийца, которому было суждено изменить историю всего мира. «Мухаммед был сухощав, выше среднего роста, хорошего сложения и широкогрудый. У него была необычно крупная голова с широким внушительным лбом. Из-под изогнутых дугами, сходящихся на переносице бровей смотрели большие чёрные пронизательные глаза. У него был орлиный нос и отличные ровные зубы. Выражение лица — печальное и задумчивое, а борода... густая и чёрная. Он ходил быстро, словно взбирался на гору. Отличаясь обаятельными манерами, он чаще всего бывал молчалив в обществе, а когда говорил, то по существу». На этого гражданина Мекки, известного благодаря рождению и женитьбе, должны были обрушиться гнев и ненависть многих сотоварищей, которые в то время ценили его дружбу.

Наличие двух несовпадающих описаний детства и юности Мухаммеда просто неизбежно. В первом, обычном рассказе излагались очевидные и вполне рядовые факты, и именно этой версии сам Пророк отдавал наибольшее предпочтение. Он всеми доступными средствами противился созданию вокруг него романтического ореола. Он не творил чудес, не претендовал на обладание сверхъестественными силами и настойчиво утверждал, что, как и все остальные люди, подвержен слабостям ума, души

и тела. Ему очень хотелось, чтобы его уважали за одну-единственную добродетель — искренность намерений. Второй, изрядно расцвеченный восхвалениями рассказ родился в пустыне среди шатров, где люди собирались тёмными вечерами под звёздным пологом, соперничая в искусстве рассказывать сказки. Их выдумки — не просто состязание в ораторском искусстве; они были обязанностью араба на свой лад отдавать дань восхищения, преклонения и даже благоговейного страха личности, жизни и учению основателя его веры. Расхожий рассказ о жизни Пророка можно вполне логично начать знакомой строчкой: «Жил-был когда-то...»

В возрасте двадцати пяти лет Абдаллах, чьё имя означает «слуга Господа», был обручён своим отцом с Аминой, прекрасной, добродетельной и милой дочерью Вахба. Абдаллах, должно быть, был самым привлекательным из юношей, ибо утверждают — и кто же посмеет это опровергнуть! — будто в день его свадьбы с Аминой двести девиц в Мекке умерли от разрыва сердца. Вскоре после женитьбы Абдаллах, нежно простившись со своей новобрачной, отправился в торговую поездку, приведшую его в южную часть Сирии. Успешно завершив дела, он поспешил вернуться к жене, но в Медине заболел и вскоре умер, оставив после себя наследство из пяти верблюдов, стада коз и преданной девушки-рабыни.

В связи с отсутствием достоверных биографических сведений на английском языке возникает такой вопрос: родился ли Мухаммед до смерти своего отца или уже после неё. Однако, согласно преданию, пользующемуся наибольшим одобрением правоверных, он был «сыном вдовы». Даже если учесть то обстоятельство, что эта история претерпела изменения, она всё равно указывает на попытку привести появление на свет Пророка в соответствие с древней мистической традицией. У народов, принимавших идею «сына вдовы», этот термин означал пророка, пли посвящённого в священные обряды и таинства, Адепта тайной доктрины.

Мухаммед, Пророк ислама, мир имени его, родился между 570-м и 572-м годом. Некоторые историки, включая мусульманских, останавливаются на дате 20 апреля 571 года как наиболее достоверной. И снова легенды приукрашивают периоды, которые история обошла молчанием. Обычно существуют повествования, связанные с рождением божественной или святой личности, и многочисленные чудеса, засвидетельствованные надлежащим образом. Говорят, что Пророк жил ещё до сотворения мира и что солнце, луна и звёзды были сотворены только ради него. Он был вылеплен из света Бога, хотя утверждалось, что это относится к его духовной сущности, а не к физическому телу.

Мухаммеду было предопределено, чтобы он родился в Мекке, переехал в Медину, чтобы его звали именно Мухаммедом и чтобы он никогда не осквернял уста неправдой.

Мать Пророка, да славится имя её, рассказывала, что перед самым его рождением воздух наполнился ужасным шумом. Она вся дрожала от страха, и в это время из невидимого мира появилась белая птица, положила крыло ей на грудь и преисполнила её сердце миром и безмятежностью. Как утверждают сказители, рождению Пророка сопутствовало множество ужасных событий. Озеро Сава ушло вспять, в свои потайные ключи; река Тигр вышла из берегов; дворец персидского царя содрогнулся, и башни его обвалились; все идолы в мире опрокинулись, а с неба пролился яркий свет, наполнивший сердца людей надеждой и благодарностью.

Произведя на свет младенца, овдовевшая Амина подкрепилась чудесным напитком из украшенного драгоценными камнями кубка, поднесённого ей невидимой рукой. В доме раздавались голоса, но, хотя слышались звуки шагов и шуршание одежд, никого не было видно. Были ли эти невидимые существа святыми древних времён, пророками и патриархами, явившимися, чтобы стать свидетелями предопределённого события? Спустившийся с неба полог окутал Амину, скрыв роды от глаз смертных. Вокруг расхаживали странные птицы с рубиновыми клювами и изумрудными крыльями, распевавшие прекрасные песни.

Едва родившись, младенец упал ниц на землю и, воздев руки, горячо помолился о прощении своего народа. Его тетка, Сафия, свидетельствовала, что Мухаммед родился обрезанным и что спустя несколько минут после рождения он уже излагал символ веры. На его теле была печать пророчества, начертанная буквами из света. В это же время с небес явились трое, окружённые блеском, подобным сиянию солнца. Один держал серебряный кубок, другой — изумрудный поднос, а третий — шёлковое полотенце. Эти небесные гости семь раз обмыли Мухаммеда и затем приветствовали его как «Господина человечества». Происходили и другие чудеса, и среди них удивительный свет, окруживший дом, и это сияние, казалось, исходило от тела Амины. Это свечение было настолько ярким, что его было видно издалека.

Амина рассказывала, что при родах не испытала ничего неприятного и что прежде чем сын родился, к ней явился посланец неба. Этот вестник поведал ей, что она выбрана матерью Пророка, которому суждено стать повелителем своего народа. Вестник велел ей назвать ребёнка Ахмедом (что значит «достославный») и сказал, что он будет желанным для всех народов. Через него изначальная вера мира будет восстановлена для

человечества.

Как только родилось дитя, Амина, следуя обыкновению своего народа, послала гонца с добрыми вестями к Абд ал-Мутталибу, отцу её покойного мужа. Новость застала этого почтенного человека сидящим в священном дворе Каабы среди сыновей и старейшин племени. Старик неописуемо обрадовался и тотчас же отправился к Амине, которая живописала ему все случившиеся чудеса. Тогда Абд ал-Мутталиб взял ребёнка на руки, пошёл к Каабе и, стоя перед святилищем и аэролитом^[139] Авраама, возблагодарил Господа. Пишут, что в этот момент младенцу было дано имя Мухаммед.

По словам катиба^[140] ал-Вакиди, когда Мухаммеду было три или четыре года от роду, произошёл чудесный случай. Однажды утром, когда он играл со своими молочными братом и сестрой возле стоянки своего рода, внезапно появились два ангела. Один из них, вероятно, Джибриль, вскрыл тело малыша, вынул сердце и очистил его от чёрных капель первородного греха, который все смертные наследовали от своего праотца Адама. Затем ангелы промыли тело мальчика изнутри снеговой водой с золотого блюда.

После этого они сравнили вес его тела с весом тысячи человек из его народа и он перевесил их всех. Тогда ангелы вернули сердце на место и тело Пророка стало светящимся. Казалось, от него исходило таинственное сияние, подобное тому, что излучалось всеми посланцами Бога, как об этом свидетельствуют древние писания. Многие, кто не мог глазами видеть этот свет, ощутили его в душе, и их повлекло к Мухаммеду, и они поверили в него.

Эти рассказы преувеличены не более, чем легенды, сложившиеся вокруг основателей большинства религий. Совершенно очевидно, что последователи Мухаммеда приняли его за вестника, ниспосланного Богом, облечённого божественной властью и назначенного управлять ими. Повествования о его рождении во многом совпадают с передаваемыми из поколения в поколение рассказами о рождении Будды, Конфуция и Иисуса. Несмотря на тенденцию отмахиваться от этих историй, рассматривавшихся как религиозные измышления, в настоящее время психологическим аспектам таких первоначальных легенд уделяется большее внимание. Всё в этом мире имеет свои причины, и определённые усилия мусульманских мистиков и философов согласовать историю пришествия и рождения Мухаммеда с мистической традицией не являются ни случайными, ни неожиданными. Под покровом вымысла сокрыта устойчивая символическая структура, не изменявшаяся с сотворения мира.

По причине обилия сект, возникших в мусульманском мире, трудно

освещать этот вопрос, широко представляя при этом современные взгляды. Бесспорно, однако, то, что Пророк стал персонификацией святости и пути её достижения. Пророк олицетворяет собой некий уровень развития сознания, которому, когда оно заключено в человеке, сопутствуют чудеса. Он потряс древние верования, подобно цитаделям Персии, поколебал материалистические инстинкты, и фонтаны ложного вдохновения иссякли, а направленность откровений круто изменилась. Чаша экстаза подкрепляет душу мистика во время его тяжкого испытания. Ему даются трансы и видения. Он рождается снова, чтобы стать единым с Пророком — воплощением мессианского закона. Это становится более наглядным при изучении доктрин дервишей и суфиев.

Таков был обычай у арабов тех времён — приставлять няньку к новорождённому младенцу, и Мухаммед был вверен заботам Халимы, принадлежавшей к роду Бану Сат. Он оставался у неё до шести лет, а затем вернулся к матери. Вскоре после этого Амина решила совершить поездку к могиле мужа в Медине. Мухаммед отправился в путь вместе с ней, и во время этого путешествия его мать умерла. Хотя у отца Пророка было много братьев, опеку над ним взял на себя дед, Абд ал-Мутталиб. Однако, когда Мухаммеду исполнилось восемь лет, его благородный дедушка умер и его дядя по отцу, Абу Талиб, принял мальчика в дом и в сердце. Мухаммед проникся глубочайшей привязанностью к Абу Талибу и стал его постоянным спутником. Разные люди, с которыми он был внутренне связан в ранние годы жизни, формировали собрание сподвижников, и их слова и мнения уступали по авторитету только наставлениям Корана.

Когда Мухаммеду было около двенадцати, он, по-видимому, сопровождал своего дядю Абу Талиба в караванном путешествии в Сирию. Они должным образом прибыли в Басру, лежащую за Иорданом и представлявшую собой страну племени манассах.

В это время в Басре располагалась многочисленная и обладавшая определённым влиянием колония христиан-несториан, и караван Абу Талиба расположился лагерем по соседству с общиной несторианских монахов. Здесь путников приняли со всяческим радушием и гостеприимством. Один или два монаха, побеседовав по этому случаю с Мухаммедом, были глубоко поражены ранним развитием его ума и страстным желанием узнать как можно больше о религии. Предполагают, что доктрины, открытые Мухаммеду этими христианскими монахами, настроили его против идолопоклонства. Несториане столь решительно выступали против поклонения любому рода изображениям, что редко выставляли напоказ даже крест, хотя в то время он был общепринятой

эмблемой христианства. Во время последующих посещений Сирии Мухаммед продолжал интересоваться учениями христианской общины. В возрасте примерно двадцати пяти лет, снова оказавшись в Басре, он, говорят, имел беседу с Несторием, принявшим его как будущего пророка. Так как основатель несторианской секты умер в пятом веке, то Мухаммед, должно быть, встретился с монахом более позднего времени, носившим то же самое имя.

Критическое изучение вопроса вызвало некоторые сомнения относительно источника знаний или мнения Мухаммеда о христианстве. Упоминания в Коране, кажется, не придают особого значения несторианским концепциям, хотя Пророк, по-видимому, питал особое уважение к определённым общинам священников и монахов, о чём свидетельствует сура Корана V:91. Считают также, что, если бы Мухаммед был глубоко сведущ в несторианстве, он особо упомянул бы о нём в Коране, поскольку прямые упоминания были у него в обычае. Несомненно, однако, что те сведения об общем состоянии христианского мира, которые он мог получить, всерьёз лишили его, молодого человека, иллюзий.

Многое указывает на то, что он мог бы принять в качестве личной религии иудаизм или христианство, а не основывать новое вероисповедание. Гнетущая обстановка пререканий и расхождений во мнениях в ранней христианской церкви побудила его искать основу изначальной, чистой религии пророков и патриархов, для которой, он чувствовал, настали тяжёлые времена.

Мусульманство утвердилось во мнении, что нет бога кроме Бога, Поскольку божество едино и не может быть никакого другого Бога помимо него, Мухаммед не мог принять божественности Иисуса или учения о святой Троице. Он был готов признать Иисуса святым пророком, чьё учение истинно, но не уверовать в догму, будто назорейский учитель идентичен и единосущен Богу-отцу. К тому же он недвусмысленно заявил, что считает себя всего лишь человеческим существом, и пример всей его жизни убедительно доказывает, что он не преуменьшал духовных достижений других людей, чтобы как-то возвысить свою репутацию. Он запретил обоготворять своё имя или память о себе, самой жизнью подтверждая, что «нет бога кроме Бога».

В различные периоды мировой истории Бог в своей бесконечной мудрости заставлял пророков являться и свидетельствовать в пользу чистого откровения божественной истины. К ним принадлежали великие учителя, описанные в Ветхом Завете, а также Иисус. Мухаммед дошёл до того, что заявлял, будто пришествие последнего было предсказано в Ветхом

Завете, а после него придёт другой учитель (т. е. он сам), который будет «желанным для всех народов».

Христианские учёные предпочитали утверждать, что у Мухаммеда были весьма слабые, поверхностные знания о христианстве и что, следовательно, его представления были почерпнуты главным образом из общения с окружающими, с чужих слов. Это, однако, можно было бы оспорить, так как известно, что члены его семьи были обращены в христианство, которое уже существовало тогда в этом регионе. Истина, вероятно, заключается в том, что христианские общины в Аравии сами знали немного и их убеждения были неопределённые и противоречивы и, следовательно, не годились для распространения глубокого знания о вере.

По утверждению Абу Талиба, уважаемого дяди Пророка, за все свои молодые годы Мухаммед ни разу ни с кем не поссорился. Примерно в двадцать лет он вступил в общество, известное под названием Хильфуль-Фузуль, члены которого давали торжественную клятву помогать нуждающимся и бедным, охранять права угнетённых и поддерживать справедливость.

В возрасте примерно двадцати шести лет Мухаммед служил управляющим поместьем у богатой вдовы по имени Хадиджа. Она так восхищалась его способностями и честностью, что они поженились, хотя она и была старше его на пятнадцать лет. От этого брака родилось шестеро детей, но лишь одна Фатима, младшая из дочерей, пережила отца, и то всего на шесть месяцев. Другой брачный союз, заключённый впоследствии, принёс Мухаммеду ещё одного сына, названного Ибрахимом. Но и этот ребёнок умер в младенчестве.

После женитьбы на Хадидже Мухаммед попал под влияние её двоюродного брата, Бараки ибн Науфаля, человека с большими познаниями в философии и эзотерическими интересами. Говорят, он отличался колоссальной проницательностью, несмотря на телесную немощь и слепоту, вызванную долгими научными занятиями. Вашингтон Ирвинг говорит, что он был «первоначально иудеем, затем христианином и к тому же претендовал на знание астрологии»^[141].

Слово «претендовал» в данном случае, вероятно, отражает всего лишь скептицизм Вашингтона Ирвинга в отношении астрологии. Во времена Пророка эта наука пользовалась высоким уважением и её приверженцы были, как правило, людьми, обладавшими мистическими знаниями и философским складом ума. Барака ибн Науфаль упоминается как первый переводчик разделов Ветхого и Нового Завета на арабский язык.

Если попытаться найти какое-нибудь разумное объяснение знакомству

Мухаммеда с «Мишной»^[142], «Талмудом» и родственными трудами, то, возможно, он был обязан этим знакомством двоюродному брату своей жены. Нет ничего невозможного в том, что мудрый Барака оказал сильное влияние на направление мысли Мухаммеда. Утверждают, что Барака ожидал пришествия пророка и поддержал притязания Мухаммеда.

Думающий человек может попасть под сильное религиозное влияние множеством способов. Римский правитель Египта послал Мухаммеду девушку, невольницу-христианку, которую помнят как Марию Коптскую. Она и стала матерью сына Пророка Ибрахима, и этот факт сам по себе должен был бы свидетельствовать об отсутствии у Мухаммеда каких бы то ни было необоснованных предубеждений против христианского вероисповедания. Интересно поразмышлять о том, что было бы, проживи Ибрахим достаточно долго, чтобы основать колена рода Пророка. Таким образом коптское христианство вошло в дом Мухаммеда, и его учение, по крайней мере в простой форме, более всего совпадало с его мыслями и оказалось легко доступным.

Принято считать, что вплоть до сорока лет Мухаммед оставался преданным и искренним приверженцем верований древней Аравии. Видимо, он отличался от окружающих его людей главным образом склонностью к мистике и необычайной силой воображения. Следуя обычаю, он проводил месяц рамадан на горе Хира, живя в пещере и выполняя аскетические ритуалы. Эта форма уединения включала ночные бдения в молитвах, посты и раздачу подарков бедным. По возвращении в Мекку Мухаммед, прежде чем войти в собственный дом, семь раз обходил Каабу.

Мухаммед начал сомневаться в чистоте и достаточности господствовавшей религии именно во время отправления обрядов рамадана. Некоторые говорят, что, пребывая на горе Хира, он встретил одного странного мистика, который побудил его более серьёзно обдумать элементы иудейского и христианского вероучения. По мере того, как в душе Мухаммеда нарастали смятение и неуверенность, он стал всё чаще возвращаться на гору Хира. Жертвуя многими практическими сторонами жизни, он становился отшельником, возвращавшимся домой только за необходимым для поддержания существования. Рассказы свидетельствуют о том, что он прошёл через метафизические переживания, аналогичные описанным в биографиях многих мистиков, включая мистические опыты святого Иоанна, отображённые в его книге «Мрак Души».

Именно в пещере на горе Хира, ныне известной как Гора Света, имело место видение или сверхъестественное явление. Мухаммед узрел

ангельскую фигуру, окружённую светом, державшую в руках шёлковую шаль или шарф с начертанными на нём таинственными письменами. Протянув шарф Мухаммеду, ангел произнёс: «Прочти». Существует некоторая неопределённость в отношении смысла ответа, данного Мухаммедом. По некоторым версиям, он ответил, что не может прочесть, другие же рассказы утверждают, что он не хотел читать. В конце концов ангел прочёл ему стихи, начертанные на шарфе. И ангел, а это, говорят, был Джibriль, объявил, что Мухаммед является истинным пророком живого Бога.

После этих мистических переживаний Мухаммед поспешил домой и рассказал о случившемся своей жене Хадидже. Он был в замешательстве и тревожился, как бы какой-нибудь злой дух древней языческой веры не попытался обмануть его.

Разительная перемена, происшедшая с личностью Мухаммеда, по-разному истолковывалась его друзьями, соперниками, а впоследствии и ортодоксальными представителями господствующей религии. Одни считали, что на него снизошло наитие, другие видели в нём кахина^[143], прорицателя, многие считали его страдающим галлюцинациями и, по крайней мере, некоторые откровенно признавали его душевнобольным или подпавшим под сверхъестественное влияние Сатаны и его приспешников. По утверждению Хадиджы, он и сам разделял большую часть отрицательных мнений на свой счёт и часто спрашивал себя, не одержим ли он джиннами или злобными феями. Хадиджа была для него постоянным источником мужества и вдохновения. Она напоминала мужу, что он всегда был добродетельным и достойным человеком, что его побуждения были чисты и благочестивы и что у него нет никаких оснований предполагать, будто силы зла могут иметь хоть какую-нибудь власть над ним. Хадиджа словно предчувствовала его судьбу, ибо известно, что она сказала ему: «Ты станешь Пророком своего народа».

Чтобы ещё больше укрепить Мухаммеда в вере и придать ему уверенности, Хадиджа отвела его к своему двоюродному брату Бараке, мудрость которого почитали повсюду. Барака подтвердил, что Мухаммеду был передан великий *номос* — закон, похожий на закон Моисея. Термин *номос* (др. — греч. *νομός*) заимствован из греческой мифологии и, как представляется, обозначает духа или существо (демона законов, уставов и таинств), знающее самые сокровенные помыслы человека. Произносимый по-арабски как *намус*, он есть закон и также тот, кто передаёт тайные послания, установления или силу — трансцендентное средство, при помощи которого дела вершатся в соответствии с божественной волей. Он

связывался и со словом «Тора» — богооткровенным законом евреев.

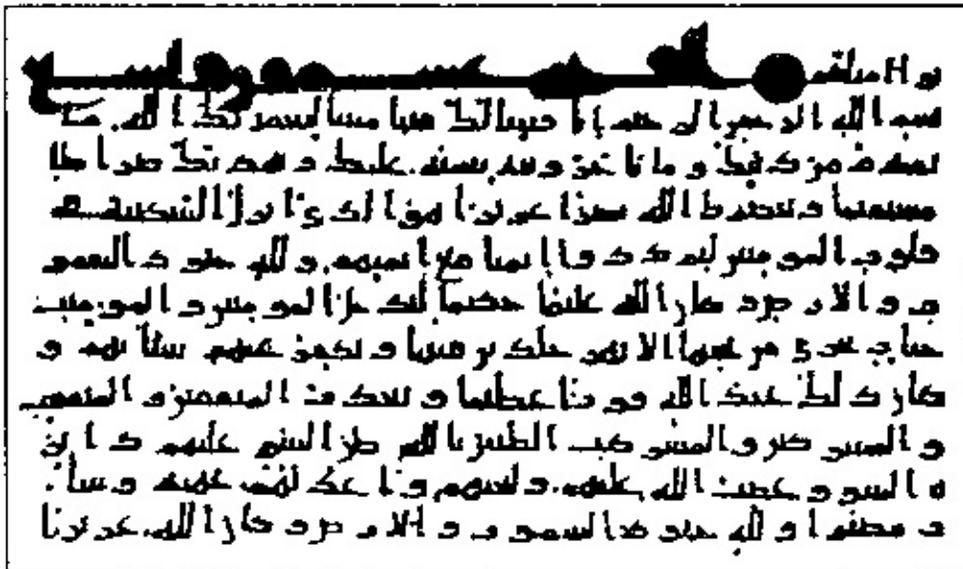
Барака объявил, что видение, явившееся Мухаммеду, указывает, что ему предназначена великая миссия среди его народа и что он, Барака, безоговорочно верит в него и хочет помогать, но сожалеет, что не доживёт до того дня, когда свершится сужденное. Хадиджа сходила и к монаху по имени Аддас, который подтвердил слова Бараки, и эта поддержка близких и людей, осведомлённых о таких таинствах, была величайшим утешением для Мухаммеда. Хадиджа, да пребудет с ней милость Аллаха, первой в его доме приняла учение и считается первой мусульманкой и матерью верующих.

Из истории известно, что Мухаммед провёл семь лет в подготовке к своему пастырству. Длительные бдения не только вредили его здоровью, но и вызывали обмороки, которые мусульманские мистики почитали экстатическими трансами. Подобное случалось и с Данте, и со святым Франциском Ассизским. Большинство сур — разделов Корана — было написано во время пребывания Пророка в таком состоянии, похожем на транс. Эти приступы часто случались без всякого предупреждения. В некоторых случаях Мухаммед падал без сознания, а в иные моменты он сидел, завернувшись в шерстяные одеяла, и по его лицу и телу даже в самые жаркие дни струился холодный пот. Пребывая в этом странном состоянии, он, как правило, разговаривал, и его слова либо записывались, либо запоминались узким кругом преданных друзей. Именно так и была записана значительная часть Корана. Впоследствии Мухаммед говорил Абу Бакру^[144], что каждый седой волос в его бороде соответствует суре Корана.

Достославный Коран

Слово *Коран* (по-арабски Кур'ан) буквально означает «чтение вслух, наизусть» и указывает на способ, которым Пророку открывались суры — разделы книги. *Ислам* переводится как «покорность» — таким образом эта религия провозглашается как вера с полным преданием себя воле божьей. За несколькими явными исключениями, Коран написан от первого лица, и этим лицом является Бог. В книге рассматривается множество предметов, включая теологию, этику и правоведение. Поэтому она стала основой всего мусульманского образа жизни. Строго запрещается идолопоклонство и обожествление человеческих существ. Учреждены и определены такие религиозные ритуалы, как пост и паломничество. Мусульманский юридический кодекс основан на авторитете Корана, и это обеспечивает религии прямую связь с каждым верующим и его повседневной жизнью.

Рис. ниже: Страничка миниатюрного Корана. Этот манускрипт был написан на коже газели куфическими письменами по приказу халифа Гаруна ар-Рашида в 798 г. Как сообщают, он был послан халифом в дар императору Карлу Великому.

По своей структуре Коран похож на многие другие священные книги, но, как всегда, имеются и определённые различия, которые становились всё более и более существенными по мере развития и распространения ислама. В настоящее время считается, что все разделы Корана действительно были продиктованы Пророком на протяжении его жизни. Однако расположение

сур в некоторых случаях произвольно и обусловлено учёными советами лидеров веры. Книга в основном была составлена в период между озарением Пророка и его смертью в 632 г., то есть в 11 г. Хиджры, если пользоваться мусульманским методом летосчисления.

Коран во многом перекликается с Ветхим и Новым Заветом, и по сему следует признать, что Мухаммед не стремился к оригинальности. Этот труд обнаруживает глубокое восхищение жизнью и подвигом Иисуса. Моральные принципы и законы, изложенные в Коране, отражают Моисеев закон, и это привело к формированию священства, которое твердо придерживалось присутствующего евреям убеждения, что священник является по существу скорее учителем, нежели посредником между Богом и человеком. Коран в своей нынешней форме состоит из ста четырнадцати глав, у каждой из которых есть название и указание места, где она была открыта. Специалисты придерживаются мнения, что разделы Корана строго отражают тот период жизни Пророка, когда были написаны суры. Уникальным является и то, что от некоторых стихов отказались, то есть их убрали, или изъяли, поместив вместо них другие откровения. После смерти Пророка оказалось, что некоторая часть его наставлений не была записана. На секретаря Пророка, Зайда ибн Сабита^[145], была возложена священная обязанность собрать все разделы и стихи в одну книгу. В течение некоторого времени, по-видимому, существовал только этот, единственный экземпляр Корана. Позднее тому же Зайду поручили переработать его предыдущую компиляцию. Она превратилась в классический текст, а большая часть первых рукописей была уничтожена. Поэтому могут возникать некоторые сомнения относительно отдельных аспектов этого труда, но поскольку эти переработки являются ранними, то они не были бы приняты, если бы слишком далеко отклонялись от известной традиции.

Коран содержит четыре вида общих установлений. Общие основы веры связаны с самым ранним периодом откровения. Во второй рубрике перечислены порядок проведения и формы религиозных обрядов, в третьей — этические принципы, или кодекс поведения, а в четвёртой — духовные тяготы учения, переданные через легенды, мифы, басни, притчи и даже исторические происшествия. Жизненный путь Мухаммеда, как свидетельствуют писания, тоже можно разделить на три периода. Первый период включает раскрытие Мухаммедом собственной веры и приведение в движение духовной концепции его религии. Во второй период вера принимает более агрессивную форму и выступает против идолопоклоннических систем и многих других сект в пределах сферы влияния мусульманства. Третья эпоха рисует Мухаммеда как правителя

своего народа, Владыку правоверных, обладающего как духовной, так и светской властью. Он принимает отеческую позицию, и верующие считаются его детьми. Он создаёт новые законы и пересматривает установленные ранее. Некоторые поговаривали, что Коран — заурядная священная книга, сочетающая в себе изложение доктрины с дневником. Мухаммед же, похоже, не возражал против разоблачения перемен в своей натуре, неизбежных при разъяснении его миссии^[146].

Хиджра

Первыми обращёнными в веру Пророка стали его домочадцы. Круг новообращённых быстро расширился, включая сплочённое ядро людей, хорошо известных своими высокими моральными качествами и респектабельностью. По истечении четырёх лет частного преподавания в группе, численность которой, постепенно увеличиваясь, превысила сорок членов, Пророку через откровение было приказано пропагандировать ислам публично. Почти незамедлительно его растущий престиж вызвал страх и беспокойство у жителей Мекки, которые получали изрядную прибыль от господствовавшей в городе религии. Поэтому они решили нарушить древнюю традицию, согласно которой нельзя было проливать кровь в святом городе, и покончить с угрозой установления ислама, убив Пророка.

Однако Мухаммеду было дано откровение в виде предупреждения, и Господь приказал ему бежать из Мекки, чтобы не погибнуть. Это была довольно-таки трудная задача. Народ Мекки настолько верил в честность Пророка, что нёс в его дом свои ценности на сохранение. Необходимо было принять меры к возвращению всех этих вещей владельцам и при этом сохранить втайне намерение покинуть город. Жители Мекки окружили дом Пророка, но ночью явился ангел Владыки и они уснули. Повинуясь Божественному приказу, Мухаммед вышел из дома и, обратив свой взор к Каабе, воскликнул: «О Мекка, ты была для меня самым дорогим местом в мире, но твои сыновья не дадут мне жить!»

В сопровождении Абу Бакра Пророк укрылся в пещере, милях в трёх от Мекки. Когда шайка наёмных убийц обнаружила, что Мухаммед бежал, они выслали отряды, чтобы перехватить его. Одна из этих групп действительно обнаружила следы, которые вели к входу в пещеру. И тогда произошли единственные сверхъестественные события, зафиксированные, как утверждают, в подлинной мусульманской истории. Эмиль Дерменгем приводит пространное описание этих чудесных происшествий. «Именно тогда и случилось чудо — гармония души человека и окружающего мира. В сухой расселине скалы дал побеги горный кустарник. Внезапно он начал расти, его ветви цеплялись за скалы, его изящные усики поднимались вверх, пока не закрыли почти весь вход в пещеру. В их тени сидел, воркуя, голубь, и паук, верша своё ежедневное чудо, создавал замысловатый геометрический узор из паутины. Между светом снаружи и прохладным

сумраком пещеры протянулись тончайшие нити, а на них балансировал паук, который поднимался вверх, спускался вниз и в конце концов устроился отдыхать в самой середине, притаившись в ожидании жертвы. А белая голубка — птица любви — отложила в песок свои яйца. У входа в пещеру, их дом, кружил над ней голубь. Что за радость разлита на земле, что за любовь и покой царили в этом крошечном уголке мира!.. Курайшиты^[147] заглянули в тёмный лаз. Они увидели голубку, но побоялись раздавить её яйца. Они заметили куст и паутину с пауком и покачали головами, убедившись, что за последнее время никто не входил в пещеру».

На четвёртый день Пророк и его спутник продолжили путь в Медину, куда и прибыли после утомительного путешествия. В этом городе Мухаммед и Абу Бакр встретили тёплый приём, так как люди гордились, что Пророк решил оказать честь их общине. Побег Мухаммеда в Медину называется *Хиджра*, что дословно означает «переселение». Написанное с большой буквы, это слово обозначает начало мусульманской эры. Оно характеризует также обстоятельства отбытия Мухаммеда из Мекки и в расширительном смысле применяется к поступку любого мусульманина, покидающего страну иной веры.

С мистической точки зрения — это высоконравственный поступок бегства от греха через посвящение себя духовной жизни. Приводятся различные даты этого события, которые, однако, мало отличаются друг от друга. Говорят, что Мухаммед добрался до Медины 28 июня 622 года (1-го года Хиджры). В мусульманском мире все даты приводятся относительно Хиджры, обозначаемой в западной литературе, как правило, сокращённо *А.Н.*, аналогично обозначению христианской эры *А.Д.* (*Anno Domini*). После Хиджры могущество Мухаммеда быстро крепло, и в восьмом году после Хиджры он начал поход на Мекку во главе десяти тысяч божьих избранников.

Ночное путешествие

Знаменитое ночное путешествие на небеса называется *мирадж*, что буквально означает «вознесение». Утверждают, что это случилось на двенадцатом году выполнения Пророком его миссии, примерно за год до установления мусульманской эры. Хотя в Коране нет никакого описания этого события, оно подтверждается семнадцатой сурой, которая в вольном переводе звучит так: «Хвала Тому, Кто ночью перенёс Своего слугу от храма в Мекке к Иерусалимскому храму»^[148].

В связи с этим видением приводится ссылка на авторитетное утверждение Айши, ставшей к тому времени женой Пророка, будто физическое тело Мухаммеда не исчезало, а Бог унёс его ночью в духе. Самые благочестивые мусульмане признали достоверность видения, по крайней мере, как мистического переживания, а раз так, то его нельзя критиковать, не подвергая при этом явному сомнению честность Мухаммеда. Это было бы необоснованно, учитывая заслуженную им на протяжении всей жизни репутацию абсолютно честного и искреннего человека. Вашингтон Ирвинг приводит важнейшие моменты ночного путешествия, хотя и признаёт, что не представил эту историю во всей полноте.

Однажды ночью, темнее и безмолвнее которой мир не знал, Мухаммед был разбужен ангелом Джibriлем, который привёл к Пророку странное и удивительное существо, отличавшееся от всех живущих в земном мире. У этого создания было человеческое лицо, туловище лошади, крылья орла и лучистые как звёзды глаза. Оно было женского пола и благодаря ослепительному блеску и невероятной скорости звалось ал-Бурак, то есть «Блистающее». Верхом на ал-Бураке Пророк пронёсся над горой Синай, на которой Господь говорил с Моисеем, а также над Вифлеемом, где родился Иисус, сын Марии. Вместе с Джibriлем они прибыли в конце концов в святой храм Иерусалима. Сойдя со своего летучего коня, Мухаммед вошёл в храм и нашёл там Авраама, Моисея, Иисуса и множество пророков. Как утверждается в работе Э. Дине и Слимана бен Ибрахима^[148], по прибытии в Иерусалим Мухаммеда встретил человек, протянувший ему чашу с вином и чашу с молоком. Мухаммед выбрал молоко, и Джibriль одобрил его выбор, сказав, что если бы он выбрал вино, то его народ предпочёл бы заблуждение истине.

Мухаммед присоединился к Иисусу и древним пророкам и довольно

долго молился вместе с ними. В конце священнодействия небо словно разверзлось и лестница из света начала опускаться с небес, пока её нижний конец не упёрся в камень, называемый Горою Мориа. С помощью ангела Джibriля Мухаммед с необыкновенной лёгкостью и быстротой поднялся по лестнице.

В этом видении небесные сферы были разделены на семь поясов, которые соответствуют орбитам семи планет в астрономической системе Клавдия Птолемея из Александрии. Когда пророк достиг первого неба, Джibriль постучал в ворота. Изнутри раздался голос, спросивший: «Кто там?» Ангел ответил, что это Джibriль и что с ним пришёл Мухаммед. Тогда страж ворот спросил Пророка, знает ли он о своей миссии, и, получив утвердительный ответ, приветствовал его, и ворота широко распахнулись.

Первое небо было серебряным, а звёзды свисали со свода на золотых цепях. На каждой звезде помещался ангел, служивший часовым. Когда Мухаммед вошёл, появился его праотец Адам, выглядевший стариком. Пророк засвидетельствовал своё почтение первому смертному, и Адам заключил в объятия своего потомка. Эта сфера изобиловала также множеством различных животных. Джibriль пояснил, что эти животные на самом деле были ангелами, которые, приняв вид бесчисленных созданий, просили Бога о снисхождении ко всем видам животных на земле. Затем Джibriль и Мухаммед поднялись на второе небо, где их принял Ной, патриарх всемирного Потопа, обнявший Пророка с величайшей сердечностью. Ритуал стука в ворота и обращения с вопросами повторялся каждый раз. На третьем небе восседал ангел громадного роста, и Джibriль объяснил, что это — Азраил, Ангел Смерти. На четвёртом небе они встретили ангела слёз, который оплакивал грехи детей человеческих. Пятое небо было из чистейшего золота, и там Мухаммеда встретил и прижал к груди Аарон, и там обитал также Ангел мщения, главенствовавший над стихией огня. Шестое небо было образовано необъятным прозрачным камнем, напоминавшим карбункул. Здесь пребывал великий ангел — хранитель неба и земли, и здесь же разместился пророк Моисей.

Поднявшись ещё выше, Мухаммед достиг седьмого неба, где был принят патриархом Авраамом. Это дивное место было создано из божественного света и отличалось таким необычайным великолепием, что человеческий язык бессилён его описать. Там было святилище, напоминавшее Каабу в Мекке, и оно висело прямо над земным зданием.

Патриархи, явившиеся ему в видении, варьируются в разных рассказах, и это будет принято во внимание при анализе смысла ночного

путешествия.

Пророк продолжил своё странное путешествие с седьмого неба, пройдя через область света и сферу абсолютной темноты. Выплыв из этого мрака, он оказался перед Богом, но лицо Аллаха было скрыто двадцатью тысячами покровов. Божество простёрло руки из-под этих покровов, положив одну на грудь, а другую на плечо Мухаммеда. И тогда Пророку были переданы многие доктрины и молитвы. Содержание самого наставления не было записано, но, говорят, сохранилось как часть тайной традиции в исламе. После этого Мухаммед опять спустился по золотой лестнице к храму в Иерусалиме, где нашёл ал-Бурака, привязанного там же, где он оставил его, и перенёсся обратно, в то же место, с которого отправился в путь.

Следует отметить, что В. Ирвинг в своём кратком описании ночного путешествия по какой-то причине не указывает имён пророков, которые наверняка встречали Мухаммеда у ворот. Существует несколько списков. Согласно одному, например, Мухаммед сталкивался с древними мудрецами в следующем порядке: Адам, Ной, Аарон, Моисей, Авраам, Давид, Соломон, Идрис (Енох), Яхья (Иоанн Креститель) и Иисус. Такой вариант списка наводит на мысль о том, что общее число пророков превышало количество небес; следовательно, одну и ту же сферу должны были занимать двое или более пророков.

В остальных альтернативных списках, обнаруживаемых в ранних комментариях, за семью воротами семи небес следили праведники, располагавшиеся в следующем порядке: Адам, Иоанн и Иисус, Иосиф, Енох, Аарон, Моисей и Авраам. В знаменательной расстановке, в которой Иисусу отводится место у ворот седьмого неба, каждый из патриархов прошлого просит Мухаммеда походатайствовать за него перед престолом Господним; но по достижении Мухаммедом сферы Иисуса ситуация полностью изменяется и уже он просит Назарянина замолвить за него словечко.

По утверждению Годфри Хиггинса, обладавшего колоссальной эрудицией в сравнительной религии, Мухаммед, обращаясь к Иисусу с просьбой о заступничестве у седьмых ворот, поставил Иисуса Христа выше самого себя и косвенно, но вполне определённо объявил себя христианином. Хиггинс пишет: «Это вполне согласуется с мусульманской доктриной; раз из-за чрезмерной порочности рода человеческого миссия Иисуса — любви, мира, доброты — потерпела неудачу, то ей на смену должна прийти миссия силы, то есть меча».

В силу необычного характера видения, вполне объяснимо, что

различные секты изменяли в разное время детали, дабы согласовать их с господствовавшими установками или содействовать привнесению в жизнь эзотерических и символических размышлений.

Подытоживая значение для благочестивых мусульман ночного путешествия, суфий-бенгалец констатирует: «Это видение имело громадное духовное значение. Восшествие на Небеса означало, во-первых, что делу Пророка суждено было восторжествовать. Во-вторых, что он достигнет высочайшего духовного развития и опередит всех в своей близости к Богу. Семь небес означали, что путь духовного развития необходимо преодолевать постепенно, *шаг за шагом*»^[149].

Этот суфий — в полном согласии с естественными наклонностями своей в высшей степени метафизической секты — утверждает также, что восхождение на небеса было определённо мистическим переживанием или, как он это называет, ментальным видением. В поддержку этого суждения он цитирует нескольких крупных мусульманских специалистов.

Исходя из рассказа Ирвинга и некоторых дополнительных данных, можно твёрдо предположить, что ночное путешествие включает ритуальность эзотерического, или мистического общества. Описание украшений семи сфер, или уровней, наводит на мысль об убранстве ложи или святилища для проведения обрядов посвящения. На первом небе, например, звёзды подвешены к небу на золотых цепях. Вряд ли стоило в простом видении вселенского таинства особо обращать на это внимание, но это было необходимым в материальном святилище, где отправлялись ритуалы. Само ночное путешествие сильно напоминает апокалиптическое видение святого Иоанна, описание вознесения через семь сфер, оставленное Гермесом в «Божественном Поймандре», и нисхождение Иштар через семь врат в вавилонской легенде о Таммузе. Существует также похожее описание чудес, сопровождавших вручение Моисею скрижалей Закона на пылающей горе Синай. Появилось облако, которое, разверзшись подобно зеву или дверному проёму, позволило Моисею ступить на твердь небесную, где он узрел ангелов, очутился перед Богом, был допущен к созерцанию семи небес и небесной обители, которая позднее должна была воспарить в небесах над Вечным Домом царя Соломона.

Можно только предположить, что в основе всех этих рассказов лежит общая традиция, и эта традиция составляет фундамент, на котором возводились торжественные церемонии и драматический антураж посвящения.

Мистерии Митры с их путешествием через семь миров, обряды

острова Самофракия и погребальные ритуалы египтян, включавшие допрос, устраиваемый душе стражами ворот подземного царства, конечно, укладываются в эту первоначальную концепцию.

Подобно Анубису, который сопровождал души умерших в Египте, и Вергилию, проведенному Данте через ад, всегда имеется спутник или проводник, говорящий от имени кандидата до тех пор, пока тот не узнает тайные слова ступеней посвящения. В истории с Мухаммедом это место отведено Джибрилю. Следовательно, ночное путешествие являет собой естественную веху традиции Адептов, безусловно показывая, что составители этого описания, будь то сам Мухаммед или его первые ученики, следовали укоренившемуся общему представлению и предоставили его правоверным, пришедшим вслед за ними, в качестве ключа к своим учениям.

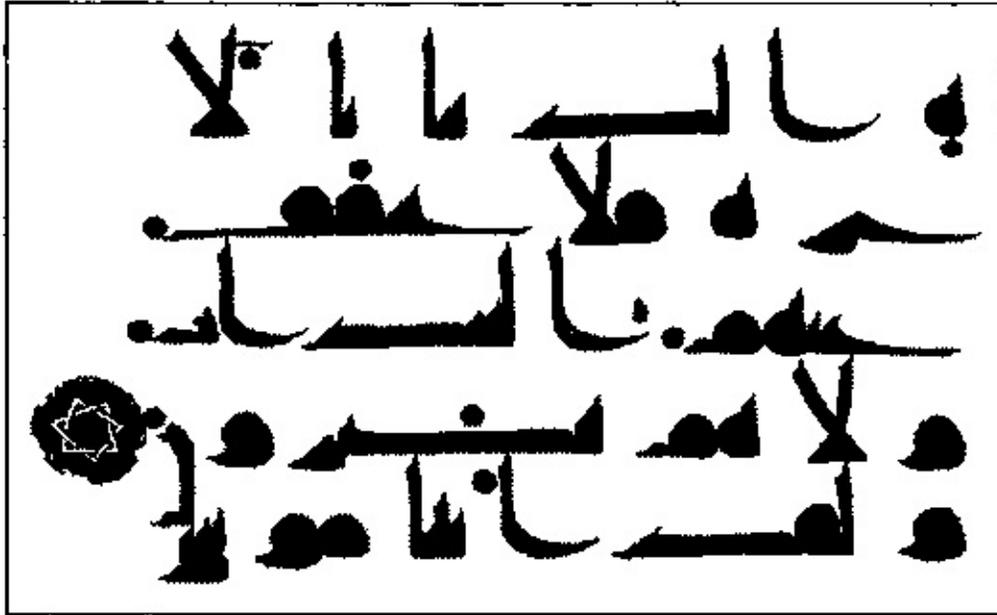
Возникновение ислама

На восьмом году после бегства в Медину Мухаммед снова вернулся в Мекку, рассчитывая на бескровную победу над своими врагами. Поскольку некоторые из его приверженцев не подчинились ему, потери составили тринадцать человек. Поход на Мекку начался на десятый день месяца рамадан, и когда Пророк вступил в город, он нёс знамя, сделанное из покрывала его жены. Семь раз обойдя вокруг Каабы, он приказал низвергнуть изваяния, которым там поклонялись — вероятно, Лат и Уззы^[150]. Затем Мухаммед повторно освятил храм, создав прецедент для ежегодного паломничества в святой город.

Спустя два года, на десятом году Хиджры, Мухаммед возглавил то, что было названо «прощальным паломничеством». В последний раз он ехал во главе правоверных на своём огромном чёрном верблюде. В нём было сильно предчувствие смерти, и самым заветным его желанием было сделать это паломничество идеальным образцом для бесчисленных последователей последующих веков.

Во время этого последнего посещения священного города его веры Пророк, как рассказывают, часто проповедовал либо в Каабе, либо под открытым небом, со спины своего громадного верблюда. Существует легенда, неподтверждённая, но безусловно пользующаяся уважением правоверных, будто во время одной из его проповедей небеса разверзлись и раздался голос Господа, произнёсший следующее: «Сегодня я завершил твою религию и довёл свою благодать в тебе до конца». Едва прозвучали эти слова, как собравшиеся преклонили в восхищении колена и верблюд Мухаммеда упал на колени и склонил свою голову до самой земли.

В результате предпринятой в Хейбаре на седьмом году Хиджры попытки отравить его, Пророк в последние годы жизни сильно страдал от физической боли. Хотя ему чудесным образом помешали съесть отравленную пищу, он всё же отведал её и яд продолжал своё медленное действие, как и было рассчитано. Мухаммед почил в Медине на одиннадцатом году Хиджры (632 г.). Его юная двадцатилетняя жена Айша запомнила его последние слова. Почти перед самым концом Пророк молился шепотом: «Да простит меня Всевышний и да примет меня к себе на небеса!» Затем он прерывисто, приглушённо шептал: «Вечная жизнь в Раю!.. Прости!.. Да, благословенное общество на небесах!» И потом он с тихим вздохом скончался.

На рис.: Лист Корана VII века. Часть стиха 80 второй суры.

Мухаммед был погребён под полом той комнаты, в которой умер. Эти покои называются ныне «худжра», а изначально это были личные апартаменты Айши. Современный вид могилы описывают так: «Над худжрой располагается зелёный купол, увенчанный большим позолоченным полумесяцем, вырастающим из ряда глобусов. Внутри здания находятся гробницы Мухаммеда, Абу Бакра и Умара и место, предназначенное для могилы владыки нашего Иисуса Христа, который, по словам мусульман, снова посетит землю, умрёт и будет похоронен в аль-Мадине. Могила дочери Пророка, Фатимы, как полагают, находится в отдельной части здания, хотя некоторые утверждают, что она похоронена в Баки. Говорят, что тело Пророка покоится на правом боку, вытянувшись во весь рост, а правая щека лежит на правой ладони и лицо обращено к Мекке. После него туда поместили Абу Бакра, лицо которого обращено к плечу Мухаммеда, а затем — Умара, занимающего то же самое положение по отношению к Абу Бакру. У христианских историков пользовался популярностью рассказ о том, что магометане верят, будто гроб их Пророка висит в воздухе, что не находит никаких оснований в мусульманской литературе. А Нейбур полагает, что этот рассказ, должно быть, обязан своим происхождением примитивным рисункам, продаваемым чужестранцам»^[151].

После кончины Пророка престолонаследие в исламе приняло форму халифата. О природе этого установления ходило множество

противоречивых мнений, и некоторые мусульманские секты не воспринимали это всерьёз. Однако обычно считается, что халифат соответствовал воле Пророка.

В писаниях Сунны^[152], передающих высказывания сподвижников семейства Пророка, говорится, что халифом^[153] должен быть достигший совершеннолетия, нормальный, свободный человек, сведущий в богословии, могущественный властитель, справедливый правитель, принадлежащий к племени, из которого вышел сам Пророк.

Некоторые считают, что халиф должен происходить из семьи Пророка. Пригодность кандидата на халифат определяют несколько моментов. Прежде всего он должен быть действительным обладателем титула, на который не объявился более достойный претендент. Он должен подкрепить свои притязания с политической или военной точки зрения. Он должен быть избран с согласия законного органа старейшин. Во-вторых, он должен, по-возможности, получить право преемственности от предыдущего обладателя титула, чьё положение не вызывало сомнений. В-третьих, ему надлежало быть хранителем двух святынь — Мекки и Иерусалима, и он должен владеть священными реликвиями: накидкой Пророка, волосами из бороды Пророка и мечом халифа Умара^[154].

Поскольку такое явление, как халифат, в целом чрезвычайно трудно для понимания, возможно, стоит кратко обрисовать его, прибегнув к помощи мусульманского писателя. «Преемственность мусульманских монархов менялась. Абу Бакр, первый преемник Пророка, был выбран наиболее влиятельной группой мусульманского общества; Омар (Умар) был назначен Абу Бакром; Усман — выборщиками, которых назвал Омар; выборы Али привели к гражданской войне; начиная с Муавии было установлено династическое правление, в первую очередь, семьи Омейядов. Даже в династиях порядок наследования не всегда был постоянным. Иногда халиф выбирал первым наследником одного из своих сыновей; так Гарун ар-Рашид троих сыновей назначил майоратными наследниками. Первый из них, ал-Амин, пожелал устранить второго — ал-Мамуна, но тот взбунтовался, и ал-Амин был убит. У оттоманских султанов это был скорее брат, становившийся преемником»^[155].

Функции халифа также определены весьма нечётко. Теоретически этот сановник является вице-регентом или представителем Пророка. В Коране слово «халиф» используется по отношению к Адаму, который считался вице-регентом Всевышнего. Давид также упоминается как халиф. Однако на практике халиф может действовать в неких условных границах, если он,

по мнению подданных, не обладает должной силой и личным обаянием для достижения автократии. Всё законодательство в принципе основывается на воле Божией. Законы Господа раскрываются через Коран. Следующим авторитетным источником являются предания, записанные со слов сподвижников Пророка, и некоторые комментарии, составленные ими же. Эта часть наставлений известна как Сунна. В конечном счёте решающее слово остаётся за консенсусом. Халиф может быть наделён только прерогативами, установленными в законодательном порядке и выражающими волю всего мусульманского общества или народа. Следовательно, подтверждениями халифата в конечном счёте являются (по крайней мере, теоретически) выдвижение кандидата предыдущим халифом и добровольное признание его, провозглашаемое народом.

Основные секты мусульман получали названия и полномочия от первых халифов и некоторых выдающихся лидеров более позднего времени. Различные династии, одна за другой, переживали отпущенное им время. Некоторые пользовались сравнительно недолгой властью и влиянием, другие держались довольно долго. Вокруг каждой возникали легенды, которые, переплетаясь друг с другом на протяжении веков, создавали сложный узор мусульманской философии, теологии и истории. Термин *имам*^[156], должно быть, вошёл в обиход в это же время. Согласно наиболее консервативным толкованиям, слово «имам» считается синонимом «халифа». Если лидер нарушает законы Корана или ему недостаёт принятых для его положения добродетелей и милосердия, то долгом правоверных является отвергнуть или заменить его и отречься от него.

Согласно Сунне, для верных традиции, признающей четырёх первых халифов, халиф является истинным имамом. Однако более мистическая секта шиитов применяет термин «имам» к семи или двенадцати своим лидерам, и у них возникла сложная метафизическая доктрина. Имамы этой секты ведут своё происхождение от Али, зятя Пророка, через старшего сына Али и Фатимы. Их второй сын, ал-Хусейн, был третьим имамом, а его сын — четвёртым. Двенадцатого и последнего имама, которому ещё предстоит явиться, будут звать Мухаммедом. Считается, что в течение долгих столетий он был жив, но жил тайно. Когда настанет время, он появится среди правоверных как Махди^[157] — утешитель последнего дня мира, чьё пришествие было предсказано Пророком.

Концепцию имама несколько проясняет Бернارد Х. Спрингетт: «Персидские цари из династии Сафи величали себя "рабами Владыки

Страны" — страны незримых имамов. Они всегда держали в царских конюшнях Исфахана двух осёдланных и взнузданных лошадей: одну — для двенадцатого имама, когда бы тот ни появился, другую — для Иисуса Христа, который, по их представлениям, будет его сопровождать»[\[158\]](#).

Религиозная философия в исламе

Это не обычное исследование мусульманства, а часть всеобъемлющего обзора, посвящённого возникновению традиции Адептов в различных религиях мира. Нельзя сказать, что все сторонники этих вероисповеданий пребывают в полном согласии относительно эзотерических аспектов собственных вероучений. Многие христиане отвергают христианский мистицизм, хотя его преподавали и он был признан самыми знаменитыми и почитаемыми лидерами этой веры. Многих ортодоксальных иудеев приучили считать каббалу опасной и противозаконной, но всё же нельзя отрицать, что гипотезы, основанные на её сложном символизме, занимали многих раввинов и учёных. Следовательно, немусульманину не подобает судить о вере этих людей и категорически высказываться относительно её доктрин. Настоящий труд призван указать на аналогии между некоторыми аспектами ближневосточной метафизики и всеобщей верой в существование святых, обладающих необычайной способностью постижения тайн Бога.

Чрезвычайно трудно воссоздать широкую картину утончённых аспектов мусульманской религии и философии с позиций и взглядов немусульманских авторов. Общее отношение европейских писателей к исламу в большинстве случаев было в высшей степени критическим. Никакая иная из существующих религий не подвергалась столь открытым и настойчивым нападениям. Поскольку эта политика проводилась достаточно долго и присутствует на многих уровнях мышления до сих пор, то приходится допустить, что в большинстве имеющихся рассказов всё-таки присутствует некоторая предвзятость несмотря на то, что сами писатели заявляют о своей беспристрастности или даже симпатии.

К сожалению, влияние ислама на христианский мир было неуспешно и временно. Оно пришлось на средневековье, когда над Европой сгустились тяжёлые тучи нетерпимости и невежества. Христианский мир пришёл в ужас от дерзости Мухаммеда, заявившего, что ему Богом назначено стать преемником первых учителей и раскрыть тайны истинной веры. В этом и заключалась грандиозная и всё разрастающаяся ересь, которую не смогли искоренить даже крестоносцы и которая на протяжении веков угрожала захлестнуть Европу. Благочестивые средневековые теологи молили небеса о спасении от чумы, турок и кометы.

В наши дни ислам прочно укоренился в большинстве частей света.

Проанализировав распределение мусульман по континентам и среди наций, Заки Али приходит к выводу: «... можно с уверенностью признать, что в мире насчитывается около 400 миллионов мусульман».

В ныне сложившихся условиях у всех вероисповеданий человечества имеются стимулы к пониманию и правильному восприятию друг друга, и это единение может быть достигнуто самым простым и естественным образом именно на уровне мистицизма с его глубоким и благородным пониманием ценностей.

Несомненно, Мухаммед знал о прискорбных обстоятельствах, уродовавших становление христианской церкви в его время. В его сознании постепенно складывалась концепция естественной религии, отличавшейся исключительной простотой веры, в которой почти не оставалось никаких возможностей для запутанной полемики, вражды или еретических раздоров. Он не думал, что трансцендентные элементы символов веры могут разделять людей. Доводы в пользу того, чего нельзя видеть или знать наверняка, дают слабое удовлетворение. Пророк был арабом среди арабов. Он знал их уклад жизни и сознавал их нужды. С его точки зрения гораздо лучше было бы мудро и с любовью направлять поведение человека в привычное русло, нежели вовлекать его в раздоры, которые могут пробудить в нём разрушительные инстинкты и злоупотребления во имя религии.

Результатом личного духовного переживания Пророка явилась вера для людей пустыни. Это были люди, которые держали овец и путешествовали караванными путями. Им надлежало быть честными в торговых делах, склонными к милосердию и способными молиться бок о бок, ища поддержки у небес в годину скорби или в час опасности. Разве можно было придумать более простую теологию, нежели та, что составляет суть ислама? Нет Бога кроме Бога; поклоняйся ему от всего сердца. Есть единый закон; соблюдай его с искренним раскаянием духа. Есть единое человечество; способствуй всем делам, направленным на общее благо. Мухаммед искренне считал, что если честно развивать эти главные принципы, то больше не будет никакого теологического деспотизма. К сожалению, ему не удалось укоренить своё учение в сердцах собственного народа настолько, чтобы он смог воплотить в жизнь его идеи во всей полноте. Тем не менее это не следует рассматривать как ошибку, а скорее отнести на счёт общих недостатков всех смертных.

Ранние отношения между зарождающимся мусульманским миром и приверженцами иудейской и христианской веры не вызывали по существу никаких затруднений и не были неудачными. Мухаммед называл иудеев и

христиан книжными людьми, намекая на Библию. В его время Коран, безусловно, ещё не имел законченного вида. Таким образом, мусульманин получал духовные наставления только из уст живого учителя. Постепенно это различие укоренилось, и мусульмане стали считать себя членами одной семьи, родственниками, с Мухаммедом в качестве их общего отца. Пророк запрещал преследовать какого бы то ни было человека за его веру до тех пор, пока этот человек искренне живёт ею, но полагал, что защита мусульманином своей веры от притеснений и тирании является делом добродетельным и необходимым. Если бы на него напали, он использовал бы все возможные средства для достижения победы и разгрома противника. Однако же, если противник сдастся или взмолится о мире, никакому духу мщения не должно быть места. И опять, к несчастью, человеческая природа оказалась сильнее откровения.

У Мухаммеда было весьма простое объяснение для большинства различий, возникновение которых в процессе эволюции религий кажется неизбежным. «Если бы Богу было угодно, он непременно сделал бы вас одним народом; но он счёл целесообразным испытать вас тем, что даровал вам. Поэтому старайтесь превзойти друг друга в благочестивых деяниях: все вы вернётесь к Богу, и тогда он объявит вам то, относительно чего вы расходились во мнениях» (Коран, V:53).

Конфликт между ранним мусульманским и христианским учениями, можно сказать, укрепил обе веры, но и воздвиг между ними преграды. Однако в исламском мире мало что указывало на явную склонность к религиозным преследованиям. Первым мусульманам разрешалось вступать в брак с христианами и делить с ними пищу, и эти поступки расценивались как определённое доказательство существенной терпимости.

И христиане и иудеи занимали высокое положение и пользовались уважением за достижения в области медицины, искусства, литературы, права и науки. При халифах происходило блистательное восстановление учёности, концентрировавшейся в Багдаде, Каире и других значительных мусульманских городах. Из первоначального центра исламской идеологии начали также проступать и другие элементы. Конфликт заставил мусульман усилить свои позиции в области учения, попытаться определить ортодоксию и воспрепятствовать, насколько это возможно, отделению еретических сект.

Очевидно, что Коран, даже будучи плодом величайшего духовного озарения и образцом изящного литературного стиля, не мог отвечать всем требованиям величественной цивилизации, набиравшей силу в Малой Азии и Северной Африке. У учёного и прирождённого мистика тоже были

характерные для их натур потребности, так что исламу, подобно всем остальным религиям, пришлось неизбежно разделиться на эзотерическую и экзотерическую части, причём первая тяготела к метафизическим спекуляциям, а последняя хранила консервативную и ортодоксальную верность букве богооткровенного закона.

Поскольку исламу представляется собой строго монотеистическое вероисповедание, он особенно нуждается в святых или посредниках между Богом и человеком. Та же самая ситуация привела буддистов к почитанию архатов, или просвещённых учителей. Годфри Хиггинс ссылается на некую тайную доктрину, которую преподавали Пифагор, Иисус и Мухаммед. Всегда и везде подобная доктрина ассоциируется с концепциями посвящённых учителей, поднявшихся в своём развитии над состоянием обычных смертных. Они не являются божественными существами ни в каком смысле этого слова, иначе ислам не пожелал бы и не смог бы принять их. Напротив, они — канонизированные смертные, которые достигли божественного озарения благодаря точному соблюдению эзотерических дисциплин своих орденов и стали неусыпными хранителями духовных судеб непосвящённых смертных.

Отвечая на вопрос, приняли ли на самом деле приверженцы Мухаммеда иерархию Адептов, Джон П. Браун, выдающийся авторитет в области мусульманских тайных обществ, пишет: «Орден дервишей целиком и полностью поверил в отличающихся духовным превосходством людей и ангельских существ всех рангов. Первые принадлежали к числу тех, кого обычно называют святыми или друзьями Аллаха. В Коране их определяют как "...друзей Бога, которые ничего не боятся; они не подвержены никаким недугам, потому что исповедуют истинную веру; они живут сообразно с нею и в строгом повиновении Богу, от которого получают воздаяние в этой жизни и в иной... Они — заглавие книги закона Божия, проявление всех истин и таинств веры; их внешний вид склоняет нас к соблюдению законов Божиих, а их внутренняя сущность побуждает нас отказываться и удаляться от всех удовольствий этого мира... Они начали свой жизненный путь до сотворения мира и трудятся только ради вечности... В течение своих жизней они ни разу не покинули врата священного дворца Господня и в конце концов входят в него... Они обнаруживают и созерцают духовные тайны, которые Бог поверяет им, и хранят о том благоговейное молчание"»^[159].

Согласно неким мистическим расчётам, истинные святые мусульманского мира называются Трое, Пятеро, Семеро и Сорок. Это «невидимые», которые путешествуют по всем частям света по воле Господа

и наделены властью над родом человеческим, как мусульманским, так и не мусульманским. Иногда этих святых в совокупности именуют Владыками, хозяевами судьбы. Главный из них известен как Средоточие, и святые каждое утро собираются в Мекке, вероятно, перенося туда каким-то мистическим способом свою высшую сущность, и сообщают Средоточию обо всём, что они узнали или сделали. По этому случаю происходит религиозная церемония моления и посвящения, а затем они снова возвращаются к своим трудам. Различные мистические ордена есть врата вечного города Мудрости, который, согласно изречениям, приписываемым Пророку, представляет собой огромное сообщество мудрецов, в котором блаженные обитают с полным сознанием достигнутого.

Выдающиеся достижения в искусстве и науке почти всегда свидетельствуют о возникновении метафизической спекуляции. Это особенно близко к истине, когда жизнь народа органически связана с его богооткровенной религией, являющейся движущей силой всего прогресса и свершений. «Библиотека первоисточников» подытоживает первые свершения мусульман следующим образом: «Результаты установления мусульманства сильно недооценены. В течение столетия после смерти Мухаммеда оно отняло у христианства Малую Азию, Африку и Испанию — более половины цивилизованного мира — и создало цивилизацию, ставшую во времена средневековья высочайшей в мире. Оно вознесло арабскую расу на вершину её развития, возвысило положение женщины на Востоке, хотя и сохранило полигамию, было крайне монотеистическим и, пока власть не захватили турки, почти всегда поощряло прогресс»^[160].

В своем труде «Islam in the World» доктор Заки Али рассматривает достижения исламской цивилизации в области науки, этики и образования, обращая особое внимание на положение в Испании периода мусульманского владычества. Он подчёркивает, что в X веке население города Кордовы насчитывало около миллиона человек. В это время, при маврах, в Кордове было пятьдесят больниц, девятьсот общественных бань, восемьсот школ, шестьсот мечетей и библиотека с шестьюстами тысячами томов, не считая семидесяти частных библиотек. Тот же автор приводит описание открытия больниц для слепых и прокажённых в Дамаске. Великий правитель Гарун ар-Рашид положил начало традиции пристраивать к каждой мечети школу и больницу. Он открыл психиатрическую лечебницу, и повсеместно признано, что в исламских больницах душевнобольных лечили гораздо более гуманно и мудро, чем много позже в европейских госпиталях. В X веке в Багдаде появилось множество больниц, каждой из которых руководил прославленный и

искусный врач. Для пресечения злоупотреблений или неправильного управления в этих учреждениях назначались инспектора. В XII столетии еврейский путешественник Бенджамин из Туделы, проезжая через Багдад, обнаружил шестьдесят больниц, снабжавшихся всем необходимым из царских запасов. Каждому пациенту, нуждавшемуся в помощи, предоставлялось наилучшее питание и уход до окончания лечения.

Рассуждая о Гарун ар-Рашиде, У. Уилсон Кэш пишет: «Вследствие завоевания Иерусалима арабами, Гарун ар-Рашид владел ключами от Церкви Гроба Господня в Иерусалиме. Он послал их Карлу Великому, представителю христианской религии на Западе. Этот поступок должен был скрепить новую дружбу между Востоком и Западом, исламом и христианством»^[161].

Не может быть ни малейших сомнений в том, что первые лидеры ислама стремились предложить гарантии безопасности собственному народу и преодолеть религиозную пропасть между своей верой и религиями окружающих их народов. Всё зависело от одарённости боговдохновенного руководства.

При порядочных вождах торжествовала добродетель, но с течением времени власть и роскошь перечеркнули безыскусную строгость личного примера Мухаммеда. Времена менялись, и всё это, в сочетании с растущим негодованием западных народов, привело к трагической утрате взаимопонимания, и кульминацией явился один из самых позорных эпизодов, записанных в истории — серия крестовых походов.

Со времён завоеваний Чингисхана (1162–1227) за Евфратом процветали пышные империи. Этими удивительными конгломератами правили величественные тираны — одни великодушные, иные же жестокие и невежественные. Многие были щедро одарены способностями и умом, и почти все они были более образованными и думающими, нежели их западные современники. В то время как европейские короли вместо подписи на официальных документах всё ещё ставили кресты и выслушивали собственные указы, которые записывали и зачитывали им наёмные писцы, азиатские принцы содержали библиотеки, изучали звёзды, издавали Платона и Евклида и поощряли искусство и литературу. Большинство этих создателей восточных империй были благочестивыми мусульманами, и, хотя они и не позволяли вере чинить препятствия своим территориальным амбициям, у них хватало мудрости и ума править своими народами при помощи удивительно возвышенных моральных кодексов.

Тимур-шах

В истории Тимур-шаха явно проявляется смешение мистических религиозных идей с мощными политическими программами. Этот правитель, более известный как Тамерлан, сотрясатель Земли, родился в 1336 году в Кеше, в Заойяне — области, входящей ныне в состав Узбекистана.

По матери он был правнуком Чингисхана и, подобно своему знаменитому предку, вначале занимал положение вождя маленького племени поблизости от Самарканда. Его восхождение к власти основывалось на идее единого Бога на небесах, а следовательно, и единственного правителя на земле, и в 1369 году он был провозглашён в Самарканде монархом всех народов. Убеждённый, что ему суждено стать хозяином мира, он проводил традиционную политику завоеваний, и большая часть его жизни была посвящена военным кампаниям. Однако, как и многие азиатские князья, он сочетал в себе качества деспота и учёного. Жестоко ведя войны, он увлекался искусством, музыкой и литературой и, завоёвывая страну, правил ею мудро и снисходительно.

Известно, что ещё в двадцатилетнем возрасте Тимур основательно изучал Коран. Он был знаком с многочисленными комментариями мистических сект к основным произведениям ислама и питал сильную склонность к метафизическим спекуляциям. Согласно восточным письменным свидетельствам, Тимур оставил несколько рукописей, самыми важными из которых являются «Воспоминания» и «Законы». Тимур умер в Отраре в 1405 году. Его тело было натёрто розовой водой и мускусом, помещено в сундук из эбенового дерева и возвращено для погребения в Самарканд. К моменту смерти его империя простиралась от Великой Китайской стены до границы Малой Азии и от Аральского моря до Ганга и Персидского залива. Умирая, он обдумывал поход на Китай. Созидая свои громадные владения, он, по выражению одного писателя^[162], уничтожил двадцать семь отдельных государств и девять династий.

Книги, написанные Тимуром, после кропотливых поисков были найдены и преподнесены императору из династии Великих Моголов, шаху Джахану, в 1637 году. Критически настроенные западные учёные склонны сомневаться относительно подлинности произведений, приписываемых Тимуром, однако восточные историки, как правило, признают их. Перевод «Законов» Тимура был выполнен доктором богословия Джозефом Уайтом

и издан в Оксфорде в 1783 году. Английский вариант производит исключительно благоприятное впечатление, учитывая первоисточник, и нам следует воздать должное доктору Уайту как честному и вдумчивому учёному. К сожалению, этот перевод стал библиографической редкостью и не удостоился того внимания и похвалы, которых текст несомненно заслуживает.

Из «Законов» явствует, что Тимур сильно полагался на советы и суждения некоего таинственного мудреца, которого называл своим «духовным наставником»^[163]. В тексте этот загадочный мудрец постоянно упоминается как Пир («старик, старец»), что у арабов означает всё то, что почитают. В критические моменты, и особенно, случаях, когда для справедливого управления завоеванными территориями требовалось политическое благоразумие, Пир общался с Тимуром, некоторые письма которого обнаруживают возвышенные и великодушные чувства. Подводя итог тому, что сделал этот замечательный канонизированный учёный, доктор Уайт пишет: «*Кутб ал-актаб*^[164], шейх Зайн ад-дин Абу Бакр, благочестивый и учёный муж, предсказавший Тимуру власть и величие, которых тот достигнет, вёл своё происхождение от мусульманского законодателя. Оказывается, что принц почитал его своим духовным отцом, советовался с ним во всём и весьма прислушивался к его советам». Очевидно, этот чудесный философ был дервишем, членом секты, к которой Тимур питал особое уважение. В «Книге Адептов», столь высоко ценившейся дервишами, содержатся многочисленные упоминания об этих незримых святых, которые направляли процесс становления мусульманской духовной и светской властей.

Тимур окружал себя учёными и выдающимися мыслителями. В одном месте он пишет: «А с помощью астрологии я выяснял благоприятное или враждебное расположение звёзд, их движение и вращение небес».

Разработав систему правления, почти целиком основанную на существовавшем тогда знании астрономии и астрологии, Тимур создал прецедент, представлявший значительный политический интерес. Он разделил народы, населявшие его владения, на двенадцать групп в соответствии с родом их занятий, профессией и общественным положением. Затем он принялся разъяснять этим группам их потенциальные возможности, символически представленные созвездиями. Позднее Тимур поставил во главе каждого подразделения советника, или лидера, который отвечал перед ним за людей, находившихся под его руководством. Имелся ещё и тайный совет, соответственно с планетами

действовавший во всех классах. В довершение всего эта удивительная личность, будучи уверенной, что, только управляя собственным поведением, имеет право править другими, установила для себя двенадцать правил, также основанных на астрологических представлениях.

Жизнь, полная опасностей, научила Тимура осмотрительности и проницательности. Его практическими учителями были пробы и ошибки. Возможно, он не добился бы таких успехов, если бы не получал советов от своего «духовного наставника». Старый мудрый дервиш напоминал Тимуру, что одно дело создать империю и совсем другое — сохранить её. Создаёт мужество, а сохраняет только рассудительность. Свод законов сильнее даже могущественного принца — он должен пережить его и продолжать служить людям после его ухода. Иногда и слабые люди, занявшие высокое положение, могут сохранить государство, если законы строги и справедливы.

Акбар Великий

Император Индостана Акбар Великий (1542–1605), безусловно, заслуживает упоминания. В характере этого удивительного человека странно и органично смешивались личные амбиции и внеличные устремления. К.У. Кинг пишет о нём: «К тому же величайший из всех мусульманских монархов, Могол Акбар, был истинным суфием точно так же, как и его первый министр и историк Абу-ль-Фазл. Ни в современном христианском молитвеннике, ни, тем более, в составленном в его эпоху невозможно найти обращения к Господу столь возвышенного, столь созвучного нашим сегодняшним понятиям, как взывание к Богу, открывающее его «Айин-Акбари» («Ain-i-Akbari»). Во всех подобных излияниях восточного культа нельзя найти абсолютно никаких намёков на определённого их законодателя — ничего, что выдавало бы какое-то особое сектантское пристрастие; читатель, незнакомый с историей авторства, восхитился бы, так и не узнав, какому вероисповеданию приписать это сочинение»^[165].

Акбар приглашал к своему блистательному двору представителей многих вероисповеданий, требуя от них соблюдения в его присутствии взаимного уважения. Он находился под сильным влиянием отцов-иезуитов, и некоторое время полагали, что он собирается принять христианство. Он размышлял также и об учителях индуизма и испытал глубокое влияние религии Зороастра. Позднее он изучал уложения джайнов, и учителя этой секты тоже были при его дворе. Его контакты с сикхами были не слишком близкими, но он стал знатоком и их веры.

Движимый могучим желанием объединить духовные убеждения человечества и положить конец разногласиям и вражде между вероисповеданиями, он основал свой Дом Веры в Фатехпур-Сикри. Закончив описание конструкции этого здания, сэр Лоуренс Биньон рассказывает о проводившихся там собраниях: «Так было заведено, что на южной стороне полагалось сидеть учёным богословам, на северной — аскетам и мистикам, на западе располагались известные потомки Пророка, а на востоке — те вельможи, которые интересовались этими вопросами. Акбар же председательствовал над всеми, и не восседая на троне в застывшем величии, а беспрестанно свободно расхаживая среди них и разговаривая то с одним, то с другим»^[166].

Несмотря на то, что религиозный эксперимент Акбара не удался, это

обнаруживает внутреннюю работу его мысли и желание реализовать глубокое духовное убеждение. Сэр Лоуренс Биньон упоминает мистические переживания, случавшиеся у Акбара. Известно также, что он испытывал влияние учёных мистиков, принадлежавших к различным восточным и ближневосточным сектам.

Основы исламского мистицизма

Лежавший на пересечении путей древнего мира, Ближний Восток был настоящей алхимической лабораторией, в которой смешивались элементы азиатских и европейских учений, образуя странные и непривычные соединения. Рядовые члены религиозных организаций редко бывают осведомлены об удивительной химии, которая создаёт вероисповедания, кристаллизует символы веры и формулирует догмы. История религии — это повествование о смешении бесчисленных потоков человеческих убеждений; все существующие вероисповедания содержат элементы множества рассеянных по миру систем морали.

В группе исламских государств и стран религия Мухаммеда породила несколько значительных мистических сект. Эти секты, хотя и подчинялись господствовавшей религии, находили оправдание своему существованию в понятных им объяснениях туманных и противоречивых моментов главенствующей веры. Порой эти подчинённые секты бывали более склонны к материализму, нежели породившая их религия, но гораздо чаще они открывали и усиливали духовные обертоны и тяготели к аскетизму или строгому соблюдению обычаев.

Мусульманин — это благочестивый человек, придерживающийся формальной стороны своего вероисповедания гораздо твёрже приверженцев большинства других религиозных групп. Но даже купец в душе является поэтом и разделяет присущую азиатским народам склонность драматизировать свои духовные убеждения. Много странных видов учений процветало на Ближнем Востоке, и эмансипированные христианские интеллектуалы были вполне готовы рискнуть своей репутацией и даже подвергнуть опасности жизнь, учась у исламских мастеров и пытаясь перенять от арабов, мавров и сарацинов искусство магии.

К числу наиболее интересных мистических групп Юго-Западной Азии принадлежат сирийские и ливанские друзья, а также дервиши и суфии, появившиеся в персидско-аравийском регионе и распространившие своё влияние на весь мусульманский мир. Происхождение и этническое родство друзей до сих пор неясны. Несмотря на то, что они восхитительно правильно говорят по-арабски, основная масса членов этой группы не принадлежит к семитам. Они предпочитают считать себя унитариями^[167]. Многих из них описывают как «светловолосых белокожих людей, сильных

и хорошо сложенных и зачастую таких же высоких, как северные европейцы»^[168].

В настоящее время все они в основном следуют культурным обычаям своих мусульманских соседей.

Большинство писателей не проводили чёткого различия между дервишами и суфиями. Джон П. Браун, крупный специалист по этим сектам, рассматривает такие две группы, не указывая никаких явных различий. Пытаясь внести ясность, Д.С. Марголиус пишет: «В общем, мы можем провести различие между суфием и дервишем, как между теорией и практикой; первый придерживается некой философской доктрины, второй отправляет обряд особой формы»^[169].

Стэнли Лэйн-Пул в примечании к главе X сказок «Тысяча и одна ночь» утверждает, что существует орден мусульманских дервишей, называемых суфиями; они исповедуют более правильный и более созерцательный образ жизни, нежели дервиши вообще. Многие из них написали книги о духовности, набожности и созерцании.

Мистическими сектами, как правило, движет стремление к личному переживанию духовной реальности. Учитывая схожесть, или даже полную идентичность целей, дисциплины, практикуемые в стремлении развития и расширения сознания, примерно одинаковы, независимо от географического фактора. Таким образом, именно мистики более склонны проявлять терпимость и признавать факт межрелигиозного единства. Очень редко можно встретить достигшего высокого развития мистика, не знающего, что у всех вероисповеданий одна и та же цель и, вообще говоря, одни и те же методы достижения душевного спокойствия.

Для мистических религиозных течений, основанных искренними и просвещёнными личностями и долгое время поддерживавшихся преданными членами, иногда наступают чёрные дни. У всех религий наблюдается тенденция отходить от своих основ и увлекаться материалистическими стремлениями народных масс. Очень немногие религии продержались достаточно долго без заметных признаков разложения. Жизнеспособность веры зависит от верующих, и если приверженцы доктрины компрометируют её принципы, а эта компрометация в свою очередь порождает дальнейшую, то концом становится хаос.

Мистицизм представляет собой уровень убеждённости, который трудно удержать, и подходит он только восприимчивым и склонным к созерцанию от природы. Смысл настолько трудно уловим, что легко

затуманивается, а до какой степени — оценить нелегко.

Исследование осложняется также синкретической (от греч. «сочетание, слитность») структурой мистических убеждений. Обычно основополагающие концепции заимствованы из столь многочисленных источников, что почти невозможно установить, что же именно составляет неотъемлемую часть этой структуры.

Изучение исламской метафизики постепенно приводит к выводу, что заметная перемена её мирового значения произошла между X и XIII веками христианской эры. Почти все эзотерические общества мусульманского мира возникли именно в этот период, а их лидеры и основатели, похоже, вдохновлялись общим информационным наследием. В это время в рамках ислама появилась группа школ, вобравших в себя элементы платонизма, бактрианского буддизма, сирийского и александрийского гностицизма, ортодоксального иудаизма, неортодоксальной каббалистики, мусульманской метафизики, аристотелевой философии, сабеизма и иранского огнепоклонства.

Тщательное и хитроумное превращение этих элементов в соединение религиозного, политического и философского значения происходило не случайно, а по детальному, тщательно разработанному плану. Чтобы понять и оценить этот план, искатель истины должен разобраться в путанице письменных свидетельств и сообщений, пристрастных и беспристрастных, обоснованных и необоснованных, всегда памятуя о том, что мусульманин — честный человек, не склонный извращать свою веру, а скорее стремящийся расширить сферу её влияния и усовершенствовать внутренние аспекты. Поэтому представляется уместным для практических целей заняться исследованием тайны Обителя Мудрости в Каире.

Обитель Мудрости

В X веке н. э. в Египте возникло тайное общество, которое, пожалуй, можно назвать самым необычным из всех известных до той поры. Халиф Абу Мухаммед Абдаллах претендовал на халифат, поскольку был прямым потомком Фатимы, дочери пророка Мухаммеда. Отделившись от династии Аббасидов, он основал династию Фатимидов и учредил свой престол в Каире. Побудительные причины столь смелого поступка так никогда и не были раскрыты, оказавшись тем не менее приемлемыми для подавляющего большинства искренне верующих мусульман, поскольку в противном случае у новой династии не осталось бы шансов выжить. Сам же халиф Абдаллах, как показал ход всех последующих событий, оказался человеком далеко не заурядных умственных способностей. В те времена среди учебных заведений выдающееся место занимал находившийся в Каире главный университет — Дарул-Ликмат (араб., «Дом Науки»), к которому халиф присоединил Великую ложу, призванную распространять философские и эзотерические доктрины^[170].

В этой ложе, получившей название «Обитель Мудрости», получали необходимые наставления кандидаты на посвящение в таинства исламизма. Обучение проходило в форме философских собраний и проводилось дважды в неделю, и эту школу регулярно посещали как мужчины, так и женщины. Облачённые в белые одежды неопиты и ученики рассаживались вокруг верховного настоятеля, который читал им трактаты, одобренные халифом, считавшимся великим магистром ордена^[171].

Поначалу Абдаллах разделил всю свою систему посвящения на семь ступеней. В учебный план священных дисциплин были включены учения Пифагора, Платона и Аристотеля, и соискатели в процессе обучения переходили от одного уровня знания к другому, однако лишь немногие достигали высшего учения Ложы.

Главные историки «Обители Мудрости», Йозеф фон Хаммер и Стэнли Лэйн-Пул, выказывали явное предубеждение против мусульманских мистиков вообще и «Обители Мудрости» в частности. Считается однако общепризнанным, что семь основных ступеней способствовали благородству характера, а заключённые в них учения были выше всякой критики.

Процесс восхождения на первую ступень был наиболее длительным и трудным, ибо предусматривал обширные достижения в области знаний и

принятие на себя самых серьёзных обязательств в отношении учителя и ложи. Достижимым второй ступени передавались знания имамов, которых Макдиси^[172] описывает как неких святых существ или личностей, заключавших в себе источник всего знания и являвшихся в разные времена для сохранения священной доктрины. Всё это внушает мысль, что имамы были по сути Адептами, высшими членами духовного сверхправительства, утверждённого в эзотерической традиции древности. На третьей ступени сообщалось число святых имамов, которых было семь, и раскрывалась связь этого числа с семью небесами, семью планетами, семью музыкальными звуками и всеми другими группами из семи объектов, знакомыми изучающим древнюю философию символизма. На четвёртой ступени учащиеся знакомились с семью божественными законодателями — апостолами Бога, сменявшими один другого, начиная с Ноя и Авраама. На пятой ступени предусматривалось расширение тайного знания до изучения числа двенадцать и охватывались такие темы, как двенадцать знаков зодиака, двенадцать колен израилевых и т. д. Шестая ступень была по существу философской, и особое внимание здесь уделялось учениям Платона, Аристотеля и Пифагора. Седьмая же представляла восточную мистическую теологию, включая доктрину единства, которую проповедовали суфии.

Такой учебный план во многом повторял структуру философской лестницы александрийского неоплатоника Плотина, согласно которой ученик, продвигаясь в своём развитии, систематически проходит различные абстрактные дисциплины, столь дорогие сердцу восточного человека. И хотя современные педагоги считают содержание предметов не отвечающим нормам, всё же нет никаких оснований сомневаться в благочестии Великой Ложи. Обычно утверждают, что позднее к семи исходным ступеням искусственно добавили ещё две и что учение этих уровней вконец уничтожило дух и цель «Обители Мудрости». От посвящённого стали требовать, чтобы он отрёкся от всего ранее полученного знания и начал исповедовать полный атеизм. Нам же приходится принять как достоверный факт, что мусульмане, посещавшие «Обитель Мудрости», в конце концов согласились с верованиями и правилами поведения, полностью противоречащими доктринам Мухаммеда. Однако памятуя, что рядовой мусульманин — человек во всех смыслах добропорядочный, учёные, философы и мистики ислама ни на секунду не допустили бы введения такой системы обучения, которая превратила бы учение их пророка в предмет порицания и насмешек. Разумнее всего было бы допустить, что так называемые восьмая и девятая ступени были вымышлены, дабы

дискредитировать тайное общество со столь широкой сферой влияния. Аналогичным образом в Европе имела место фальсификация фактов, ставившая целью оправдать осуждение тамплиеров.

Не лишено основания, что в «Обители Мудрости» практиковались эзотерические дисциплины, а её членов всячески поощряли к отказу от мирских стремлений и освобождению сердца и разума от власти традиций. Вера в то, что материальные объекты желаний — не более чем иллюзия, что мирские блага лишь отягощают дух, а высокоразвитый интеллект пагубен для мистического озарения, полностью соответствует признанным учениям дервишей и суфиев. Возможно, «Обитель Мудрости» испытала на себе влияние сект Дальнего Востока, которые, как известно, уже проникали на эти территории. В далёкой Азии буддизм и несколько школ индийского мистицизма подверглись жестоким гонениям со стороны амбициозных правителей, поскольку подобные идеалы явно несовместимы с тиранией.

Вместо того чтобы соглашаться, подобно Лэйн-Пулу, с тем что «Обитель Мудрости» якобы пыталась разрушить религию ислама, во всём этом, возможно, следовало бы усмотреть отважную попытку восстановить в исламе первоначальную мистическую традицию. Авторитет простого морального кодекса Пророка был, как известно, в значительной степени подорван политическими конфликтами в халифате и борьбой за наследование лидерства от Пророка.

Общепризнано, что в материальном мире Бога всегда представлял духовный лидер, которого называли имамом. Оказалось, однако, что в истории, связанной с родословной имамов, существует некоторый разрыв, и это, видимо, ставит под угрозу душевный покой верующих. Дабы достойно решить эту проблему, была сформулирована некая доктрина, согласно которой имам, или духовный лидер, хотя и не всегда был видим для глаз, но тем не менее везде присутствовал как скрытое от всех, но всемогущее существо. И в назначенный час этот скрытый имам, бывший тайным властителем духовной судьбы мусульманского мира, раскроет себя своим верным последователям. Между тем долг правоверных состоял в том, чтобы не только ожидать его пришествия, но и собственным благочестием стремиться ускорить это событие.

Учение о скрытом имаме должно проповедоваться с возможно большим рвением, ибо в этом мистическом существе, как в хранилище, заключены все тайны Всевышнего. И нет ничего необычного в том, что его посланцам суждено было стать первопроходцами, призывавшими людей к истине, подобно пророкам в пустыне. А поскольку идея грядущего мирового учителя присутствует во многих религиях, нельзя считать такое

учение по-настоящему опасным или еретическим.

Если «Обитель Мудрости» порицают за распространение именно этого учения, то вполне может сложиться впечатление, что это тайное общество было по сути дела группой религиозных и философских реформаторов, потерпевших неудачу, столь естественную для такого рода групп. Чтобы как-то защитить себя, общество устраивало своим ученикам испытания и ритуалы посвящения, связывало их клятвой неразглашения тайны конечных истин и воодушевляло на распространение учения по всему мусульманскому миру, включая Аравию, Месопотамию и Северную Африку.

Эти миссионеры, или, как их называли, *дайи*, проходили тщательную подготовку, дабы научиться доносить до умов учение в форме, понятной людям тех слоёв общества, на которые они стремились оказать влияние. Людям необразованным они преподносили свои идеи в упрощённом виде, почти полностью основываясь на принятых в Коране основах морали, к которым они добавили лишь некоторые сведения о пришествии Махди. Для более расположенных к философии основы концепции представлялись более развёрнуто.

Этих миссионеров осуждали за их призывы к приверженцам различных религий, что вполне вероятно. Если они твёрдо верили в то, что являлись хранителями эзотерического плана объединения вероисповеданий, ниспровержения тирании и окончательного освобождения человеческого разума от гнёта невежества и страха, то их, конечно же, не могли остановить никакие границы раздела, проложенные разными символами веры. Допустить, что эти учителя повинны в чудовищном лицемерии, значит просто расписаться в собственной нетерпимости. Множество фактов указывает на то, что обширная программа «Обители Мудрости» достигла Европы и оказала немалое влияние на многих прогрессивных мыслителей. Полагают, что она способствовала восстановлению учения после мрачного периода невежества средневековья, став своего рода центром разрешения споров между Европой и Азией. Существует предположение, что флорентийская Академия Лоренцо де Медичи создана по образцу «Святой Обители» в Каире.

Увеселения арабских ночей

Происхождение собрания древних преданий, легенд и традиций, ныне известного под названием «Увеселения арабских ночей», или «Тысяча и одна ночь», всегда было поводом для различных спекуляций. Однако с уверенностью можно сказать лишь одно: все эти истории были собраны из различных источников и в течение длительного периода времени. Сэр Ричард Бартон, чьё имя долгое время ассоциировалось с английским переводом этих восточных сказок, пришёл к заключению, что установить имя их автора (или авторов) не представляется возможным. В этом вывод Бартон полностью совпадает с мнением других издателей и переводчиков, занятых исследованиями в той же области. Представляется весьма маловероятным, что труд этот когда-либо прежде подвергался какому-то редактированию. В нём отражено широкое многообразие тем и явно различные уровни литературного таланта. Некоторые встречающиеся в тексте расхождения в хронологии также склонили учёных толкователей и переводчиков к убеждению, что истории эти собраны воедино без всякой системы и смысла.

В «Заключительном эссе» к своему переводу «Тысячи и одной ночи» Бартон, пользуясь обширными познаниями в области арабской культуры, пытается проанализировать предпосылки и историю происхождения знаменитого собрания легенд и сказок Ближнего Востока. Обобщая характер народа, слагавшего эти легенды, он пишет: «На своей высшей степени развития ум среднего мусульманина, как и древнего египтянина, выявляет самую возвышенную нравственную идею, глубочайшее уважение ко всему, что связано с его религией и величественной концепцией единства и всемогущества Господа».

Не менее точен Бартон и высказываясь по поводу отрицательной стороны вопроса: «Наш араб в худшем своём проявлении — просто невежда, в котором ещё живёт дикарь. Он являет собою некую модель смеси ребячливости и сообразительности, простоты и коварства, скрывая ветреность ума за внешней серьёзностью». Основываясь на этом, Бартон пытается придать определённую направленность грандиозной поэме в прозе, которая по своей оригинальности и драматургии практически не имеет аналогов в мировой литературе.

Предполагается, что некоторые из самых ранних частей «Арабских ночей» относятся к VIII веку, а отдельные дополнения были сделаны уже

в XVI веке. По некоторым сведениям, это произведение, если рассматривать его как собрание сказок, приобрело свою нынешнюю форму примерно в XIII веке, а включение туда дополнительного материала уже не изменило его общей структуры.

Некоторые тематические элементы несомненно имеют дальневосточное происхождение. Основной вид повествования сочетает в себе элементы басни с животными в качестве главных действующих лиц, волшебной сказки и исторического, псевдоисторического и житейского анекдота.

Общераспространённое мнение, что истории, собранные в «Тысяче и одной ночи», принадлежат к «кабацкой литературе» и распространены только в среде непривилегированных классов мусульманского общества, явно несостоятельно. К слову сказать, полное понимание и достойную оценку шекспировские пьесы находили исключительно у деревенских жителей, бывших завсегдатаями театра «Глобус». И хотя моральные основы и тех и других вызывали сомнения, в отношении «Арабских ночей» нельзя не учитывать природных склонностей народа и господствовавших в то время обычаев. В них нередко выражаются весьма благородные чувства, и истории проникнуты своеобразными доктринами мистических сект и тем ярко выраженным трансцендентализмом, который неизменно завораживал мусульманское воображение.

Для тех, кто готов допустить, что истории «Арабских ночей» гораздо значительнее, чем может показаться на первый взгляд, очевидно, что многие сказки имеют двоякий смысл и в правильном понимании не несут в себе никакой вульгарности. И поскольку учёные умы не сумели разгадать ни тайну авторства, ни хотя бы установить тех, кто имел отношение к составлению этого собрания, то, возможно, не такой уж большой ошибкой стало бы предположение, что здесь не обошлось без умышленного сокрытия важных сведений.

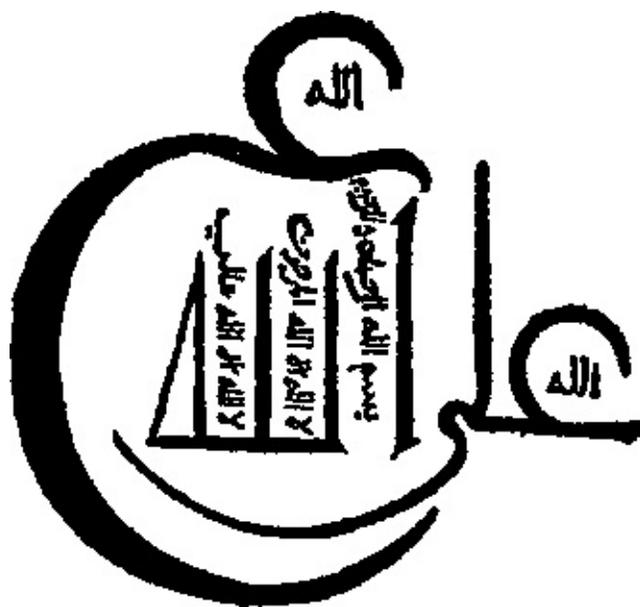
Счастливым образом, приблизительное датирование оригинальных историй практически полностью совпадает с основанием «Обители Мудрости» в Каире и созданием широкой программы распространения философских наук по всей Аравии и Северной Африке в период между IX и XII веками христианской эры. Греки находили глубокий философский смысл в произведениях Гомера, и если сравнивать «Одиссею» с путешествиями Синдбада-морехода, то в них обнаруживается множество аналогий и искусное употребление эзотерического символизма.

Всё это с полным правом можно отнести и к «Энеиде» Вергилия, и в наше время немногим лучше публичного заявления о собственном

невежестве выглядело бы отрицание того, что произведения, подобные «Дон Кихоту Ламанчскому» и «Путешествиям Гулливера», содержат глубокие идеи, ловко спрятанные за причудливыми образами авторской фантазии.

К тому же их всегда тесно связывали с тайными обществами, деятельность которых служила своего рода подпиткой европейского мышления. И хотя вполне возможно, что средний мусульманин не предпринимал систематических попыток «расшифровать» свой литературный эпос, эта сфера неизменно привлекала неослабное внимание западных мыслителей, находивших там бесчисленные следы всемирной эзотерической традиции. Весьма вероятно, что немногие учёные дервиши хотя и владеют подлинными ключами к разгадке истинного смысла легенд и сказок, но, как обычно, отнюдь не склонны раскрывать свои знания всем и каждому.

Эдвард В. Лэйн-Пул прилагает к своему переводу «Тысяча и одной ночи» очень ценный и обширный сборник примечаний, многие из которых служат подтверждением важности заключённого в этих историях смысла. В одном из своих примечаний Лэйн-Пул уделяет внимание духовной магии, в которую верят и которой пользуются даже современные мусульмане. По мнению Лэйн-Пула, эта духовная магия представляет собой некое связующее звено между сторонниками ислама и другими древними религиозными группами. Мусульмане признавали две основные формы магии: одна из них — божественная, или добрая, а другая — сатанинская, или злая. Лэйн-Пул приводит некоторые интересные сведения о божественной магии и говорит, что наука эта таинственная, а изучают её хорошие люди с добрыми намерениями. Достижение совершенства в сей тайной науке состоит в познании величайшего имени Бога, и это конечное знание сообщается только тем, к кому небеса особо благосклонны. Именно благодаря этому имени, которое царь Соломон повелел вырезать на своём перстне с печаткой, подчинил он своей власти духов стихий, птиц и даже ветер.

На рис.: *Магическая фигура. Считалась могущественным талисманом, способным, согласно каббале сарацинов, притягивать любовь и привязанность.*

Не подлежит сомнению, что учёные мусульмане занимались некоей магической наукой, подобной каббалистике еврейских и христианских мистиков. Иезуитский учёный Кирхер в своём труде «Oedipus Aegyptiacus» («Эдип египтян») значительное место отводит арабской Каббале. По его утверждению, все гипотезы о таинствах магии, алхимии и теургии, известных или осуществлявшихся на практике в Европе и уходящих корнями в классическую древность, существовали также и в мусульманском мире. У исламских мистиков были в ходу таинственные комбинации чисел, необычные сочетания слов, непонятные для непосвящённых, странные схемы и фигуры. При изготовлении амулетов и талисманов они с благими целями применяли колдовство, а также обладали удивительным искусством предсказания.

Хотя, конечно, такие занятия и верования не поощрялись наиболее ортодоксальными последователями Пророка, они пережили века, а значит, соответствовали мышлению правоверных. В местах, где проводились исследования, в среде верующих ходило немало слухов и из уст в уста передавались разные истории о практикующих эти тайные науки, которыми в высшей степени восхищались, выказывая при этом глубочайшее почтение. Сведущих в каббалистических науках считали наделёнными мудростью и талантом, присущими Адептам Европы и Азии. «Арабские ночи» изобилуют рассказами о сверхъестественных силах, а истории о

неуловимых святых мусульманской традиции перемежаются повествованиями о таинственных праведниках из еврейских и раннехристианских легенд. И если эти легенды были в большом почёте у непросвещённых мусульман, то это означает только то, что вера в чудесные силы святых была широко распространена.

Правоверные братья

Примерно в 950 году в Басре (Ирак) заняло видное положение некое тайное общество. Это учёное братство стало известным как «Братья чистоты», или «Верные друзья», первоначальное же его название было *Ихван ас-Сафа*^[173]. Хотя по существу оно было учёной группой тех времён, когда наука охватывала почти все виды знания, духовного и светского, есть некоторые указания на то, что «правоверные братья» готовились к попытке политического реформирования, основываясь на широком распространении обязательного обучения. Согласно К.К. Добереру, в этом обществе было четыре ступени посвящения, а составлением духовных учений занимались мудрецы, образующие внутренний круг мастеров, или учителей.

В своей деятельности братство придерживалось следующих принципов: с внешней стороны — полное соответствие ортодоксальным догматам ислама, а во всем, что скрыто от посторонних глаз, — пополнение огромной сокровищницы существенно важного знания, которое могло бы привести к созданию завершённой и практической жизненной философии.

У общества было немало противников среди ортодоксальных мусульман, особенно в Багдаде, а потому не вызывают удивления неоднократные попытки уничтожить книги и трактаты ордена. Однако их усилия не увенчались успехом, и писаниям «правоверных братьев» удалось достичь Европы, где они оказали значительное влияние на политические аспекты алхимии^[174].

Ф. Шервуд Тейлор приводит некоторые дополнительные сведения о «правоверных братьях». Согласно его данным, в этой организации якобы имелось энциклопедическое собрание трактатов; кроме того, предполагается, что именно этому обществу принадлежало довольно большое число произведений, приписываемых арабскому химику-мистичу Геберу, жившему в VIII веке^[175]. Ещё юношей Гебер стал учеником шестого шиитского имама, от которого он получил наставления в оккультных науках, а позднее, как полагают, примкнул к ордену суфиев.

К «правоверным братьям» проявляли интерес некоторые масонские писатели. В частности, о них упоминает Джон Яркер в своей работе о тайных обществах, оказавших определённое влияние на происхождение масонских традиций^[176].

Как отмечает Кеннет Маккензи в своей «Королевской масонской энциклопедии», «Братья чистоты», вероятно, испытали на себе влияние ессеев и исповедовали одинаковые принципы. Позднее их писания глубоко изучали наиболее образованные испанские евреи, которые имели свои установившиеся формы посвящения и получили известность как разновидность франкмасонов, о чём упоминает в своих трудах видный учёный Мориц Штайншнайдер. Альберт Макей, написавший «Энциклопедию франкмасонства», цитирует Штайншнайдера, который описывает «правоверных братьев» как «франкмасонов Басры» и характеризует их как «знаменитое общество вроде франкмасонского».

В предисловии к «Маснави» Джалал ад-дина^[177] Джеймс У. Рэдхаус делает одно любопытное заключение:

Говорят, что однажды Пророк (Мухаммед) в частной беседе рассказал «Али» о секретах и тайнах «Братьев чистосердечия» (которые, видимо, являются «франкмасонами» мусульманских дервишей), призывая его не разглашать их никому из непосвящённых, дабы не совершить против них предательства, а также вести себя согласно правилу слепого повиновения.

Так вот, не являются ли эти «Братья чистосердечия» именно тем находившимся в Басре братством, известным под названием «Братьев чистоты»? И не означает ли это к тому же, что данное общество существовало во времена Пророка, который либо принадлежал к нему, либо испытывал на себе его влияние?

Согласно доктринам «правоверных братьев», нравственная природа человека подвержена влиянию четырёх факторов, которые в совокупности составляют то, что психологи могли бы назвать давлением окружающей среды. К этим определяющим силам относятся телесное строение, климатические условия, уровень образования и влияние звёзд. Если развить всё хорошее, скрытое в человеческом существе, то получится совершенная личность, которая проявит качества платоновского царя-философа и истинного мудреца стоиков. Несмотря на то, что эти «чистые» из Басры действовали в исламском обществе, они, вероятно, считали Сократа и Христа если не превосходящими, то, по крайней мере, равными Пророку Мухаммеду. В различных источниках эту секту описывают как практикующую мистический интеллектуализм, что, однако, не мешало им развивать некую всеобъемлющую систему, в которой смешивались метафизические спекуляции неопифагореизма и неоплатонизма с

приобретающим всё большую популярность логическим методом Аристотеля.

Основные сочинения «правоверных братьев» составили пятьдесят два трактата, разделённые на четыре части. Первая часть посвящена абстрактным и философским знаниям, вторая — естественным и гуманитарным наукам, третья — метафизике, человеческой душе и её рациональным атрибутам, а четвёртая — Богу, божественному миру и мистериям. Они признавали пророческое откровение, исповедовали аскетизм и стремились достичь единения с духовной силой, или принципом, проникающим всю вселенную.

Встречаются также упоминания о Масламе ал-Маджрити, жившем в XI веке. Мусульманин, родом из Испании, он снискал себе широкую славу как энциклопедист. Совершив путешествие на Восток и вернувшись, он привёз с собой в Мадрид собрание писаний «правоверных братьев». В венской библиотеке хранится сочинение этого автора под названием «Совершенство мудреца», содержащее сведения о магических квадратах, арифметических формулах и составлении талисманов. Из немногого, что об этом известно, с определённой уверенностью можно утверждать лишь то, что «правоверные братья» представляли ядро всемирной учёности, аккумулируя как восточные, так и западные доктрины, и не ограничиваясь только исламским миром. Некоторые писатели, получившие известность в Европе в период средневековья, испытали на себе влияние примера энциклопедии «Братьев чистоты».

Среди ранних европейских философов, учёных и теологов, испытавших на себе влияние мусульманства через соприкосновение с Испанией, были Майкл Скотт и Роджер Бэкон. Шотландский учёный и астролог Скотт совершил путешествие в Толедо, чтобы как можно больше узнать об арабских и мусульманских науках. Английский монах-философ Роджер Бэкон, оставаясь профессором в Оксфорде, достиг блестящих успехов как истолкователь арабского аристотелизма.

Фундаментальный труд Роджера Бэкона «Optics» опирался на сочинение ал-Хасана «Theosaurus Optica». Труды Альберта Великого^[178], Винченца из Бове^[179] и Роберта Английского^[180] обнаруживают явное воздействие концепций, изложенных «правоверными братьями». Не следует также забывать, что и Христиан Розенкрейц, загадочный основатель общества розенкрейцеров, составил энциклопедию универсального знания в результате путешествия по Ближнему Востоку; а вернувшись в Европу, первую остановку он сделал в Испании с

намерением заняться пропагандой своей доктрины. В этом можно усмотреть скрытый намёк на пути распространения образования, имеющий историческую основу.

Культ Ангела-Павлина

В окрестностях Мосула, стоящего на реке Тигр, что течёт в Северном Ираке, неподалёку от развалин древней Ниневии, обитают езиды — небольшая религиозная секта неизвестного происхождения. В XV веке в секту входило около 250 тысяч человек. Впоследствии им пришлось пережить период жестоких гонений, и в результате их осталось не более 50 тысяч^[181]. Основы веры этих людей сформировались под влиянием ранних контактов с бесчисленными направлениями религиозных традиций, наводнявших долину реки Евфрат.

Исайя Джозеф, немало времени посвятивший глубокому изучению священных книг и традиций езидов, пишет: «Они говорят, что заимствовали посты и жертвоприношения от ислама, крещение — от христиан, запрет на некоторые виды пищи — от иудеев, формы поклонения — от идолопоклонников, сокровенность доктрины — от рафидов (шииты), человеческие жертвоприношения и веру в переселение душ — от доисламских арабов-язычников и сабеев»^[182].

Несмотря на то, что большинство историков и беллетристов полагало, будто езиды были поклонниками дьявола, священные писания и изустные предания этой секты не дают для такого предположения никаких оснований. Дело скорее всего в том, что такого рода маленькая группа, отказавшись принять доктрины влиятельных религий, в окружении которых она находилась, вполне естественным образом вызывала к себе сильнейшую неприязнь с их стороны.

Согласно теологии езидов, верховное божество, явившееся первопричиной мира, создало вселенную и затем передало её заботам семи богов, каждый из которых правил в течение десяти тысяч лет. Нынешним правителем является Мелек Таус («ангел-павлин», глава ангелов). Когда его век или эпоха закончится, власть перейдёт к следующему божеству высшего порядка. В священном писании езидов под названием *Ал-Джилва* («Откровение») Мелек Таус говорит устами одного из своих пророков: «Я вездесущий и помогаю всем, кто верит в меня и призывает меня, оказавшись в беде. И нет такого уголка во вселенной, где не испытывают моего присутствия. Я участвую во всех делах, но стоящие от них в стороне (профаны) называют их злыми, ибо природа их не согласуется с тем, что они почитают правильным. Каждый век имеет своего распорядителя, который руководит событиями в соответствии с моими указами. Должность

эта меняется из поколения в поколение, дабы правитель этого мира и его вожди могли исполнять свои обязанности согласно собственному предназначению и каждый в предписанный ему срок».

Вопреки противникам секты, настойчиво утверждающим, будто Мелек Таус — не кто иной, как глава «падших ангелов», подобное заявление полностью противоречит главной концепции езидов, согласно которой семь богов считаются представителями, назначенными высшей силой, которая устанавливает порядок всех вещей в природе. Здесь ощущается несомненное присутствие азиатского эзотеризма, а Мелек Таус рассматривается как владыка материального мира, а значит, и попечитель душ, которые впали в состояние зарождения.

Езиды, почитавшие Мелек Тауса, представляли его в виде особого символа, называемого *санджак*. На нём изображается фигура павлина с надутой грудью, маленькой головой и широко распущенным хвостом. Эта птица, обычно достаточно грубо сделанная из жёлтой меди, стоит на подставке, по виду напоминающей высокий и довольно изящный канделябр. Во время религиозных церемоний к этой главной эмблеме присоединяли две лампы с семью горелками. По некоторым сведениям, существуют прекрасно выполненные символические фигуры павлинов, изготовленные из чистого золота и инкрустированные драгоценными камнями, но их никто не видел, кроме членов самого ордена.

Первоначально было семь священных санджаков, по одному на каждую из семи общин езидов. Некоторые из этих фигурок были похищены — вернее сказать, украдены — мусульманами, пытавшимися подавить их веру. Однако езиды только улыбались, объясняя, что отнятые у них идолы были просто копиями, а оригиналы хранятся в надёжном месте.

Езиды верят в переселение душ и перевоплощение. Согласно их учениям, души добродетельных получают новую жизнь в человеческих телах, а те, кто согрешил против веры или правоверных, могут вернуться в этот мир в образе животных. У них приняты мистические обряды и дисциплины, а также вера в то, что Мелек Таус может говорить с ними устами святых. А то, что подобные послания, переданные в разные времена, часто существенно различались и даже противоречили друг другу, практически не имело никакого значения.

В *Масхафе раи* — «Чёрной книге» езидов утверждается, что самые первые санджаки были сделаны одним из семи богов, который отдал их на хранение царю Соломону. В той же книге имеется вполне определённое указание на то, что Мелек Таус спускался на землю в давние времена, жил среди людей и излагал им своё учение, правила и традиции. Переданные

им законы стали священным наследием и переходили из поколения в поколение. По-видимому, уже тогда возникло настойчивое требование скрыть от неверующих книги и традиции Ордена, чтобы не допустить извращения текстов и осквернения таинств.

В период между ноябрём 1845 года и апрелем 1847-го доктор церковного права мистер Остин Генри Лейард проводил обширные раскопки в Нимроде, что не помешало ему совершить несколько экскурсий по близлежащим окрестностям. Он посетил горные убежища несториан и удостоился чести побывать на ежегодном празднестве езидов, проходящем с большой пышностью. О пережитых им приключениях он подробно рассказал в своей книге «Ниневия и её руины». Мистеру Лейарду удалось быстро наладить самые дружеские отношения с местными жителями, а посему ему было позволено присутствовать на обрядах и церемониях, куда чужеземцы обычно не допускались. Его выводы об обществе езидов представляют огромный интерес для учёных, поскольку автор, проявляя крайнюю сдержанность, имел возможность тактично задавать множество вопросов лидерам секты, а значит, все сведения о них были получены из первых рук.

Лейард полагает, что мистерии секты восходят к формам поклонения, введённым Семирамидой, царицей Вавилона, однако он уверен, что современные езиды не совершают никаких позорных обрядов, связанных с вавилонским культом^[183]. Напротив, он находит их спокойными и нравственными людьми, скромными и кроткими. Все ритуалы, на которых Лейарду удалось присутствовать, хотя и действовали возбуждающе и включали ритуальные танцы, были в высшей степени нравственны. При этом действия, объявленные еврейским законом непристойными, не допускались. Езиды признают единое Верховное Существо, но не возносят ему молитв и не совершают в его честь жертвоприношений. Особый страх у них вызывает сила падшего ангела. Лейард пишет: «Они никогда вслух не произносят имени злого духа, а любое упоминание о нём другими настолько раздражает их и выводит из себя, что они якобы даже предавали смерти тех, кто просто так, ради озорства, оскорблял их чувства неосторожными высказываниями. Они до такой степени боятся потревожить принцип зла, что старательно избегают употреблять в речи выражения, по своему звучанию похожие на имя Сатаны или арабское слово "проклятый"».

По рассказам Лейарда, езиды говорят о дьяволе с таким же глубоким уважением, как и о Мелек Таусе, Царе-павлине или могущественном ангеле Мелек ал-Куте. Шейх Наср признался Лейарду, что у него есть фигурка

птицы, но настаивал, что её следует считать скорее символом, нежели идолом. Не обладая должным знанием эзотерической доктрины езидов, довольно трудно согласовать разные описания и рассказы, даже если они исходят непосредственно от самих членов секты. По словам Лейарда, «они считают Сатану главой небесного воинства, который ныне несёт наказание за открытое неповиновение божественной воле, но по-прежнему всемогущ и в будущем восстановит своё высокое положение в небесной иерархии. Они говорят, что необходимо снискать его расположение и оказывать ему всяческое уважение, ибо если сейчас он обладает силой делать зло человечеству, то впоследствии он будет обладать силой вознаградить их».

Из всего вышесказанного отнюдь не следует, что эти люди преклоняются перед злом; скорее, они не склонны враждовать с падшим ангелом. Они ведут достойную и честную жизнь, дабы к тому времени, когда Сатана искупит свои грехи и воссоединится с принципом добра, они смогли получить вознаграждение, соответствующее их поведению. Люди, обитающие в пустынях и горах, всегда отличались практическим складом ума. Как и последователи других древних религий, они разделяют убеждение, что нет никакой необходимости приносить жертвы принципу добра, так как он, в силу своей природы, не причинит им вреда. Напротив, их заботят невзгоды и опасности бытия, персонифицированные ими в образе врага, которого требуется умиротворять, дабы он не обрушил несказанные бедствия на головы тех, кто навлек на себя его неприязнь. Ведь будь они преданными поклонниками дьявола, они не почитали бы Христа, который был для них великим ангелом, принявшим человеческий облик. Если под их пониманием Сатаны подразумевать «Князя мира сего», который упоминается в Новом Завете и призван определять период между грехопадением человека и его спасением, и объяснить это с точки зрения изолированного общества простодушных людей, то кажущийся конфликт идей становится постижимым, если вообще не теряет актуальность.

Езиды, глубоко почитая Ветхий Завет, верят в космогонию книги «Бытие», всемирный Потоп и другие описанные в Библии события. Они не отвергают ни Новый Завет, ни Коран, считают Мухаммеда пророком и чтят Авраама и других патриархов. Второго пришествия Христа они ожидают не меньше, чем нового появления имама Махди. Шейх Ади почитается ими как великий святой, хотя Лейарду не удалось узнать о нем никаких подробностей. Неизвестно даже время его жизни, хотя шейх Наср и утверждает, что жил он ещё до рождения Мухаммеда. Этот шейх Ади общался с небожителями и творил чудеса. Легенды, сложенные о нём, наводят на мысль, что его можно было бы найти среди Адептов Ближнего

Востока. Лейард полагает, что езиды, исходя из их хронологии, могли быть связаны с культом *манов*^[184]. Во время церемоний, на которых присутствовал Лейард, они монотонно распевали древние песнопения, называя некоторые из них «Песней об ангеле Иисусе». Однако язык их был настолько искажённым, что нельзя было разобрать ни слова.

Весь этот символизм представляет собой часть обычных атрибутов ложи посвящённых, или Адептов-учителей. Семь бронзовых павлинов символизируют мастеров езидов, а за внешней стороной жизни секты скрываются идеи тайной доктрины. Жестокие гонения, пережитые езидами, заставили их защищать свой эзотерический культ всеми возможными способами. И крайне сомнительно, чтобы кто-либо не принадлежащий к обществу езидов смог постигнуть мистерию «тёмной звезды» и её безмолвного правителя. Изредка на свет божий являются некоторые отрывочные сведения об этой древней религии мудрости, однако главные её секреты сохраняются для тех, кто разгадал тайну «ангела-павлина».

Друзы Ливана

Особенность мистической секты друзов состоит в том, что некоторые направления узкоспециальных и чрезвычайно сложных для понимания религиозных учений, как западных, так и восточных, навязаны людям, не обладающим глубокими знаниями и не имеющим особых способностей к ним. Сегодня секта насчитывает около 150 тысяч членов, разбросанных по разным мелким общинам Сирии и прилегающих к ней областей^[185]. В своих верованиях друзы придерживаются системы, включающей элементы орфического мистицизма греков, индийского эзотеризма, ближневосточного и североафриканского трансцендентализма, морализма Ветхого Завета, этических спекуляций ислама, поклонения звёздам и персидской «Авесты»^[186]. Подобные составляющие, безусловно, непонятны для среднего друга, довольствующегося представлением, что предназначение его веры заключается в том, чтобы объединить религии всего мира и навсегда положить конец фанатичным стремлениям, с незапамятных времён разобщающим правоверных.

Так случилось, что даже простое и естественное желание примирить людей доброй воли приумножило беды, веками преследовавшие друзов. Терпимость никогда не была популярной, а посему неудивительно, что приверженцам столь странной веры нечего было рассчитывать на расположение со стороны сект со своими символами веры, процветавших в регионах, где расселились общины друзов. Христиане негодовали на мусульман за их симпатии к этой общине, а мусульмане подозревали христиан и иудеев в согласии с доктринами друзов. Однако этот культ меньшинства, хотя и оказался меж двух жерновов, всё же выжил и просуществовал несколько столетий. Не прибавило друзам популярности и то, что они объявили о своём особом интересе к нравственной и этической культуре Китая. Они считали китайцев друзами по убеждению, хотя те и не называли себя таковыми.

Дабы избежать преследований со стороны могущественных соседей, друзы включили в свой кодекс статью о вере, позволяющую им скрывать своё членство в ордене и объявлять себя стойкими приверженцами одной из религий, господствующих в регионах их проживания. Так вот и жили они в состоянии общественного конформизма и алчного неприятия. Свою позицию они подкрепляли ещё и тем, что считали все другие религии не более чем искажёнными формами друзианства. По счастью, они не

выказывали склонности обращать других в свою веру и не проявляли интереса к тому, чтобы самим стать новообращёнными, и именно эта незаинтересованность и помешала их исчезновению. Хотя обычно принято рассматривать их как боковую ветвь исламизма, предположение такого рода вряд ли можно считать верным. Секта возникла в среде мусульман, но с самого начала своего существования она обнаруживала явные черты гностицизма. Гностики процветали в Северной Африке — там, где зародилось друзианство, и должно быть, более точным было бы связать появление секты с периодом возрождения классической философии среди мусульман. Как и сам Мухаммед, испытавший на себе сильное влияние несторианского христианства и иудаизма, основатели секты друзей были, несомненно, знакомы с различными философскими системами. Отношение друзей к такой сложной проблеме, как Иисус-человек и принцип Христа, складывалось на основе учения александрийских гностиков.

Друзы прославились своей бережливостью, гостеприимством и храбростью и, будучи к тому же прекрасными собеседниками, могут свободно разговаривать на любую тему, за исключением секретов их религии. При некотором же нажиме с целью выведать эти секреты у них наступает внезапный провал памяти или возникают языковые трудности. Однако, подобно большинству религиозных людей, они обладают тонкой восприимчивостью, позволяющей им точно оценивать человеческую натуру, а поэтому некоторым не-друзам, проявившим искреннее стремление к знанию и надлежащую умеренность, было позволено изучить отдельные части их доктрины. Тому, кто вёл в обществе друзей спокойную и тихую жизнь, постепенно завоёвывая уважение секты, удавалось преодолеть скрытность этих людей.

Согласно историческим данным, друзианство было основано в XI веке христианской эры персидским мистиком по имени Исмаил ад-Дарази. В то время халифом Египта был аль-Хаким Биамриллах из династии Фатимидов. В условиях постоянно растущего влияния мистических взглядов этот халиф провозгласил себя воплощением Бога и, возможно, будучи душевнобольным, за весь период пребывания на троне проявил себя крайне деспотичным и непредсказуемым правителем вплоть до времени своего исчезновения в 1021 году н. э. Предполагают, что он был убит, но поскольку судьба халифа так и не была выяснена, вокруг его кончины ходило множество самых нелепых слухов. По сути дела, аль-Хаким вряд ли представлял собой нечто большее, чем просто громкое имя, и трудно поверить, что он был создателем тех доктрин, автором которых его повсеместно считают. Поэтому друзья Ливана совершенно напрасно

обвиняют в заимствовании своей религии у сумасшедшего халифа, по характеру очень похожего на Нерона. На самом же деле друзья, как мусульмане, так и немусульмане, следуют возвышенному этическому кодексу, что заставляет окружающих друзей неверующих считать их в большей или меньшей степени пуританами.

В Соединённых Штатах проживает некоторое число друзей, которые обычно выдают себя за сирийских христиан и отнюдь не расположены обсуждать свою веру с первыми встречными, разве только слушатель окажется достаточно подготовленным и благожелательно настроенным. В манерах и внешних проявлениях образованного друга ничто не навело бы вас на мысль о том, что он представляет собой нечто примечательное. В делах он честен, в частной жизни доброжелателен и терпим, а в общественных отношениях проявляет высокое чувство гражданской ответственности. Обсуждая с сирийскими друзьями, принявшими американское гражданство, некоторые вопросы их религии, я очень скоро убедился, что многие из своих древних верований они относят к сфере фольклора, но живо реагируют на упоминания об эзотерических доктринах восточных народов. Один из них поведал мне, что слышал от матери о существовании Адептов и тайных школ в отдалённых областях Азии, но не придавал этому серьёзного значения, пока не повстречался в Америке с мистическими обществами. Подобно приверженцам большинства других вероисповеданий, друзья очень восприимчивы к идее тайной доктрины, скрытой за внешним антуражем религиозных систем. И один из друзей высказался об этом так: «Мне рассказывали обо всём этом ещё в детстве, но я ничего не понял».

Друзианская система посвящения, как почти во всех эзотерических сектах, предполагает видения, состояния транса и сопутствующие им психические феномены. Мастера секты, несомненно, обладают обширными познаниями в области натуральной магии и, подобно жрецам почти всех древних сект, способны вызывать сверхъестественные явления. Возможно, что они заимствовали свои дисциплины у офитов^[187], весьма сведущих в тайных науках. Разумеется, уверенность высших членов друзианской секты в правильности их эзотерических наук была настолько сильна, что их просто невозможно было обратить в какую-то другую веру. В их обряды входили посты, ритуалы очищения и обязательства хранить тайну. Они полностью вписываются в концепцию многих братств во всём, что касается взаимной помощи, защиты своих членов и благотворительности.

У друзей есть семь заповедей, или принципов, которым они неукоснительно следуют: 1) Бог един и неделим; 2) истина превыше всего;

3) религиозная терпимость есть добродетель; 4) все добропорядочные мужчины и женщины заслуживают уважения; 5) полное подчинение воле Бога; 6) чистота помыслов, души и тела; 7) взаимная помощь и поддержка в годину невзгод.

Мужчины и женщины имеют право стать посвящёнными на условиях полного равенства, что само по себе необычно для восточных сект. Мастера друзианской веры считаются людьми в высшей степени почтенными, к которым обращаются за советом по наиболее важным вопросам. Их совету или мнению следуют безоговорочно. В обществе друзей дети получают хорошее образование, а семейная жизнь отличается простотой и достоинством. В прежние времена образование в большой мере было отдано на попечение достигших более высокого уровня развития членов общества. Не очень воинственные по натуре, друзья готовы в любой момент защитить свою культуру, подтверждением чему могут послужить периоды напряжённой борьбы между ними и мусульманами. Конфликты эти, однако, уже дело прошлое, и теперь общины живут в мире и трудах.

Представляется весьма затруднительным дать краткое изложение доктрины друзей, поскольку большая часть сведений о ней получена от их противников — христиан и мусульман. Ведь даже те, кто хотел бы сохранить беспристрастность, или не имели прямых контактов с сектой, или в какой-то степени находились под влиянием расхожего мнения. Наилучшим, по-видимому, следует признать краткое описание, данное лордом Карнарвоном: «Впечатляющая доктрина веры в единого Бога, которому невозможно присвоить никакие атрибуты, пред которым немеет язык, слепнут глаза и отказывается постичь разум, само имя которого нельзя произносить всуе, который венчает пирамиду друзианской теологии, удаляющей небеса слишком далеко от людей и их дел; поэтому-то в последующие века отражение и воплощение Божества и вместило слабости человеческой природы. Девять раз до этого — согласно учению Хамзы^[188], в Индии, Аравии и Африке — соблаговолил высший разум проявиться в форме и под именем смертных. В образе Хакима в десятый и последний раз открылась воля Бога, проявилось его терпение и прозвучал окончательный призыв к упорствующему во грехе миру. Двадцать шесть лет «дверь», по образному выражению друзианских учёных-богословов, оставалась распахнутой перед христианами и мусульманами, иудеями или иноверцами. Но, когда период благоволения истёк, обращение закончилось и непросвещённый мир остался без приглашения в будущее, покинутый до тех пор, пока не настанет великий конец смертных. В разгар сбора армий и несчастий правоверных мусульманство падёт и Мекка не будет более

священной, и тогда снова явится Хаким, дабы завоевать землю и утвердить превосходство религии друзов»^[189].

Миссионерам, пытавшимся проникнуть на тайные ритуалы друзов, иногда позволялось присутствовать на церемониях, организованных специально для увеселения надоедливых неверующих. Это привело к заключению, будто доктрина друзов состоит из двух противоречивых систем, одна из которых предназначена для мирян, а другая — для посвящённых. На самом же деле эзотерическое учение — всего лишь расширение экзотерической традиции, при помощи которой мистические реалии сначала воспринимают через истолкование, а затем познают.

Другая выдержка из сочинения лорда Карнарвона, «съевшего в этом деле собаку», довольно точно передаёт путаницу в голове жителя Запада: «Постепенно, очень постепенно, ему (неофиту) позволяется снимать покровы, окутывающие главную тайну: он осознаёт глубокий смысл чисел, постигает туманные высказывания священных писаний, которые прежде воспринимал буквально, и его слуху и разуму в двусмысленном выражении передаётся двоякое и особое значение. Коран превращается в аллегорию; даже жизнь и поступки его собственного имама становятся всего лишь слабым подобием далёких истин... Продолжая в том же духе, он начинает осознавать, что распутывает паутину, которую только что сплёл: что он учится только для того, чтобы забывать то, что знал; он действует и ступает по обломкам того, во что верил прежде; медленно, мучительно, почти падая, взбирается он на каждую следующую ступень посвящения, пока не пройдёт все мистические семь или даже не менее мистические девять. И словно в насмешку над надеждой на полное воздаяние, при каждом шаге он слышит, как ступенька, на которую он ступал перед этим, крошится и с грохотом обрушивается в рокошущую под ним бездну».

Описание лорда Карнарвона, если и не полностью соответствующее фактам, весьма драматично. Западный ум не приспособлен к каббалистическим спекуляциям. Для лишённого воображения теолога-буквоеда возможность существования тайной веры, позволяющей достичь внутреннего озарения и преобразовывать материальные субстанции веры через вдохновение и откровение, кажется немногим лучше, чем нелепые предрассудки. И даже выслушав друзианского учителя, подчеркнувшего важность аллегорического ключа к своей религии, его непосвящённый слушатель редко станет использовать этот ключ для постижения скрытого смысла преданий, терпеливо излагаемых перед ним учителем-друзом. Возможно ли, чтобы члены мистической секты, мастера которой достигли просветления путём медитации, молитвы и благочестивой жизни, могли

буквально верить в то, что отвратительный халиф аль-Хаким на самом деле был воплощением Бога или что дверь к спасению стояла распахнутой в течение двадцати шести лет?

Скорее всего, изучение легенд друзов требует того же подхода, что и греческая мифология. Лишь допустив существование глубоко символического языка, можно согласовать образ жизни олимпийских божеств с возвышенными представлениями Пифагора и Платона. Греческие философы, учёные, математики и законодатели не признали бы небесной власти ордена божеств, обладающих качествами менее восхитительными в сравнении с упадочной афинской аристократией. В «Британской энциклопедии» указывается, что священные книги религии друзов «в целом содержат этические учения высшего порядка».

Друзы воспринимают Коран и христианские Евангелия как священные писания, но истинным руководством к сообразному с духовным началом поведению они почитают только священные книги друзов. Все другие религиозные учения, которые они толкуют аллегорически, служат для них лишь подтверждением друзианского откровения. В этом можно усмотреть широкое применение концепции неоплатоников, считавших, что все религиозные и философские учения по сути тождественны, если к раскрытию их смысла приступают, обладая надлежащим ключом.

Мистики, независимо от их принадлежности к тому или иному обществу, начиная руководствоваться принципами своего внутреннего развития проходят через одни и те же переживания. И хотя друзы не считают аскетическую жизнь необходимой, следуя своим убеждениям они неизбежно приходят к освобождению от материальных интересов и устремлений. Мистики-друзы придерживаются позиции отрешения от мирской суеты, отличающей достигших наивысшего развития дервишей и суфиев.

Члены секты верят в перевоплощение и полагают, что каждое следующее воплощение благороднее предыдущего. Процесс повторного рождения продолжается вплоть до мистического воскрешения. Физическое тело с его низшими умственными и эмоциональными атрибутами они считают врагом духовного предназначения человека. В этом можно усмотреть некоторые черты антропоморфизма, характерные, в частности, для культа маздеистов^[190], в котором силы света и тьмы борются за власть над человеческой судьбой. Защита от зла обеспечивается соблюдением друзианского кодекса, который был дан самим Богом через его воплощения для сохранения его созданий. Неофит должен изучить ложные доктрины мира, чтобы принять тайну мистерии жизни в сердце. По мере того, как он,

развиваясь, продвигается в своей секте, процесс забывания прежнего знания становится всё более тяжёлым. Ученик борется против иллюзии и, поступая таким образом, должен превозмочь собственный разум и безоговорочно принять идею божественного замысла.

Образ неопита, ступающего по руинам своих прежних убеждений, данный лордом Карнарвоном, вполне отражает естественную реакцию непосвящённых. Истинная покорность заключается в полном повиновении божественной воле. Чтобы победить мир, неопит должен побороть суетность в самом себе. Необходимо преодолеть не только тень (материализм), но и деяния этой тени. По мнению друзей, к деяниям этой тени принадлежит даже отношение человека к Богу, религии и философии.

Друзов обвиняли в предпочтении пути, приводящего в конце концов к чудовищному неверию. Чтобы лучше понять суть их веры, следует сравнить её с буддизмом и буддийской концепцией нирваны. Для христиан нирвана представляется полным уничтожением собственного «я» — идея, для обычного верующего пугающая и отталкивающая.

Согласно убеждению друзей, воскрешение есть повторное отождествление человеческого духа с всепроникающим мировым духом, что является отнюдь не угасанием, а обобщением. Один не становится ничем, он становится всем. Конечно, смертному человеку невозможно осознать, точнее сказать, прочувствовать состояние неограниченности сознания. Система друзей постепенно расширяет и обезличивает духовные убеждения индивидуума, пока идеал обобщения не станет для него не только привлекательным, но и достаточным. Пробудиться от иллюзии многообразия и перейти к полному осознанию единства — в этом и состоит высшее предназначение человека. Подобно тому, как слово *йога* означает «единение», так и друзья предпочитают, чтобы их называли «единителями» (самоназв., *мувахидун*). Свою убеждённость они подкрепляют постоянным открытием и переживанием единства. Все мировые религии они рассматривают как постепенно приводящие к познанию единства. Они размышляют о грядущем духовном единении наций и накоплении знания, особо подчёркивая важность общих знаменателей. Прибегая к аллегориям и толкованиям, они способны постичь вечные истины, царствующие за сомнительными иллюзорными разногласиями, так долго мешавшими людям вместе трудиться на общее благо.

С древнейших времён Бог посылал учителей и пророков, чтобы раскрыть свою волю и очистить доктрины, извращённые людским невежеством. У рода человеческого недостаёт силы и смелости ни применять на деле, ни оберегать божественную мудрость, и откровения,

переданные помазанниками божьими, искажались вследствие его эгоизма и невежества.

Задавшись целью уберечь духовные устремления человечества от губительного влияния доктринальных ошибок, реформаторам пришлось начать с очищения прежних откровений и восстановления главных принципов религии. В системе друзов насчитывается 164 великих учителя, благодаря неимоверным усилиям которых мир никогда не оставался без духовного руководства. В этом, несомненно, присутствует намёк на то, что все эти учителя передавали одну главную доктрину, хотя появлялись они во многих местах, а раскрываемые ими откровения имели разные названия.

Вдобавок к этим посланцам, само божество принимало конкретный облик, последовательно воплощаясь в десяти мессиях, аналогичных аватарам Вишну в индусской системе. Пророк Хамза был предшественником десятого аватара друзов. Подобно Иоанну Крестителю, он объявил о пришествии аль-Хакима. В мистическом смысле Хамза олицетворял Иисуса, а аль-Хаким — Христа. Само собой разумеется, что мистическая традиция в действительности не имеет никакого отношения к отдельным выдающимся личностям, и попытки связать вселенские принципы с историческими персонажами приводят к серьёзным недоразумениям. Хамза, так или иначе, персонифицирует друга-адепта, который, достигнув высшего состояния личной святости, стал сосудом, способным воспринять воплощение Господа.

В общинах друзов для обряда посвящения отведены особые места, отдельные от тех, где совершаются другие ритуалы и церемонии. Помещения, где всё это происходит, находятся под землёй и, за исключением немногих знаменитых святилищ, отличаются крайней простотой обстановки. Коврик для молитвы может символизировать зал посвящений, который следовало бы рассматривать как олицетворение отрешённости от земных забот. Суть составляет не место, а состояние сознания. Обряды посвящения следуют ритуалам древней Греции и Египта. Кандидаты проходят испытание на физическую силу и выносливость, подвергаются нравственным искушениям, а затем экзаменуются на способность к учению и усвоению дисциплин секты. Очень немногим удаётся успешно пройти все испытания, а те, чьи способности и характер сочтут заслуживающими внимания, могут переждать год и ещё раз попробовать свои силы. Физические испытания бывали настолько тяжёлыми, что зачастую становились причиной множества неудач, однако, по некоторым сведениям, в нынешние времена они стали гораздо легче, чем раньше. Кандидатов, выдержавших все экзамены и проверки,

допускают в святая святых ордена, им сообщают условные жесты и пароли и дают дальнейшие наставления в эзотерических науках.

Мадам Блаватская, описывая обряды посвящения друзов, замечает, что в некоторых случаях совершается особая торжественная церемония, во время которой посвящённые высших ступеней отправляются в паломничество в некое тайное место в горах. Она, в частности, пишет:

«Они собираются в обеспечивающих безопасность пределах монастыря, который, как говорят, был построен в самом начале христианской эры. Снаружи видны только старые развалины когда-то величественного здания, служившего, как гласит легенда, некоторым сектам гностиков в качестве места поклонения во время религиозных гонений.

Однако эти развалины на поверхности земли служат лишь удобной маскировкой; подземная часовня, залы и кельи занимают площадь значительно большую, чем верхняя постройка, причём богатство украшений, красота древних скульптур и золотые и серебряные сосуды в этом священном убежище, по выражению одного посвящённого, "кажутся дивным сном"^[191].

Имеются явные доказательства, что друзы, хотя об этом крайне редко упоминается в их письменных источниках, знают о существовании сообщества адептов и мастеров, образующих верховный совет. Эти просвещённые учителя, как и индийские махатмы, хотя и весьма призрачны, но всё же могут являться в трудных обстоятельствах. Они известны своими чудесными способностями и исключительной святостью, но их приход и уход необъясним. Полагают, что некоторые из наиболее почитаемых учёных друзов общаются с этими бессмертными смертными, единственными, достигшими совершенства в доктрине. В районах, где обитают друзы, тайно, из уст в уста передаются легенды и разные истории об этих Адептах. Но с посторонним о них не распространяются.

Вполне возможно, что американских друзов и наиболее просвещённых членов ближневосточных общин можно было бы уговорить составить достаточно точное описание секты и её доктрины. Такого рода общества обеспокоены вторжением современного материализма и хорошо осознают желательность подготовленных людей, обладающих достоверными сведениями. Однако план этот, видимо, так никогда и не осуществится, поскольку секта представляет собой одно из множества малочисленных обществ, до которых никому, по сути, нет никакого дела. Когда мы

осознаем, что именно от Ближнего Востока исходили религиозные инициативы, достигшие трёх великих континентов, и чуть ли не половина цивилизованного мира находится под влиянием учений, возникших на территории Ливана, интерес к раскрытию основ господствующих ныне вероисповеданий существенно возрастёт.

Влияние друзианства на Европу было особенно сильным в средние века, а в современном мире такие сферы, как религия, политика и культура, ещё не освободились от власти средневековья. Крестоносцы, особенно тамплиеры, рыцари мальтийского ордена и рыцари-тевтонцы, общаясь с друзьями, восприняли многие из их доктрин, создав тем самым предпосылки эпохи Возрождения, а впоследствии, помимо всего прочего, ещё и Реформации. Мистические толкования христианства быстро приумножались и расширяли основы веры.

Существует предположение, что многие из европейских рыцарей были посвящены в сирийские мистерии и тайные ордена ислама^[192]. Благодаря им в Европу проникла великая ересь, неся с собой крушение духовного, интеллектуального и материального феодализма. «Результатом постоянного общения между Сирией и Европой, которое вначале поддерживалось толпами паломников, неустанно наводнявших Иерусалим, затем крестоносцами и наконец подкреплённое созданием европейского, как его называли на Ближнем Востоке, государства в Палестине и разных княжеств на побережье, стало колоссальное влияние — как скрытое, так и явное — на европейские народы и, в особенности, на населявшие побережье Средиземного моря»^[193].

Братство дервишей

В Западной Азии существует множество мистических сект, возникших внутри исламской веры. К самым известным из них можно отнести дервишей, с которыми путешественникам и туристам обычно проще всего установить контакты. Внутри братства дервишей существует двенадцать главных орденов; во главе каждого ордена стоит учитель, которому выказывается абсолютная преданность. Для приёма в члены ордена совершаются обряды посвящения, которые профанам кажутся варварскими и эксцентричными. Во всём мусульманском мире к духовным братствам дервишей относятся с глубочайшим уважением. В средние века в христианском мире не меньшее почтение оказывали и группам странствующих монахов. Дервишей считают людьми, обладающими сверхъестественными способностями, и обращаются к ним с вопросами, требующими для разрешения исключительно развитой интуиции.

В мистических братствах ислама встречаются люди праведной жизни, которых можно разделить на две группы. К первой относятся учёные и посвящённые дервиши, всецело отдавшие себя изучению тайных духовных сил вселенной, ко второй — монахи нищенствующего ордена, по той или иной причине отрёкшиеся от суетного мира и живущие на подаяния верующих.

Существует, однако, представление, что возвышенные души могут скрываться под самой жалкой внешностью, а посему крайне неразумно с пренебрежением относиться к нуждам даже ничтожнейшего из нищенствующих монахов.

Ордена дервишей можно различить по цвету и покрою их одежды и по количеству складок на их тюрбанах. Многие европейцы были свидетелями проявления необычных способностей дервишей, а всем известные факиры более всего прославились в искусстве произнесения заклинаний. Некоторые секты дервишей более или менее тесно связаны с восточными масонами и друзьями Сирии.

Эзотерические ритуалы и обычаи многих ближневосточных сект находятся в русле общей традиции, и хорошо осведомлённые члены этих сект осознают этот факт, хотя менее просвещённые всё ещё фанатически уверены в собственной изолированности.

Внешняя, или видимая, система организации дервишей состоит из объединений или групп учеников, узнающих тайны жизни от древних и

почтенных учителей. За внешней структурой мистицизма дервишей скрывается тайный невидимый институт, объединяющий просветлённых мастеров, которые только в исключительно редких случаях общаются с учениками низших ступеней. Внутренний круг этих богонаставников обладает божественным знанием во всей его полноте, а приём в члены круга рассматривается как награда за выдающиеся достижения на низших ступенях братства. Л.М.Дж. Гарнетт пишет о дервишах следующее: «Как сказано в мистическом каноне, на земле всегда присутствует некоторое число праведников, которые пользуются правом интимного общения с Господом»^[194].

Дж. П. Браун называет этих одухотворённых личностей «выдающимися душами»^[195].

Они пребывают пока в физическом теле и ходят по земле, но узнать их могут только избранные. Согласно учению дервишей, любой из тех, кто попадает им на пути, будь это даже самый жалкий нищий, может оказаться одним из этих выдающихся душ.

Во главе иерархии, составляющей внутренний, или мистический, орден дервишей, стоит самая величественная, наидостойнейшая душа, называемая «осью» или «полюсом» вселенной. Кто это, неизвестно даже высшим членам ордена, и часто глава странствует по земле под видом ученика. Будучи повелителем сил магии, он может по желанию становиться невидимым и со скоростью мысли преодолевать колоссальные расстояния.

По обе стороны от «оси» стоят две великие души, которые подчиняются лишь ему одному. Когда для «оси» приходит время покинуть своё физическое тело и вознестись в сферу света, «верная душа» справа от него возводится в достоинство «оси», а все другие члены ордена соответственно повышаются на одну ступень, занимая освободившиеся вакансии. Эта огромная организация духовных мистиков, в целом определяемая как «владыки душ» и «руководители», представляет собой невидимое правительство, управляющее всеми светскими институтами ислама и по своему могуществу намного превосходящее все земные монархии. Пространное обсуждение иерархии «божественных друзей» (араб. *вали*, «святой») содержится в «Фаведи-Ракни» шейха Шерфуддина Манери^[196].

Принимая во внимание существование внешней организации, состоящей из многих тысяч дервишей разной степени святости, и внутреннего круга боголюдей, достигших столь высокого уровня развития и так превосходящих заурядное человечество, что они кажутся более

таинственными, нежели реальными, становится очевидным, что в исламском мире дервиши образуют чрезвычайно могущественный орден. Принято считать, что дервиш утверждает в вере, сумев устоять перед искушением в течение тысячи одного дня и ночи. Отказавшись от всего, что присуще плоти, эти люди посвятили свою жизнь совершенствованию сознания.

К одной из самых интересных сект дервишей относится орден мевлеви^[197], более известный как танцующие, или вертящиеся, дервиши. Согласно общепринятому мнению, этот орден был основан великим персидским суфием, поэтом и философом Джалал ад-дином Руми (1207–1273 гг.). Наблюдателей поражает удивительная способность вертящегося дервиша кружиться с невероятной скоростью, а затем неожиданно останавливаться, наклоняться и поднимать булавку. Дервиш способен невероятно долго продолжать свой танец, не испытывая при этом никакого головокружения.

Опираясь на те скудные сведения, которые по мелочам удалось собрать, изучая немногие отрывки из доктрин, попавших в руки профанов, можно сделать вывод, что цель кружения заключается в приведении ритма тела в соответствие с круговым движением небесных сфер.

Как и множеству религиозных орденов в разных частях света, дервишам известны необычные практики, приводящие в экстатическое состояние. В некоторых случаях, чтобы вызвать состояние временного ясновидения, они прибегают даже к помощи гашиша, однако подобную практику вряд ли можно считать отвечающей истинным идеалам дервишизма.

Дервиши мевлеви носят высокий конусообразный колпак и длинную, до щиколоток, рубаху, туго подпоясанную в талии и сильно расклешённую книзу наподобие широкой юбки. Когда дервиш начинает кружиться в танце, юбка поднимается и встаёт перпендикулярно его телу, образуя большой круг и делая его похожим на волчок. Дервиши разных общин носят колпаки особой, только им присущей формы, которая имеет определённое значение. Так, шапка в виде вазы символизирует урну из духовного света, в которой Бог хранил душу Мухаммеда до рождения Пророка.

Обращает на себя внимание ещё один интересный аспект, обнаруживаемый, по крайней мере, теоретически в философии дервишей. Повинуясь древнему обычаю братства, многие члены ордена постоянно путешествуют в определённом направлении и под определённым углом по компасу. Поэтому, если кто-то пожелает встретиться с неким святым

дервишем, ему прежде всего придётся узнать угол направления его пути. И если ищущий, получив необходимые сведения, окажется в нужном месте этого пути и подождёт там дервиша, тот в конце концов обязательно появится перед ним.

У дервишей есть тайная доктрина о возрождении человечества, которая во многом перекликается с мистицизмом брахманизма. Философию дервишей можно коротко определить как восточное учение о реализации. Заняв позицию непризнания человеческого сознания и возвысившись над всеми ограничениями чувственных восприятий и интеллекта, дервиш достигает уровня трансцендентного познания, на котором он чувствует себя поглощённым сущностью вселенского бытия. Дервиш-неофит продвигается в своём развитии по «путям». Этих путей, то есть ступеней, всего четыре, и каждым из них управляет определённая персонификация божественного атрибута. На первой ступени новичок старается уподобиться шейху — мастеру пути; на второй — стремится к отождествлению со знаменитым мудрецом, основавшим дисциплину или путь; на третьей посвящённый пытается достичь уподобления Пророку Мухаммеду и на четвёртой адепт добивается полного объединения с Господом.

По мнению Джона П. Брауна, чья книга «Дервиши» до сих пор остается одним из лучших источников сведений в этом вопросе, слово *дервиш* происходит от двух персидских слов: первое означает «дверь», а второе — «просить». Однако сомнительно, чтобы в действительности слово «дервиш» означало «просить милостыню». Более вероятно, что этим словом называют тех, кто просит подаяния у двери истины. Первоначально исламские мистики были объединены в небольшие группы учеников, безоговорочно принявших духовное лидерство некоего просветлённого святого или выдающегося учителя. Мистики никогда не были конформистами и во всём, что касается вдохновения и руководства, всегда полагались на прямой внечувственный опыт.

Подобно философским школам, процветавшим в период «золотого века» греческой науки, величина и особенности секты в значительной степени зависят от славы и достижений лидера. Некоторые знаменитые учителя — такие, как Пифагор и Платон — оставили после себя столь прочно сплочённые общества, что им удалось выжить и стать бессмертными организациями. Лидерство переходило к старшим ученикам, которые в свою очередь подбирали себе преемников, и таким образом установилась система непрерывного наследования.

Такова суть истории ордена дервишей, и поскольку их мистицизм

неразрывно связан с традициями, обрядами и церемониями мусульман, всё это является частью их религии. Однако в действительности мистицизм дервишей далеко выходит за пределы сектантской ограниченности, а их озарения наделяют их правами вселенского гражданства.

Хотя дервишей считают основным монашеским орденом исламского мира, они всё же отличаются от христианских монашеских общин в одном: они не выказывают преданности ортодоксальной вере и не извлекают из неё никаких выгод. Они сумели выжить исключительно благодаря собственным усилиям и наслаждаются привилегией распоряжаться собственными занятиями по своему усмотрению.

Дервиши пользуются значительной поддержкой общества, и считается неблагоприятным отказывать им в просьбе. Несмотря на заверения критиков, будто эти ордена выжили и существуют только благодаря доверчивости непросвещённых, их мнение нельзя признать полностью соответствующим истине. Точно так же мы можем сказать, что все религии своим существованием обязаны благородству верующих. Влияние дервишей распространено настолько широко, что в некоторых местах каждого мусульманина считают в какой-то степени связанным с одним из нескольких орденов. Известны случаи, когда ремесленники и купцы учреждали гильдии дервишей.

Многие авторы отмечают сходство между дервишами и европейскими франкмасонами. Так, Браун, в частности, отмечает: «... Дервиши ордена бекташи^[198] считают себя во всём похожими на франкмасонов и выказывают явную склонность установить с ними братские отношения».

Объяснение такого сходства между орденами, вероятно, следует искать в несомненной близости их учения и ритуалов. Поскольку раннее франкмасонство Европы испытало на себе сильное влияние ближневосточных сект, а корни его глубоко уходят в символизм древних орденов, процветавших в Сирии и Аравии, следы восточного мистицизма обнаруживаются и в западном масонстве. Однако нынешний дервиш остаётся по существу мистическим философом и, как таковой, неизбежно будет вступать в конфликт с господствующей тенденцией всячески игнорировать эзотерическое содержание ритуалов и символов.

При некоторых обстоятельствах дервиши оказывались вовлечёнными в круговорот политических амбиций исламских лидеров. Такое принуждение крайне неблагоприятно сказалось на большинстве религиозных обществ, однако эти действия не следует рассматривать как проявление истинных убеждений монашеских орденов. В конце концов ордена дервишей настолько растворились в исламском обществе, что поведение их

отдельных членов или даже групп отнюдь не свидетельствовало о каком-то особом душевном складе более просвещённого мистика.

Фанатизм, присущий другим религиозным общинам, дискредитировал немало достойных и признанных организаций. Дервиш по своим убеждениям и в согласии с принятой им доктриной — человек мирный, полностью посвятивший себя благим делам и достижению внутреннего спокойствия, а всё идущее с этим вразрез проистекает из неправильно применённых или неверно понятых принципов.

Где бы люди ни испытывали божественное озарение, пророческий дух выливается в разнообразные формы прорицания. Некоторые дервиши приобрели известность благодаря своей способности предсказывать человеческие судьбы по песку, по звёздам или путём созерцания магических предметов. Широко распространена вера в предзнаменования и разного рода знаки, и, хотя таланты некоторых из таких прорицателей явно сомнительны, большинство из них — люди безусловно честные и даже достигшие высокого мастерства. Многие дервиши стали знаменитыми пророками, предсказания которых полностью подтверждались рядом последующих событий.

Неослабный интерес к орденам дервишей вызван тем, что в мировой концепции мистицизма они занимают особое место, заметно выделяясь на фоне остальных. Их существование служит ещё одним доказательством реальности эзотерической традиции, свидетельствующей о возможности для человеческого существа совершенствовать свой внутренний мир с помощью медитативных дисциплин.

Джалал ад-дин Руми, великий дервиш-адепт

Джеймс У. Рэдхауз, в предисловии к «Маснави» Джалал ад-дина утверждает, что примерно в 1260 году Хасан Хусам ад-дин^[199] уговорил Джалал ад-дина сочинить «Маснави». Учёные-филологи расценивают это произведение в шести книгах как величайшую из всех когда-либо написанных мистических поэм.

Предисловие открывается следующим утверждением:

«Это книга "рифмованных двустиший" ("маснави", "месневи"). Она содержит в себе основы основ (единственно истинной) религии (ислама) и рассказывает о раскрытии мистерии воссоединения и подлинного знания. Это великий закон Бога, славный божественный закон, самое очевидное доказательство божественного бытия. Сияние её "подобно сиянию фонаря, в котором находится светильник", распространяющий лучи ярче утренних. Это рай сердца с родниками и зеленью».

Цитата, включённая в этот отрывок, взята из Корана.

Представляя это произведение английскому читателю, Рэдхауз, в виде вступления, приводит избранные рассказы из книги «Деяния Адептов» Шемс ад-дина Ахмеда ал-Эфлаки. В этом произведении собраны рассказы об удивительной жизни мусульманских святых и мудрецов и содержится глава, посвящённая случаям из жизни Джалал ад-дина Руми. Приводимые ниже эпизоды, касающиеся Джалал ад-дина, заимствованы именно оттуда.

Джалал ад-дин, великий дервиш-адепт, родился 29 сентября 1207 года. Когда ему было всего пять лет от роду, этого удивительного человека непривычно и глубоко взволновал ряд странных происшествий. «Суть этих пертурбаций заключалась в том, что его взору стали являться бесплотные формы и несуществующие образы (невидимого мира), а именно ангелы-вестники, духи праведников и безгрешных — скрытые приближённые Единственно Истинного (духовные супруги Бога). Они имели обыкновение являться ему в телесной форме, точно так же, как херувимы и серафимы являлись апостолу Господа Мухаммеду на заре его жизни, прежде чем он был призван к исполнению миссии пророка; как Гавриил явился Марии и как Авраам и Лот узрели четырёх ангелов; так же, как другие являлись

иным пророкам».

Когда Джалал ад-дину было около шести лет, он испытал ещё одно мистическое переживание. Резвясь с другими дегьми, он вдруг исчез прямо на глазах своих товарищей по игре, чем привёл их в неопиcуемый ужас.

Позднее он объяснил, что, когда он разговаривал с друзьями, «группа видимых фигур, облачённых в зелёные одежды, увлекла его от них и провела по многим концентрическим орбитам сфер и через знаки Зодиака, показав чудеса мира духов и вернув его на место, как только крики его друзей донеслись до его слуха».

Через два года после смерти отца Джалал ад-дин, которому тогда исполнилось 23 года, отправился в Алеппо, чтобы продолжать учёбу. Находясь в этом городе, он возбудил зависть и подозрения у некоторых своих товарищей по учёбе, пожаловавших правителю города на то, что этот странный молодой человек каждую ночь в полночь покидает свою келью с какой-то непонятной целью, которая, как они полагают, может оказаться аморальной. Правитель, наделённый типично восточным любопытством, решил выяснить для себя всю правду. Поэтому он спрятался в таком месте, откуда мог следить за Джалал ад-дином с безопасного расстояния. Ровно в полночь запертые ворота школы распахнулись сами собой, и из них вышел Джалал ад-дин. Затем он прошёл через громадные городские ворота, тоже открывшиеся без участия человека. Стараясь поспеть за ним, правитель чувствовал, что мчится с невероятной скоростью и уже преодолел значительное расстояние. Путешествие закончилось у гробницы Авраама в Хевроне, примерно в трёхстах пятидесяти милях от Алеппо. Тут правитель узрел величественное здание с куполами, в котором собралась большая компания таинственных существ в зелёных просторных одеяниях, вышедших навстречу Джалал ад-дину. Они с любовью обняли его и повели в это здание. Правитель так перепугался, что потерял сознание. Когда он очнулся, сооружение с куполами уже исчезло, а сбитый с толку магистрат безнадежно заблудился в пустыне. Спустя два дня его нашли и привели домой в полном изнеможении. Он, естественно, решил никогда больше не преследовать этого человека.

Восточная литература полна замечательными описаниями чудесных происшествий с участием Джалал ад-дина. Во время его последней болезни подле него сидел друг. Внезапно в дверях комнаты появился очень красивый юноша. Джалал ад-дин тотчас же поднялся и двинулся навстречу незнакомцу, который произнёс: «Я Азраил^[200], ангел ухода и разлуки. Я пришёл по божественному повелению осведомиться, нет ли у Мастера

какого-нибудь поручения ко мне». Дервиш-адепт ответил: «Входи, входи, о посланец моего Царя. Делай всё, что тебе приказано, и, если Богу угодно, ты убедишься, что я из терпеливых».

Возможно, одна из самых знаменательных историй о таинственной иерархии Адептов была поведена вдовой Джалал ад-дина, которую считали образцом добродетели. Она рассказала о том, что видела через щёлку в двери, за которой её муж и один из его сподвижников уединились в духовном общении. Неожиданно раздвинулась стена комнаты и через образовавшийся проём вошли шесть человек величественного вида. Эти незнакомцы, бывшие оккультными святыми, поздоровались, поклонились и положили к ногам Джалал ад-дина букет ярких цветов, хотя в то время был самый разгар зимы. Они оставались в комнате до утренней молитвы на восходе солнца. Когда молитва закончилась, гости попрощались, удалившись через тот же самый проём в стене, и он сомкнулся за ними. Джалал ад-дин отдал букет жене, сказав, что посетители принесли его ей в подарок. Цветы были столь необычны, что она послала слугу с букетом на городской рынок к торговцам благовониями узнать, что это за цветы. Купцы были совершенно ошеломлены — они никогда не видали таких растений. В конце концов один торговец пряностями из Индии узнал по лепесткам цветка, растущий на юге Индии, на Цейлоне. Тогда Джалал ад-дин велел ей отнестись к букету с величайшим вниманием, так как он был прислан ей через индийских святых цветоводом из утраченного земного рая.

Суфии, мистики Персии

Учение суфиев, кажется, происходит от самого Пророка Мухаммеда. Он был не только блестящим моралистом, религиозным лидером и государственным деятелем, но к тому же прирождённым мистиком и аскетом. На протяжении всей своей жизни он развивал в себе отрешённость от мирских почестей и материальных ценностей. Ответственность, обусловленная высоким призванием, заставила его явить пример сдержанного поведения, благочестия и самопожертвования. Его многочисленные обязанности также требовали весьма упорядоченной жизни, в которой забота о вере и народе превалировала над личными интересами. Нам известно, что ему были даны видения, что он практиковал бдения и прославился скромностью и спокойной покорностью воле Бога. Подобно большинству основателей религий, он совершенно отличался по характеру от тех, кто впоследствии распространял в миру власть его веры.

После смерти Пророка ислам переживал трудный период, насыщенный дебатами. Почти тотчас же регионы, принявшие доктрину, оказались втянутыми в гражданские войны и подпали под влияние честолюбивых деспотов и тиранов. Успех ислама породил новую аристократию, всеми помыслами которой завладели материальные ценности, роскошь и власть.

Границы ортодоксии были проведены так чётко, что оставляли самых вдумчивых и искренних без какого бы то ни было религиозного руководства, отвечавшего их потребностям. По мере того как росли земные богатства и слава веры, она приспособлялась к эгоизму и высокомерию привилегированных классов и всё дальше отступала от простого примера и законов Пророка.

Возникновение мусульманского и христианского мистицизма почти в точности аналогично. Многие суровые обычаи обоих вероисповеданий появились в результате отвращения к разложению, царившему в общественных системах того времени. Ордена флагеллантов^[201], возникшие в средневековый период в Италии и распространившиеся в большей части Европы, свидетельствовали о реакции коллективного сознания общества.

Суфии изначально принадлежали к той системе религиозного мистицизма, которая называется *квиетизмом*. Квиетист ищет спасения от насущных потребностей жизни в уходе в себя, освобождении разума и

чувств от всех житейских проблем и направляет силу своего сознания на приобщение к божественной любви и постижению. Многие группы квиетистов имеют отличную репутацию благодаря добрым делам и практическому вкладу в развитие общества. Они пребывают в мире, но не принадлежат ему. Они обычно выбирают занятия и профессии, не связанные с конкуренцией, и отказываются содействовать деструктивным политическим курсам. Их позиция, противоположная той, что одобрена политикой и временем, зачастую неправильно воспринимается окружающими. Поэтому членам этого течения приходится переносить несчастья и унижения и доказывать свою честность, терпеливо и без злобы встречая оскорбления, которыми их осыпают. Мир ещё не понял, что для проявления терпения и смиренности, нужно быть по-настоящему сильной личностью.

Квиетисты могут организовываться в группы или секты, либо оставаться членами признанных орденов. В большинстве случаев они могут приобретать авторитет, следуя образу жизни великих пророков и святых, чей пример восхищает ортодоксов, но не применяется ими на практике.

Поначалу суфии стремились найти духовное утешение, которое, согласно их представлениям, и составляло сущность мусульманской доктрины. Они выделялись всего лишь постоянством, с которым придерживались духа откровения. Им было чуждо стремление к роскоши, свойственное их современникам, и их высмеивали за то, что они не разделяют успешной, но неэтичной стратегии ближних.

Квиетизм, однако, почти неотвратимо приводит к религиозным переживаниям, выходящим за пределы простого благочестия и терпения. Разум вознаграждает квиетиста, открывая ему внутреннюю жизнь, которая побуждает к мистицизму. Хотя вначале это главным образом поиски покоя, спокойствие само по себе приносит неизменное совершенствование психической организации.

Испытавшие состояние мистического восторга, естественно, стремятся поделиться с другими. Условия, которые приводят мистика к расширению его внутреннего видения, вскоре становятся для его последователей учебными дисциплинами.

Квиетизм часто ассоциируется с раскаянием. Самые безгрешные более всего тягостятся своими недостатками. Закоренелый грешник раскаивается редко. Мистические откровения обычно обременяют душу воспоминаниями о давней вине.

Годы, предшествовавшие пробуждению, ложатся тяжким бременем на

совесть до тех пор, пока новообращённый, подобно добродетельному святому Августину, не ощутит в себе потребности потратить оставшиеся годы на искупление проступков юности. Для того, чтобы возвыситься над механизмом осознания вины разумом, требуется озарение, и даже более яркое, нежели то, которого достигает большинство мистиков.

Даже сила осознания вечной любви и понимания Бога недостаточна для того, чтобы помешать кающемуся грешнику отчаянно стремиться к спасению души, которое кажется почти недостижимым даже для раскаивающегося.

Что же касается суфиев, то их мистические убеждения вневременны, не устаревают и целиком и полностью выходят за рамки истории. Они не считают, что происходят от некоего конкретного пророка или учителя, а скорее видят в себе хранителей и толкователей вечной истины.

В источнике суфийской метафизики смешалось несколько потоков мистических убеждений. Секта испытала сильное влияние христианских пустынников, которые удалялись от суетных многонациональных общин, чтобы развивать духовные убеждения в уединённых местах. Сам Мухаммед искал контактов с такими отшельниками и получил от них благоприятное впечатление о подлинном учении Иисуса, которое стало неотъемлемой частью мусульманского мистицизма. Повлияло на суфиев и проникновение из Центральной Азии буддизма^[202].

Безмятежность и душевное богатство буддийского образа жизни сильно привлекали этих раскольников и резко контрастировали с высокомерием и суетностью халифата.

Третьим и не менее важным источником вдохновения был александрийский неоплатонизм, знакомство с которым, наряду с другими элементами классического мышления, состоялось в то время, когда мусульманский мир углубился в греческую философию^[203].

Наверное, можно было бы, не впадая в ошибку, предположить, что суфизм во многих отношениях представляет собой исламский неоплатонизм. Суфии унаследовали от александрийских мистиков идею религиозного единства и развития человеческого сознания — постепенного или поэтапного — от полного материализма к абсолютному идеализму. Считается, что суфии привнесли в ордена дервишей мощный духовный стимул, значительно облагородив эти секты и придав им красоты.

Альберт Макки размышляет о возможной связи между суфийским мистицизмом и европейским франкмасонством: «Нас, пожалуй, очень удивили бы совпадения, существующие между обычаями и догмами

софиев {sic!}, и нам, естественно, было бы любопытно выяснить поводы близкого общения, не раз имевшего место во время крестовых походов между мусульманской сектой философов и христианским орденом тамплиеров». Он подкрепляет свою аргументацию, цитируя в своих «Азиатских исследованиях» труды К.У. Кинга («The Gnostics and Their Remains»), Годфри Хиггинса («Anacalypsis») и сэра Уильяма Джонса.

Постепенно суфии разработали нечто вроде символического языка, при помощи которого выражали свои основные принципы. Они придали простым и привычным терминам новый, утончённый смысл, чтобы иметь возможность разделять духовные переживания с другими людьми подобных убеждений. Подобно трубадурам, они слагали песни и поэмы, явно любовные и даже сладострастные, и создавали у непосвящённых впечатление, будто увлечены удовлетворением страстей и потребностей плоти. К.У. Кинг утверждает, что «арабские влияния ярко прослеживаются в поэзии трубадуров — полулюбовной, полумистической, как и её образец, и столь же резко отличающейся по духу от материализма классических элегических стихов, как остроконечная "сарацинская" архитектура со всеми её формами, подсказанными опорным шестом и пологом, отличается от тяжеловесного романского стиля, стремительно вытесненного ею».

«Рубаи» Омара Хайяма наводят на мысль, что этот прославленный изготовитель тканей для шатров и палаток^[204] был разочаровавшимся человеком, находившим наибольшее утешение в «кувшине вина, книге стихов и тебе». Так называемый «словарь любви и вина» был принят из тех же самых соображений защиты, что и фантастическая терминология алхимиков. Суфии всё дальше и дальше отходили от ортодоксального ислама, а, возможно, правильнее было бы сказать, что ислам постепенно отступал от простого и благочестивого примера своего основателя. Расширение собственного видения ставило под угрозу положение суфиев. Не связанные более строгой ортодоксией мусульманского мира, суфии сочли целесообразным сделать вид, что у них нет занятий важнее, нежели предаваться наслаждениям, слегка омрачённым сознанием неизбежного конца.

Некоторые считают, что слово *суфий* происходит от корня, означающего «шерсть»; другие же отождествляют его с Софией, то есть «мудростью»^[205].

Как у менестрелей и труверов^[206], прекрасная и чистая «возлюбленная» была для них не смертной женщиной, а самой истиной, к которой эти мистики стремились со всею страстью скупаемых любовью

обожателей. Подобно смуглой деве из Песни Соломона, которая на самом деле была «чёрной мадонной» из Эфеса, и Беатриче, возлюбленной Данте, недостижимой госпожой суфиев была божественная мудрость — Дева Мира.

Суфийский кубок вина — это чаша экстаза, вино жизни, та самая сила Бога, которая опьяняет душу, лишая ум благоразумия и избавляя пришедшего в упоение святого от бремени суетности. Фатализм суфиев означает провозглашение полного освобождения от материализма и всех его последствий.

Жизнь завершается тишиной; честолюбивые замыслы кончаются тьмой; собственность превращается в прах; а то, что остаётся, и есть действительность, тот неизбежный факт слияния с Божественной реальностью, которая выше понимания и определений. Те, кто буквально принимал концепцию мистического нигилизма, рассматривали доктрины как крайнюю форму философского пессимизма. На языке обитателей пустыни «это был гром без дождя». Пустую чашу разбили у колодца. Человек вырос, как цветок, и был срезан, и поэты печально воспевали тщету бытия.

Даже в наши дни «Рубайят» (мн. от *рубай*, «четверостишие») создаёт ностальгическое настроение, ублажая врождённую способность человека сокрушаться обо всём и ни о чём в частности. Мы более всего счастливы, когда чуточку грустны, и нам спокойнее всего тогда, когда мы утешаем себя сами. С точки зрения ортодокса, суфий мягок, но слегка не в себе. Он отвергает и небеса, и ад, и земную твердь, лежащую между ними. Он живёт в пространстве, питаясь любовью и вином.

Суфизм делит посвящённых учителей человечества на три группы, или класса, и признаёт их просветлёнными хранителями и руководителями человеческой судьбы. Эти посланники небес — мастера, пророки и святые. Все страждущие смертные стремятся приблизиться к одной из этих групп, и по мере продвижения вперёд, через «стоянки»^[207] суфийских мистерий, они получают подобающее сокровенное вдохновение, которое затем проявляют через благочестивые деяния.

Мастерами называют учителей-воинов. Они составляют армию просветлённых, которая должна сражаться против сил тьмы. Они борются за правое дело, побеждая зло острым сверкающим мечом истины. Им предназначено судьбой становиться духовными правителями и вождями расы, и из их числа избирается правящий совет будущего. Святые — это утешители, миротворцы, кроткие создания, несущие миссию любви. Они борются только примером смирения. Они слуги Аллаха и путешествуют по

зову сердца. Они приносят лекарство, исцеляющее страдания душ, и поют «песнь возлюбленного». Они — вечное священство, и любовь Господа струится через них, как живительные воды, чудом превращённые в вино.

Место между мастером и святым занимает пророк — хранитель среднего пути. В нём примиряются противоречия. Он — учитель, он открывает доктрину, он — вестник божественной воли. Через него открываются замыслы Бога. Пророк — просветлённый воспитатель, он учит как знаниям, так и опыту. Пророки указывают путь к совершенству в искусствах и науках. Они покровительствуют программе мирового просвещения и в конечном счёте образуют «вечный университет», «коллегию труда». Они показывают, что всё знание истинно лишь отчасти и что пути учения ведут к внутреннему пониманию, которое есть сознательное восприятие полноты божественного разума. Таким образом, существуют три ордена — воинов, жрецов и учителей праведности; и каждое человеческое существо, руководствуясь интуицией собственной души, отыщет один из этих путей в самом себе и изберёт тот, который обеспечит осуществление его самого сокровенного намерения.

Современное направление суфийского мистицизма далеко от какого бы то ни было формализма в религиозном поклонении. Оно составляет часть отдыха после работы. В их доктрине нет места борьбе убеждений или расхождениям во взглядах. Они никогда не спорят о своих верованиях и не пытаются обращать в свою веру или оказывать влияние на приверженцев других религиозных убеждений. Они скорее стараются представить суфизм как особого рода преданность, которую могут проявлять все любящие Бога и стремящиеся служить своим собратьям. У них нет особых откровений для интеллекта, кроме рекомендации успокоиться и испытать любовь к Богу. Они полагают, что переживание всемогущества Господа способно разрешить разногласия человечества. Ничего нельзя доказать в споре, ничего нельзя решить переменой убеждений. Истину нельзя ни уязвить, ни защитить. Тот, кто чувствует присутствие Бога, не нуждается ни в каких иных доказательствах чуда жизни. Суфизм распахивает двери перед усталыми и удручёнными и потому заключает в себе особое очарование для того меньшинства охваченных тревогами смертных, которое не нашло утешения в материальном успехе.

Секта занимается восточными практиками (в видоизменённой форме), которые подкрепляют созерцательный образ жизни. Суфии рекомендуют не отшельническое существование, а, напротив, необходимость сохранять внутренний покой, не пренебрегая естественными обязанностями. Они создали монашеские обители и места уединения, которые, однако, имеют

символический характер и предназначены для тех, кто ищет одиночества в силу внутренней потребности.

В последнее время несколько суфийских групп приобрели значительную известность благодаря своим исследованиям в области сравнительной религии и энергичным попыткам объединить ближневосточные секты в духовное братство. Они не агрессивны и искренне верят, что достигшие уровня понимания, требующего более богатой внутренней жизни, будут естественно, под тем или иным именем, вести жизнь, проходящую под знаком мистического озарения.

notes

Примечания

1

Слово «Иерархия», написанное с большой буквы, означает мировое Правительство Адептов.

Здесь, возможно, ошибка: Лемурию. — *Прим. ред. 2.0*

Индская, или Хараппская цивилизация, о которой идёт речь, сформировалась более 3 тыс. до н. э. — *Прим. ред. 2.0*

Современные данные: свыше 150 млн. чел. (1978 г.) и 21 диалект. —
Прим. ред. 2.0

Е.А. Вильман-Грабовска «Азиатская мифология».

Адвентизм (от лат. *adventus*, «пришествие») — вера в повторное возвращение бога. — *Прим. ред. 2.0*

Вайвасвата — имя седьмого Ману в ведийской традиции, праотца нашей пятой коренной расы после потопа. — *Прим. ред. 2.0*

в современном представлении её скорее можно назвать славяно-скифской; а англосаксонско-тевтонскую группу естественнее было бы отнести к кельтской субрасе. — *Прим. ред. 2.0*

...ведёт к единению. — На санскрите *йога* означает «связь», «единение».

Каузальность (лат. *causalis*, «причинность») — причинная взаимообусловленность событий во времени. — *Прим. ред. 2.0*

См.: E. Moor «The Hindu Pantheon».

33-я почетная степень шотландского обряда северной юрисдикции.

Очевидно, имеется в виду традиция устной речитативной передачи ведических знаний в мистериях. — *Прим. ред. 2.0*

См.: Макс Мюллер «Шесть систем индийской философии».

Ашрамавасикапарва (санкр.) — букв., «книга о жизни в ашраме», одна из заключительных книг «Махабхараты».

Вина — индийский струнный музыкальный инструмент. — *Прим. ред.*
2.0

Отсутствие ссылок означает, что цитаты из «Законов Ману» в переводе доктора Булера заимствованы из «The Sacred Books of the East» под редакцией М. Мюллера.

Термин, использованный Е.П. Блаватской в «Тайной Доктрине». Согласно Блаватской, эзотерически Риши-Праджапати являются "Иерархиями строителей, Архитекторами вселенной и всего живого на Земле; обычно их называют Владыками Света, дэвами и богами".

Перевод с санскрита Гораса Г. Вильсона, магистра искусств в области педагогики, члена Королевского общества.

«Древо всех начал» («Tree of all seeds») — дословно «древо всех семян».

См.: J.G.R. Furlong «Faiths of Man».

Йоджан — индусская мера длины, равная приблизительно пяти милям (ок. 8 км.)

Лхасский договор — конвенция, подписанная в 1904 году правительством в Лхасе после Британского вооружённого вторжения, в результате чего Тибет потерял независимость. — *Прим. ред. 2.0*

Азойская — букв, «безжизненная»; термин применяется к докембрийским пластам, лишённым каких-либо органических остатков.

Амниотическая жидкость — жидкость, предохраняющая внутриутробный плод от механических повреждений.

Адипарва (санскр.) — букв., «книга первая».

Калки — мессия в индуизме. — *Прим. ред. 2.0*

Бхишмапарва (санскр.) — букв., «книга о Бхишме. — Прим. ред. 2.0

См.: Rai Bahadur Lala Baij Nath «Hinduism, Ancient and Modern».

(греч.), т. е. «умопостигаемой». — *Прим. ред. 2.0*

См.: F.C. Frank «Ancient Freemasonry».

См.: «Occult Science in India».

См.: М. Monier-Williams «Hinduism».

См.: L.A. Beck «The Story of Oriental Philosophy».

См.: «Three Lectures on the Vedanta Philosophy».

Если под словом «святые» понимать «посвящённые мудрецы и мистики», то определение становится ясным.

Апперцепция (лат. *ad* — к, *perceptio* — восприятие) — осознанное восприятие, в отличие от бессознательного, смутного — перцепций.

См.: «Cultural Heritage of India».

Джагат Гуру (санскр.) — Учитель Мира.

«...да будет вам слугою». — Мф., 20:26.

Сангха (санскр. «собрание, множество») — название буддийской общины. — *Прим. ред. 2.0*

Внутренняя реализация — переход от предположения реального к собственно познанию реального. Реализовать нечто — значит осознать реальность факта.

Сокращённый пересказ популярной в Японии легенды, изложенной в «Сяка Дзицу-року» («Жизнеописание Будды»).

Дерево Сал (тиб. *сала*, санскр. *шала*) — дерево с твёрдой древесиной, растёт в Индии, достигает огромных размеров. Древние индийцы за красоту почитали его лучшим в мире. Буддисты почитают его священным — в его тени родился и умер Просветлённый.

Не следует ли это рассматривать как тонкий намёк на родоразрешение путём кесарева сечения, о чём так часто упоминается в преданиях о героях мира?

В каждой легенде указывается своё число шагов.

Локапалы (санскр. «охранители мира») — боги-властители мира и охранители сторон света во главе с Индрой. — *Прим. ред. 2.0*

Ашрам — священная обитель, монастырь или хижина отшельников для аскетических целей.

Семь частей, или уровней, видимой лестницы, безусловно, относятся к эзотерическим дисциплинам или посвящениям, имеющим отношение к адептству.

Нирвана как состояние внутреннего сознания достижима для архата при жизни, тогда как в состоянии *паранирваны* можно войти только со смертью тела.

Считается, что кости человеческого тела состоят из восьмидесяти четырёх тысяч главных атомов, чем и объясняется желание Ашоки соорудить монумент над каждым атомом кремированного тела Будды.

Ступа (санскр.) — монументальное культовое сооружение.

Срединное Царство — историческое название Китая.

См. перевод Макса Мюллера.

См.: «History of Indian Philosophy».

См.: P. Carus «Amitabha».

Ашока — правитель империи Маурьев в Южной Азии (III век до н. э.); самый известный покровитель буддизма, способствовавший его превращению в мировую религию. — *Прим. ред. 2.0*

Канишка — правитель (вероятно с 100 по 144 год н. э.) Кушанской империи в Средней Азии, включая Восточный Туркестан и северную Индию; наряду с Ашокой почитается как великий покровитель буддизма. — *Прим. ред. 2.0*

Джамбудвипа — в буддизме один из четырёх материков мироздания, мир людей. — *Прим. ред. 2.0*

Гаты — метрические песни, или гимны.

Кашайя — ткань из шерсти тибетской козы.

«...времени... для принятия пищи» — промежуток времени, равный примерно 20–30 минутам.

Магадха — древняя страна в Индии, управлявшаяся царями-буддистами.

J. Ferguson, J. Burges «Cave Temples of India».

«Путешествия Хуань Цзяна».

См.: J.B. Pratt «The Pilgrimage of Buddhism».

Династия Тан — VII–X вв. н. э.

Секуляризация — ограничение образования светскими науками, освобождение от церковного влияния в общественной и умственной деятельности, в художественном творчестве.

Мин-ди (28–75) — 2-й император империи Восточная Хань с 57 по 75 год. — *Прим. ред. 2.0*

См.: «World Healers», или «The Lotus Gospel» и т. д.

См.: *W.M. McGovern* «An Introduction to Mahayana Buddhism».

Татария (синоним лат. *Tartaria*) — географический термин XII–XIX вв. в отношении обширных областей от Каспия до Тихого океана и до границ Китая и Индии. — *Прим. ред. 2.0*

«...отвергая доктрину... была матерью Бога» — согласно Несторию, дева Мария родила человека, который, преодолев человеческую слабость, возвысился до сына божьего; в Христе человеческое и божественное начала пребывают лишь в относительном соединении, никогда полностью не сливаясь (в то время как ортодоксальное вероучение подчёркивало единство человеческого и божественного).

Существует легенда о том, что Рахула заслужил право повторного рождения в качестве старшего сына всех будущих будд.

Шуэдагоун — крупнейший буддийский храм-пагода в Рангуне.

M. Monier-Williams «Buddhism in its Connection with Brahmanism and Hinduism, etc.».

Сѣтоку — букв.: «прославленная добродетель».

Синтоизм — средневековая религия японцев, впоследствии принявшая форму культа императорской династии.

Тися Дайси — букв.: «мудрец — великий учитель».

См.: «Epochs in Buddhist History».

Дзэн — букв.: «созерцание».

Дзадзэн — букв.: «медитация с принятием определённой позы».

См.: «Buddhistic Art in its Relation to Buddhist Ideals».

Дхьяна — один из методов буддийского созерцания, особенно разрабатывавшийся в секте дзэн.

Бонза — европейское название буддийского священника в странах Азии.

Дайси — букв.: «великий учитель».

См.: E. Steinilber-Oberlin «The Buddhist Sects of Japan».

См.: «Koya San, The Home of Kobo Daishi and His Shingon Doctrine».

Коя-сан — гора в Японии к югу от Осаки, где находятся многочисленные храмы и монастыри школы сингон. — *Прим. ред. 2.0*

Мандала — символ в буддийской мифологии, конклав божеств.

Дхармака (санскр.) — одно из трёх (наряду с «телом блаженства» и «феноменальным») тел Будды, космическое, или тело закона.

Сокусиндзёбуцу — букв.: «ускоренное достижение нирваны».

Теургия — согласно Е.П. Блаватской, посредством этого вида магии происходит общение с планетарными духами — «богами Света». Лишь знание внутреннего смысла их Иерархий и чистота жизни могут привести к приобретению сил, необходимых для общения с ними.

Кокудзо Босацу — бодхисаттва Кокудзо (санскр. Акашагарбха).

См.: «Footsteps of Japanese Buddhism», Part I.

См.: «Footsteps of Japanese Buddhism», Part I.

«Buddhism in Tibet».

«*Ом мани падме хум*» — Магическая мантра состоящая из шести слогов. Адресуется бодхисаттве Авалакитешваре.

См.: Schiefner, Ralston «Tibetan Tales».

См.: Schiefner, Ralston «Tibetan Tales».

Деванагари — разновидность индийского слогового письма, широко используемая в современных публикациях на хинди и санскрите.

См.: E. Schlagintweit «Buddhism in Tibet».

Тара (санскр., «Спасительница») — божественная супруга Авалокитешвары.

См.: M. Monier-Williams «Buddhism, in its Connection with Brahmanism and Hinduism».

См.: L.A. Waddell «Lhasa and Its Mysteries».

См.: L.A. Waddell «The Buddhism of Tibet, etc.».

A. Grunwedel «Padmasambhava und Verwandtes».

«Travels in Tartary, Tibet and China».

«*Index Expurgatorius*» — список книг, запрещённых католической церковью.

Лазарист — член монашеского ордена, основанного св. Винцентом де Полем в 1634 году.

Далматик — верхняя риза дьяконов и иподьяконов римско-католической церкви, надеваемая на стихари, когда они служили ассистентами священнику перед алтарём.

Дхарани — в буддизме и индуизме — мантра или мантры.

См.: L.A. Waddell «Lhasa and Its Mysteries».

«Великий йог Тибета Миларепа».

Марпа — тибетский йог XI века, ученик индийского пандита Атиши и Наропы, принёс учение о Великом Символе (санскр. *Маха-Мудра*, тиб. *Чагчен*) в Тибет.

«Путешествие в Лхасу и Центральный Тибет».

Сигурд — скандинавское имя героя древнегерманских сказаний Зигфрида («Песнь о Нибелунгах»), неуязвимого в бою.

Калачакра (санскр., «Колесо Времени») — система буддийского мировоззрения, предполагающая, что человек и мир связаны, и что изменяя своё бытие, человек может менять соотношения энергий во Вселенной. — *Прим. ред. 2.0*

См.: «Сердце Азии».

ангелы Монса — странные мистические фигуры, которые во время отступления британских солдат в битве под Монсом в 1914 году не дали немцами продвинуться вперёд. — *Прим. ред. 2.0*

См.: E. Kawaguchi «Three Years in Tibet».

См.: A. David-Neel «Superhuman Life of Gesar of Ling».

Шангрила — царство вечной молодости в романе Дж. Хилтона «Потерянный горизонт».

См.: Е.П. Блаватская «Тайная доктрина», т. 3.

См.: «Thin Air».

Муришид — мусульманский наставник, пользующийся неограниченным доверием и преданностью ученика — мурида (мюрида).

«Qanoon-E-Islam».

Дионисии — одно из основных празднеств Древней Греции в честь бога Диониса.

Все суры Корана, кроме девятой, начинаются с этих слов.

См.: Emile Dermenghem «The Life of Mahomet».

Haeresium ferax (лат.) — изобилие ересей.

Сабии (араб., «люди Писания») — религиозная группа, упоминаемая в Коране наряду с иудеями и христианами (арабские язычники называли так первых мусульман).

Назореи (лат. nazoraei, искаж. «назаритяне, из Назарета») — секта первых иудействующих христиан, признававших Христа мессией, но считавших также необходимым соблюдение Моисеева закона.

Эбиониты (от еврейск. «эвионим» — нищие). Одна из самых ранних христианских групп, существовавшая в Палестине. В неё входили нищие аскеты, которые соблюдали иудейские обряды и почитали предание о Массу, или Мешу (Иисусе) — адепте-аскете, сыне Иосифа и Марии, на которого сошёл святой дух, и принимали только Евангелие от Матфея.

Маркиониты — гностическая секта, основанная Маркионом (II в.), который отстаивал первоначальные верования ранних христиан и считал, что такие догматы, как рождество, страсти и воскресение Христово, являются огрублением метафизических аллегорий и вырождением истинной духовной идеи.

Гностики — представители религиозно-теософского движения поздней античности, получившего впоследствии название «гностицизм». Учение гностиков, принявшее некоторые моменты христианского вероучения, греческой философии и восточных религий, строго эзотерично и претендует на истинное знание о божестве и конечных тайнах мироздания.

Ваххабиты — последователи религиозно-политического течения в исламе, возникшего в Центральной Аравии в конце XVIII в. Основатель — арабский богослов Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб выступил с проповедью возрождения «чистоты» ислама, за подлинное единобожие. Ныне ваххабизм является официальной идеологией Саудовской Аравии.

См.: W. Willcocks «From the garden of Eden to the crossing of the Jordan».

Негус — сокращённый титул императора в Эфиопии до упразднения монархии в 1975 г.

Число приверженцев ислама в 2017 г. — более 1,8 млрд. человек в 125 странах мира. — *Прим. ред. 2.0*

Аэролит — устаревшее название каменного метеорита.

Кاتب (букв., «пишущий») — так назывались грамотные люди, записывавшие откровения Мухаммеда, его распоряжения, письма.

См.: W. Irving «Mahomet and His Successors».

«Мишна» — древнейшая часть еврейского «Талмуда»; свод трактатов, содержащих основные положения устной «Торы», составленный в конце II в. раби Йегудой бен Шимоном.

Кахин — доисламский языческий прорицатель, якобы общавшийся в состоянии транса с божеством или его посланником — ангелом или джинном.

Абу Бакр ас-Сиддик, *Абдаллах* (ал-Атик) ибн *Усман* аль Курайши (572–634) — первый из четырёх «праведных» халифов; богатый мекканский купец, якобы первым из мужчин принявший ислам, друг Мухаммеда, сопровождавший его во время хиджры и во всех походах и впоследствии выдавший за него свою дочь Айшу.

Зайд ибн Сабит (ок. 615–665) — секретарь-писец Мухаммеда, составитель письменного текста Корана.

Дополнительную информацию можно найти в работе: Manly P.Hall «The Story of the Koran», — «Horizon», Vol. 13, № 3 (Winter 1953).

Курайшиты — арабское племя, жившее в окрестностях Мекки. Мухаммед был курайшитом.

См.: A.J. Arberry «Sufism».

См.: «The Life of Muhammad».

Ал-Лат и ал-Узза — древние доисламские женские божества, почитавшиеся по всей древней Аравии. В Мекке курайшиты поклонялись триаде женских божеств — ал-Лат, ал-Уззе и Манат, звавшихся дочерьми Аллаха, среди которых ал-Узза считалась главной.

См.: «A Dictionary of Islam».

Сунна (арабск. «обычай, пример») — священное предание ислама, изложенное в рассказах (хадисах) о поступках и изречениях пророка Мухаммеда. Почитается всеми течениями ислама как следующий после Корана и поясняющий его источник.

Халиф (арабск. халифа — «заместитель») — глава мусульманской общины, замещающий посланника Аллаха. Первые четыре халифа из числа ближайших сподвижников Мухаммеда — Абу Бакр, Умар (Омар), Усман, Али — были выбраны по воле мусульманской общины и считались «праведными халифами». Муавия учредил принцип наследственности халифской власти. Последние Омейяды провозгласили себя уже не «*халифа расул Аллах*» («заместитель посланника Аллаха»), а «*халифа Аллах*» («заместитель Аллаха»).

Более подробно см.: W.S. Blunt «The Future of Islam».

См.: Zaki Ali «Islam in the World».

Имам (арабск. «стоящий впереди, предводительствующий») — предстоятель на молитве, духовный руководитель, глава мусульманской общины. В первые годы ислама функции имама выполнял сам Мухаммед, а после его смерти — халифы. У шиитов имамы — заместники Аллаха, «врата», через которые можно приблизиться к нему, наследники пророческих знаний.

Аль-Махди («ведомый верным путём, ведомый по пути Аллаха») — провозвестник близкого конца света, последний преемник пророка Мухаммеда, своего рода мессия. Первоначально отождествлялся с Иисусом Христом, потом стал мыслиться как самостоятельный образ обновителя веры, который должен восстановить первоначальную чистоту ислама. У шиитов вера в пришествие аль-Махди слилась с верой в возвращение «скрытого» имама Абу-аль-Касима.

См.: B.H. Springett «Secret sects of Syria and the Lebanon», p.305.

См.: J.P. Brown «The Dervishes».

См.: «The Library of Original Sources», Vol. IV, Section «The Era of the Arabs».

См.: W.W. Cash «The Moslem World in Revolution».

См.: N.C. Mehta «Studies in Indian Painting».

Мир Саид Барака (1320–1404) — потомок пророка Мухаммеда, суфийский учитель и глава религиозного ордена; сопровождал Тимура во всех больших походах с 1370 года. — *Прим. ред. 2.0*

Кутб ал-актаб (араб., «полюс полюсов») — суфийский «скрытый имам», верховный святой суфийской иерархии, отождествлявшийся в философии суфиев с «совершенным человеком».

См.: C.W. King «The Gnostics and Their Remains».

См.: R.L. Binyon «Akbar».

Унитарии (от лат. *unus*, «одно, едино») — религиозные верующие, не принимающие догмат о Троице. — *Прим. ред. 2.0*

См.: «Enciclopedia Britannica», L., 1898.

См.: «Encyclopedia of Religion and Ethics», — «Dervishes».

См.: Amer Ali «A Short History of the Saracens».

См.: B.H. Springett «Sekret Sects of Syria and the Lebanon».

Авторитетный источник, цитируемый фон Хаммером.

Ихван ас-Сафа [вахулан ал-вафа] (араб.) — «Чистые Братья [и верные друзья]», тайное мусульманское научно-философское общество, действовавшее на Ближнем Востоке в X в.

См.: «The Goldmakers».

См.: «The Alchemists, Founders of Modern Chemistry».

См.: «The Arcane Schools».

Джалал ад-дин Руми (1207–1273) — великий персидский мистик и поэт, основатель и руководитель суфийского братства «Маулавийа». Его знаменитую мистическую поэму «Маснави» впоследствии называли «Кораном на персидском языке».

Альберт Великий (ок. 1193–1280 гг.) — немецкий теолог, философ и естествоиспытатель, монах-доминиканец. Утвердил в схоластике свод знаний, представленных в сочинениях Аристотеля и арабских учёных.

Винцент из Бове — монах-доминиканец; автор энциклопедии средневекового знания «Великое зеркало», содержащей «зеркала» природы, науки и истории от «сотворения мира» до крестовых походов.

Роберт Английский (ок. 1175–1253 гг.) — английский философ-схоласт, естествоиспытатель, епископ. Выдвинул учение о свете, как о первоматерии; основой науки считал оптику и геометрию.

в современном Ираке (2012 г.) примерно 700 тыс. человек; в России (2010 г.) — свыше 40 тыс., в Грузии (2014 г.) — около 12 тыс. человек. —
Прим. ред. 2.0

См.: Isya Josef «Devil Worship».

... *вавилонским культом* — здесь присутствует игра слов, так как *Babylonian* в английском языке означает одновременно и «вавилонский», и «порочный, греховный».

Маны (лат. *manes*) — по верованиям этрусков и древних римлян, обожествлённые души умерших предков, покровители рода.

по современным данным (начало XXI в.): Сирия — 865 тыс., Ливан — 280 тыс., Израиль — 118 тыс., Иордания — 20 тыс. человек. — *Прим. ред.*
2.0

«Авеста» (от др. — перс. *абаста*, «закон») — собрание священных книг религии зороастризма, предположительно первой половины 1-го тысячелетия до н. э.; содержит свод религиозных и юридических предписаний, молитвенные песнопения, гимны зороастрийским божествам и множество мифологических элементов.

Офиты — одна из самых ранних гностических сект в Египте, известная как «Братство Змия».

Хамза ибн Али (ум. после 1042 г.) — современник Дарази и аль-Хакима, первый богослов и философ доктрины друзов, разработку которой завершил Джамаладдин Абдалла ат-Танухи (1417–1479 гг.).

См.: «Recollections of the Druses of the Lebanon», London, 1860.

Маздеизм (религия магов) — религия населения древнего Ирана IX–IV вв. до н. э., предшествовавшая зороастризму и во многом переплетавшаяся с ним.

Подробности посвящения в секту друзей см. в письме профессора А.Л. Росона, описывающего своё посвящение в эту секту: Е.П. Блаватская «Разоблачённая Изида», т. II.

См.: Adler «Drusis Montis Libani», Rome, 1786.

См.: C.W. King «The Gnostics end Their Remains».

См.: L.M.J. Garnett «Mysticism and Magic in Turkey», L., 1912.

См.: J.P. Brown «The Dervishes», L., 1968.

См.: Shaikh Sharfuddin Maneri «Letters from a Sufi Teacher».

Мевлеви (турец.) или маулави (араб.) — суфийское братство, основанное около 1240 года в Конье, Турция. Его члены считали, что частица Абсолютной души в человеческом сердце просветляется и очищается лучше всего во время танца под воздействием музыки.

Бекташи (от тюрк. *бек-таш*, «твёрдый, прочный камень») — суфийское братство, сложившееся в Малой Азии в конце XIII — начале XIV в. Название братства восходит к основателю ордена, которым был бродячий проповедник из Хорасана (Вост. Иран) Хаджи Бекташ Вали (1208–1270 гг.).

Хасан Хусам ад-дин Челеби — ученик и приемник Джелал ат-дина Руми в суфийском братстве мевлеви.

Азраил — главный ангел смерти, помогающий людям перейти в мир иной; один из самых приближённых к Аллаху ангелов.

Флагелланты (от лат. *flagellum*, «бич, кнут») — «бичующиеся». Религиозное братство, выступавшее против социального и духовного гнёта католической церкви; подвергали себя самобичеванию в знак покаяния и «крещения кровью» ради искупления грехов.

См.: J.G.R. Forlong «Faiths of Man: A Cyclopaedia of Religions».

См.: Reynold A. Nicholson «The Mystics of Islam».

«...прославленный изготовитель тканей для шатров и палаток...» — Омар Хайям прозван так потому, что родился, по-видимому, в семье зажиточного ремесленника из цеха ткачей, изготавливавших эти ткани. Ремесло его предков было почётным, ибо «Хайям» — псевдоним поэта — происходит от слова *хайма* — «шатер, палатка».

См.: «Encyclopedia of Religion and Ethics».

Трувер (от фр. *trouver*, «изображать, сочинять») — французские поэты и музыканты XII–XIII вв. — *Прим. ред. 2.0*

«*Стоянка*» — (араб. *макам*, мн. число *макамат*) — важный суфийский термин. В отличие от мистических «состояний» (*хал*, *ахвал*), дарованных мистику богом помимо его воли, достижение какой-либо «стоянки» требует от суфия постоянного самосовершенствования и неукоснительного соблюдения всех правил и ограничений. Семь классических «стоянок» суфиев: раскаяние, богобоязненность, воздержание, бедность, терпение, удовлетворенность, упование на бога.

Подробный анализ «стоянок» в суфийской теории см. в книге: A.J. Arberry «Sufism», L., 1950.

Эзотерический (греч., «внутренний») — тайный, скрытый, предназначенный исключительно для посвящённых.

Каббалистика (каббала) — религиозно-мистическое учение в иудаизме, считающее, что в основе всего сущего есть единый бог, а мироздание зиждется на 10-ти цифрах и 22-х буквах еврейского алфавита.

Френология — искусство определять нрав, характер, способности человека по форме черепа.

Гуру — наставник, главная фигура индийской традиционной системы духовного образования; гуру подготавливает своего ученика к посвящению путём передачи ему знания священных текстов, практических навыков и этических норм.

Элевсинии — мистерии, основанные в Элевсине, центре культа Деметры, Мусеем, учеником и последователем Орфея.

Озирис — древнеегипетский бог умирающей и возрождающейся природы, владыка загробного мира и судья умерших.

Теологический (греч., theos «бог», logos «учение») — относящийся к теологии, систематизированному изложению вероучения, обоснованию его истинности и необходимости для человека.

Ахилл, Улисс и Эней — герои античного эпоса. Ахилл — персонаж поэмы Гомера «Иллиада», его мужество, неустрашимость в бою и твёрдость духа закрепили за ним эпитеты «равный богам» и «бессмертным подобный». Находчивость, изобретательность и хитроумие Улисса (Одиссея) сделали его героем «Иллиады», «Одиссеи» и многих трагедий и поэм. Эней — герой поэмы Вергилия «Энеида», сын Венеры и троянского героя Анхиза, родоначальник народа, основавшего Рим.

Рефлексия — размышления о своём внутреннем состоянии, самоанализ.

См.: «Chuang Tzu», London, 1869.

Монизм — философское учение, признающее основой всего существующего одно начало: либо материю, либо дух.

См.: F.G. Henke «The Philosophy of Wang Yang-ming».

Идеалистический агностицизм — учение о непознаваемости истинного бытия, то есть о трансцендентности божественного.

Спекуляции (лат., speculor «созерцание, наблюдение») — тип построения знания без обращения к практике, то есть при помощи рефлексии.

См.: «Confucianism and Taoism».

См.: A. Waley «The Travels of an Alchemist».

См.: «World-Healers» или The Lotus Gospel.

Квиетизм — безучастное, пассивное отношение к окружающей жизни, непротивление.

Здесь и далее цитируется по книге «Мистерия Дао», М.: «Сфера», 1996.

См.: «The Sacred Books and Early Literature of the East», vol. XII.

«И цзин» («Канон перемен») — наиболее авторитетное и оригинальное произведение китайской канонической и философской литературы, основу которого составляют 64 гексаграммы, особые графические символы.

Шулянхэ — отец Конфуция.

См.: «Myths and Legends of China».

Здесь и далее цитаты указаны по книге «Analects» («Беседы и суждения») Конфуция.

См.: M. Wright «The Moral Aphorisms and Terseological Teachings of Confucius».

«Ли Цзи» — «Записки о правилах благопристойности».

См.: J. Legge «The Chinese Classics», vol. II.

Бодхисаттва (санскр., букв. «стремящийся к просветлению») — в буддийской мифологии человек (или какое-либо другое существо), принявший решение стать буддой.

Махаяна (санскр., букв. «большая колесница») наряду с хинаяной («малой колесницей») — одно из двух основных направлений буддизма. Так как махаяна признаёт доступность пути бодхисаттвы для всех, её называют бодхисаттваяной.

Гуаньинь — китайский перевод санскритского имени Авалокитешвара. В китайском, корейском и японском пантеонах — богиня, внимающая призывам людей, спасающая их от всевозможных бедствий, подательница детей, покровительница профессий, связанных с опасностью и в то же время грозная воительница, выступающая против зла.

Ишвара (санскр., «владыка») — в ряде индуистских традиций все боги, включая величайших — Брахму, Вишну и Шиву, осознаются как формы Ишвары. В философии веданты Ишвара — активная манифестация пассивного Абсолюта.

См.: H. Dayal «The Bodhisattva Doctrine in Buddhist Sanskrit Literature».

См.: Pi-Cheng Lee «Kwan Yin's Saving Power».

См.: E.T.C. Werner «Myths and Legends of China».

См.: «The Mythology of All Races».

См.: Е.П. Блаватская «Тайная Доктрина», т. III.

«*Шу цзин*» («Канон писаний») — один из наиболее почитаемых древнекитайских памятников, представляющий собой сборник записей преданий, сказаний, мифов, исторических событий, поучений и пр., составление и обработка которого традиционно приписывается Конфуцию.

Аполлоний Тианский (род. в нач. I в.) — философ-пифагореец, получил первое посвящение в храме Эскулапа, в Эгее, второе — в Индии после пятилетнего молчания и странствий. Обладавал даром предвидения и большими оккультными силами. Открыл эзотерическую школу в Эфесе и скончался почти в столетнем возрасте.

Марко Поло (ок. 1254–1324) — итальянский путешественник. В 1271–1275 гг. совершил путешествие в Китай, где прожил около 17-ти лет. В 1292–1295 гг. морем вернулся в Италию. С его слов была написана знаменитая «Книга Марко Поло».

Агиография — жития святых.

См.: «Chinese Symbols and Superstitions».

См.: «The Dragon, Image and Demon».

См.: «The Hung Society».

Галахад, Парсифаль, Лоэнгрин — герои средневековых эпических сказаний. Галахад — персонаж из средневековой легенды Мэллори о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Парсифаль — герой рыцарского романа в стихах В. фон Эшенбаха «Парцифаль», ставший королём Грааля после того, как совершил длительное рыцарское странствие во искупление разлада с Богом. Лоэнгрин — сын Парсифаля, рыцарь Лебеда, призванный из Монсальвата для защиты людей от различных бедствий.

Китайцы охраняли тела впавших в состояние транса, чтобы покинувшая телесную оболочку блуждающая душа могла возвратиться.

См.: E.T.C. Werner «Myths and Legends of China».

Эскалибур — меч короля Артура, обладающий чудесной силой.

Труверы — французские средневековые поэты-певцы, писавшие лирические стихи, повести и куртуазные романы.

Придворные дощечки — тексты императорских указов в древнем Китае записывались либо на шёлке, либо на бамбуковых планках, которые после изобретения бумаги стали символом придворных должностей, занимаемых их обладателями.

См.: «The Secret Societies of All Ages and Countries».

См.: «The Cross and the Dragon».

См.: «The Hung Society».

Альбигойцы — от названия г. Альби, участники еретического движения в Южной Франции XII–XIII вв.

См.: «The Hung Society».

Герметист — последователь герметизма, религиозно-философского течения, в основе которого лежит комплекс оккультных наук (магия, астрология, алхимия и др.), представленный значительным количеством сочинений, приписываемых Гермесу Трисмегисту.

Здесь и далее цитаты см.: «The Dragon, Image, and Demon».

Идеи-фикс (фр. *idées fixes*) — психиатрический термин, обозначающий преобладающие в сознании личности суждения, которые сопровождаются одержимостью в достижении цели. — *Прим. ред. 2.0*

См.: «Chinese Thought».

Anima (лат.) — воспринимающее, инстинктивное начало; *Animus* (лат.) — характер, совокупность мысли, чувства и воли.

См.: «The Travels of an Alchemist».

См.: W.A.P. Martin «The Lore of Cathay».